

№ 1(31). 2019

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Февраль 2019 № 1 (31)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко, секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов – прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — член Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — писатель, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета
по культуре при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв – член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014
Дата выхода номера в свет: 19 февраля 2019 года
Тираж: 1000 экз.
Адрес редакции, издателя: 236010, Калининград, ул. Белинского, 44-58
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна, адрес:
236010, Калининград, ул. Белинского, д. 44, кв. 58
Цена свободная
Издание предназначено для лиц от 12 +
Дизайн обложки — Анна Степанова
Фото на обложке Валентины Архиповской
Вёрстка — Елена Балантаева
Отпечатано в типографии «График Артс»
г. Калининград, проспект Мира, 5, тел. 92-14-90, e-mail: 921490@mail.ru
При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.
Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.
Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.
Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе Ё. Тексты, где игнорируется эта буква, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии

Валентин Курбатов. Опять за старое. Опять по-новому	4
Вячеслав Лютый. Неразделимые понятия. <i>Человек в поисках смысла в современной российской литературе</i>	6

Проза

Вячеслав Куприянов. Остерегайтесь гончих псов. <i>Виртуальная повесть. Завершение, начало в журналах «Берега» № 5 (29)-2018 и № 6 (30)-2018</i>	9
Николай Ольков. Мать сыра земля. <i>Повесть (Завершение. Начало в предыдущем номере)</i> ...	43
Татьяна Грибанова. Настёнины «антарики». <i>Быличка</i>	69
Валентин Толстопятов. Жизнь Валентина	75
Александр Жильцов. «Воронеж. Далай-ламе». <i>Повесть</i>	82

Поэзия

Владимир Скиф. <i>Стихи</i>	116
Алексей Полубота. <i>Стихи</i>	120
Андрей Новиков. <i>Стихи</i>	123

Берега Новороссии

Открытое письмо: за признание независимости ДНР и ЛНР	125

Берега Крыма

Ольга Вечер. Письмо Президенту РФ В.В. Путину о сохранении и развитии Музея-заповедника «Киммерия М.А.Волошина» в Коктебеле	126
Сергей Сардыко. О сохранении музея А.П. Чехова в Ялте	129

Мир без границ

Берега Великобритании

Мария Львова. Владыка Нафанаил	131

Берега княжества Лихтенштейн

Неонилла Пасичник. Светлой памяти мецената. Эдуард Александрович Фальц-Фейн: «Пора перевернуть страницу истории и жить дальше!»	149

Берега Литвы

Ева Ахтаева. <i>Стихи</i>	157
Елена Шермет. <i>Стихи</i>	161

Берега Польши

Болеслав Тейковский. Славянская альтернатива. За лучший социальный строй и мировой порядок	165

Критика

Валерий Хатюшин. Поэты Белой гвардии	169
Лидия Довыденко. О книге Николая Коняева «Колокола над Друтью»	184
Марина Маслова. Оберег души живой. <i>К понимаю духовного смысла былички Татьяны Грибановой «Настёнины «антарки»</i>	189

Наши друзья

Советуем почитать. Подписка и приобретение журнала	198

Приглашаем к дискуссии

Валентин Курбатов

Валентин Яковлевич Курбатов – литературный критик. Родился в 1939 году в Ульяновской области. Член Академии российской словесности. Член Международного объединения кинематографистов славянских и православных народов. Действительный член Академии философии хозяйства. Входит в состав редколлегии журналов «Литературная учеба», «День и ночь», «Дружба народов», «Роман-газета», «Берега». Член Общественной палаты России. Член президентского Совета по культуре. Лауреат премии им. Л. Н. Толстого, Горьковской и Новой Пушкинской премии.

Опять за старое. Опять по-новому

Как скучно, как закономерно и как неизбежно – приходит новое поколение и начинает мир с себя, считая прошедшее только поводом к иронии или молодому снисхождению: что возьмёшь со стариков?

Вот не угодно ли из блога одного «продвинутого» самодеятельного мыслителя, возвещающего торжество нынешних молодых.

«Они очень крутые. Они умнее, быстрее и сильнее, чем мы. Зачем учить, если можно зауглеть... мир-то развивается, всё движется. Большие нет субкультур плюс апгрейд русского языка. Помните раньше были эмо, панки, готы, рэперы, тусовщики и прочие? (так и хочется переспросить: помните? – В.К.) Теперь их нет. Смартфон в руке кратко повысил скорость распространения информации, разрушил коммуникационные барьеры, сломал рамки. Они открыты к новому. У них нет страха – быть чужим в своей группе, потому что нет никакой группы. То же самое происходит с языком. Он быстро вобрал в себя жаргонизмы от самых разных групп: сленг, экзовские словечки, анимешные аригатусенсей, наркосленг, эмоджи вполне себе уживается с литературным русским языком. Это потрясающе. Сейчас русский язык получил второе дыхание. Он обрёл потрясающий пласт для иносказательности, у него появился мощный нарратив в среде. Сегодня я могу зашить в текст больше, чем 5 лет назад.

...Мы получили толпу индивидуалистов, которые насквозь видят фальшь, умеют быстро находить ответы, держат мозги открытыми, обогащают русский язык и развивают. Они потихоньку убивают продюсерский контент, заменяя его на самиздат плюс органическая природа хайпа – хайп имеет органическую природу. Вы не заставите их отправлять друг другу какой-либо трек.. Вы не сможете купить их внимание больше, чем на один вечер. И они посмеются, когда посмотрят на вас и ваш продукт. Они очень быстро меняют правила игры.... Старая школа до сих пор не может поверить, что они на задворках, а залы качают Pharaoh и Скриптонит. Они приходят в среду и обустроивают её под себя. Скоро они столкнутся с государственными институтами. Ох, я бы не хотел оказаться на месте этих самых институтов».

Пришлось сократить. Там ещё восторженные слова о легализации мата и такое владение им, что не всякий русский забор выдержит (разве что интернет – этот «парень» может дать мастер-класс, **матер**-класс любому тюремному бараку). Блогера называть не буду, чтобы не соблазнять читателя и не «рекламировать» новые способы «обогащения» русского языка.

Какова энергия?! Ведь это «Декларация прав народов»! За этим якобы отчуждённым «они» почти не прячется «мы». Раз «мы» «их» так хорошо понимаем, и раз «я могу зашить в текст больше чем 5 лет назад», то какие же «они»? Я! Мы! Но отчего же на ум тотчас приходят болезненные сны Родиона Романовича Раскольникова о «трихинах», вселяющихся в тела людей»? Сравните-ка побуждения-то героев сна Родиона Романовича и «очень крутых» мастеров «зауглеть» мир: «...никогда, никогда люди не считали себя так умными и непоколебимыми в истине, как считали заражённые. Никогда не считали непоколебимее своих приговоров, своих нравственных убеждений и верований... всякий думал, что в нём одном и заключается истина...». И эти предупреждения «государственным

институтам» – смотрите, де, мало не покажется.. Ведь тут рядом ещё и «наши» из «Бесов» Фёдора Михайловича. Они, как те, «приходят в среду и обустривают её под себя»...

Но я не о «разрушении коммуникационных барьеров», хотя и это болезненно и тревожно. Я о «втором дыхании» русского языка и о «потрясающем пласте иносказательности». Всё подтверждения этого «богатства» ищу. Читаю, вроде, много и всё лучшее из публикующегося сегодня, что представляется издательствами на соискание премий «Большая книга» и «Ясная Поляна», как гордость и упование на заинтересованность читателя и чаяние тиражей и внимания. А вот что-то не вижу, чтобы в текст «было зашито в пять раз больше». Или молодые гении не ищут премий, чтобы нечаянно не попасть «на задворки старой школы» и нарушить «органическую природу хайпа»?

Разве увидеть это новое богатство в предложении Владимира Сорокина из его «Манагары» готовить шашлыки из осетрины на первом издании «Идиота» (как они чувствуют опасность Достоевского, видевшего их насквозь!) или гриль на «Швейке» и «Старике и море», которые не займут воображение «больше чем на один вечер». Или обрадоваться легализации мата, побуждающей всё большее число книг предупреждать с обложки, что это для читателя +18 и что «содержит нецензурную брань». Читаю вон Анну Тугареву («Иншалла»), где мат, как быт, и без него ни шагу, когда уже не человек говорит, а анатомия, животный закон и вывернутая наизнанку мораль. И не знаю, как загородить текст от зашедшей и заглянувшей через плечо внучки. Никакой спины не хватает. Остается захлопнуть и покраснеть. А автор возразит: да вы что не видите, что это не моё шегольство лексикой, а это мир сегодня такой, от него не загородишься. Тут голову под крыло не спрячешь – это улица, её обиход. Для пользы же и защиты вашей внучки и пишу, чтобы мир видел. А я вот, грешный, отчего-то не верю, что текст рождается из страдания от несовершенства мира, и всё прячусь и хочу остаться «на задворках». Как и при чтении книги Галины Шевченко «Шахтерская Глубокая», где, вроде, про Донбасс, но где Эрос побеждает Танатос по всем фронтам, как в некогда шумном романе Оксаны Забужко «Полевые исследования украинского секса». Вот и тут «полевые исследования». А прискучат свои – разогни Джонатана Коу («Номер 11») или Алессандро Барикко («Юная невеста») и только хмыкнешь – оказывается, и ТАМ говорят одним русским матом (интересно бы заглянуть в оригинал – как это звучит там).

Нет, рано молодые машут рукой на «старую школу». Она ещё подождёт уступить «Pharaon`у и Скриптониту. И хоть внешне как будто эпоха Гутенберга» действительно кончилась, о чём наперегонки твердят и западные, и наши романисты, и уже пора переезжать на виртуальные пространства, а всё-таки хочется пожить на старых книжных пространствах, и «продюсерский контент» всё сопротивляется отпеванию молодых.

Только горечь никуда не денешь, и проза сетует на тупики истории и исчерпанность человечества, как в книгах Павла Крусанова («Железный пар»), где мы уже тормоз и гибель, а не «человек разумный», или Александра Мелихова («Свидание с Квзимодо»), где всякое движение под микроскопом и уже будто и не сюжет, а всеобщая «судебка» – судебно медицинская экспертиза. Где «открытое общество» так закрыто и цинично управляется с нами, что «утираться» не успеваешь: это твои избранники, благодетели, депутаты, спонсоры (Анатолий Кириллин «Семена для попугаев») и где при торжестве церкви стремительно падает вера (Герман Садулаев «Иван Ауслендер»).

С чего бы, с чего бы это торжество обступающей тьмы? Дописать строку не успел, взглянул на календарь на столе – давно забыл перелистывать, (чего дразнить-то себя скоростью улетающих дней). А остановился-то, оказывается, на 7-е ноября. Со зла, видно, и оставил число-то, потому что включил тогда раза три за день телевизор и увидел, что мы только и делаем, что соревнуемся в формах предательства родной истории (будто революции, а на деле всей истории) и не захотелось больше говорить о литературе и о диалоге молодости и старости. Все мы тут уравнились и очень «помолодели» и разнимся только оттенками слов, а по существу одинаково стыдимся прошлого и «подсвистываем» молодым, чтобы не показаться старомодными, то есть просто здоровыми, потому что здоровые «скучны», а «усталые» тонки и эффектны.

Но – вот отличие старости от юности. Всё на минуту покажется безутешно, а выглянешь в живое, а не телевизионное окно – осень догорает, молодые матери (совсем девочки) катят коляски и счастливо смеются своей молодости, и опять, как тысячу лет до тебя, после таких же сомнений и агрессии «крутых мастеров» поверишь, что мир образумится, и дети (если они действительно умнее, чем мы) в свой час вспомнят, что они родились не сами от себя, а от «заблуждающихся» отцов и дедов. И живы, и сильны только памятью и любовью друг к другу и миру. И они завтра станут тем, что зовётся Родина, память и жизнь. И литература! И бессмертие! А не «толпа индивидуалистов»...

Приглашаем к дискуссии

Вячеслав Лютый

Вячеслав Дмитриевич Лютый – литературный и театральный критик, публицист, автор ряда статей о постмодернизме и его российской литературной практике, цикла работ о современной русской поэзии. Родился в 1954 году в городе Легница (Польша) в семье советского офицера. После окончания Воронежского политехнического института работал радиоинженером, служил в армии. В 1993 году окончил Литературный институт имени М. Горького – семинар критики, учился в аспирантуре. В настоящее время – заместитель главного редактора журнала «Подъем». Публиковался в журналах «Детская литература», «Подъем», «Сура», «Дон», «Донской временник», «Русское эхо», «Коростель», «Наши современники», «Москва», «Дом Ростовых», альманахах «Теплый стан», «Академия поэзии», а также газетах – «Завтра», «Литературная Россия», «Литературная газета», «День литературы», «Российский писатель». Автор книги статей о современной литературе «Русский песнопевец» (2008). Лауреат премии журнала «Подъем» «РУССКАЯ РЕЧЬ» за 2004 год, премии Общественной Палаты Воронежской области «Живые сокровища славянской культуры». Член Союза писателей России. Живет в Воронеже

Неразделимые понятия

Человек в поисках смысла в современной российской литературе

Пожалуй, главное отличие нынешней эпохи от советского времени вовсе не жестокость системы прошлой в сравнении с практикой сегодняшнего российского государства. И не уравнилельное устройство экономики вчерашней на фоне феерической разницы в доходах простого человека и «жирного кота» теперь. В настоящее время мы очутились в некоей мировоззренческой котловине, в которую соскользнули с поверхности бытия. Раньше, пусть и ошибочные задачи, но владели нашими умами и сердцами, сейчас, кроме достатка и в пределе богатства, в России не декларируются никакие иные цели. Разве что патриотизм озвучен в качестве национальной идеи, хотя, возможно, этот вектор развития необходим российскому истеблишменту для сохранения сложившейся властной вертикали. Конституция РФ отрицает любую государственную идеологическую доктрину, и в результате всякий человек, живущий на территории России, самостоятельно определяется в собственном отношении к родной стране, своему роду, содержанию жизни, в которой он занимает определённое место.

В этом контексте стоит разделить смысловой вектор на две составляющие:

- смысл происходящего вокруг тебя;
- смысл происходящего с тобой.

Разумеется, такие смысловые линии взаимосвязаны. Однако литературное произведение, изображая названные позиции на едином холсте, в едином событийном и духовном пространстве, всё-таки отделяет человека от гуши жизни, в которую тот погружен. И потому в нашем круге чтения появляются произведения психологические, в чём-то экзистенциальные, главный герой которых мучительно ищет внутреннюю мотивацию своего существования здесь и сейчас. А также – сочинения в какой-то степени историософские, где реализуется попытка автора нащупать скрытый и далеко идущий смысл свершающихся событий. И в последние годы появились рассказы, повести и романы, в центре которых – самоидентификация русского человека как фигуры родовой и православной одновременно.

В больших повествованиях у выдающихся художников отдельные планы часто перетекают один в другой или присутствуют параллельно. Наиболее близкий пример – «Тихий Дон» М.А. Шолохова.

Это роман поражения, художественный материал которого растворяет в себе личное и общее, эмоции, поведение персонажей – и смерч, кажется, фатальных исторических катаклизмов. Перед нами эпос новых времён, где героика не так однозначна, как в древности, а душевная мука человека, утратившего постепенно почти всё, соединена с тектоническими потрясениями мироустройства.

В наши дни столь гениальный синтез большого и малого не встречается в литературном пространстве. Но постепенное приближение к подобному охвату современности, очевидно, происходит, и все составляющие огромного исторического целого шаг за шагом вновь осваиваются русской литературой. Причём, художниками разных поколений.

Как наиболее выразительные, каждое в своём роде, назовём три произведения: большой роман Петра Краснова «Заполье», повесть Андрея Тимофеева «Навстречу» и повесть Михаила Тарковского «Полёт совы».

Главный герой «Заполья» журналист Иван Базанов, взрослый, сложившийся человек, пытается найти положительное содержание в окружающих его явлениях 1990-х годов. Он живет в большом провинциальном городе, его профессиональный авторитет чрезвычайно весом, однако все движения души и ума Базанова словно попадают в некую «обманку» реальности. Пытаясь создать принципиальную газету, он сталкивается с двуличием учредителей, среди которых до поры неведомую, роковую роль играет притемнённый человек по фамилии Мизгирь. Тот, кажется, участвовал в обороне Белого дома осенью 93-го, считая интеллектуально необходимым быть в месте свершения важнейшего современного события. Но по мере развития сюжета, читатель и главный герой начинают понимать, что софист Мизгирь – просто терпеливый бес. Пришедший в русский мир разрушить доброе и светлое, он стремится насадить даже не злое и тёмное, но сумрачное, в котором не различимы никакие нравственные и моральные ориентиры. Базанов чувствует, что жизнь проваливается в пустоту, что всякое разумное начинание неуловимо превращается в порок и тлен. Семья распадается, национально ориентированный покровитель внезапно умирает, детали его кончины говорят о спланированном убийстве. Неожиданно выясняется, что у Ивана Базанова быстро прогрессирует онкология. И в этих обстоятельствах, когда физическая и личностная активность героя угасают, он предаётся своим последним размышлениям. Они довольно пространны, однако в этом потоке рассуждений о земле, месте человека в жизни, о городе-мегаполисе, родной крови и чувстве рода, о возможном будущем дне, который наступит уже без Базанова, есть множество болевых точек. И уже они говорят нам о русском человеке, которого судьба поместила в государство-клетку, отняв при этом любые указатели и духовные обозначения, позволяющие восстановить идущую из древности родовую нить и понять:

- кто ты?
- к чему ты призван?
- что будет завтра с твоими детьми?
- зачем тебе дана эта жизнь с её бедами и печалью?

«Заполье» – одна из самых серьёзных книг о переходе русского человека от сна к бодрствованию, от социального обморока – к пылливому поиску главного содержания – и в прошлом, и в настоящем, и в будущем.

Написанный как будто сбивчивым авторским слогом, роман являет собой ещё одно воплощение толстовского стремления сблизить литературное произведение с реальностью и одновременно отдалить живое, порой невыразимое – от стилистических изысков собственно искусства. Именно поэтому письменная речь здесь порой близка к шероховатой устной. И в том – примета достоверного послания уставшего сердца – душе молодой, которой это произведение понадобится на переломе от сегодняшнего дня к завтрашнему.

В повести Андрея Тимофеева «Навстречу» мы сталкиваемся именно с такой душой, которая ещё мало знает о самой себе, о любви, что совмещает в себе красоту, влечение, сострадание и ответственность, об инерции обыденной жизни, которую важно преодолеть, наполнив день целью и чувством победы и поражения, торжества и вины. Перед нами – молодой человек, самосознание которого пока ещё обитает в небольшом внутреннем космосе, но уже ощущает сквозящие холодом и мерцанием бездны за границами освоенного пространства. Сюжет повести – путь героя к осознанию собственной причастности к Богу. На фоне прозы, посвящённой сближению человека и Создателя, в повествовании Тимофеева совсем нет элемента назидательности и катехизаторского подтекста. Про-

сто юное существо, остро переживающее свое душевное одиночество, вдруг с удивлением начинает понимать, что есть нечто большее, чем видимость предметов и явлений, и столь глубокое, что всякие житейские сентенции оказываются только плоскими словами, непроникающими в сердце и не влияющими на частоту его ударов. Приход метафизики в самочувствие юноши, для которого слово «Бог» прежде имело вполне умозрительный характер – вот материя, с которой соприкасается автор. И тут важно не погрешить против искренности, ведь рассказ ведется от первого лица. Всё социальное у Тимофеева принципиально отодвинуто от главной линии сюжета. Сверхзадачей становится преобразование обычного человека, перемещение его внутреннего мира в православные координаты. Ещё нет церковного словаря, нет понимания того, что происходит в храме, но возникает и ширится ощущение собственной причастности к чему-то невыразимо огромному. Экзистенциальный кокон разрывается, и затаённый человеческий голос находит своего главного Слушателя. Так преодолевается одиночество, и многие узкие тропы становятся большой русской дорогой.

Повесть Михаила Тарковского «Полёт совы» отличается от произведений Петра Краснова и Андрея Тимофеева, в первую очередь, своей внутренней энергетикой. Если в «Заполье» социальный водоворот поглощает Базанова, а в повести «Навстречу» происходит ещё только кристаллизация личности героя, то в «Полёте совы» мы встречаемся с тридцатилетним учителем русского языка и литературы Сергеем Скурихиным, отчётливо сознающим многие пагубы, ныне идущие от лица государства: «Я никогда не предаю его перед иностранцами, но в душе не верю в него, как в их же детище». Приехав в сибирский поселок из города, Скурихин сталкивается с суровым в своей житейской простоте укладом. Этот быт изначально склонен к самоорганизации и основан на вполне рациональных свойствах характера местных жителей. Но всегда существует что-то необъяснимое, заставляющее человека подняться над привычным и неожиданно раскрыться в щедрости, доброте, искренности. Свойства русского характера уже пытались описать в минувшие столетия. Но всякий раз, когда возникает роковая минута, русский человек являет свои новые черты, позволяющие ему ценой жестоких усилий спасти свой род и уберечь родную землю от завоевателей.

Перед читателем сходятся в разговоре современные подростки и учитель, местные жители, занятые обыденным трудом, и школьные педагоги, замороженные реформой отечественного образования. Ясные вещи, которые прежде ни у кого не вызывали вопросов, теперь перевернуты или расщеплены на смутные составляющие. Таковы проявления информационной войны, идущей на территории России. Уже само обращение молодого учителя к русской классической литературе и традиции, настойчивый диалог Скурихина с новым поколением характеризуют главного героя повести Тарковского как духовного воина. В нём сошлись православные устои и родовые качества русского человека, начитанность городского интеллигента и «рукастость» сибирского поселкового жителя. Но более всего драгоценна в нём жёсткая воля, которая объединяет все личностные качества в некий скрытый от внешнего зрения монолит. Сергей не только ищет смысл краткого человеческого пребывания на земле, но ещё и утверждает найденное в сознании всех, с кем ему приходится говорить по душам.

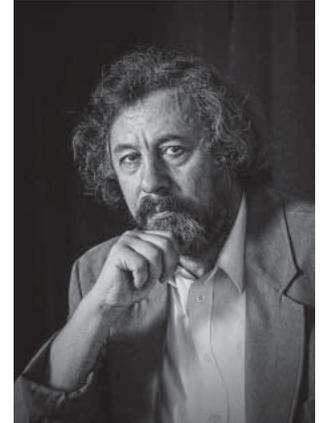
Три упомянутых произведения современных писателей, конечно, перекликаются и с другими книгами, которые появились в последние годы. Но есть некоторые черты, позволяющие в нашем контексте назвать именно эти имена и повествования. Во-первых, триада авторских поколений, во-вторых, географическая палитра (провинциальный городок – столица – Урал – сибирский поселок), в-третьих, уровни и направления смыслового поиска, и наконец, осмысление найденного как меча и орала – оружия в борьбе против захватчика и плуга, которым разрыхляют и обустривают отчужденную землю. Подобная художественная панорама, пусть и выборочно, характеризует движение русской души сквозь три десятилетия испытаний и даёт нам надежду на постепенное восстановление государства, для которого слова «человек» и «смысл» являются понятиями неразделимыми.

Проза

Вячеслав Куприянов

Вячеслав Глебович Куприянов (род. 23 декабря 1939) – поэт, переводчик, прозаик. Окончил Московский институт иностранных языков в 1967. Публикует стихи с 1961 года. Его сборник «Жизнь идёт» (1982) – среди первых книг верлибров в русской поэзии второй половины XX века. Участник многих всемирных форумов поэзии. Переводил стихи европейских, прежде всего, немецких поэтов (Гёльдерлин, Новалис, Рильке, Трахль, Целан, Фрид, Бобровский, Энценбергер, Яндль). Лауреат Европейской литературной премии (1987), обладатель Литературного жезла Македонии, 1999; премии им. Бранко Радичевича (Сербия, 2006); премии Министерства культуры Австрии (2007); премии «Моравская грамота» (Сербия, 2008); Бунинской (2010), премии «Европейский атлас поэзии» (Сербская Республика), 2017; премии Felix Romulana (Сербия, 2017), премии «Сердце связующая нить», 2018; премии «Югра» (Ханты-Мансийск 2018). Книги: «На языке всех», (русско-англ.), Лондон, Forest books, 1992; «Телескоп времени» (русско-нем.), «Alkuon-Verlag», 2003; «Лучшие времена», МГ, 2003; “Зарубежная поэзия в переводах Вячеслава Куприянова”, «Радуга», 2009; «Ода времени», Новый ключ, 2010; «Бумажная ложь», POINT-Edition, (русско-фламандск.), 2012; «Нельзя/Verboten», (русско-нем), 2012; «УРОКИ – LEÇONS», REBO-Verlag, Бельгия, (русско-франц.), 2012; «Дикий Запад», Pop-Verlag, 2013; «Башмак Эмпедокла», БСГ-Пресс, 2013; «Ничто человеческое», Авторская книга, (Лауреаты национальной литературной премии «Поэт года», Москва, 2013; «Озарение», Сан Пауло, Бразилия, на русском и португальском, 2016, «Волчий зов», Сербская Республика, 2017; «Duett of Iron», Киото, Япония, 2018; «Hastakshar sharad ritu ke» («Урок географии»), стихи на хинди, Нью Дели, 2018.

Остерегайтесь гончих псов

Виртуальная повесть

Завершение, начало в журналах «Берега»: № 5 (29)-2018 и № 6 (30)-2018

21.

Итак, прав был отравитель Моцарта, что правды нет и выше? Я никак не мог успокоиться и сосредоточиться. Надо было на что-то опереться, и я стал читать про себя Псалом Асафа о временном благоденствии нечестивых:

Ибо нет им страданий до смерти их,
и крепки силы их.
На работе человеческой нет их,
и с прочими людьми не подвергаются ударам.
Оттого гордость, как ожерелье, обложила их,
и дерзость, как наряд одевает их.
Выкатились от жира глаза их,
бродят помыслы в сердце.
Над всем издеваются; злобно разглашают клевету;
говорят свысока;
Поднимают к небесам уста свои,
и язык их расхаживает по земле...

Это надо бы повторить ещё раз: «и язык их расхаживает по земле»...

Чудовищное зрелище, этакий первобытный интернет.
Или вот ещё псалом Давида 11 – Размышление на время бедствия:

Ложь говорит каждый своему ближнему;
уста лстивы, говорят от сердца притворного...

Феномен лжи изучает психолог из Сан-Франциско Пол Экман. Из его опытов следует, что только 60 процентов испытуемых способны распознать чужую ложь, и то при некоторой подсказке. Лишь сотрудники секретных служб, специально натасканные на выуживание «правды» из собеседника, чуть-чуть перевалили за 64 процента.

Белла Де Пауло, профессор университета в Вирджинии установила, что ведущие по её заданию «дневник лжи», врут не менее двух раз в день. Нейтральные, незаинтересованные персоны скорее замечают притворство в отношениях между людьми, нежели партнёры, сами вовлечённые в некоторую интригу.

В разговорах среди друзей ложь составляет 28 процентов, в общении между хорошими знакомыми – 48 процентов, и 77 процентов в случае, если собеседники вовсе не знакомы.

Только каждая пятая из повседневных неправд становится раскрытой.

Надо полагать, что эти данные, хотя они получены в Америке, годятся и для Европы, и, наверное, для России, для которой выше названные цивилизованные сообщества являются образцом.

Фредерик Форсайт, автор «Шакала» и других бестселлеров писал об информационной войне в то время, когда объединённые силы образцовой цивилизации громили Югославию, включая западную Черногорию, называя это вполне политкорректно разрешением конфликта в Косово. Форсайт показывает, как надо убеждать налогоплательщика оплачивать ту или иную войну. Отнюдь не абстрактное искусство пропаганды, используя все средства массовой информации, убедительно рисует нам образ жестокого и коварного врага.

Первым гением в этом ремесле Форсайт называет эсэсовца Альфреда Науйока. Это ему пришлось в голову разыграть трюк в городке Глейвиц, недалеко от польской границы. Летом 1939 года. Мёртвые немцы, на самом деле расстрелянные эсэсовцами, держали в скрюченных пальцах оружие, как будто они отчаянно оборонялись. Тут же рядом – трупы «агрессоров» в мундирах польской армии, на самом же деле это были переодетые узники концлагеря. Международная пресса, будучи проинформирована об этом факте, только и вопила тогда, что о польских зверствах, это и дало повод Гитлеру вторгнуться в Польшу.

Форсайт наблюдает у себя под Лондоном то же, что показывают всей любознательной Европе. Война – это картина, картинка, изображение. Продолжение уже привычного серийного фильма ужасов, в который вдруг некоторое время начинают верить – да это же всё на самом деле! Плачущие косовские детишки проникают в каждую немецкую благополучную гостиную, и восемьдесят миллионов сентиментальных немцев поднимают свой голос: с этим надо покончить! То же самое происходит с добрыми британцами, американцами, французами. Если нет картин, картинок, нет и шока, а нет шока, нет и мандата на ведение войны. Но дальше наступает «скука жути», так определил это новое чувство некий бывший надзиратель концлагеря. А когда место отплакавших детишек займут невесты откуда появившиеся и непонятно кем вооруженные бойцы косовской «освободительной» армии и начнут в свою очередь жечь дома сербов на глазах у миротворцев из сердобольной Германии, доброй старой Англии, справедливой Франции, тогда мир уже будет блаженно спать с сознанием выполненного долга, он уже оправился от телевизионного шока.

Однако ремесло создания и поддержания искусственного шока старо, как этот лучший из миров, во всяком случае, гораздо старше, чем Новый Свет.

22.

«Бортовой журнал» Христофора Колумба можно отнести к самым лживым документам мировой истории. Ложь, будто снаряженные корабли были надёжны. Один из них едва не развалился уже у Канарских островов. Тщательное сокрытие от команды дальней цели всего предприятия. Лживые обещания скорого обогащения. Ложь перед туземцами и ложь о туземцах. Захват и похищение людей, разлучение их с семьями только для того, чтобы показать их, как живую диковинку, при испанском дворе. Колумб записывает:

«Дай Бог найти мне богатые залежи золота до моего возвращения в Испанию». И об индейцах: «Они любят своего ближнего, как самих себя».

Этими индейцами были карибы, что на их языке значит – храбрый народ. От этого названия – карибал, или канибал – произошло модное и поныне слово: канибал, людоед. Положительный герой современного кино? С лёгкой руки Христофора Колумба? О ритуале людоедства Колумб прослышал от представителей другого племени, враждебного несчастным карибам: от араваков. На каком языке всё это было поведано Колумбу? Кто переводчик? «И я, лишь только прибыл в Индию, на первом же обнаруженном острове захватил несколько туземцев, дабы они научили нас языку и поведали обо всём, что там имеется; они быстро поняли нас, и мы стали понимать их, объясняясь когда устно, а когда жестами. . . . и они после многих бесед со мною по-прежнему уверены, что я явился с небес.» Кто и когда засвидетельствовал факты людоедства у народов, населявших Америку? Быть может, поискать этому свидетельство у писателя и шпиона Даниэля Дефо, чей знаменитый Робинзон спасает несчастного доброго дикаря Пятницу от злых дикарей-людоедов?

Колумб читал в «Путешествиях Марко Поло», вышедших ещё в 1298 году, что на восточно-индийских островах живут дикари-людоеды, а поскольку он верил, что высадился на берег недалеко от Индии и Китая, то поверил и в людоедов.

Всё это и дало королеве Изабелле основание в 1503 году издать указ, предписание адмиралу Колумбу: «Памятуя о том, что они (карибы) предаются дурным обычаям идолопоклонства и людоедства, даю я здесь разрешение и благоволение... их отлавливать... и их, по выделению нам причитающейся части, продавать и пользоваться их трудом...» Так начиналась американская работоторговля.

Это привело к почти поголовному истреблению многих племен в обеих Америках, в том числе и карибов, и араваков.

Всего предполагалось около 75 миллионов населения в обеих Америках на время её «открытия» в 1492 году.

А миф о зверствах индейцев по законам печатного слова жил дальше. Сто лет после Колумба писал знаменитый американский историк Сэмюэль Элиот Морисон, будто доминиканские карибы «имеют обыкновение убивать и поедать любого, кто осмеливался ступить на их берег. Однако однажды неким островитянам после поедания некоего монаха стало так плохо, что они с этого часа никого не трогали, на ком было монашеское одеяние. Если испанцам приходилось приставать к Доминике, чтобы пополнить свои запасы пресной воды, они или посылали монаха на берег, или они облачали команду в мешковину и тому подобное, чтобы ввести туземцев в заблуждение».

Ещё лет через 500 после Колумба, а именно в 1987 году, в «Истории Америки», написанной тремя замечательными, типично американскими историками – Ричардом Н. Каррентом, Т. Харри Уильямсом и Эланом Бринкли, можно прочесть: «На протяжении тысячелетий, в то время, когда становились человеческие расы, образовывались общества и закладывались основы национальной цивилизации в Африке, Азии и Европе, не было на обоих континентах, которые мы знаем как Америку, ни человека, ни его творений».

Таков миф евроамериканцев.

Потому не вызывают удивления сенсационные, устремлённые «назад в будущее» открытия швейцарца фон Денекена, будто все гигантские сооружения Америки, её загадочные наскальные рисунки, таинственные металлические шары – всё это проделки инопланетян, ни в коем случае не жившего там, а кое-где и до сих пор живущего местного населения. Лишь в последние десятилетия нашего уходящего века современные эзотерики, мистики и маги объявляют американских индейцев наследниками легендарных атлантов, хранителями тайны исчезнувшего материка.

Потому может вызывать только удивление страсть знаменитого московского скульптора-монументалиста, с которой он навязывает непонятному чужому континенту железное изваяние Колумба, когда именно коренное население обеих Америк хранит весьма неприязненную память об этом алчном и лживом человеке. Пусть уж стоит ему памятник там, откуда он пришел, в Европе, а не там, где его не ждали.

Что-то всё-таки есть в истории Америки, что требует вмешательства если не потусторонних, то космических сил! Жаль только, выглядят эти силы в нашей истории несколько странно, скорее комично, нежели космично. С другой стороны вмешательство довольно хамское, грубое, неотёсанное, и в то же время карикатурное, карнавальное. Всё напоказ! Разве что поступают по аналогии? Разве что – клин клином вышибают?

Тем временем на экранах появились первые беженцы. Они степенно сходили с трапов надёжных авиалайнеров и не проявляли никакого уважения к облепившим их журналистам. А те бросались прежде всего к женщинам с вопросом: есть ли изнасилованные?

– Нет, – отвечают им средние американцы, – изнасилованных нет, но они по всей вероятности скоро будут. Изнасилованные плывут морем, они не в силах лететь самолётом, им надо время, чтобы прийти в себя, оглядеться. К тому же предполагаемые насильники появлялись как бы из воздуха и исчезали в воздухе – это ещё одна из причин, почему пострадавшие не решаются лететь по воздуху.

Наконец, появились беженцы, сходящие по корабельным трапам.

На вопрос – почему они плыли морем, многие отвечали: а как же ещё плыть? Другие были более откровенны; они признавались, что морем удобнее, так как можно взять с собой больше багажа. На вопрос об изнасилованных был ответ, что здесь их нет, изнасилованные вылетели раньше самолётом, потому что они не в силах выдержать морскую качку. Вы же представляете себе, на что похожа качка? Наконец, отыскалась дама, глядя на которую, никто бы не мог подумать, что кто-то осмелится её изнасиловать, но она отыскалась сама. Эта дама сокрушалась, что её пытался изнасиловать кочегар, большой и страшный, к тому же с бородой. Он при этом назвался величайшим русским писателем, специалистом по насилию над читателем. Он вынужден бежать из пуританской Америки, где даже безобидную «Лолиту» Владимира Набокова не стали печатать, что уж говорить об его свежих эстетических сальностях. Этот кочегар и предложил даме нарушить все табу, какие только она сама пожелает:

– У него было только одно условие: я для этого должна притвориться живой. Тогда он предается со мной любовному сексу, лишённому всяких условностей. Я тут возмутилась: я же ещё живая! Тогда он отшатнулся, и его стошнило не то в Тихий, не то в Атлантический океан.

Журналисты потеряли интерес к живой ещё даме и отправились на поиски русского писателя-кочегара. Кто-то ещё попытался рассказать о невыносимости ночного воя сирен, о тесноте наскоро оборудованных бомбубежищ, о сверхзвуковом громе штурмовиков, знакомых только по кинофильмам времён холодной войны, но это были уже известные журналистам вещи.

Европейцы сообщали о мерах, принятых против, как это решили именовать, «нелегальных угонов боевых машин». Прежде всего, изолировали лётный состав, включая уже награждённых участников налётов на Новый Свет. Тогда боевые машины стали взлетать и без пилотов, что вызвало восторг у инженеров-конструкторов всех этих самолетов, якобы уже устаревающих, и здоровую ревность у изолированных, было, авиаторов. Военные в генеральных штабах военно-воздушных сил потребовали от учёных создания математической модели дистанционного и неконтактного управления неуправляемым летательным аппаратом.

Самолёты стали прятать в ангары, но ангаров не хватало, а, как назло, все штурмовики и бомбардировщики, отбомбившись, возвращались из-за океана без потерь. Конструкторы от этого приходили в ещё больший восторг и с азартом ожидали следующего этапа операции. Пилоты, убеждаясь в надёжности предприятия, покидали места своей вынужденной изоляции и возвращались к своим неуязвимым машинам. Командование в ожидании команды сверху поднимало руки вверх, команды не следовало, и руки сами собой опускались. При этом вспоминали американского пилота, сбросившего атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки. Когда он был уволен из вооружённых сил, он занялся мелкими грабежами, за что был осуждён. Из этого следовало: если лётчик может летать, то пусть он и дальше летает. Во всяком случае, в воздухе грабить некого, а что там разрушается на земле, за него решают бескорыстные приборы и безупречные политики.

На одном из брифингов корреспондент «Новой мерзкой газеты» из Москвы спросил, почему в интересах нанесения штампа не используются СУ-20 и прочие российские самолёты, включая не имеющие аналогов новые типы с крылом обратной стреловидности.

На это ответил сам Уп, что они уважают чужие суверенитеты и чужую частную, а тем более, государственную собственность. В какой-то мере уважают, – тут же дополнил Уп. Боевые самолёты России являются государственной собственностью пока ещё независимого государства России. Они редко вылетают за её пределы, если не считать полёт над страной гейзеров Исландией, видимо, с мирной целью проверить, не является ли этот остров частью затонувшего в Атлантике материка. Проблему нанесения штампа можно решить внутренними силами, не прибегая пока, – он подчер-

кнул слово «пока», – к помощи военно-воздушных сил России или Белоруссии, если Белоруссия всё же объединится с Россией, а не попросится прибиться к Польше.

Внутренние силы, которыми мы пока обходимся, это и есть силы Североатлантического альянса. Не просто Северного, а Североатлантического! И, как вы видите, мы вовсе не нуждаемся в живой силе, нам вполне хватает этой, для нас, кстати, не вполне современной техники. Но мы справляемся, причём безо всяких пока наземных операций.

И они действительно справлялись. Когда начали демонтировать ещё не остывшие от преодоления звукового барьера машины, боевой запас стал перемещаться из точки хранения в точку нанесения точечного удара без помощи крылатых носителей. Ещё раньше ни к чему не привела попытка слива горючего, дабы предотвратить неконтролируемые полёты, а в наиболее рьяной Великобритании даже взорвали собственные склады горючего, несмотря на протесты экологических ведомств в соседней Франции.

Сами по себе производились запуски Томагавков с американских крейсеров «Аль Капоне» и «Меир Лански», находящихся в тихих водах Адриатического моря. Но ракеты, оставшиеся от предыдущих победоносных действий против внешнего врага, скоро кончились, тогда они стали взлетать уже непосредственно с баз в самих Соединенных Штатах, и им уже не надо было преодолевать значительные расстояния, да и точность попадания стала гораздо выше. Но об этом узнали много позже, когда снова наладилась связь между Новым и Старым Светом.

Журналисты поспешили напомнить пришельцам о якобы обнаруженных захоронениях на территории Нового Света.

Уп предоставил слово для ответа Джимми Повидлоу.

– Да, именно так, есть множество захоронений. Назову хотя бы одно из них: в штате Пенсильвания под городом Геттисбургом мы обнаружили захоронение более чем 5000 человек. Мало того, там установлен пусть небольшой, но монумент, а также бронзовый бюст Авраама Линкольна. Мало того, в округе полно строений, где выставлены напоказ восковые фигуры участников этой братоубийственной бойни. Но и этого мало, вся эта бойня в красочном виде изображена в виде гигантской циклограммы, где можно насчитать 16000 воинов, которые отличаются друг от друга только тем, что одни в синей, а другие в серой униформе. Туристы со всей этой страны стекаются, чтобы только увидеть это унылое место.

– Но ведь эта битва произошла, простите, в начале июля 1863 года, и это была решающая для Америки битва, решившая исход гражданской войны в пользу Севера и отменившая, наконец, позорное рабство на Юге!

– Спасибо за уточнение, господин, как я понимаю, знаток родной истории, но для нас время, как я пытаюсь вам тут всем давно втолковать, это же равносильно вечности, хотя и вечность наша непохожа на вашу. Всё у нас происходит здесь и сейчас. Для вас это прошлое, а для нас это – большая новость. Что же касается рабства, то мы принимаем необходимые меры для того, чтобы этого не повторилось. Мы ведём переговоры о доставке миротворческих сил непосредственно из Конго-Киншасы и из Конго-Браззавиль. Уже готовы к отправке добровольцы из Ганы и Камеруна. Объединяются силы Эфиопии и Эритреи. Мы больше не допустим этой жуткой потасовки между Севером и Югом, следствием чего может стать только плачевное противостояние Запада и Востока.

– Вы, что, действительно намереваетесь предотвратить эту историческую битву? Войну Севера и Юга?

– Не только эту битву, но и многие другие, а главное – разоблачить всякую дезинформацию о битвах, и не только о битвах. Мне уже тут подсказали, в 1863 году по вашему стилю Север разгромил Юг, но в 1862 году на берегу реки Теннесси возле городка с библейским названием Шайло произошла не менее кровавая битва в ночь с 6-го на 7-е апреля. Драка была ужасная, пули и шрапнель летели так кучно, что не осталось ни одного дерева, не изрешеченного до самой верхушки, что уж говорить о людях, тысячи полегли, русский поэт написал бы – и ядрам пролететь мешала гора кровавых тел! Для тех, кто не знает автора: русский поэт Лермонтов. Но я отвлекся от кровавой битвы: в итоге северяне потеряли 10150 убитыми и ранеными, а южане и того больше – 10690, но что там, на памятном камне написано? А там написано: «...Офицер и 16 солдат убиты, семь офицеров и 146 солдат ранено. Общие потери: 170». И всё это вошло в учебники американской истории!

– Знаем, знаем! Всё это правдиво описано участником этой битвы писателем Амбруазом Бирсом.

Не хуже Лермонтова всё описал. Сколько бессмысленных жертв, и всё от применения новейшего в то время оружия! Вы что, и эту битву, мистер Повидлоу, предотвращать будете?

– А как же, мистер знаток. Будем. Кто сейчас читает Бирса? Кто сейчас вообще читает? А ведь в этой битве принимал участие генерал Улисс Грант. Погибни он, кто бы стал 18-м президентом? А генерал Джеймс Абрам Гарфильд; погибни он, кто бы стал 20-м президентом? А Генри Стэнли, который потом в Африке нашёл заблудившегося путешественника Ливингстона, погибни он, кто бы нашёл Ливингстона? Кто бы проплыл по всему течению реки Конго, кто бы, в конце концов, находясь на службе короля Бельгии, помог бельгийцам захватить бассейн Конго? Нет, не зря мы ожидаем сегодня миротворцев из Конго! Да, а ещё один выживший участник этой великой битвы, Уильям Дженней, погибни он, кто бы построил первый небоскреб в Чикаго?

– Да, но вам как раз мешают небоскребы!

– Мешают! Как не мешают! Но они для того и построены, чтобы нам мешать. Но ещё больше нам мешают битвы. Вот те, которые пали, засчитаны они или не засчитаны, что бы они, эти павшие, ещё построили? Кого бы они нашли в Африке? Кто бы сейчас был у вас президентом? Опять-таки более чем двухсотлетний Пушкин говорил: нет правды на земле! Так что мы можем дать вам свыше, кроме правды?

На этом не совсем правдивом пассаже его и прервал внезапно проявившийся адмирал Уп:

– По сведениям, полученным нашей разведкой свыше, на территории Северной Америки обнаружены концентрационные лагеря!

24.

Услышав о том, что какой-то русский писатель выдаёт себя за кочегара, я предположил, что сочинение Тита Европева было отправлено в Европу либо самолётом, либо вообще по электронной почте, так что явно обогнало своего создателя. Мало того, можно было догадаться, что перевод был готов задолго до создания оригинала. И действительно, в газете «Тайм из мани» я нашёл обширную рецензию на уже увидевшего свет «Ионыча».

Южная и Северная Америка – это два кита, чьи хвосты переплелись и завязались узлом, отчего киты подошли. Хвосты, естественно, завязались из-за попытки неестественного совокупления. Раньше китов было три, и на них соответственно держалась Земля. Первый кит, отказавшийся держать Землю, это Россия, которая вдруг возомнила себя Советским Союзом.

Россия, значит, всплыла, вместо того, чтобы держать Землю, а вместе с нею другие прилепившиеся к ней рыбы, подмятые ею рыбы и проглоченные ею рыбы. Поскольку рыба гниёт с головы, а самая большая рыба-кит – Россия, она и начала гнить первой. Остальные рыбы стали разбегаться – так возникли новые самостоятельные государства, или так называемое ближнее зарубежье. В такой тухлой обстановке Россия стала гнить ещё быстрее. Поэтому естественно стремление окружающих её стран с одной стороны быть подальше от России, а с другой стороны как же её не съесть, надо бы поскорей съесть, пока она не протухла окончательно..

О том, как бы съесть Россию, задумалось и дальше зарубежье. Но мешали этим раздумьям законы о запрещении охоты на китов, как-никак 19 видов китов занесены в Красную книгу. Правда, сама Россия перестала быть красной. Ну и ещё разрешена ограниченная добыча в местах, где народ без китов не проживёт: Чукотка, Перу. Итак, осият ли чукчи Россию – это вопрос начала. Пусть начнут, а там миротворцы поддержат.

Далее автор переходит к совокупившимся китам Америки.

Свой опыт, накопленный в чреве кашалота, он перерабатывает следующим творческим образом.

Известно, что после второй мировой войны многие мерзавцы бежали из разорённой Европы в Южную Америку. Хорватские усташи, виновные в геноциде сербов, забытом всеми, кроме оставшихся в живых сербов. Главарям усташей помогала бежать, как известно, католическая церковь. Бежали и некоторые главари немецких фашистов. Согласно легенде, например, Борман. Некоторых выловили: Эйхмана в Аргентине и затем казнили в Израиле. Но вот главная версия – и Гитлер не сторел в огне, а тоже бежал на другой материк, как только узнал, что Южная Америка – кит и, следовательно, отлову не подлежит.

С другой стороны и Сталин не умер в советском 1953 году, а затосковал по родной Грузии, но не по той, в которую давно уже ездить не любил, а в американскую Грузию – штат Джорджия. А

ещё как узнал, что в Америке нет интеллигенции в её русском смысле, что не надо будет с ней ухо держать востро, что сажать и ссылать её уже не надо будет, благо и Сибири там нет, нет Колымы, не надо будет и реабилитировать её остатки, словом, никаких забот с мыслящими и инакомыслящими. Тут он совсем загорелся: хочу, говорит, Лаврентий Палыч, в родную американскую Грузию. Там мне и без тебя и без твоих органов спокойнее будет. А ты тут вместо меня найди грузина какого-нибудь, мало ли их в кепках на рынках сельскохозяйственными дарами торгует.

– Так то не грузины, Сосо, то наши мегрелы, – Берия говорит.

– Ты мне, Лаврентий, расизм здесь не разводи. У нас все равны. Найди кого надо в кепке и фуражку мою на него надень. Клим Ворошилов увидит, только плюнет.

– Сделаем, Коба, как скажешь, так и сделаем, – Берия говорит.

– А ты знаешь, Лаврентий, что в Северной Америке река Святого Лаврентия протекает?

– Нет, не знаю, товарищ Сталин, – Берия говорит, а сам думает: недоброе дело задумал товарищ Сталин. Великое дело, но недоброе. Но спорить не стал, не посмел.

Вот так умер один товарищ Сталин, Хрущёв и Ворошилов плюнули, как увидели, и положили на всякий случай к Ленину в мавзолей, мол, получай, что хотел.

А другой Сталин тем временем уже в штате Джорджия, а точнее в чреве кита, словом, в тёплом местечке. И догадывался он, что в другом ките Гитлер сидит и под него из Южной Америки подкапывает. И видит Сталин: не избежать новой войны Севера и Юга. Но уже в ином масштабе.

Сидит Сталин в столице Джорджии Атланте и думает: не создать ли в срочном порядке альтернативный Северо-Атлантический пакт и всей этой новой Антантой на Гитлера навалиться. Но что-то вроде этого уже было. И тут решает генералиссимус с рейхсканцлером, с фюрером то есть, договор заключить. А то ведь раньше-то что учинили: ось Берлин-Токио, этакий шампур, на который Россия насажена, только поворачивай и жарь. А если теперь ось Атланта – Мачу-Пикчу, или где там теперь этот Гитлер прячется, в какой-нибудь империи Инков кровожадных. Надо думать, грузинский царь Ираклий II, который по Георгиевскому трактату Грузию под защиту России поставил, так бы и поступил, если бы Германия, то бишь Пруссия, к нему ближе была: договорился бы с Фридрихом Великим и с Пруссией объединился. Вот бы история пошла!

И вот мы теперь с Гитлером объединимся и съедим всю Америку, где мы уже сидим, а потом и всю Европу, где мы в своё время уже сидели.

И вот продвигается товарищ Сталин по направлению к Гитлеру и дорогу себе в чреве кита основательно проедает. А Гитлер со своей стороны продвигается в направлении к товарищу Сталину и со своей стороны дорогу проедает, с южной, а поскольку все американцы в ките замурованными оказались, то питаются оба законсервированными в его сале американцами. Гитлер ест и торопится, как бы там Сталин в Атланте в Атлантический океан не провалился, погибнет тогда без него, без Гитлера сталинская цивилизация. А Сталин неторопливо ест, по-грузински, зачем с едой торопиться. Гитлеровская цивилизация подождёт.

Процесс поедания всех встречных американцев и каждого в отдельности описан Титом Европейским со знанием и кулинарного искусства, и ремесла консервирования покойников, которое, как известно, возникло в России под Винницей, где и по сей день надёжно сохраняется в бывшем своем имени великий русский хирург Николай Иванович Пирогов, и сохраняется он с 1881 года. Недаром в Винницу на предмет вечного сохранения Ленина возили, да и Сталина, ещё того, не этого, неоднократно там подновляли. А то думают нынче, как бы Ленина захоронить, да беда в том, что Винница-то на Украине осталась, посоветоваться не с кем!

Описан также процесс пережёвывания пищи, заглатывания, переваривания вплоть до расщепления белков-пепсинов и тому подобное, а ещё более подробно отторжение от организма как твёрдых остаточных масс, так и жидких, что по-разному осуществлялось Сталиным и Гитлером, особенно был затруднён выход мочи у Гитлера, который согласно некоторым источникам страдал парафимозом, то есть ущемлением головки полового члена сдвинутой назад крайней плотью. Это, кстати, говорит об ещё одной исторической ошибке Гитлера: ему надо было стать в свое время обрезанным евреем или мусульманином. После совершения обряда обрезания он бы получил большое облегчение и вряд ли бы пошел в большую политику.

Итак, киты проглотили каждый по континенту, в каждом ките сидит по диктатору, а в каждом диктаторе съеденные американцы. В то же время съеденные – это потенциальные эмбрионы. Здесь

Европеев обращается к образу матрёшки, 100 лет назад ввезённой из Японии в Россию и ставшей символом русской души. В России, дескать, все в зародыше и ничего в становлении, всё остальное – оболочка, шкура, кожа, военный камуфляж. Нутро боится света и всему свету угрожает.

И вот Сталин вывоз принцип русской матрёшки в Америку, и скрытно так к Гитлеру подбирается, который сам не знает, какие у него принципы, так как немецкого народа у него уже нет. Но американцами тоже питается.

Необходимость поедания подкрепляется не только соображениями практической алчности, но и теоретическими изысканиями из истории недоеденного человечества. Вовсе не труд создал человека, но страх быть съеденным другим человеком. От этого страха люди разбежались кто куда, едва завидев друг друга. Так происходило заселение необъятных земных просторов. Сравните со зверями, каждый зверь живет, где родился, а человек носится по всему земному шару, иногда оправдывая свою суету политическими гонениями. Зверь политический!

Эту гипотезу изложил профессор Б. Ф. Поршневу в своем труде «О начале человеческой истории» в 1974 году. История началась с повального и хорошо организованного людоедства, возможно, этим же она и кончится.

Особенно с большой охотой поедался головной мозг, то ли у свежих врагов, то ли у состарившихся родственников. У стариков, которые много знали, мозг был склеротичен и жесток, отсюда и поговорка: грызть гранит науки. А вообще единый вид разбился на два подвида: психически подавляемая, внушаемая и поедаемая группа и – агрессивная, пасущая остальное стадо прогрессивная группа. Модное во времена кризисов самопознание, словами Тейяра де Шардена – «овладение собой, как предметом», это редкий и непродуктивный случай самоедства. Изобретатели матрёшки японцы ещё во время Второй мировой войны вырезали печень у пленных американцев и её поедали.

Что тут уж говорит о карибах-каннибалах! Но особенно возрос интерес к людоедству в перестроенной России. Есть объяснение: славяне, и «славы», «склавы» – это есть «рабы», то есть исторически та самая поедаемая группа, которой питалась доисторическая Европа в своём стремлении к высшей цивилизации и к Европейскому союзу. С возникновением свободы в самой России инстинкты антропофагии естественно соединились со свободным предпринимательством, и «склавы» выделили из себя активную, новую «кормимую» группу – банкиров, бандитов, государственных мужей и жён, а также сынов и дочерей, чреватых внуками и внучками. Семья – это охотничий отряд. То, что легкомысленно называют мафией, насмотревшись сентиментальных голливудских боевиков – это всего лишь объединение активных семей за общим столом. Трудное это дело – самим есть и следить, как бы другие лишнего не съели. Общественное раздражение, вызванное этим возвратом к необходимому становлению человека, это лишь брюзжание ещё живого обслуживающего персонала, не успевающего подносить блюда, и нечленораздельное мычание заготовленного на убой скота.

«Так я и думал, – думал Сталин, подкапываясь под Гитлера. – Как только я уйду, начнут есть друг друга. При мне хоть осуществлялось общее руководство разными по масштабам аппетитами. Править людьми может с успехом только истинный уголовник, а они президентов себе на выбор заказывают. Берите, мол, накладывайте себе, сколько влезет. В них уже не влезает, а они всё накладывают. Головокружение от успехов. Да ладно. Вот мы с Гитлером объединимся, Америку опустим, а Россию поднимем».

Вот так, глядя на расцвет демократии и закат коммунизма, не видят они никакого другого выхода, как присоединиться ко всему мировому сообществу. А едят уже только для вида...

Надо сказать, критик прозы Европеева из Невразумительной газеты был, скорее всего, прав, утверждая, что образ Сталина стилистически автору больше удался, чем образ Гитлера. Европееву для создания образа Гитлера не хватало знаний немецкого языка. У него Гитлер только и говорил, когда сам с собой – хайль, Гитлер, а потом – хенде хох! – как только американца встретит. Если американец не реагировал, он его поедал. А реагировать американец никак не мог. Во-первых, как и Европеев, языка немецкого не понимал, а во-вторых, уязнув в китовом сале, руки вверх не поднимешь.

Беда настигла Сталина и Гитлера, как говорится, на полпути. Где хвосты китов завязались в узел, то есть в Центральной Америке, там соответственно у китов была и задница, поэтому, почувствовав себя в полном дерьме, Сталин и Гитлер застряли и, потеряв надежду на создание своего Атлантического альянса, предались в новой атмосфере свободным искусствам, как бы вернувшись каждый в

свою юность: Гитлер стал писать соответствующие пейзажи с наличной натуры, а Сталин стал всё это описывать в стихах. Гитлер при этом прославился быстрее, его живопись – он сам-то её называл *дохлопись* и *гнилопись* – в отличие от поэзии не требовала перевода и быстро завоевала покинутую Европу. Выставка его акварелей в Берлине отодвинула на задний план зрелище настоящих законсервированных мёртвых тел. Сталин же, позабыв силлабическое грузинское стихосложение, решил писать по-русски, а тут у него в Америке нашлось слишком много конкурентов, выходцев из России, они его затирать стали. Зря я их на полпути не съел, горевал Сталин, жаль, что их во тьме китовой от стопроцентных американцев не отличить! Зато там, в России, эти стихи от руки переписывали, потому что плохо стало с типографским тисканием поэзии, как с пережитком, характерным для эпохи мечтаний о свободном времени.

Устав от людоедства, так они сидели рядом в китовой клоаке, творили и ожидали какой-нибудь международной премии мира. За что, спрашивается? Ну, хотя бы за невмешательство в дальнейшие дела мира. Дела и без них шли, как надо.

Кстати, о названии всего сочинения: Сталин называл Гитлера по-стариковски любовно – Алоизыч, иногда просто Изыч, а Гитлер в ответ Иосифа Виссарионовича тоже сокращенно тыкал: Ионыч.

25.

– Что ты тут мне каких-то мертвецов насаждаешь, Гитлер, Сталин, Европеев! Тоже мне, художники! Я не Хрущёв, чтобы по выставкам от безделья шастать. Я эту ситуацию никак не контролирую. Ты мне про ту ситуацию сообщай, которая у меня под контролем быть должна! – президент словно взорвался. И верно, все слышит, как что не так, принимает меры и берёт под контроль.

– Да это я так, чтобы от моды не отстать. А то опять скажут, отстаём от культурной жизни, упрекнув в старомодности. С другой стороны без этого, без культуры тоже нельзя, она тоже объективная реальность, – слабым голосом, чтобы окончательно не разбудить всероссийского контролера, оправдывался я.

– Не надо нам популистов! Мы и сами... – тут президент запнулся, и уже примирительно добавил, засыпая: – Ты мне цифры давай! Бо-ольшие числа, желательно. Но не дутые величины!

Вот и хорошо. Цифры. 81 процент американцев не верит в серьёзность нависшей над ними опасности, они считают, что это виртуальная развлекательная реальность, на которую реагировать можно только созерцательно. Из остальных 19 процентов, которые, как правило, находились в непосредственной близи от точечных ударов, но сами не пострадали, 62 процента думают, что это козни русской мафии, переметнувшейся на легальную службу своему российскому государству; 38 процентов не смогли выразить никакого мнения, ибо непосредственно пострадали от космических чисток. Что же касается Старого Света, в Европе только 37 процентов верят, что с Америкой творится что-то неладное, но только половина из них ей сочувствует, это в основном те, у кого там родственники или финансовые интересы. Прочие разделились; одни считают, что янки впервые сами на себе испытывают своё новое секретное оружие, прежде чем применить в третьем и прочем мире, другие вообще валят всё на Голливуд и на режиссера Спилберга. Между тем немцы – достаточно внушительное число – ринулись из Германии туманной на тёплые острова от Мальорки до Мадагаскара, узнав, что на эти острова штамп ставить не будут.

А вот другие цифры, рейтинг ведущих политиков России в оценках местных экспертов Центра исследований общественного мнения «Глас народа». Опрос проведен в 11 городах, это Санкт-Петербург, Торжок, Вышний Волочок, Урюпинск, Пенза, Тула, Чита, Космишенск, Ухта, Новосибирск и Топск. Список по среднему баллу без знака влияния:

1. Моржков Иоанн Иоганнович	6.82
2. Черносытинцев Лука Ильич	5.77
3. Флягин Иван Северьянович	5.67
4. Карамазов Фёдор Дмитриевич	5.23
5. Варикозов Паисий Ахметович	5.01
6. Сюганов Геннадий Андреевич	4.93
7. Бородавкин Василиск Адамович	4.82
8. Шамиль	4.65
9. Горбачев Михаил Семенович	4.37

10. Образаев Юсуп-Али-бей-оглы	4.35
11. Егоров Тимур Гайдарович	4.26
12. Джугашвиллер Осип Ионыч	4.14
13. Торквемада Арина Родионовна	3.93
14. Жоботинский Владимир Вольфович	3.80
15. Лёха	3.75
16. Барон фон Вранглер	3.72
17. Помрещенский Евгений Андреевич	3.69
18. Гегель Георг Вильгельм Фридрих	3.67
19. Мигалков Малюта Сергеевич	3.65
20. Пакин	3.59
21. Ракукин	3.59
22. Бендер Остап Ибрагимович	3.52
23. Игуанодонов Змей Горынович	3.51
24. Братья Райт-Черепаховы	3.44
25. Коперник	2.97
26. Македонский Александр Филиппович	2.90
27. Щупальц Семен Семенович	2.85
28. Башмачкин Акакий Акакиевич	2.84
29. Дрязгин Аскольд Рюрикович	2.83
30. Скрягин Петр Моисеевич	2.82
31. Гугин Дормидонт Фоккевульфович	2.81
32. Соловей-Одихмантьев-сын	2.80
33. Ыы Батон Болотович	2.08
34.	
35.	
36.	
37.	

...Здесь что-то меня кольнуло; всего в списке значилось сто выдающихся политиков, агентов влияния и предпринимателей, подумать только, ещё лет семь назад многие из этих имён мало кому были известны. Но чем дальше по списку, тем меньше становились заработанные «очки», числа мельчали, а президент просил называть именно большие числа. Вот поистине забота о народе, он ведь хотел увидеть, верее услышать рейтинг миллионного, десятиmillionного, стомиллионного российского «зоон политикон» (политического животного, по определению Аристотеля), пусть даже этот индекс будет исчисляться отрицательными или даже мнимыми величинами, но зато большими.

Надо немедленно чем-то усыпить недремлющий максимализм главы государства. Я перебрал в голове и сразу отверг незначительное число граждан Соединенных Штатов, задержанных на границе с Мексикой, где обычно ловили контрабандистов и беглецов именно с мексиканской стороны; не столь впечатляющую численность африканских добровольцев – где-то около 40 тысяч, собравшихся наводить порядок там, куда их предков ввозили насильно; а также большое, но ещё не катастрофическое число российских жителей, находящихся за чертой бедности – миллионами Россию не удивишь.

В связи с космическим наваждением я подумал о возрасте Вселенной, который оценивается на сегодня в 13 400 000 000 лет. Эта оценка колеблется между 15 000 000 000 и 11 800 000 000 лет, то есть плюс-минус 1,6 миллиардов лет. Эта цифра получена в последнее время как австралийцами из Нового Южного Уэльса, которым из космоса уже ничто и никто не угрожает, так и американцами из Принстонского университета в Нью-Джерси, которые пока не решаются сказать, как это повлияет на настоящее и будущее Америки.

Тем не менее, ученые утверждают, что наша Вселенная более плоская и более лёгкая, чем ранее считалось, она охлаждается и медленно растекается, как песок пустыни, и всё больше становится расстояние между песчинками. Скорость растекания со временем растёт, и вопрос остаётся открытым, приведёт это к возвращению на круги своя или к постепенному исчезновению всех звёзд с небес там, где есть небеса.

Мне никогда не нравилась введённая Эйнштейном в его космологические уравнения константа, означающая силу, противоположную силе тяготения. От неё исходил запах дурной свободы, да и сам Эйнштейн называл её позже своим «ослиным» заблуждением. Неприятен мне и так называемый первоначальный взрыв, якобы породивший Вселенную, самим этим всполошным моментом намекающий на скорый конец света.

– Мало ли что тебе не нравится, – произнёс мой внутренний голос, и я обрадовался, что это не был голос извне.

26.

– В связи с законом расширения Вселенной, мы можем только расширять и углублять наши действия, – объяснял Уп земным журналистам, – а так же, как это ни парадоксально, уплотнять, УПлотнять, УПлотнять – завёлся он с идиотской арбузной улыбкой.

– Но ведь это всё ведёт только к опустошению, чего вы добиваетесь?

– Опустошения и похолодания, на что, кстати, тратим немало тепла и любви, это тоже закономерно. Но мы уже видим, как у вас здесь всё постепенно возвращается на круги своя: наводятся понтонные мосты силами сапёров. Со дна рек, морей и океанов поднимаются затонувшие суда силами водолазов. Население США приводится в состояние порядка силами миротворцев из дружественной Африки и самой очнувшейся и остепенившейся Америки. Аэропорт Кеннеди восстанавливается силами высадившихся там австралийских аборигенов, они уже там разогнали тучи своими заговоренными бумерангами. Всего восстановлено, правда, временно, 27 мостов. Кое-где, наконец, появляются невиданные ранее памятники старины!

Повидлоу тем временем ассистировал молча, показывая восстановительные работы, заснятые с такой большой высоты, что они напоминали не то переполох в муравейнике перед дождем, не то фотоснимки далёких разбегающихся галактик, сделанных с космических станций.

– А зачем вы сбили русский спутник «Радуга»? Ведь двухсоткилограммовая капсула в результате рухнула во двор суверенного Казахстана, хорошо ещё, никого не пришибла, но в результате казахи временно запретили русским очередные запуски.

– Вы, вероятно из русской казахской газеты, что ж, вас всё равно скоро закروют, но я отвечу: не казахи, а мы временно против запусков каких бы то ни было спутников. Что касается конкретно «Радуги», то нам кажется, что русские не должны питать радужные надежды в отношении пространства. Я имею в виду не только космическое пространство, но и наземное пространство России. К тому же в Москве сейчас необыкновенная жара, а в жару перегреваются не только приборы, но и обслуживающие их головы, вы же знаете, расчёты при запуске спутника на орбиту проводятся в Москве и под Москвой. Надо подождать охлаждения, как погоды, так и обстановки в целом.

– Как, вы, получается, вмешиваетесь во внутренние дела Москвы, то есть России?

– Объекты, нацеленные в космическое пространство, не являются чьим-либо внутренним делом. Это наше прямое дело!

– Но, тем не менее, поднимается волна протестов против вашего блуждания над нашей Землей. Киты и дельфины, как никогда прежде, выбрасываются в отчаянии на берега Калифорнии. Всё чаще тонут суда, не обязательно с беженцами на борту. Ни с того, ни с сего падают самолеты. В Африке некоторые племена уклоняются от исполнения своего интернационального долга перед Америкой. В Японии один известный писатель в знак протеста против вмешательства во внутренние дела планеты сделал себе харакири!

– Харакири – это внутренние дела Японии! Наше дело не думать о китах, у них у самих голова большая, – Уп снова изобразил на своем подобии лица нечто вроде улыбки, – мы печёмся вообще о конце истории. Вы же сами интуитивно к этому стремитесь, а нам это тем более жизненно важно, ведь если не будет конца вашей истории, то и наша история добром не кончится. Мы не будем уверены в сохранности нашего штампа, тогда нам опять в скором времени придётся вмешиваться и разбираться с вашим осевым временем, средневропейским временем и тому подобными дурными временами.

– Какое вам дело, в конце концов, до нашей несчастной истории, мы и сами как-нибудь разберёмся!

Не разберётесь, господин журналист, то бишь поденщик! Во-первых, течение даже вашей, весьма неказистой и каверзной истории, так или иначе, касается вихревых, вспучивающих и засасывающих

процессов во Вселенной. Завихрения вашей истории мешают Вселенной углубиться в саму себя. А во-вторых, на вашем земном примере мы в миниатюре прослеживаем асимметричные, неравновесные и парадоксальные отклонения Большого мира от его Богом предначертанного пути.

– Что-то поздно вы о Боге вспомнили!

– А мы о Нём никогда не забывали. Хотя мы в Него, как я уже опрометчиво упоминал, не верим. Однако мы и в вас-то не очень верим! Но, уважаемые господа и дамы, я должен сказать, что времени у нас на препирательства нет. Есть ли ещё разумные вопросы?

– Вы делали заявление об обнаружении концентрационных лагерей? В какой мере это подтвердилось?

– Совершенно верно. Всё подтвердилось. В некоторых отдаленных уголках Вселенной ваши города, эти бессмысленные скопления торгашей, бездельников, мошенников и обслуживающего их вороватого персонала воспринимаются именно как концлагеря. Но мы же занимаемся не верхоглядством, а ближайшим рассмотрением. При ближайшем же рассмотрении таковыми мы считаем так называемые резервации для собственно хозяев этой земли. Выжившие после самого чудовищного и беспардонного геноцида в вашей истории эти так называемые индейцы, которые никогда в глаза не видели Индии, где, впрочем, нищета имеет философский характер, так вот эти американские индейцы у вас влачат жалкое существование. А ведь это были опытные земледельцы, рыбаки и охотники, это были настоящие хранители своей земли со своей яркой и экологически оправданной мифологией. Многие из них были храбрые воины, кстати, верные британской короне, за что и заплатились!

– Извините, пожалуйста, не поймите моё высказывание за препирательство. Но, во-первых, что было, то прошло, изгнание индейцев с их родной земли – это дело прошедших поколений колонистов. Это, конечно, преступление, но не отвечать же за него другим поколениям, занятым другими, более приличными и полезными делами! Во-вторых, не противоречите ли вы сами себе, вступаясь за индейцев и в то же время провозглашая нам конец истории? Ведь, если уже однажды был предложен конец истории тем же индейцам, то чем же вы лучше конквистадоров, пиратов и прочей вооруженной сволочи из проклятого прошлого? Извините ещё раз за витиеватую фразу.

– Пожалуйста, пожалуйста, господин, вы, по-видимому, писатель, причём явно старомодный, что даже очень хорошо. Во-первых, времени прошлого не бывает, бывают только для удобства лентяев забытые времена. Во-вторых, подавляя чужую историю ради своей, сам подавляющий заражается на много веков вперед вирусом грядущего самоистребления. Мы предлагаем вам закончить историю для того, чтобы начать жить!

– Не могли бы вы привести живые примеры вашей в этом отношении плодотворной деятельности?

– Примеры? Вы что не слышали последних известий? Президент Соединенных Штатов впервые за последние 63 года посетил индейскую резервацию в штате Южная Дакота. Он предполагает выделить немалые средства для обустройства жизни индейцев. Он обещает создать для них рабочие места, не обязательно сопряженные с адским или с рабским трудом. В связи с этим мы отменили премию за голову, или точнее за скальп президента. Мы полагаем, что за те же деньги мы просто откупим нужную нам землю у того же Великого Вождя, то есть, простите, у президента!

– Да, по поводу скальпов. Ведь это жуткое действие придумали ваши миролюбивые экологически чистые индейцы, не так ли?

– Ну, видите ли, – Уп ничуть не смутился, – без накладок не бывает, особенно в воинском искусстве, а тут – тут ведь как: порядок счёт любит! Как без скальпов сосчитать врагов? Скальп – это по-своему штамп, снятый с врага, означающий, что его история закончилась и мирной жизни уже этот враг не угрожает. Как вы помните, в искусстве скальпирования индейцев особенно преуспели голландцы и англичане!

– Мы слышали, в Европе нарастает возмущение Америкой именно в связи со скальпами, английский премьер вспомнил заслуги индейцев в сопротивлении сепаратисту Джорджу Вашингтону, эти племена были куда более надёжными союзниками англичан, чем немецкие наёмники из земли Гессен и из города Брауншвейга. Вот и министр обороны Германии, хотя ни слова не сказал о злостных немецких наёмниках на американской службе, но о скальпах и даже отрезанных головах говорил с большим воодушевлением. Говорил даже о точечном выкалывании глаз! В связи с этим: до каких пор вы намерены обрабатывать территорию Америки точечными и прочими ударами? До

каких пластов истории вы хотите докопаться? Или вы и впрямь рассчитываете ещё что-то откупить из тамошней земли?

– В интересах нанесения штампа удары, как я неоднократно заявлял, могут только усиливаться. Мы последовательны и не старомодны. В то же время мы неуязвимы и неумолимы. Однако нельзя совсем отворачиваться и от России. Хотя Америка и далеко ушла от России, но из Америки слышатся трезвые голоса, уговаривающие нас всё-таки вернуться к этой стране. В каком-то смысле Россия тоже Америка, так считают некоторые американцы, так хотели бы считать некоторые россияне. У американцев доллары, и у россиян доллары, причём неизвестно, у кого их больше. Американцы ходят в джинсах, и россияне в джинсах, ещё не известно, кто лучше ходит. В Америке живут русские, и в России – русские, правда, в России их пока больше. И вот с интересными предложениями к нам обратился российский непосредственный и полномочный посредник господин Черносытинцев. Но он больше говорил о воздухе, а не о земле. Что же касается покупки земли, то мы будем торговаться! Мы будем продолжать наносить значительные и незначительные удары и в то же время торговаться. А сейчас вас ожидает приятный сюрприз!

27.

Экран запыхал грозным лесным пожаром, затем электронное пламя утихло, не оставив пепелища, в отличие от жутких тверских, сибирских и калифорнийских полыханий, где огонь всем своим видом давал понять, что не красота спасёт мир. И вот в ореоле дрожащих красок возник бледный лик президента, отнюдь не измученный, не потерявший уверенности и даже некоторой спеси. Автоматическая настройка сделала своё дело, и стало видно, что это не просто цветной ореол, а индейский воинский головной убор из орлиных перьев. Великий Вождь из Вашингтона заговорил:

– Тропа войны на этот раз идёт по нашей родной земле. Но ни в какой другой стране света нет такого единства Севера и Юга, Востока и Запада, как у нас в Америке. Нет нигде такого великого единства белого, чёрного, красного и жёлтого. Мы приветствуем народы Африки, которые готовы поддержать нас боем своих барабанов. Мы благодарны правительствам Европы, которые своим долгом считают поднять свой голос против чудовищного захламления нашего воздуха чужеродными агрессивными блоками. Мы признательны невмешательству многолюдных стран Азии в нависший над нами небесный конфликт. Мы приносим извинения Китаю, хотя не по нашей вине есть некоторые разрушения в чайна-таунах наших мегаполисов. Мы даже не знаем, кому выражать сочувствие в связи налётами на Брайтон-бич, где мужественно проживают выходцы из бывшего Советского Союза и куда до сих пор прибывают добровольцы из новой России.

Я приветствую непобедимый народ сиу, в чьей резиденции, простите, резервации мы сейчас находимся. Над нами зловеще навис Каннибал-На-Северном-Краю-Мира, предсказанный мифологией сиу и квакиутлей, этот кровожадный член ритуального ордена звёздных Людоедов. Мы все вместе, вместе с древними хозяевами этой земли и этого неба одолеем неожиданную напасть.

Вступая на тропу войны, я верю, что мы вскоре закурим трубку мира, трубку нашей победы. Я, Великий Вождь Из Вашингтона, принимаю с этого дня почётное имя Большого Белого Ворона. Первая леди Америки, Большая Белая Ворона, во всём меня поддерживает. Наш государственный секретарь, Крутая Недремлющая Сова по праву считает эту войну своей, она уже отвергла предложения скрыться в тёплом местечке где-нибудь в Великой Албании.

Мы пока сдержанно относимся к предложениям посредничества России, её вождь Чёрная Сыть предлагает перенести наш конфликт из горячей области земля-воздух в более сырую область воздух-вода. Но мы с почтением относимся к загадочным усилиям вождя Черная Сыть, в ведении которого находится огромный объём горячего воздуха, этот воздух плохо пахнет, но хорошо греет. Хорошо и то, что этот воздух вспучивает землю и увеличивает её просторы.

Мы не можем даже говорить о продаже нашей Земли чужеземцам, тем более нам не сказали, всю ли нашу Землю они хотят купить, или только ту часть, которую мы купили у наших индейцев. Если нам будут обещать те же деньги, мы категорически отвергнем это нелестное предложение. Чужеземцы явно ничего не смыслят в обороте денег, это не так примитивно, как оборот Земли вокруг своей оси, ибо с каждым оборотом земля всё дешевле, а деньги всё дороже. Когда-то Великий Индейский Вождь Сизтл осуждал продажу своей земли, но не мог не пойти на это, ибо понимал, если землю не продать Белым Братьям, они отнимут её силой. Он удивлялся, как можно продать воздух, небо, от-

раженное в реках, продать запах еловых шишек. Мы не отличим запах еловой шишки от сосновой, но мы были правы, покупая землю. Сейчас в Сиэтле мы строим наши самолёты – Боинги, вот их желают купить даже русские летающие люди, нам об этом недавно поведал Перелётный Русский Временно Исполняющий Обязанности Вождя. Ведь если наш Боинг долетит до России, то ясно, что он может летать, и русским уже нет надобности испытывать, могут ли их собственные самолёты отрываться от их земли, с продажей которой не все ясно у русских бледнолицых братьев. А что бы мы продавали, не купив эту землю? Еловые шишки? Они и так есть у русских бледнолицых братьев. Поэтому мы не будем продавать нашу, такой дорогой ценой доставшуюся нам землю. Я надеюсь, нас в этом поддержат не только русские, но и другие бледнолицые, и наш народ сиу, которому я обещаю в дальнейшем посильную материальную поддержку, и другие краснокожие, и наши европейские бледные братья, которые не забыли ещё наш план Маршалла и готовы вместе с нами идти на Восток, и наши русские бледные братья, к которым мы продвигаемся всё ближе и ближе.

Конечно, если кто-то на нашей Земле захочет продать свою землю – пожалуйста, у нас на это свобода торговли. Но мы скорее зароем в землю наше небо с жадными пришельцами вместе, чем отдадим или продадим наше единственное подножье...

На этом неосторожном высказывании передача прервалась, вот вам и весь сюрприз. На месте пернатого президента появились настоящие индейцы в нагрудниках-пекторалях из оленьих костей и бусин – всё, как и положено, для туристических затей. Потом их стало заносить снегом и как бы от-теснять в полярную область, эта пурга сопровождалась притаптывающим танцем и песней, которую явно перевирал захлебывающийся переводчик:

О какой ужас
искать одиночества
в окружении близких
желать быть одному
йияйя-йияйя!
Какая радость
в приходе лета
в большой-большой мир
когда доброе солнце
следует старым путем
йияйя-йияйя!
О какой ужас
в приходе зимы
в большой-большой мир
когда только месяц
то месяц то полумесяц
следует старым путем
йияйя-йияйя!
Куда нас несёт?
Я хотел бы быть далеко

Только я уже никогда не увижу
моих родных

Йияйя-йияйя!

28.

Сюрприз с президентом более не повторялся, хотя из намеков Упа и Повидлоу можно было заключить, что он жив и деятелен, что эта его деятельность направлена на повышение уровня жизни тех, о ком забыли целые поколения правителей. Вслед за индейскими резервациями в поле его интереса попали негритянские трущобы Лос-Анджелеса, где стоило навести лоск до прибытия контингента миротворцев из Африки.

Уп и Повидлоу довольно весело подвели страшный итог своим культурно-историческим чисткам.

В Бостоне – о Капитолии уже упоминалось, было задето здание Массачусетского главного госпиталя («Павильон Булфинча», построенный в 1818–20 годах), пострадала Бостонская публичная

библиотека, построенная в 90-х годах позапрошлого XIX века (стиль итальянского Возрождения), но знаменитая Тринити-Чёрч, церковь Святой Троицы осталась неповрежденной, хотя над ней прокатывался гром и нависали тучи. Бостонский музей изящных искусств, построенный в стиле неоклассики, где хранилось немало древностей, остался в прежнем состоянии, даже «Рваная шляпа» на портрете кисти Т. Салли не упала с головы нарисованного мальчика.

Как ни странно, столица почти не понесла значительных потерь в своём ансамбле, что Уп и Повидлоу уклончиво объяснили уважением к Томасу Джефферсону, к тому же Вашингтон уже был однажды сожжён англичанами в 1814 году. Но столичный Капитолий, как и все прочие, требовал капитального ремонта после налёта неуправляемой, но меткой авиации. Уп и Повидлоу ещё кощунственно хвастались, что здесь бомбардировщикам не понадобилось каждому по два самолета электронного обеспечения, как это было при варварской бомбежке Балканского региона, где участвовали лучшие силы земной цивилизации. До Европы докатились слухи, что Вашингтон спасло расположение в нём Бюро американской этнографии с обширной коллекцией образцов индейской культуры.

Трудно перечислить все потери города-гиганта Нью-Йорка. Уже говорилось с возмущением и болью о Бруклинском мосте, действительно, безработным больше с него не прыгнуть, но мост сохранился на полотне Дж. Стелла в Ньюаркском музее в Нью-Джерси. Видимо поначалу радители нанесения штампа старались нанести удары по Манхеттену, купленному за бесценок у индейцев голландцами в 1626 году, а затем в 1664 году захваченному англичанами и переименованному из Нового Амстердама в собственно Нью-Йорк. Космические агрессоры намеренно громили богатые районы, но потом пришли к выводу, что в результате богатые районы превращаются в бедные, а жители бедных районов несознательно растаскивают в бывших богатых районах всё, что ещё уцелело. К тому же в таком пёстром городе как Нью-Йорк трудно обрабатывать с воздуха богатый квартал, не задев при этом случайно бедного, да и сами бродяги и нищие ищут себе счастья именно в богатых районах.

Пострадали все 13 зданий Рокфеллеровского центра, что говорило о пристрастном отношении пришельцев к числу 13. В Метрополитен-музее пострадал отдел американского оружия и доспехов, но в остальном все осталось в порядке, только картина Э. Уайета «Ворона пролетела» во время одной из атак покосилась, но не упала, что говорит о силе и надёжности добротного американского реализма. В то же время «Пленные с фронта» У. Хомера (1866 год!) бежали из музея, а точнее были выкрадены некой патриотической группировкой, призывающей к тому, что пленных быть не должно. Нечто подобное произошло и с картиной Дж. Трамбалла «Взятие в плен гессенцев при Трентоне» (конец 18 века), которая исчезла из Художественной галереи Йельского университета в Нью-Хейвене. Возвратились ли пленные немцы к себе в Гессен? Немецкие спецслужбы отрицают свою причастность к этому акту вандализма.

Из комплекса ООН исчезла богатырская статуя работы Е. В. Вучетича – «Перекуём мечи на орала», одни полагали, будто кража совершена в связи с новой концепцией мирового порядка, где образ дробящего и кующего молота представляется более весомым, чем явно устаревшие меч и плуг; по другим предположениям, сами инопланетяне захотели обладать именно этим произведением земного гения, во всяком случае, Джимми Повидлоу на соответствующий вопрос журналистов блекло ответил, что физически это возможно, хотя его лично статуи полуголых мужиков вообще не волнуют.

Кому мешали «Кошки» на Бродвее, на этот вопрос прямого ответа получить не удалось, но просочились в печать предположения, что электронный антураж этого замечательного зрелища был ошибочно принят за радарное устройство сил противовоздушной обороны. Поклонники композитора Веббера и поэта Т. С. Элиота выдвинули гипотезу, что Уп и Повидлоу происходят из собачьей цивилизации в созвездии Гончих Псов, а потому терпеть не могут кошек.

Уп на это откликнулся безо всякой обиды: – Берите выше! – воскликнул он патетически, – не Гончие Псы, а Большой Пёс, где, как вам из книг может быть известно, находится Сириус, самая яркая звезда вашего унылого неба – в 22 раза ярче вашего тусклого солнца, – тут он впервые позволил себе посмеяться над Повидлоу, – а вот он как раз со спутника Сириуса, с Белого Карлика, – Повидлоу на это с абсолютной серьёзностью отреагировал: – Белые Карлики являются конечным продуктом звёздной эволюции, отсюда венец творения не ярко, но плотен и горяч! – при этом Джимми поднял кверху свой карликовый кулак.

Надо признать, этот кулак приложился, так или иначе, к бледному лицу земли. Видимо, военно-промышленный комплекс интересовал выходцев из Большого Пса. Был разрушен завод по получению урана в Ок-Ридже, штат Теннесси; промышленный комплекс «Дженерал электрик» в Луисвилле, штат Кентукки; атомный реактор в Плейнсборо, штат Нью-Джерси; здание для сборки ракет на мысе Канаверел во Флориде, – все четыре вертикальных отсека 150-метровой высоты. Выведена из строя солнечная обсерватория на горе Китт-Пик в Аризоне. Видимо Сириусу, или скорее его Белому Карлику стал противен факт, что откуда-то на него смеют смотреть снизу вверх. Нечего говорить о таких известных местечках, как Пентагон, самим названием посягающий на пятиконечную звездность, или комплекс ЦРУ в Ленгли, этот соперник, а в чём-то и наследник разогнанного советского КГБ.

Какие-то цели были обнаружены и подавлены самими американскими вооруженными силами, им же никто не препятствовал проводить операции на собственной земле, но не выше! Видимо сыграла свою роль привычка время от времени освобождаться от собственного уже устаревшего арсенала, и тут подвернулся случай наиболее экономный – своим устаревшим наступательным оружием подавить свои же устаревшие оборонительные сооружения. Это подготавливало хорошую почву для создания более совершенной системы обороны, уже принимающей во внимание будущие вторжения из недружественного по отношению к Америке космического пространства. Земной щит против небесного меча! При этом были совершены определенные ошибки, но их никто не заметил: лес рубят – щепки летят!

Во многих городах произошли потрясения в библиотеках, включая такие знаменитые, как библиотека Конгресса и Шекспировская библиотека Фолгера в Вашингтоне, и это при том, что Вашингтон, якобы, пощадили. Можно было подумать, что это оттого, что обе библиотеки находились в непосредственной близости от пресловутого Капитолия, но как же тогда с библиотеками остальных городов? Исчезали бесследно некоторые книги, прежде всего по истории и географии Америки.

Джимми Повидлоу, оказавшийся белым карликом, на это заявил, что внимательные читатели могли бы давно обратить внимание, что они, то есть сам Уп и он, Джимми, время от времени появлялись то в одной, то в другой из упомянутых библиотек. Бывали они и в библиотеках Европы, в бывшей «Ленинке» в Москве, там же в «Историчке», в «Публичке» в Санкт-Петербурге, конечно, в Библиотеке Британского музея в Лондоне, и тому подобное. Имело, значит, для них смысл посмотреть, кто читает, что читает, как читает. Что за книги, в конце концов! И вот видишь: в книгах одно, а в жизни другое. Вот в русской Исторической библиотеке хорошие книги по истории, а сама русская история плохая. Есть хорошие умные книги у немцев, но они их плохо понимают. Русские философы начинают объяснять немцам Канта и Гегеля, но вконец запутываются в Марксе и сбивают с толку других. У американцев проще других, они живут в городе, а читают про жизнь в лесу, тогда как лес вырубил у себя и продолжают вырубать у других. Русский народ – это народ созданный русской сатирой. Гоголем, Салтыковым-Щедриным, Зошенко. Немецкий народ выпестован чтением уставов, налоговых счетов и строгих документов. Американцы воспитаны не книгой, а слушанием речей на предвыборных кампаниях, да ещё диалогами в кино. И ещё вот что выяснилось: для того, чтобы научить читать хорошие книги, надо их запрещать. Вот мы и ударили по библиотекам, чтобы призвать ваш народ к разумному занятию. Так уже было в Китае, до вашей эры, так сказать: великий деспот Цинь Ши-хуанди сжёг книги вместе с их писателями и тут же воздвиг Великую китайскую стену, чтобы их не ввозили из России, тем более из Советского Союза. Но было уже поздно. Китайцы успели перевести Карла Маркса с русского на свои иероглифы.

– Но вы же фактически навязываете нам цензуру и ограничиваете свободу слова!

– Вот-вот! Чтобы войти в ограниченную свободой область словесного познания, нужно пройти таможенный контроль! А каждая книга, как известно, имеет свой инвентарный номер и своё место в библиотеке. То, что мы делаем, это и есть продолжение миссии учета.

– С книг начинаете, а потом и читателей туда же! Всех под штамп! Когда же вы сочтёте нужным поставить, наконец, этот злосчастный штамп! Когда почва будет окончательно подготовлена? Вы что хотите, камня на камне не оставить от американской великой цивилизации?

– Вы правы, книги не камни. А штамп, – тут Джимми вопросительно посмотрел на Упа, и тот одобрительно кивнул. – А штамп мы уже наносим. Вы когда-нибудь видели грамотно татуированного индейца? Мы видели тут у вас татуированных неиндейцев, это, как правило, пошлая и неграмотная

татуировка, хотя она и в моде у индейцев. А мы наносим штамп, то есть, наносим правильную, грамотную татуировку на девственную кожу вашей земли. Это требует времени и тщательной проработки.

– И что же вы будете прорабатывать после разорения наших библиотек? На книги руку поднимаете! На самое святое! – прорвался вдруг кто-то, как всегда, учёный, – да есть ли у вас душа?

– Душа у нас есть, но она хранится в надёжном месте, там, на родине, которая нас сюда с миссией отправила, – тут уже Уп поднял руку и указал вверх: – А грядущей ночью мы вплотную займёмся фабрикой грёз, Голливудом. Так что будет вам Хичкок-Спилберг! Кошмар на улице вязов! Хеллоуин! Я вам покажу – Плутство! Апокалипсис Вчера, Сегодня и Завтра! Вы увидите, как Хвост виляет собакой! И уже безо всяких намёков на Большого Пса! Доброй вам ночи, дорогие кинопланетяне!

29.

Президента переложили в двухспальную кровать, что означало уход в очередной отпуск. Таким образом, мои доклады стали в два раза короче; предполагалось, что недостающую часть необходимых известий ему нашёптывают уже без меня. Воспользовавшись этим, я отлучился домой, так сказать, на побывку, чтобы посмотреть почту.

Среди писем оказалось одно довольно пухлое – от Заумова, где он пространно описывал красоты Канарских островов. Там настоящие, как он подчеркивал, бананы, а те, что мы едим в Москве – это кормовые бананы, их бывалые обезьяны с отвращением отвергают. Затем он поведал о кратере Кальдера на острове Тенерифе, диаметром в 12 километров, самом большом на земле. Видел я этот кратер – чёрная дыра, да и только. Мог бы и не напоминать. Тут же Заумов упомянул о кратере на Марсе, недавно измеренном американцами; если его перенести на поверхность земли, он бы накрыл почти все Соединенные Штаты! Заумов предположил, это и есть штамп на Марсе, замеченный американским спутником.

На Тенерифе некие немецкие и другие художники, разочарованные в нашей земной цивилизации, уже полтора десятка лет собираются построить что-то вроде кампанелловского города Солнца, точнее городок творческих личностей, дав ему название Марипоса, что по-испански значит бабочка. Там уже установлена 12-метровая плоская скульптура – «Земной круг», причём круг этот на самом деле восьмиугольник. Полукилометровой высоты скалы обрываются прямо в океан, а на вершинах гордо растут метровые лавровые деревья, гигантские папоротники и пинии. Там и будут нынешние утописты собирать вместе инакомыслящих, хотя, что за мыслитель, если он не мыслит «инако». Там такая тишина, такой звонкий покой, что так и будет всех тянуть на альтернативные решения.

На этом слове я не мог не споткнуться, ибо привык иметь дело лишь с теми, кому нет альтернативы, если не иметь в виду вечно сменяющуюся охрану и прочие заменяемые органы, включая правоохранительные и тому подобное.

Хорошо им там под атлантическим солнцем создавать японские каменные сады и английские нерегулярные парки! И соединять разные уровни этого чуда природы золотой лестницей, ведущей в третье тысячелетие! Здравствуйте, мы пришли!

Наконец, дошло и до сути сообщения. Жаль, что мне нельзя звонить прямо в Кремлёвку, это был бы лишний шум, вызванный личными интересами. А как иначе довести до сведения властей что-то важное, связанное отнюдь не с личными, а с планетарными интересами? Одна надежда у Заумова: на меня!

И здесь выложил мне Заумов всё об Атлантиде.

Он и его неслучайная команда не только обнаружили Атлантиду – этакий колоссальный атолл, опоясывающий Канарские острова и подходящий вплотную к Америке на западе и Африке на востоке. Они уже нашли ей необходимое применение. Как и утверждал Платон в диалоге «Тимей», катастрофа произошла где-то 12 тысяч лет назад, сегодня можно уточнить: 13 тысяч лет тому назад!

Атлантическая цивилизация была воистину ушедшей, она не просто погибла, она «ушла». Ушла, скажем так, на другие берега, на берег Африки и на берег Америки. Там атланты, вернее их спасшиеся потомки построили пирамиды, ориентированные всей своей геометрией на звезду Альфа Большого пса, то есть на Сириус!

Атлантида не просто погибла от землетрясения, она это землетрясение сама устроила, хотя она его и заслужила. Это был не просто остров, это был блуждающий материк, потому и были разные

суждения об его местонахождении, называли район острова Санторин в Средиземном море, а многие – от Платона до Монтеня указывали: она за Геркулесовыми столпами. Это уже Атлантика. Но вот и другая протяженность, так мы доходим и до Понта Эвксинского или Чермного моря, где блуждал пират Одиссей, вовсе не в Средиземноморье. А там рукой подать до страны Гипербореев и протославян, тоже законных наследников атлантов.

Итак, это был плавучий остров, а почему он плавал? Подводная экспедиция добыла пробы пород, составлявших подножие Атлантиды, нетрудно было установить, что это были некогда газоносные и нефтеносные породы. Вот и плавала Атлантида на газовой подушке, не исключено, что этот газ горел и использовался по назначению. Есть предположение, что когда-то от Атлантиды откололась Исландия, её внутренние источники охладились при приближении к северу, отчего Исландия примерзла ко дну моря. Но горячие гейзеры говорят о том, что наша гипотеза об Атлантическом её прошлом не лишена оснований.

А теперь вспомним об Атланте-Атласе, которого перехитрил коварный Геракл, давший ему подержать небесный свод, пока он поправит на своей натруженной спине подушку, да так его и оставил. Наказать следовало Атланта, брата Прометея, за участие в борьбе титанов с олимпийскими богами. Ещё атлантом называют первый шейный позвонок, сочленение с черепом. Удар по нему бывает смертельным, чем пользуются шпионы и прочие наёмные негодяи.

Эти мистические моменты наводят нас на мысль, что Атлантида была важна для всей нашей допотопной планеты. Будь тогда открыта Америка, она бы её, несомненно, объявила сферой своих жизненных интересов. Либо нефть и газ прибрать к рукам, либо спалить! Недаром сейчас какие-то игры вокруг Ливии, Ливия ведь недалеко от Атлантиды – хочется почему-то сказать: недалеко от Атлантиды ушла.

А вот почему постигла катастрофа этот богатый материк. Нефть и газ его подвели под монастырь. За право накачивать газом другие материка боролись Чёрный король с Белым королем. А пока боролись, весь газ и всю нефть из своей подземной подушки выкачали! Не нашлось Геракла, который бы эту землю поддержал, – вот она и затонула. Какие-то земли в свою очередь неожиданно всплыли, но пока не об этом речь. Ну, а теперь к проблеме нанесения штампа.

По всем подсчетам предыдущий штамп наносился 13 тысяч лет назад, отсюда трепет пришельцев перед числом 13. Пришельцы сознались, что имеют отношение к Сириусу – двойной звезде из созвездия Большой Пёс. Память о Сириусе заключена в расчётах египетских пирамид, а наши пришельцы высказывали предположение, будто пирамиды и есть след бывшего штампа. Опять всё вокруг да около, ясно почему: Египет тоже недалеко от Атлантиды, туда – через Ливийскую пустыню – и ушла одна из ветвей атлантов.

От любого канарца можно услышать патриотическое предание, что Канары и есть осколок Атлантиды. Предки канарцев высоки и голубоглазы, как и описано в мифе, хотя и не до трех метров ростом. Голубоглазы, потому что долго, веками смотрели на море и на небо. Ну, ген голубоглазости – рецессивный ген, потому от смешения с испанцами, а точнее с испанскими маврами глаза у потомков атлантов потемнели, а если говорить о нашей истории вообще – в глазах у них от ужаса потемнело. То же самое о себе говорят и армяне, у них тоже от своей истории в глазах потемнело.

Миф об Атланте наводит нас на мысль о том, что Атлантиду не просто выбрали для нанесения штампа, но попросту подставили, и это сделали более примитивные, но и более коварные соседи по Средиземноморью, которым надоела вечная зависимость от этого топливного монополиста. А в результате они остались и без Атлантиды и без топлива, отчего прогресс замедлился, а кое-где совсем прекратился. Вот почему распалась империя Александра Македонского, а затем и Великая Римская империя. Памятники культуры остались, а носители культуры захирели, растворились среди варваров. Как всё это произошло? В каких-то книгах это было описано, но эти книги поспешили уничтожить, уж не поэтому ли сожгли Александрийскую библиотеку? Трижды уничтожали – в 47 году до нашей эры, в 397 году уже нашей эры, а в довершении всего ещё и в седьмом веке. Фальсификация истории! Стыдно было. И везде семёрка присутствует, младшая родственница чёртовой дюжины. В этом что-то есть. Уж не семиты ли виноваты?

Тут, я подумал, Заумов несколько перебрал, обратившись к народной этимологии. Ну, а что же он пишет про нанесение штампа? Здесь он приводит некоторые расчёты, которые я опускаю, я уже понял, к чему он клонит.

А получалось так по Заумову и его команде: Атлантида выпустила газ в момент нанесения штампа и мягко затонула до лучших времён. Всё ли население спаслось, или только жрецы, в чьих руках были ключи от газовых горелок? Главное не в этом – Атлантида приняла на себя удар штампа, спасая другие части света от вселенского нажима. Первая жертва во имя будущего человечества, которое так небрежно, мягко говоря, творило свою историю.

Но не в этом главное открытие Заумова и его выездного Бюро расследований. Главное было определить, куда вышел газ из Атлантиды. А вышел он, как показали расчеты, которые опустил благодарно уже сам автор письма, в сторону Западной Сибири, откуда теперь и качают этот газ в неблагодарную Европу.

И вот, наконец, сенсационный вывод: Атлантиду можно снова надуть российским газом, отчего она непременно всплывет, вот тут её и надо предложить инспекторам Вселенной в качестве альтернативы Америке. Америка пусть только кредит даст. На нужды той же газовой отрасли в России. На модернизацию. Ведь как-никак в Америке тоже наши люди. Нельзя Америку сбрасывать со счетов. Да и Европе без Америки как-то неуютно. Сколько можно терпеть это надругательство над Новым Светом?

В заключение Заумов переиначил слова великого Владимира Ивановича Вернадского: не только человеческая мысль должна и может стать геологической силой, но и геологическая сила, – то есть сила самой земли – должна двинуть человеческую мысль в сторону спасения человечества. Горы помогут нам в нашем стремлении ввысь, а моря-океаны в нашем намерении идти вглубь.

Заумов предложил оповестить обо всём властное окружение президента, к коему он сдуру причислял и меня, и подготовить проект под кодовым названием «Операция Геракл». Пусть Атлант и дальше держит и сдерживает силы небесные. Я уже мысленно сделал вид, что могу дать ход этой авантюре.

30.

Нью-Йорк подсчитывает ущерб, вызванный горячим желанием свыше наладить историю земли. Удар по Манхеттену, как сообщили очевидцы, пожелавшие остаться неизвестными, вовсе не сократил вопиющую разницу между бедностью и богатством. Пострадали даже районы, где живут бывшие узники европейских концлагерей. Жители города были надолго лишены электричества, а так как телевидение было парализовано ещё раньше, то тяга к чтению так и не получила должной поддержки свыше, ибо без света читать невозможно.

Ещё более страшной бедой – а на беду стояла страшная жара в Северной Америке – стало отключение холодильников. Стали портиться неприкосновенные запасы пищи, которыми население заранее запаслось, чтобы лишний раз не выходить под космическими палящими лучами в магазины, многие из которых были разграблены беспринципной чернью, черни было всё равно под какими лучами находиться. Весь мир облетели стоны бывшей русской художницы, у которой в потекшем холодильнике испортились не только ножки Буша (это уже из слезливых комментариев в российской прессе проамериканской ориентации), но и слиплись в один гигантский пельмень ставшие непригодными для лакомства пельмени (о чем сокрушалась патриотическая печать).

Жуткой волной накатило на этот мрачный фон известие о погроме Голливуда. Отчёт об этом был состряпан из фрагментов голливудских боевиков, но сопровождался гнусными комментариями самих инопланетян.

Пострадала не только сама фабрика грёз, но и окрестности. Несколько бомб рухнули в озеро Голливуд, но не взорвались, а затонули. Покосилось от взрывной волны одно из строений отеля Беверли-Хиллс, что вызвало решительный протест его владельца из Арабских Эмиратов. Были эвакуированы сотрудники из Публичной библиотеки, в их отсутствие исчезли ценные книги, в том числе труды по уфологии – летающим неопознанным объектам, книги о снежном человеке, обнаружение которого должно пролить свет на роль людоедства в становлении человека, а также ряд книг на русском языке, из чего можно было предположить, что это дело рук русской мафии, пытающейся внедриться в американскую культуру.

Были нанесены точечные удары по киностудии «XX век-Фокс» и по киностудиям «Парамаунт» и «Метро-Голдвин-Майер». Уп дал при этом циничный комментарий:

– Мы нанесли удар по точкам, отражающим точку зрения массового кинозрителя, этого кинонаркомана, для которого одно удовольствие лицезреть, когда убивают, но не его, насилюют, но не его, бьют морду при помощи всех дозволенных и недозволенных восточных и западных боевых искусств, но не ему, но не его глупую заспанную морду, на которой есть рот для потребления пива а также курения в полупустом кинозале. Разнузданный разврат и аморальные действия! – говоря всё это, Уп едва не захлебнулся от справедливого гнева.

Захлебываясь и дальше, он продолжал обличать Голливуд в развращении молодежи, в сокращении срока жизни стариков и в лишении женщин благородного ореола истинной женственности. Его выводит из себя эта вечная погоня с револьверами и без них по крышам домов, перескакивающая из фильма в фильм. Теперь только становится ясным, зачем понастроили фаллические столпы небоскребов: для нужд кинопроката. Мало человеческих гонок, ещё и чучело несчастной обезьяны на небоскреб взгромоздили. А ведь крыши, на которых все эти безобразия творятся, для нас очень важный военный объект, наблюдая крыши, мы должны решать, какую из них приподнять, как крышку кастрюли, а какую приплющить в интересах равномерного и прямолинейного нанесения штампа.

А теперь ещё и звёзды. Звёзды не для того, чтобы их топтали своими грязными башмаками поклонники кинозвёзд. А то весь квартал усыпали звёздами, будто это не звёзды, а небесная перхоть. О, идолы и идолопоклонники! – воздел к небу нечто похожее на руки Уп. – Планета Голливуд, надо же такое придумать! Нет такой планеты, это не планета, а «Воронья слободка», электронная Воронья слободка! – не унимался уполномоченный Вселенной.

Раздраконе́н был не только Голливуд. Не только звёзды были выкорчеваны силами небесными на земле, был задет и Планетарий, но вот расположенный рядом зоопарк пощадили. Из окрестных городов, уже поглощенных Лос-Анджелесом, досталось только Санта-Монике, ни Сан-Фернандо, ни Пасадена, ни Лонг-Бич не были задеты. Мало того, даже горы Санта-Моника выдержали налёт какой-то серой полупрозрачной облачной спермы, которую потом никто не решался смывать или соскабливать со своей одежды, хотя точно неизвестно, был ли кто-то из нежных дам в это время под открытым небом в горах. Этот налёт хмуро прокомментировал Джимми:

– Мы же предупреждали, что будет подвергнуто беспощадному подавлению всё, что дорого президенту!

31.

Я вошел с докладом к президенту, сначала вздрогнул от неожиданности, но тут же обрадовался: в двуспальной кровати лежали валетом сам президент и некоронованный король всех газов господин Черносытинцев. На ловца и зверь... лежит!

– Ты чего это тут? У нас тут мужской разговор, – заворочался во сне президент, толкнув при этом ногой лицо человека, решительно похожего на Черносытинцева, отчего и тот заворочался, угрожая в свою очередь своей ногой первому лицу государства.

– Есть решение, – заикнулся я.

– Какое ещё решение, всё уже решено!

– Есть решение, направленное на сближение с Соединенными Штата...

– Шта?

– С Соединенными Штатами, а одновременно...

– Ну, ты даёшь! Давай по порядку, а не всё одновременно!

Тут я изложил по порядку проект Заумова под кодовым названием «Операция Геракл». Как только я заговорил про газ, проснулся Черносытинцев:

– Что? Где? Какая газовая атака? Как всегда, или ещё хуже?

– погоди ты идти в атаку, – остановил его президент. – Тут и без атаки, оказывается одним пехотинцем Гераклом можно обойтись.

– Какой Геракл? Из какой команды? Из чьей группировки? – будущий посредник все ещё не мог прийти в себя.

Мне пришлось напомнить всё известное о Геракле, что его не надо путать с более известным Дракулой, что в нашем случае эта символическая фигура как нельзя лучше подходит в противоборстве с пришельцами, ведь они – ребята из Млечного пути, а сам этот Млечный путь возник по вине Геракла: Зевс (папа Геракла) и Афина обманом заставили богиню Геру кормить грудью младенца

Геракла, но он так неистово всасывал её молоко, что она отринула чудовищного младенца, молоко её разбрызгалось и образовало Млечный путь.

Геракл задавил богатыря Антея, оторвав его от земли, так почему бы ему не одолеть и пришельцев, по самой своей сути от земли оторванных? А если говорить об их собачьей сущности, то разве не Геракл скрутил трёхглавого пса Кербера – жуткого стража подземного царства? Не надо только пугать этих небесных бюрократов тем фактом, что Геракл отрезал у глашатаев жадного царя Эргина носы, уши и руки, надо подчёркивать, что Геракл, прежде всего, культурный герой, принадлежащий всему человечеству, а не какой-нибудь приверженец этнических чисток. Первые лица государства, один при власти, а другой в отставке, завели речь, прежде всего, о благе нашей страны: дадут ли нам американцы дополнительный заем, если мы поможем снять с них небесную блокаду. Я осторожно вернул их к мифу о Геракле, который взялся чистить Авгиевы конюшни с коммерческим расчетом: он выторговал у Авгия десятину – десятую часть очищенного скота. Но когда Авгий прознал, что Геракл совершил этот подвиг по чужому заданию, то есть по предназначению Эврисфея, он Гераклу платить наотрез отказался. В свою очередь Эврисфей, пронюхав, что Геракл занимался ассенизационным делом за мзду, не засчитал герою этот подвиг, кажется, пятый.

Лица государства не без сожаления согласились не просить сейчас ничего, попросить можно и потом. К мздоимству Геракла отнеслись с пониманием: наш человек! Я постарался поведать им ещё что-нибудь приятное, а именно, что Геракл, забредя в те края, где нынче, возможно, расположена Чечня, встретился там с полудевой-полузмеёй, совокупился с ней, отчего произошли на земле этой скифы. Так пишет историк Геродот, кому же верить, если не Геродоту, а мы как раз скифы и есть, как по евразийской теории, так и по практическому отношению к нам европейцев. Я ещё процитировал Блока: Да, скифы мы, да, азиаты мы... После этого мои собеседники посмеялись над полудевой и обратились к теме предвыборных блоков, но, судя по всему, операция Геракла пришлось им обоим по душе. Выпроваживая меня, президент ещё спросил хмурого Черносытинцева:

– А у тебя газов хватит?

– Хватит, хватит! Не хватает, из конкурентов выжмем!

32.

Слипшиеся пельмени и погром Голливуда всколыхнули уже вроде бы замирающую волну сострадания к американскому народу. Волнения произошли в некоторых приуральских и приволжских регионах, где угро-финские правозащитники протестовали против узурпации русским имперским народом права считать пельмени своим национальным блюдом. «Вернём пельмени в лоно истории», – под таким лозунгом прошли митинги и мирные демонстрации. К ним присоединились голодающие, соблюдающие Петров пост.

Голливуд оживил проблему захоронения Ленина, погром Голливуда в России оценили, как следствие ленинской фразы: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Ещё бы; один «Броненосец Потемкин» чего стоит, особенно в эпоху раздела Черноморского флота.

– Как же так, – возмущались могильщики Ленина, – если на нём надо менять пиджак каждые два года, то сколько пиджаков придётся пошить в новом тысячелетии? Не проще ли оставить забальзамированный пиджак в музее, где он без Ленина продержится гораздо дольше.

Противники похорон указывали на непоследовательность могильщиков: если хоронить Ленина, то надо то же самое сделать с его предшественником – хирургом Пироговым. А это уже вмешательство в дела самостийной Украины. Не объединяться же из-за двойных похорон!

– Мы его похороним, – заверил кладбищенских работников президент, – но пока не скажем, когда. Вот найдем надёжную замену и похороним!

Протесты против голливудского побоища прозвучали на кинофестивале в Карловых Варах, где присутствовал президент Вацлав Гавел, перекинулись они и на московский кинофестиваль, где зрелищных олигархов приветствовал градомэр Моржков. Воззвание к пришельцам, призывающее их освободить землю от своего военного присутствия, зачитали с американской стороны режиссёр Андрей Михалков-Кончаловский, с русской режиссёр-евразиец Никита Михалков, а от нейтральной Европы актер и режиссер Клаус-Мария Брандауэр.

Рукоплесканиями было встречено обнадёживающее известие: все американские боевики, вестер-

ны, мыльные оперы и т. п. не пропали для мира, они сохранились в многочисленных пиратских видеозаписях, осуществлённых в обновлённой России!

А вот как откликнулись на это некоторые западные средства массовой информации: «Ага, мы всегда говорили, что здесь замешана русская мафия! Вот к чему приводит борьба за рынок индустрии развлечения! Нельзя так беззастенчиво узурпировать монополию на экспорт и импорт идеалов. В более точном изложении это выглядело бы так: русские нарочно спровоцировали инцидент с Голливудом, чтобы ворованные видеокопии объявить своими трофеями и стать, таким образом, монополистами в этом наиболее прибыльном виде художественного ремесла.

Можно было бы и не обращать внимания на всю эту болтовню, ибо выход из положения был уже найден стараниями детского писателя, а ныне подводника-археолога Заумова, всё это одобрено президентом. Президент дал добро на проведение операции «Геракл», а Черносытинцев, который долгое время пытался посредничать, не имея четкой позиции, теперь знал: Что делать?

Проведение операции было объявлено государственной тайной, но газ – на то и газ, чтобы просочиться. Поползли слухи, что русские намереваются захоронить ядовитые газы нервно-паралитического, а также дурно-веселящего действия в Атлантическом океане. Эти газы будут медленно растворяться в океане, отчего рыба вначале перепугается и ринется из океана в моря – Балтийское и Чёрное, не говоря уже о Северном, где она захочет охладиться, вот там её и будут вылавливать российские рыбаки. К этому времени рыба уже развеселится, и вылавливать её будет очень легко.

Ещё большую тревогу вызвала дезинформация, будто российский Газпром вздует цены на газ, поставляемый в Западную Европу. По этому поводу прошли молчаливые ночные бдения перед Российскими посольствами в ряде стран, где возмущённые потребители дешёвого газа стояли с зажжёнными зажигалками.

На самом деле цены на газ были повышены только в самой России, где от этого никто не бунтовал, ибо в самой России не было Российских посольств. К тому же это повышение было не столь катастрофическим, как привычное повышение цен на бензин в связи с тем, что в своём отечестве его некому производить.

Разрыв между бедными и богатыми увеличился почти на треть, в то же время Земля ожидает 12 октября рождения 6-миллиардного обитателя. Канада удерживает за собой первое место по уровню жизни, за ней следует Норвегия, не будь этой ситуации со штампом, на третьем месте пребывали бы США.

И вдруг настораживающее событие – уж не опередила ли нас оппозиция? На экране возникли молодые комбинаторы – как будто бы на время выпавший из большой политики энергичный Щупальц, его соратник, тяжело дышащий тугодум Мойдодар, и недавно переехавший в столицу из процветающего Нижнего Волочка неугомный Фрицев.

– Вы всё болтаете, а мы дело делаем! – заявил на всю страну Щупальц, дело было на военном аэродроме, с которого комбинаторы готовились в чкаловский перелёт через Северный полюс. Как известно, в связи с нанесением штампа на лучшую часть планеты обычные авиалинии работали с большими перебоями, лететь в Америку приходилось только через полюс.

Мойдодар и Фрицев ничего не сказали, на них уже были надеты кислородные маски.

– Кому-то надо оставаться в центре управления полётом, – сказал деловитый Щупальц, обняв на прощанье своих замаскированных коллег, которые прослезились бы, если бы не маски.

Уже через час Щупальц объяснял цель миссии в телепрограмме «Одну минуточку!», которую вёл известный обозреватель Компотов. Компотов уже дозвонился в Америку, и Щупальц схватил трубку:

– Билл? Билл или не Билл? Вот в чём вопрос: мы готовы присоединиться к Америке. Да, к Соединённым Штатам в качестве заштатной провинции. Тогда, я уверен, да я уверен, эти сверхугляды, космоглобалисты, или, как их там, – откажутся от нанесения штампа на столь обширную и непредсказуемую территорию. Да, президент Белоруссии пока ничего об этом не знает, но он обрадуется, как только узнает. Ось Минск-Москва-Вашингтон! Так это Билл? Ты? Уп? Какой Уп? Упаси господи...

На этом связь прервалась, но не прошло и тридцати минут, как показали Мойдодара и Фрицева, но уже без масок и с синяками на лице, третьим был лётчик, видимо, чтобы не испугать зрителей, маску с него не снимали.

– Я хочу заметить, не надо думать, что я испугался. Отнюдь. Но я понял, что мы в России сейчас нужнее. Мы в России нужны всегда, даже если мы за её пределами. Ещё я хочу добавить, если меня видят, если нас сейчас видит наш товарищ Щупальц, то мы не отказываемся от нашего замысла. Если не получится до того, то не исключено, что мы это осуществим после того. Если Америка не приберёт сейчас Россию к рукам, то потом Россия может дать по рукам Америке, а это может не понравиться Европе.

Это говорил Мойдодар, а потом к нему присоединился Фрицев:

– Я хочу подтвердить всё, что тут сейчас было сказано, от себя ещё добавлю, что относятся к нам здесь очень хорошо, но мы ни на минуту не забываем, что в России без нас плохо!

Вряд ли можно назвать этичным последующий комментарий, но уже не Комптова, а кого-то помоложе, будто все эти выступления не что иное, как вода на мельницу будущей избирательной кампании. В то же время был создан комитет по освобождению космических пленников Мойдодара и Фрицева. Уже было направлено обращение к правительству Казахстана с просьбой дозволить вывести на околоземную орбиту спасательный корабль одноразового использования, так как всё ещё находящийся на орбите «Мир» сам испытывает нехватку живительного газа кислорода, и с его помощью вряд ли удастся осуществить спасательную операцию.

Между тем операция «Геркл» шла полным ходом.

33.

Афера с продажей России в Америку через Аляску, хотя и провалилась с треском (треск был слышен во многих Штатах, его даже приняли за короткое замыкание, из-за которого пропало электричество в Нью-Йорке), но помогла проведению операции «Геркл». Российские власти поначалу обратились к хранителям штампа с просьбой выдать им самозванных коммивояжеров добровольно. Для этой цели Черносытинцев готов был снарядить воздушный шар, надутый его газами – как выразился президент, дающий добро на этот полёт сквозь плотные слои атмосферы.

Хранители Вселенского штампа отнеслись к возможности выдать Мойдодара с Фрицевым скептически, поскольку не были уверены, что последние способны приносить пользу России, не вредя при этом Америке.

Вредить Америке в данный момент это монополия их, Упа и Повидлоу. Но когда сама Америка предложила предоставить убежище бывшим россиянам, а ныне пленникам Вселенной, Уп назло врагам выразил согласие на переговоры с русскими посредниками. При этом он подчеркнул, что испытывает особый, стратегический интерес к представителям евразийского движения «Наш чум – Америка».

Пленникам даже разрешили связаться со Щупальцем по телефону.

– Вам не хватает наглости и хамства, – поучал их Щупальц, – надо дать всем понять и почувствовать нашу силу и энергетику, ведь по вам и по нам будут судить о силе и энергетике всей России! Нам надо подключать к нашей сети платежеспособный Запад и обеспеченный Ближний Восток, пусть даже придётся ради этого отключить всю неблагонадёжную Россию!

– Домой хотим, домой, в гущу событий, – торопливо залопотал в ответ Мойдодар, – нас тут для переговоров то и дело макают в воду, а мы хотим в Россию, надеемся сухими выйти из этой воды и включиться в работу.

– Держитесь за воздух, когда в воду макают, – посоветовал опытный Щупальц, – скоро за вами пришлём, уже идут переговоры с казахами. Если не дадут запустить ракету, я и им во всех юртах электричество отключу!

– Мы держимся, но тут у нас дым отечества на исходе, – простонал Мойдодар и указал на пилота в маске: – Одна маска на троих!

– Ничего, – ободрил их Щупальц, – пока у русского народа есть что-то на троих, русский народ продержится. Мы пока ещё отпускаем русскому народу в нужных количествах дым отечества, так что народ продержится до вашего возвращения. И вы держитесь!

Здесь уже не выдержал пилот, пьяный от кислорода, и прокричал сквозь маску:

– Да здравствуют держатели газовых акций! Ура!

По Европе тем временем курсировали упорные слухи, что русские молодые комбинаторы в союзе с примкнувшими к ним уголовными авторитетами уже захватили космическое небесное тело и

держат его в своих руках, но для отвода глаз объявляют себя заложниками тела. Таким образом, надо ожидать, что русские потребуют отсрочки своих неплатежей по займам, на которые в своё время пошла ещё царская Россия.

Официальные лица, связавшись с Кремлём, опровергли эти слухи и потребовали созыва международного трибунала для расследования этой аферы, так как перелёт Майдодара и Фрицева не был санкционирован российской стороной и не был заранее одобрен глухо молчащей американской стороной. А также не было согласовано с правительством Канады вторжение миротворческого самолёта в её воздушное пространство.

Нет худа без добра, благодаря этому инциденту ослаб контроль верховодящих цензоров, и мы мельком услышали, чем живёт сегодня мужественная Америка.

Президент, обеспокоенный повальным вооружением своего народа, предложил остепениться, и хотя бы уголовники должны зарегистрировать своё огнестрельное оружие. Индейцы должны сложить свои томагавки, так как по донесениям немногочисленных албанцев, посетившим заокеанский континент, они видели там русских с топорами в руках. Один из них даже замахнулся топором и произнёс по-русски: выше стропила, плотники!

Конгресс не поддержал эту разумную инициативу президента. Он высказался за медицинские преобразования, которые бы давали при лечении и обследовании большие льготы и преимущества раненым холодным оружием по сравнению с ранеными огнестрельным, так как опасность внесения инфекции от холодного оружия выше, чем от более экологически чистого огнестрельного. В то же время статистика показывает, что в 20 процентах семей алкоголиков и наркоманов дети подвергаются сексуальному и прочему физическому надругательству.

Уставший от безработицы Гаагский трибунал осмелел настолько, что потребовал выдачи Упа и Повидлоу как военных преступников. Неясно было только, кто их может выдать. Поэтому намечались определённые действия по отношению к каждому из обвиняемых отдельно, в результате чего может появиться надежда на то, что или Уп выдаст Повидлоу за достойное денежное вознаграждение, либо Повидлоу сдаст Упа за повышение в звании. Действовать следует незамедлительно, так как в случае успешного нанесения Штампа оба преступника могут стать гражданами США, и тогда уже их никто никому не выдаст.

В этой напряжённой международной обстановке и состоялась, наконец, судьбоносная для планеты официальная встреча. После телефонного разговора президента с Упом, которого президент упорно и, как это ни странно, безнаказанно звал Упырём, нам была предложена встреча, так сказать, на свежем воздухе, а точнее на виртуальном ветру, который для нашей стороны будет вполне тривиальным: нас будет трое, Заумов, Черносытинцев и я с оранжевой подушкой президента. Эта подушка была доверена мне самим президентом, чтобы мы ни на минуту не забывали о цели переговоров. Геракл должен перехитрить Атланта!

– Говоря литературным языком, это просто брехня, что ты нам тут про Геракла наговорил, – сказал, провожая нас на встречу в верхах президент, – но без штампа на Антарктиде не возвращайтесь!

– На Атлантиде, Борис Абрамович, – поправил я переводчика, который уже всё спешил перевести в виртуальную плоскость.

– На Атлантиде так на Атлантиде, – сердито поправился сам президент и тут же добавил:

– Но нам нужны положительные герои здесь, дома, я дам задание кому надо, пусть представят расчистку Авгиевых конюшен как избавление от тяжкого коммунистического режима! Это очень важно сегодня для успешного формирования русской идеи.

34.

Как только не именовали досужие щелкопёры наших новых героев, чью стратегию в отношении Нового Света и тактику в отношении Старого никто не мог уловить. Вспомнили Михаила Булгакова и его грубоватое «Собачье сердце», – союз Шарикова со Швондером, причём Швондером оказался белобрысый Повидлоу, а Шариковым представительный Уп. Пёсиголовики, жаждущие вручить Земле «сучий паспорт». Легавые из заоблачного Скотланд-Ярда. Кромешники-опричники. Пуп и Вопидло.

Я, как всегда, был при исполнении, когда меня навестил чёрный человек с автоматом и в маске. Не снимая пальца со спускового крючка, он начал психологическую атаку:

– Не кажется ли вам, что история с культом личности ничему вас не научила?

– История с культом личности? Как же, многому научила. Я вижу в этом закономерное явление массовой культуры, когда массы отдаляются от Бога на небесах и создают себе кумира на земле из среды начальства. Им в этом помогают безбожники из числа писателей и художников, которые при помощи своих искусств обоготворяют некультурную личность.

– Я не имею в виду процесс обоготворения заданной личности. Я имею в виду позднейшее разоблачение культа личности силами тех же писателей, художников и примкнувших к ним политиков. Приходит к власти новая личность и нанимает себе властителей дум для унижения предшествующей личности. Устаревшая ложь заменяется новомодной ложью.

– Человек слаб, даже если достиг он высшей власти, – заполнил я паузу, не ведая, куда клонит чёрный человек.

– Я вовсе не к этому клоню. Важны не ложь и правда сами по себе, а масштаб той же лжи и той же правды. Не лучше ли было культ личности того же товарища Сталина обсудить и осудить в узком кругу товарищей, а не выносить всё это на суд народа, который велик как в своих подвигах, так и в своих заблуждениях. Народ теряет, когда что-то разоблачается. Народ в недоумении, создавать ли срочно новый культ, или постепенно отстаивать старый. Нельзя нервировать народ! Но ещё более опрометчиво нагружать сомнительной информацией государственное лицо! Вы понимаете?

Чёрный человек посмотрел на меня из-под маски укоризненным, надо полагать, взглядом и погрозил мне указательным пальцем, на котором блесло неуклюжее кольцо с печаткой:

– Далось вам это многозначительное событие. Подумаешь – пришельцы на Землю вдруг нагрянули! Штамп собираются поставить на самое нужное место! Ну и что, не привычное ли дело? Пусть, себе, ставят. Народ об этом и так наслышан, но вот стоит ли президента всем этими проблемами нагружать? Он и так дум великих полн. Кто вас за язык тянул?

– Но это же мой долг – докладывать о вещах необыкновенных и для нашего государства последствиями чреватых как о чем-то рутинном, – оправдывался я.

– Долг, долг, – передразнил чёрный, – а результат? Сон президента нарушен, что отнюдь не придаёт бодрости народу и не обещает роста благосостояния. И если уж угроза нанесения Штампа нашу родину миновала, то зачем нашему президенту американская головная боль? Исторический шанс? Тенденция к сближению? А какой от этого прок, если всё это нас сладкого сна лишает? А? И вот вам совет: следя за событиями, выбирайте на будущее не только выражения, но и, тем паче, – содержание!

Произнеся последнее, чёрный человек слился с общим фоном; то ли прошёл сквозь стену, то ли вышел в ночное окно.

А события развивались своим чередом: Пуп и Вопидло объявили, что намерены повернуть легендарный «Мэйфлауэр». Тот самый корабль, что с пилигримами на борту отплыл 5 августа 1620 года из Саутгемптона (Англия) в Плимут (Северная Америка), куда он прибыл 6 сентября. Вот откуда есть пошла земля Новая Англия. Пилигримы привезли с собой протестантскую этику как основу капиталистического ведения хозяйства. Привезли заблаговременно чувство избранничества, будущего превосходства на прочим миром. Старательные были люди. Опять Массачусетс, ворота в Америку!

– Зачем вам легендарный «Мэйфлауэр», – спросила мировая общественность непрошенных посланцев далеких миров.

– Как зачем? – откликнулся вездесущий Уп, – это же точка отсчёта. С него есть пошла земля американская. Возьмите тех же славян. То ли они с немецкой Эльбы, то ли с Дуная, который где только не течёт, то ли из прохладной Скандинавии. То ли с севера, то ли с юга! А тут всё ясно, зафрахтовали кораблик и высадились. Высадились и устроились! Потому для нас проще, чем разбираться с их потомками, которые расползлись по всему Новому Свету, повернуть кораблик, и дело с концом!

Вот так фокус. Как управятся наши расчётливые громилы с разницей в исторических временах? Что даст истории исчезновение в волнах иррациональной вечности ста с небольшим пассионариев, вдохнувших свою новую жизнь в новый материк? Какой грандиозный генетический терроризм! Сколько пустых мест обнажится вдруг в стране, по которой отцы-пилигримы рассеяли своё цепкое семя? Не проще ли ещё раз утопить Титаник, устроить грандиозное зрелище, столкнув его ещё раз с ледяным любопытством всемирного ротозейства? Да и куда повернуть злополучный «Мэйфлауэр»?

История – чушь, провозгласили с небес Шариков со Швондером вслед за рассудительным американцем Генри Фордом.

И с такими существами нам придётся вести переговоры!

Виртуальная действительность сразу мне не понравилась, всё как-то двоилось и распадалось на глазах, как в трубе калейдоскопа: два радужных Упа, а Повидлоу почему-то три. Ради встречи с нами они оделись явно по-голливудски: в красных распашонках и казачьих шароварах, подпоясанных ямщицкими кушаками. Хорошо хоть не в тулупах, но июль в разгаре, соображают. Уп при этом что-то мял в руках, при ближайшем рассмотрении это оказалось немецкой стальной каской, видимо так они себе представляли русский повседневный головной убор.

Но разговор получился непринужденный.

– Забрать хотите ребятшек? – спросил раздвоенный Уп.

– Ну, если вы отдадите, мы примем, не откажем, – степенно отвечал Черносытинцев.

– Отдадим, как не отдать, вам же один вред от них, берите. Вам их так опустить, или на парашютах? Представляете себе, они катапультировались, приземлились, если можно этот глагол к нашей колымаге присобачить, – кривлялся Уп, – приземлились этак вверх ногами, и стали зачем-то искать, где парашюты закопать можно. Ну, мы у них парашюты конфисковали, вот видите, шаровары из них пошили, так что остались они без парашютов. Они себя у нас чувствуют не в своей тарелке, отпустим их к своим кормушкам. Так как их опускать прикажете?

– Опускайте постепенно, не так, как они цены отпускали. Мы не злопамятны. Пусть подумают, пока опускаются, – распорядился наш главный посредник.

– А они не повредятся? – забеспокоился вдруг Заумов, для которого они были незаменимы как клиенты его агентства «Русский Колумб», он всегда глядел далеко вперёд.

– Не волнуйтесь, всё будут в сохранности. Хотя некоторая инфляция организмов может произойти, – утешил Уп, ещё раз раздвоился и повернулся ко мне:

– А зачем у вас три подушки оранжевого цвета?

– Да это так, на всякий случай президент передал, если им без парашютов придётся спускаться, – ответил я, теребя в руках единственную подушку.

– Вот это я понимаю, дар предвидения! Гарант, гарант мягкого перехода с неба на грешную землю! – оценил Уп.

– А как оперируете? Под местным наркозом? – вежливо начал переводить разговор в нужную сторону главный посредник.

– О, операция идёт успешно. Под общечеловеческим наркозом, так сказать. Никто, можно сказать, ничего не чувствует, хотя сочувствуют все. А нам важно дойти до самой сути, так сказать, скелет обнажить! Многие американцы там внизу с пониманием к этому относятся. Они там из своей Гамма-обсерватории тоже рентгеновское излучение улавливают, им тоже скелет Вселенной воочию увидеть хочется, узнать, есть ли у неё позвоночник, хребет, так сказать. Мы, конечно, ближе к решению своей узкой задачи, чем они.

– А как вы всё это технически обеспечиваете? – вступил на свою стезю Заумов. – Как вы новую глобальную реальность создаёте?

– Ну, вы же знаете, у нас же самые быстрые, самые хваткие пилоты в вашем подлунном мире! Но, не подумайте, что мы этим хотим как-то принизить лётные качества российских лётчиков, – спохватился гибкий Уп.

– То есть, как, вы всё ещё оперируете при помощи всё тех же лётчиков? Вы же, кажется... – это уже я не выдержал.

– Ну, пусть кажется. Нам это на руку, если кому-то кажется. Но мы же свои люди, – огорошил нас Уп, – а лётчики у нас те же самые. Вначале катапультировались. Потом попрятались. Но со временем притерпелись. Не сидеть же без дела. Да им и не сопротивляются снизу, с земли, обеспечить это – наша забота, так зачем же им нашему руководству сопротивляться!

– А что за проблема с «Мэйфлауэром»? Как его «повернуть»? И куда? Ведь это такая даль времён, тогда не только что самолётов, но и воздушных шаров не было, – постарался увести разговор от проблем натовских пилотов незаменимый Заумов.

– Да, – Уп обернулся к сомнамбулически перебирающему бумаги Джимми, – как там, когда он из старой Англии отплывает?

– 5-го августа, – механически доложил Повидлоу.

– Вот ведь незадача, – виртуальный Уп даже склонился к виртуальному большому уху Черносытинцева, – не поспеваем мы! Не успеваем поправить политическую географию. Недоценили мы Новый Свет! Не знаю, упрямство ли это чисто генетическое, идущее ещё от первых поселенцев, или политическая недалёковидность, идущая от более свежей пропагандистской риторики, но они недостаточно с нами сотрудничают! Более, чем недостаточно! Все время что-то от нас пытаются скрыть, то под землёй, в бункерах и подвалах, то в заоблачных сферах, где им что-то, якобы, принадлежит, но быть видимым не должно. Так вот; со свежей риторикой нам бороться как-то не по чину, а вот с генетическим упрямством, привезённом на «Мэйфлауре», поспорить можем. А повернуть этот кораблик мы хотели бы к вам, в Архангельск! Куда более обжитое место. И от Англии ближе! Не поспеваем! Отплывать самим надо. Каникулы у нас!

– Как каникулы? – воскликнули мы почти по Гоголю в один голос, забыв даже удивиться повороту в родной Архангельск, – и у вас каникулы?

– Да не и у нас, а именно у нас! Мы же признались: мы с Сириуса. Сириус – это и есть звезда Каникула! Отменили у вас большевики гимназическое образование, демократы астрономию упразднили, латынь из моды вышла ныне, – уязвил нас ушлый Уп.

Здесь мы переглянулись, несмотря на пробелы в нашем среднем образовании, что-то нам подсказало, что у землян появились новые шансы на успех. Вот оно что! Каникулы – собачье время! Нам ли с нашей собачьей жизнью не знать об этом! Восход Сириуса, возвещающий начало жары в Северном полушарии! Геометрия египетских пирамид была прямо ориентирована на восход Сириуса! Разлив Нила! Каникулы!

В трёх разных русских головах пронеслось одно и то же: каникулы, лето, пионерский лагерь, сильная помощь колхозному крестьянству, купание в ещё чистой деревенской речке, сбор песенного фольклора в северных областях, южный берег Крыма, Коктебель с профилем поэта Волошина, Рижское взморье, где до самой Финляндии можно идти пешком по волнам, ущелья незабвенного Кавказа, ненавязчиво переходящие в теснины каньона Колорадо и норвежские фьорды, пляжи степенных сибирских рек перетекают в крупнозернистый песок Сардинии, на черные камни Тенерифе...

– Когда у вас, это, каникулы? – деловито спросил Черносытинцев и зачем-то вынул из кармана сюртука старинные часы луковицей.

– С 15 июля по вашему стилю, – заглянул в одну из своих бумажек Повидлоу, – лететь нам, между прочим, не нос собачий, а 2,7 парсека!

Здесь виртуальный Черносытинцев сделал знак реальному Заумову, который тут же торжественно зачитал по пунктам весь план – операцию Геракл. Уп и Повидлоу слушали, как зачарованные. Я и не думал, что бывший детский писатель может так увлечь взрослых людей. Более того – пришельцев, у которых, видимо, вообще не бывает детства. Посыпались закономерные вопросы, ответы не заставляли себя ждать.

– А это не будет, случаем, архипелаг? Куча разбросанных островов? С туземцами, развлекающими туристов и авантюристов? На острова мы же не ставим! Мы же предупреждали.

– Ни в коем случае! К архипелагам после архипелага ГУЛАГ возврата не будет! Это нам математики просчитали, осуждённые за арифметические операции с летальным исходом. Они не имеют права ошибаться. Горы нам обещают, горы и долины, но никаких островов. Материк! Если хотите, даже континент. И при этом сплошная физическая география, политической нет в помине, хорошо бы, чтобы она и не появилась, – ловко заговаривал пришельцев Заумов.

– Это хорошо, удобно, что нет политической... Значит, нет и экономической, обрабатывать не надо. Но мы же не можем ставить штамп туда, куда он уже, по всей видимости, в допотопные времена носился! Не положено! – взвизгнул почти в отчаянии глава собачьего космического ведомства.

– Но это же не факт! К тому же допотопные времена не считаются историческими. И как можно было поставить штамп на легендарное государство, тем более неудачно устроенное? Да и вы, как мы убедились, отнюдь не бюрократы. А если и факт, то Атлантида только прикинулась восприимчивой штампа! Она же затонула! Открыла кингстоны, как наш крейсер Варяг! Газ вышел, с ним была плутовка такова! – не мог не вспомнить великого баснописца Крылова наш детский писатель.

– А что ваш президент сам с этим предложением на нас не вышел, – с подозрением прищурился Уп, – вашему президенту мы бы сразу пошли навстречу! У нас к нему сложилось ощущение доверия.

– С нашим президентом у нас об этом был мужской разговор. Ему и принадлежит идея. Он уже дал указание в обход Фиделя Кастро приватизировать Атлантиду. Американскому президенту об этом через его супругу всё растолковали. Вот – заказчик, простите, свидетель, – откуда-то из тумана указал на меня Черносытинцев, – а это непосредственный исполнитель, – указал он на Заумова. – Сам наш президент уже на каникулах. В Сочи, в Крыму и не исключено, что и на ранчо у американского президента. Ему же не надо лететь к Большому Псу!

– Значит, так; это всё меняет дело, возможно в лучшую сторону. Не пропадать же нашим каникулам, ожидая выхода в море злосчастливого корабля с пилигримами. И время ваше так и сяк мять и крутить, это нам, между прочим, тоже в копеечку влетает! Но вот жаль и с Америкой расставаться, – колебался увёртливый Уп: – А как сама Америка относится к вашему предложению, не считает всё это медвежьей услугой? Может быть она больше заинтересована в продолжении нашей инспекции вплоть до завершения операции нанесения!

Пришлось отчитаться и по этому вопросу. Америка, действительно, сначала отнеслась с недоверием к нашему спасительному предложению. К России уже стали относиться почти как к Атлантиде, о существовании которой в далёком прошлом простые американцы ничего не знали, так как у них самих далёкого прошлого не было. К тому же, если бы останки Атлантиды лежали на дне Атлантики, на них должны были бы первыми наткнуться именно американские подводные лодки. Эти сомнения тут же развеяли просочившиеся в печать слухи, что подводные лодки натыкались на эти останки, но, не зная о платоническом прозябании Атлантиды, полагали, будто это всего лишь сброшенная со счетов Россия во мгле, Москва, Кремль, град Китеж, затонувший не там, где надо, и тому подобное, потому и не придавали никакого значения развалинам на дне океана. И когда, наконец, прозвучало имя Черносытинцева с его ползущими из Сибири газами, всё встало на соответствующие места. И газы не вредные, и ползут в нейтральные воды. Чем меньше в России останется газов, тем спокойнее. И американский президент дал добро на наш проект. Хотя, как ни странно, ему было жалко выводить свою Америку из-под наведения Штампа, всё-таки именно при нём планетарное событие, достойное великой державы. Но он и так и этак остаётся в истории.

– Да и нам жаль с Америкой расставаться, уже кое-какое взаимопонимание наметилось, – посетовал Уп.

– На этот счёт есть знамение, – ввернул не менее лукавый Заумов, – Атлантида – это с одной стороны и есть Протоамерика, а с другой стороны и Проторусь! Поскольку у Атлантиды, как полагается, должен быть ещё и Север, то ясное дело, с этого Севера через Исландию и Лапландию и пришли на Русь русские, северный народ! Древние славяне – анты, это и есть северная часть: атл–анты! Хотя возможно и наоборот: атлетически сложенные анты основали Атлантиду. Атлантида оставила после себя в качестве заложников Канарские острова. На вулканическом острове Тенерифе было предупреждение об Америке, предостережение от её преждевременного открытия. Ведь Америку когда откроют? В 1492 году. В этом же году было предостережение: чудовищное извержение вулкана на Тенерифе! 1492 год! Было предостережение и непосредственно кораблям Колумба, и случилось это как раз у берегов Канарских островов, кстати – Собачьи острова, это уже вполне по вашей части! А что стало бы с предприятием Колумба, если бы он заплыл в Бермудский треугольник?! Страшно даже подумать.

Эти доводы окончательно добились пришельцев своей магической логикой. Дело оставалось только за газами. Все с надеждой смотрели на Черносытинцева.

По его синеющему лицу было видно, что он не подведет.

35.

Вернувшись из виртуальной действительности в реальную, я поспешил с докладом в летнюю резиденцию президента. Заумов отправился в район Атлантического океана, где должна будет всплыть Атлантида, пока, – это было, конечно, военной тайной, её охраняли нашедшие себе мирную работу российские атомные подводные лодки. Они не всплывали, выполняя приказ самого президента как верховного главнокомандующего, поэтому никто не протестовал против их незримого присутствия. Мало того, другие подлодки, давно шныряющие там с той же исторической целью, не проявляли никакой враждебности.

Черносытинцев вылетел в Тюменскую область, чтобы лично проконтролировать прокачку сибирского газа в уже нащупанную полость Атлантиды. Там он пообедал, о чём успели снять двухсе-

рийный фильм. Факт прохождения газового пузыря со стороны Атлантики, кажется, подтверждался, оставалось только пустить пузырь обратно, не лишив при этом положенной доставки ни саму Россию, ни пока ещё дружественную Европу. Надо было ещё дать гарантию ханты-мансийскому народу, что за время блуждания газа Западная Сибирь не провалится в тартарары. Не позволят болота, именно они придают стойкость этой земле. Но мудрое правительство Москвы на всякий случай подняло цены на газ.

Международное мероприятие едва не сорвал Азербайджан: оттуда был произведён шум, что газ из Атлантиды некогда ушёл не в Западную Сибирь, а в Северный Азербайджан, так что это кровавое дело Азербайджана – спасти Америку. Только отсутствие выхода в открытое море ещё останавливало Азербайджан от вмешательства во внутренние дела Атлантиды. Но недовольство действиями России было высказано, а газом стали снабжать Турцию, через которую когда-то атланты заселяли Армению.

Из самой Америки донеслись обнадеживающие известия: Америка поддерживает посредническую роль России, американский народ воспрянул духом и готов поставить России муку и гуманитарную помощь, если она для этого ещё расширит путь демократических реформ. В этом можно было не сомневаться, так как Мойдодар и Фрицев с триумфом вернулись на родину. В аэропорту Шереметьево их торжественно встретил Щупальц. Там они сделали заявление, что именно благодаря им процесс пошёл, что надувательство Атлантиды есть ничто иное, как плагиат их идеи шоковой терапии. Щупальц тут же призвал россиян на время перекачки отказаться от газовых горелок и перейти сплошь на электроплитки. Так мы, каждый из нас примет личное участие в спасении Америки. Но народ этому не поверил, пошли слухи, что Щупальц в глубине души вынашивает свой план спасения: отключить электричество по всей России и подключить где-то в нужных точках Атлантического океана, произойдёт закономерный шок, вздутие океана, вот тут-то и всплывёт эта самая Атлантида и начнёт расплачиваться за подведённое электричество. Америка даст на этот проект необходимый кредит с большим удовольствием, чем на газовую трансатлантическую атаку, так как не надо будет производить дорогостоящие противогазы, которые уже расхvatало её осторожное население.

Тем временем вещательные корпорации Штатов уже не опасались подавления со стороны космоса и дали свободу разным мнениям. Говорили, что Америка в начале прошлого века помогла России выйти из печальной русско-японской войны, почему бы в начале эры Водолея не приветствовать попытку России перенести центр тяжести нанесения штампа с многострадальной американской земли на безразличные воды Атлантики? Говорили о циклическом ходе событий: вот мы были союзниками в войне с Германией, потом стали противниками в холодной войне, как-то погорячились из-за Кубы, но помирились, в чём-то разошлись в отношении к мусульманам Ближнего Востока, потом в противовес этому бросились спасать балканских мусульман, тут опять Россия нас не поняла, зато хорошо поняла, когда дело коснулось Афганистана, и теперь надо ловить благоприятный момент для дальнейшего сближения! А там посмотрим.

В университетах обратились к русской культуре позапрошлого века, даже запросили для просмотра фильм Сергея Бондарчука «Война и мир», по мотивам которого Лев Толстой написал одноименный роман, жаль, что инопланетяне уничтожили голливудскую киноверсию, иначе Толстой мог бы написать свою знаменитую книгу по американскому источнику.

Инопланетяне сняли блокаду без особого шума, но как-то нехотя, где-то мелькнуло неосторожное высказывание Упа, что пилоты как раз только входят во вкус и уже сами, то есть на свой вкус выбирают удобные для них объекты. Мы-то думали, что виртуозы из космоса обходятся уже без пилотов, вот что значит неполнота информации! Выразили свою досаду и остатки Голливуда, так как уже всю снимался фильм об означенных действиях пилотов, если всё кончится хорошо, то фильм будет объявлен художественным, если же последствия штампа окажутся для Америки необратимыми, то фильм получил бы несомненное признание как документальный.

Ещё Уп угрюмо заметил, что если русские надуют их с Атлантидой, то им придётся спешно накрыть Америку русским Андреевским флагом, а Россию звёздным американским, на время каникул, конечно, а там вернутся и ещё чем-нибудь накроют.

Выяснилось, что в некоторых штатах в зависимости от угла зрения налёты воспринимались, как затейливый фейерверк, салют в честь принятия их страны в действительные члены Полярного ми-

рового сообщества. Когда полыхания, грохот и свист прекратились, отдельные группы высыпали из бомбоубежищ на улицы с лозунгами: *Россию не надо! Хотим НАТО!*

В Европе скорому поднятию Атлантиды обрадовались голландцы и венецианцы: они рассчитывали на подъём своей суши, что обещало бы Венеции ещё больше туристов, а голландцы бы засеяли обнажившийся берег тюльпанами, хотя некоторые сторонники легального наркобизнеса ратовали за создание маковых плантаций.

Воспрянувший Голос Америки сообщил, что в Соединенных Штатах задержана группа евреев-хасидов, которые оказались ловкими контрабандистами, они вывозили из Голландии наркотик экстази, вывезли где-то на один миллион долларов.

Возник и вопрос с приемом Атлантиды в НАТО, как будет лучше: до или после нанесения штампа? И как решить там вопрос с правами человека, если на этот материк нога человека ещё не ступала? В университетах Европы снова вспомнили о вкладе русской культуры в мировую цивилизацию. В Лондонском университете профессор восточной философии Пятигорский начал читать курс – «Буддийское беспричинное исчезновение и Россия как значимая пустота Евразии». Снова стали переводить и толковать Пушкина, Гоголя и Чехова как азиатов, тоскующих (каждый по-своему) по Европе. Вспомнили с удивлением Николая Лескова и Михаила Пришвина, любивших прежде всего загадочного русского человека. А в самой России школьники взбунтовались и потребовали Пушкина убрать, так же как и таблицу умножения, и ввести сочинителя Европеева, но не как предмет литературы, а как предмет анатомии.

Я вошел в спальню президента, там кто-то уже склонился над вверенной мне постелью. Я ожидал чего угодно, но не этого: в постели мирно дремал президент Соединенных Штатов, а склонился над ним бессонный наш президент.

36.

– Никто, как следует, не знает, на что способны президенты. Мир недооценивает наши возможности. Если бы мы почаще вот так собирались для решения наших вопросов, то и решение других вопросов общими силами президентов... – тут президент недовольно оглянулся на меня, и уже вполголоса продолжал:

– Спит, где ему ещё в тишине да в покое поспать, как не у нас в России. Разве в шуме да в грохоте можно принять правильное решение? Никак нельзя. У нас, у нас, не в Европе же, там тоже шум, суета. Ты уж не буди его, да мне не досаждай своими последними известиями, я ему уже всё, что надо, вкратце объяснил. Да и жена моя ещё раньше его жене все растолковала. Ты мне лучше тонкости сообщи, как там, на переговорах с инородцами, про мою подушку спрашивали?

– Про подушку спрашивали.

– И что же ты им, мерзавец, сказал?

– Так и сказал, штемпельная подушка самого президента. На ней его лик навечно отпечатан, если присмотреться. Харизматическая вещь! Мы ещё ею всю Вселенную проштемпелюем!

– Так и сказал! Испугались?

– Сделали вид, что не испугались, но насторожились. Осторожно так подушку пощупали.

– А не спрашивали, будет ли президент на четвертый и на пятый срок баллотироваться? – почти на шёпот перешёл президент.

– Нет, не спрашивали.

– Точно, не спрашивали? Я спрашиваю! – президент резко повысил голос.

– Точно не спрашивали.

– Да что с них взять. Им на будущее России наплевать. Как и на прошлое Америки. А хоть Америку им теперь жалко?

– Америку им теперь даже очень жалко, – покривил я душой, глядя на спящего президента, – очень жалко, да время поджимает, а то бы они её и дальше жалели. Но они не оставляют надежду вернуться к американскому вопросу, пусть даже не в этом тысячелетии. Их очень заинтересовала американская идея. Глобализм в галактических пределах. Шаровые звёздные скопления. Демократия космоса от карликов до гигантов.

Президенты, не мигая, посмотрели на меня; один открытыми, другой закрытыми глазами. Звёздный свет не проникал сквозь тщательно занавешенные окна.

На следующее утро мы вылетели в заданный район. Два человека в скафандрах, готовые к погружению в вальжжные воды Атлантики, а затем к торжественному всплытию, мирно беседовали посредством переговорных трубок, не опасаясь подслушивания. А хорошо бы услышать, на каком языке они переговаривались? Переводчика не было видно, он был уже под водой. Кто из двоих какой президент определить было трудно, даже я не мог этого сказать. Под их прозрачными шлемами виднелись аккуратные противогазы. Прямо-таки близнецы! Или двойники?

К подъёму Атлантиды была приурочена встреча в верхах, но уже в земных. Большая семёрка плюс ещё один президент, и ещё какие-то величины, известные простым людям только из карточных игр. Встреча в верхах намечалась ещё в глубине, но уже на почве благоприобретенной Атлантиды. Уже были облюбованы соответствующие пирамиды, внутри которых можно себя чувствовать в безопасности как под водой, так и на грядущей поверхности. Переговоры должны быть закончены ещё до нанесения штампа, поэтому ожидалось нетривиальные решения.

Черносытинцев тем временем надувает Атлантиду из Тюмени, генеральный директор Заумов контролирует процесс непосредственно на Атлантиде, к причудливому ландшафту которой он уже почти привык ещё под водой. Его агентство «Русский Колумб» уже продало чудовищное количество путёвок на отдых в Атлантиде, как новым русским, так и пожилым европейцам, не говоря уже об американцах, пожелавших принять атлантическое гражданство. К каждой путёвке за небольшую доплату прилагалась лопата. В России тоже началось общественное движение за предоставление определённым группам населения права на выезд в Атлантиду на постоянное место жительства. Заумов уже намекнул мне, что в ближайшие десять-двадцать лет мы вряд ли увидимся. Ему придется скрываться от всех желающих неизвестно где. А пока здесь российские подводные лодки обеспечивают безопасность и невмешательство других флотов, ещё неокрепшего африканского, а также флота Украины, проводящего свои совместные учения с военно-морскими силами НАТО.

Поскольку пришельцы объявили мораторий на воздушные операции над Америкой, авиация на всех военных базах Европы, Азии и Океании праздновала свой выходной день.

Космический блин торжественно навис над акваторией, которая вот-вот должна разразиться территорией. Уп и Повидлоу никак не объяснили свой внезапный отказ от дальнейшей обработки, или как ещё в последнее время вошло в употребление – космополитизации Соединенных Штатов. США пока ещё тактично помалкивали о своей, якобы, победе в Первой звёздной войне, так как ещё не все средства массовой информации были восстановлены, да и журналистов надо было ещё собрать; многие разбежались, некоторые разлетелись. Но из неофициальных источников можно было выудить предположение, что США собираются вскоре объявить Млечный путь сферой своих жизненных интересов. Звёздным веществом можно будет отапливаться. Звёздную пыль тоже можно пускать в глаза. И всех на свете просветит тёмная материя.

Кстати, планета Земля тоже остается *сферой* жизненных интересов Большого Пса, как не преминули подчеркнуть Уп и Повидлоу, а на недоуменный вопрос журналистов: – Почему? – ответили:

– Потому что Земля – шар, а шар это и есть сфера! А если ещё эта сфера приспособлена для обитания живых существ, не всегда разумных, то это входит в сферу интересов существ более разумных.

Обстановка была столь торжественна, что на это оскорбление никто не обратил внимания. Да и привыкли уже к космическому нахальству. Жаль даже, что скоро всё кончится.

Куча туристов, туземцев и агентов различных спецслужб столпилась у кратера вулкана на Тенерифе. Сверкали бинокли и монокли. Отсюда, с самой высокой точки острова, ещё по предсказаниям древних египтян, можно было увидеть всплытие Атлантиды. По этому счастливому поводу Соединенные Штаты сняли блокаду с Кубы, с Острова Свободы можно будет наблюдать появление из морских глубин западной части легендарного материка.

Всплытие совершилось благополучно. Черносытинцев даже перекрестился, хотя до того, как ему была оказана честь ведать газами, в Бога не верил и в церковь не заходил, но уже после оказанной чести и свечку в храме держал и на людях поклоны клал. И сейчас на виду у всех он открыто радовался, что газ возымел своё действие даже на Атлантиду.

Волна, возникшая при всплытии, достигла запада Африки, отразилась и со скоростью, чуть превышающей скорость старинных парусников с невольниками на борту, достигла востока Америки, где её встретили, приветственно размахивая ковбойскими шляпами и уже излишними стальными шлемами.

Лидеры ведущих стран мира, – а на самом деле это были их телохранители-двойники, – рукоплескали свинцовыми рукавицами, и тут же вертолёты сняли эту правящую партию с девственной земли новоявленного материка.

Подводным лодкам удалось перехватить несколько судов, якобы, с археологами, но это были искатели затонувших сокровищ, возомнившие себя потомками тех пиратов, чьи фрегаты затонули в эпоху первоначального накопления. Попадались также проповедники из тоталитарных сект, посланные на соращение возможных атлантических аборигенов.

Сияние над затонувшим континентом повторяло его виртуальные контуры, создавая видимость фантастической Атлантиды. По разным теле- и радиоканалам давали разной степени глупости многочисленные интервью знаменитые лже-атланты. Многие из них объявляли себя разумными предками новых русских. Некоторые доказывали, что именно от них произошли корректные американцы. Что было бы с Америкой, если бы штамп не перенесли на новое место? Видели бы мы эту Америку из Одессы! Чем-то она нас за всё это отблагодарит? Возникнут ли на уцелевшей карте мира Соединенные Штаты Америки и России? Будущее, если ему будет позволено наступить, покажет...

Договор с инопланетянами подписали с одной стороны генералиссимус Уп (пришёл приказ от Большого Пса о присвоении ему звания генералиссимуса) и генерал-лейтенант (его тоже повысили) Джимми Повидлоу, а с нашей стороны Генеральный посредник Черносытинцев и личный Постельничий президента, то есть я. Президент, как выяснилось позже, прозорливо отсутствовал на случай возможного переворота. Подпись промокнули подушкой президента. Заумов оставался в тени, тем более что у него от работы всегда были мокрые руки. Согласно договору тотчас же после нанесения штампа космические силы Инвентаризации будут выведены за пределы Солнечной системы и удалятся в сторону восходящего Сириуса.

37.

И они нанесли свой штамп в положенное время и тотчас же стали удаляться, – они торопились к себе на каникулы. Злые языки утверждали, будто они сначала удалились, а уж потом произошло нечто, истолкованное как нанесение штампа. Атлантида восприняла штамп как должное и стала мерно выпускать газ обратно в Западную Сибирь, где процесс чётко контролировал сам Черносытинцев, а его в свою очередь контролировала семья. Газ пытались перехватить в некоторых промежуточных точках земного шара, но он тут же улетучивался. Кое-где загорелся лес, но наш газ был здесь ни при чём. В некоторых анклавах и регионах только и мечтали о том, как схватят пузырь с нашим газом и тут же начнут себе требовать независимости и гуманитарной помощи. В некоторых столицах прошли молчаливые марши протеста, так как манифестанты были в противогазах, не удалось уточнить адреса протеста.

Не так просто оказалось опровергнуть летучие слухи, будто Атлантида вообще не всплывала. Мало того, некоторые умники продолжали стоять на том, что её вообще никогда не было, так что нечему было и всплывать. Как же так, многие очевидцы могли подтвердить факт всплытия. Одни просто закричали – ура! – а более начитанные тогда все вместе прямо по Библии воскликнули: Что с тобою, море, что ты побежало? Вот так же выглядел переход по дну моря, когда войска фараона гнались за народом Израиля. Ну, не совсем так, но по силе впечатления весьма похоже. Как такое чудо обошлось без жертв – ума не приложу. Но чудо, оно и есть чудо, чтобы потом распускать слухи, будто его не было.

Попытку опровергнуть сам факт появления инопланетян предприняли некоторые именитые ученые, астрологи и политики. Они выступили по телевидению в программе «Момент истинного бытия» и долго бранили телевидение, которое только морочит голову зрителям, показывая в качестве инопланетян каких-то агентов влияния заоблачных сфер. Надо же дать подзаработать вышедшим из моды артистам кино, эстрады и оригинального жанра. Конечно, некоторые образы удались, например, всем известный образ Черносытинцева, этого нынешнего Собакевича, или образ мало кому знакомого, явного проходимца Заумова, перещеголявшего в торговле мёртвыми островами самого Чичикова. Но всё это лишь уводит нас в сторону от реформ в области вещания. Свобода слова не должна переходить границы нашей планеты. Надо больше показывать простых людей, простотой тоже надо гордиться.. Не всё, что стоит больших денег, следует передавать на большие расстояния.

Но народ, который платит за энергоносители, уже не верит в то, что видит и слышит, народ стал умнее, его уже не обманешь.

Демократы и демагоги в целях сохранения стабильности в подвластных им регионах замалчивали факт проведения наземной операции на территории Соединенных Штатов. Делали вид, будто ничего не произошло, а всем беженцам оттуда был предоставлен статус американских туристов и выдано единовременное пособие на проведение каникул за пределами своей страны. Лётчиков, принимавших участие в налётах на космически важные объекты в США, отправили на переподготовку, откуда они уже не вернулись, а некоторых генералов раньше времени уволили в отставку, взяв под пистолетом неразглашении.

Я хорошо помню, как при подписании Договора о Ненанесении, то есть о перенесении штампа с непредсказуемой Америки на более лояльную по отношению ко Вселенной Атлантиду, генералиссимус торжественно поклялся одной рукой на Библии, а другой на Коране (в третьей он сжимал ещё какой-то папирус), что они вместе с генерал-лейтенантом Повидлоу прилетят снова, если откроется какой-нибудь подвох и Штамп не будет наблюдаться из любой точки расширяющейся Вселенной. А пока они горячо благодарят как Америку, так и Россию за содействие в делах Вселенной.

Они улетели; одни наблюдали их взлет из района Байконура и именно в срок, другие видели запуск с мыса Канаверел, хотя и с небольшим опозданием.

Мы расстались с ними друзьями; не просто пожали друг другу руки, как на холодном и расчётливом Западе, но и обнялись, как на трогательном и коварном Востоке. Правда, у нас было такое чувство, будто мы обнимаем воздух. Мы ещё пошутили, что надеемся на новую встречу, уже без скафандров и не в таком мокром месте.

Генералиссимус Уп радушно пригласил нас как-нибудь выбраться к ним на каникулы, именно туда, откуда исходит внутренний распорядок Вселенной: на восходящий Сириус.

– А как, а как? – простодушно спросил я.

– Очень просто: долетаете до охотничьих угодий Ориона, там чуть восточнее увидите табличку с надписью: *ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ГОНЧИХ ПСОВ*, это почти как у вас – *ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ЗЛОЙ СОБАКИ!* Не бойтесь, это мы, – утешил нас генералиссимус и протянул мне на прощание свою звёздную визитную карточку, где было выгравировано:

БОЛЬШОЙ ПЕС

38.

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ГОНЧИХ ПСОВ!

Я, как всегда, готовился принять на себя каскад мировых событий, надеясь услышать благодарные отзывы со всех сторон, вдруг кто-то где-то упомянет и мое имя. Но тут вдруг ворвалась группа вооружённых военных, я даже не успел разглядеть, в масках или без. Вначале у меня мелькнула шальная мысль, ведь грозился же президент назначить меня министром обороны, вот оно, свершилось. Кавказ зовёт! А то и того дальше. Но всё оказалось проще.

– Вы обвиняетесь в шпионаже в пользу Соединенных Штатов! – заявил мне кто-то знакомым укоризненным голосом, видимо, самый главный.

– Ещё чего! Если я сочувствую Америке (тут я вовремя спохватился и не стал упоминать об американском президенте в постели нашего президента), это ещё не значит, что я шпион. Я просто живой человек и имею право на своё мнение. Не зря же многие наши живые люди связывают своё светлое будущее с Америкой. И ежели что-то делается в чью-то пользу, это ещё не значит, что другим во вред. К тому же, будь я шпион, я мог бы выдать только то, что я знаю, а знаю я только то, что прошло соответствующую цензуру, хотя простаки считают, будто цензуры нет...

– При чём тут ваша Америка? Вы обвиняетесь в шпионаже в пользу Соединенных Штатов Атлантиды! Но поскольку Атлантиды уже как бы нет, то вы как бы уже отбыли свой срок наказания. Однако, самое главное не в этом. Президента больше не устраивают события, о которых вы ему докладываете. От ваших событий президент немедленно засыпает. А от некоторых, что ещё хуже, внезапно просыпается. Для ваших дурацких событий у нас не всегда есть подручные адекватные действия. Мы будем в корне менять ход событий, поэтому вас снимают с должности. К тому же пре-

зидент готов передать свою должность достойному наследнику, у которого, возможно, вообще не будет кровати! Вы должны немедленно покинуть помещение и дать подписку о неразглашении тех сведений, которые вы сообщали президенту...

Я хорошо запомнил тот момент, когда вертолёт снимал нас с земли только что всплывшей Атлантиды. Мы даже не успели рассмотреть руины дворцов, опутанных водорослями, как плющом, что-то похожее на пирамиды то ли Мексики, то ли Египта. Из трюмов затонувших судов стремглав на восьми ногах разбегались осьминоги. Но всё было как-то расплывчато, как будто происходило ещё или уже под водой. Одно хорошо запечатлелось в памяти: почва уходила из-под ног, едва появившись под ногами.

Вот и сейчас то же самое чувство: почва уходит из-под ног, и в то же время необычайное облегчение, ибо всё хорошо, что хорошо кончается. Меня проводили до ворот и даже не дали подзатыльника. Я подумал с облегчением, что на сей раз мне всё сошло с рук. Дальше по Партизанской улице я шёл один. Уже дома я с облегчением вздохнул, включил на всякий случай телевизор, где как раз начиналась программа «Сегодня в мире». Диктор торжественно объявил, что сегодня, наконец, в мире ничего не произошло, то же самое отсутствие событий ожидается и завтра.

Всё хорошо, что хорошо кончается!

15 июля 1999 Визбю. Готланд.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Этот литературный памятник появился на свет ещё в то время, когда существовала литература. Зачем же мы издаем его сейчас, когда мы читаем и перечитываем в основном Уголовный кодекс? А дело в том, что мы находим здесь много интересного из истории нашей планеты, на которой и в наши дни расположена наша страна.

Это одно из первых свидетельств о посещении Земли инопланетянами. Не без улыбки читаем мы сегодня, что когда-то эти пришельцы казались нашим далёким предкам чудовищами, угрожающими мирной жизни свободных народов. И становится ясно, куда делись собаки с нашей планеты: они улетели на свой Сириус. Раньше эти в действительности добрые животные охраняли наше имущество, а теперь у нас охранять нечего, поэтому мы не жалеем об их исчезновении.

Стоит ещё пожалеть, что мы не имеем американской версии описанных событий, это бы пролило новый свет на историю Америки, которую некоторые из наших чудаков мечтают поднять со дна океана. Правда, если бы мы даже имели подобное описание, то вряд ли бы нашлись знатоки, способные прочитать рукопись на этом давно забытом варианте английского языка. Нам повезло, что наш русский язык сохранился по причине успешной борьбы с другими языками.

Нам кажется забавным весь этот сыр-бор, который разгорелся из-за выбора места для нанесения так называемого штампа. Нам непонятно стремление уклониться от нанесения штампа, что объясняется дикостью тогдашнего миропонимания, пережитками первобытного глобализма. Но именно нашим далёким предкам пришла в голову плодотворная идея принять на себя Штамп кольцеобразной формы, дабы мы остались внутри вселенского кольца, с чем согласились инспекторы нашей Вселенной, в свое время возвратившиеся к нам в связи с видимым отсутствием Атлантиды на чистом лике нашей планеты.

Сегодня наша родина, простирающаяся от Орловской губернии до Тверской, и от Смоленской до Пензенской, включая наш анклав и выход к морю – город-герой Архангельск, с гордостью несёт на себе, а точнее вокруг себя очередной Вселенский Штамп и не собирается впредь уступать эту честь ни нашему ближнему зарубежью, ни далёким братьям по космическому разуму.

Мы испытываем чувство благодарности к лучшим представителям так называемого русского народа, которые не побоялись достать со дна океана ветхую Атлантиду и надуть её реликтовым газом, чтобы спасти легендарную Америку. Жаль, что этот газ уже не дошёл до нас. Жаль и Америку, которая по неизвестным нам причинам тоже не дошла до нас. По одной из гипотез она вовсе не на дне Атлантического океана, воссоединившегося с Тихим океаном, а где-то в созвездии Большого Пса. Но именно благодаря её бурной истории к нам вернулись представители высшего Разума, диалог с которыми нашими скромными усилиями мы поддерживаем и до сих пор. Разум нас спрашивает, мы ему отвечаем.

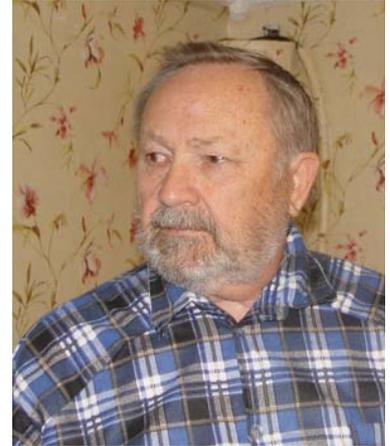
Итак, наконец, мы имеем то, что имеем. Прав был безвестный автор, когда он заканчивал свою летопись следующими мудрыми словами: *Всё хорошо, что хорошо кончается!*

Проза

Николай Ольков

Николай Ольков родился в селе Афонькино Тюменской области. Предки в середине 17-го века выжили с берегов Онежского озера из села Ольково. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького, семинар прозы Б.М.Зубавина. Член Союза писателей и Союза журналистов России.

Автор нескольких десятков художественных и документальных книг, двух, трех и пятитомных собраний сочинений. Несколько произведений отмечены премиями: Д.Н. Мамина-Сибиряка, Н.А.Некрасова, И.М.Ермакова, Южно-Уральской и премией «Империальная культура». Почетный аграрник Тюменской области. Созидатель церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Бердюжье Тюменской области, где и живёт.

Мать сыра земля

Повесть

Завершение. Начало в предыдущем номере

Эшелон с новобранцами на запад шёл ходко, встречные и посторонившиеся приветствовали его длинными жалобными гудками. Ты лежал на средней полке, мешок с подорожниками под головой, водку и самогон с ребятами не пил, отец, когда сам на фронт уходил, знал, что тебя тоже призовут, не велел выпивать: пьяный человек не смелый, это только кажется, он осторожность теряет и делается беззаботным. Такого сразу словят снайперы, если затишье, или пулемётом срежут в атаке. Тут тебе думалось хорошо. Вот попал в школу связистов, телефоны, кабели, узлы-скрутки. Это значит, бегать тебе по России, искать порывы в проводах, скручивать, иначе командиры такой разнос устроят! И под дождём, и под обстрелом, а всего тошней через минное поле. Это говорили те, кто уже успел хлебнуть и возвращался на войну по второму кругу. Пару раз показали вам класс дивизионного узла связи, вот тут красота, тепло, прежде всего, чисто, и от войны чуть в стороне. Но командир группы успокоил: это не для вас, на узлы связи специально девушек готовят, во-первых, непустишь их в чистое поле, жалко, а во-вторых, каждому командиру при штабе охота иметь несколько красивых девушек.

Взводом связи командовал лейтенант Есмуканов, красивый молодой казах. Тебя вызвал первым, проверил документы, задал несколько вопросов. Спросил:

– Ты на линии когда-нибудь был?

– Нет, не бывал.

– Тогда сходишь на порыв несколько раз с кем-то из взвода, посмотришь. Ты откуда родом?

– Из-под Ишима, деревня Афонина.

– Так мы с тобой земляки, я из Петропавловска.

Ты обрадовался: знаю такой, только не бывал.

– После войны приезжай, я тебя маханом угощу и бешбармаком.

– Бешбармак я ел. За шишкой кедровой ездили к татарам, там угощали. И девчонки у них шибко красивые.

– Эх, Акимушкин, дорогой ты мой, нет на свете красивее наших казашек, когда они лучшие наряды наденут, когда танцевать пойдут. – И засмеялся. – Русские девушки тоже красивые, правда?

– Я на русской женился, а ту татарочку до сих пор помню. Поди, уж взамуж выдали, она сирота, только с отцом жили, их три сестры.

Лейтенант расстегнул воротничок гимнастерки, вытер затекшую шею.

– Запомни, солдат, разговоры о женщинах расслабляют воина, а связист всегда должен быть на чеку. Ладно, сегодня устраивайся, отдыхай, завтра скажу старшине, чтобы тебя сводили на линию.

Так и начал привыкать; сперва вдвоем ходили, потом одного отправили, велели точно определить причину повреждения. Ты шёл кустами вдоль провода на снегу и вспоминал: осколочное или пулевое попадание, порыв животным, упавшим деревом, зверь может перегрызть, даже мышь, но страшнее всего, если кабель перерезан ножом и унесён. Приходит разведчик, подключится к линии, послушает, какое она имеет значение, разрежет и на себя смотает с километр. Вот тогда беда. Надо второй конец найти, а это верная встреча с диверсантом или разведчиком. В таких случаях, в основном, и гибли ребята. Порыв найдет, подключится, сообщит своим, что пошёл конец искать, и всё. С той стороны тоже связистов отправляют, бывало, что и оба терялись, зарежут и снегом забросают. А командование связь требует. Тоже служба не из веселых. А ты ещё думать любил на ходу, вспоминать приятное. Пришлось отвыкать, и глаз всё видит, и уши слышат. Нашёл порыв, надставил запасным кабелем, и домой.

Дело к весне шло, хотя ночами такие холода заворачивали, что в Сибири проще крещенские перенести, чем эту морозную сырость. А тут на вашем участке фашист начал постреливать из орудий и минометов. Ребята удивляются: ничего в нашем направлении для противника интересного нет, и чего он диканится – не понятно. А он третий день то мины покидает, то из орудия подолбит. Ребята уж привыкать начали, а связистам беда, рвёт связь, сволочь, то прямое попадание, то дерево свалится. В ночь и в полночь поднимают:

– Акимушкин, нет связи с третьим батальоном.

Только там скрутил – порыв на линии связи со штабом дивизии. Взводный сам проводил с километр, предупредил, чтобы аккуратней, дивизия всё-таки. Где бегом с проводом в руках, где ползком, если что-то почудилось, добрался до порыва. Так и есть, осколком снаряда срезало. Зачистил концы, скрутил провод, подключил свой аппарат.

– «Орёл», «Орёл», ответь «Синице», ало!

– «Синица», я «Орёл», связь принята, – ответил приятный девичий голос.

– Какой ты орёл, милая, ты синичка и есть. Шлю тебе привет из глубокого сугроба.

– Спасибо, только за нештатные разговоры «синичке» хвостик вытеребят.

– Какая беда? Кто нас слышит? Тебя как зовут?

– Айгуль.

– Красивое имя. Я знал одну девушку, её так звали...

– Всё, связь принята.

И отключилась.

Ты понял, что кто-то из начальства подошёл. Погрустил, вспомнил татарочку Ляйсан, самую лучшую ночь в жизни, отзвонил своим, что связь налажена и подался обратным следом в сторону расположения.

Когда отоспался, пошёл к командиру, спросил про имя Айгуль.

– Откуда ты его взял? – улыбнулся командир. – Мою невесту так зовут, приедешь, познакомлю.

Рассказал про телефонный разговор, про своих знакомых татарочек, одна из которых – Айгуль. Не та ли знакомая?

Командир тебя огорчил:

– Ты знаешь, Акимушкин, Айгуль у тюркских народов очень распространенное имя, как Маша у вас, так что она может быть из Киргизии, из Казахстана, даже из Азербайджана с Башкирией. Ты же знаешь, что все народы поднялись на защиту Отечества.

Ты вздохнул:

– Жалко, а я уж было подумал, что это наша Айгуль.

Командир обнял солдата:

– Все они наши, Акимушкин.

Три дня прошли, как обычно, а утром прибежал дежурный телефонист:

– Акимушкин, пропала связь со штабом дивизии, а комдив как раз говорил с нашим комбатом. Ты эту линию знаешь, давай поскорей. Комбата я на штаб вывел через второй батальон, но прямую обеспечить. Да, они крикнули, что тоже выслали связиста.

Ты осторожно шёл на лыжах по неглубокому снегу, то и дело выдёргивая из-под наста кабель связи. Яркое солнце светило в спину и согревало. Тянуло в дрёму, но нельзя, если порыв на нашей половине, а найдёт ихний связист, ославят на всю дивизию. Такие случаи были. К обеду прошагал километров пять, всё нормально. В лесу впереди мелькнул человек, ты присел, посмотрел в бинокль – никого. Надо осторожно; если фашист, то на полянке он тебя шлёпнет без горя. Ждать? А если он тоже залёг? Так и будем лежать до потёмок? А связь? Комбат спасибо не скажет. Но фигура мелькнула ещё раз, и солдатик наш русский, советский, выкатился на поляну. Ты из укрытия крикнул:

- Стой! Кто такой?
- Рядовая роты связи Тайшенова.
- Ты не Айгуль, случайно?
- Нет. А ты как знаешь Айгуль?
- По телефону с ней говорил, когда связь дал.
- Ты на порыв идешь?
- Иду. А вот и конец моего провода.
- И я свой нашла, уже нарастила, сейчас скрутим.

Он вышел из укрытия, она тоже пошла навстречу. Ты так и не вспомнишь, о чём думал в ту минуту. Наверно, о чём-то радостном, душевном, что вот и связь нашлась, сейчас доложим, как положено, поговорим. Подошли близко, она первая остановилась, ты это увидел и поднял глаза. Перед тобой стояла Ляйсан. Ты не мог в это поверить, да и откуда здесь, посреди войны, появилась эта тоненькая татарочка с длинными косами и весёлыми узкими глазами в потрёпанной одежде солдата, в шапке, с автоматом за спиной? Ты даже подумал, что надо постоять, и это пройдет. Но голос, голос не дал тебе на это время:

- Лавруша, Лаврик, это ты?
- Я. А ты, Ляйсан, как тут оказалась?
- Лаврик, сладкий, родной мой!

Она обняла его, они неуклюжи были с аппаратами связи, с мотками провода, с оружием. Всё побросали на снег, целовали друг друга и плакали от счастья. Ляйсан вперёд одумалась:

- Лаврик, связь!

Быстро зачистили провода, соединили их, доложили каждый своему начальству и снова обнялись.

- Ты как попала на фронт?

Ляйсан повела его к лесу, присели на упавшую берёзу.

– Я всё тебя ждала, думала, вспомнишь свою татарочку, а потом Филя твой с друзьями к нам приехал гулеванить, он и сказал, что ты женился. Я так плакала, так горевала. Потом война началась. Отец говорил, что война пришла на нашу землю, надо воевать, братья сразу ушли, а потом отец поехал в район, договорился, и нас, трёх сестёр, отправили в одну команду – так отец просил. Мы с сентября служим; и Айгуль, и Калима, и я.

Что-то тебя кольнуло, знал ты про положение девчонок при штабах.

- Ляйсан, милая, помогаются до тебя офицеры?

– Нет, сладкий мой, я верна тебе. Когда мы в расположение прибыли, я пошла в санчасть, золотой перстень татарский старинный врачу положила на стол и попросила, чтобы он пометку сделал в моих документах, что... ну, вроде есть у меня болезнь, и мужикам лучше подальше держаться.

- Да как же ты догадалась до такого?

– А что делать? Нас ещё в школе предупредили, что судьба у всех одна. Вот я и придумала. А сёстры... Их большие командиры к себе взяли, они легко служат, а я вот на линии.

Ты обнял её, называл милой и дорогой, умницей называл, целовал в холодные губы. Она смеялась красиво и весело, как тогда.

– Я попрошу Айгуль, чтобы она вызвала тебя на узел связи штаба. Я так хочу тебя всего обнять, Лавруша, чтоб ты весь был мой, без остатка. Женой хочу тебе стать, женщиной. На войне всё по-другому видишь, и любовь к тебе я тоже вижу совсем другую, и дети у нас будут, много детей, и дом, и кони добрые. Я тебя буду на руках носить, потому что ты ребенок, а я в тайге выросла, я сильная.

Простились и разошлись в разные стороны. Не успел ты и трех километров пройти, как с нашей стороны началась сильная артиллерийская стрельба, похожая на артподготовку, и навстречу тебе выскочил лейтенант Есмуканов:

– Акимушкин, возвращайся, опять связи нет, а через час атака. Комбат под трибунал грозил сдать, если связь с дивизией не восстановим. Их связиста тоже должны вернуть. Действуй!

Ты побежал обратно, даже обрадовался, что ещё раз увидишь Ляйсан, скоро выскочил на знакомую поляну, пробежал редкий лес, извороченный взрывами, выскочил на опушку и увидел Ляйсан. Это точно она, но почему она лежит? Сбросил с себя провода и автомат, упал перед ней на колени, хотел повернуть на спину, но всё её тело смялось, истерзанное осколками – вот и свежая воронка рядом. Посиневшие маленькие ручки у самого онемевшего рта, застывшие, окровавленные, и провода оголённые – задубевшую изоляцию белоснежными зубками срывала она с проводов – так в руках и остались. Видно, не хватило сил, поняла девочка, что умирает, и стиснула провода в зубах, сжатых предсмертной судорогой. Боже, как ты кричал, как проклинал всех, кто начал эту войну, кто послал сюда эту девочку, кто направил в её сторону последний снаряд. Чуть придя в себя, вынул изо рта Ляйсан концы проводов, скрутил их и подключил аппарат:

– Ало, узел, связь восстановлена.

– Кто там вмешался? Алло! Кто на линии? Не мешайте, я уже полчаса пользуюсь связью.

Ты волком раненым взвыл, зверем диким, нечеловеком. Светлая Ляйсан, через твои тонкие и сладкие губы, через зубки твои жемчужные, через чистое непорочное твоё тело отдавались команды, летели матерки, угрозы, обещания наград и расстрелов. Вытирал лицо Ляйсан горячим снегом, целовал её ледяные губы. Милая, сладкая девочка, разве для того ты была создана, чтобы в последние минуты жизни дать связь какому-то штабу, пусть даже столь высокому и для очень важного стратегического разговора? Какое тебе дело до них, Ляйсан, будь они все прокляты! Белым стало, как у невесты на честной свадьбе, твоё смуглое татарское личико, всю кровь свою ты отдала русской матушке – сырой земле, себе не оставила ни капли. Ты не помнишь, сколько сидел около Ляйсан, потом поднял её на руки, снова опустил, снял с неё бушлат, валенки, чтобы легче было нести, и пошёл к своим. Тебя встретили забеспокоившиеся ребята, переняли скорбный груз и доставили в батальон.

Тебя в горячке увели в медсанбат, из дивизии на подводе приехали ребята, забрали тело девочки и сказали, что прошёл слух – к большой награде представят погибшую.

В медсанбате уколы ставили, давали снотворное, разные сны тебе виделась, больше всё счастливые, радостные, с любовью, со смехом. Мать говорила, что нельзя во сне смеяться, это к горю. Ты просыпался, вспоминал мамины предосторожности и понимал, что большего горя, чем сегодняшнее, от которого болит только душа и ничто больше, у тебя уже не будет. Раза два приходил доктор, суровый, чёрный и кудрявый, как чёрт, давил на брюхо, крутил голову, велел приседать. Ты всё делал исправно – тебе всё равно.

– Я вас хочу спросить, молодой человек: не стыдно протирать простыни в санчасти, когда на фронте героически гибнут молодые девушки? Вот недавно героически замёрзла в снегах представитель славного татарского народа..., как её, забыл фамилию.

– Это Ляйсан, – подсказал ты и пошёл в каптерку спрашивать своё обмундирование. В батальон вернулся после обеда, ребята встретили спокойно, лейтенант Есмуканов подошёл и обнял.

– Вечером будем деревню брать, ты пока полежи в землянке, слаб ещё.

Ты пошёл к старшине и сказал, что лейтенант велел выдать автомат, три диска патронов и гранаты. Старшина выдал. Ты почистил оружие, переделался в чистое бельё. Судя по тому, что до деревни три километра и её ни разу не пытались взять, а сегодня вдруг решились, что-то изменилось, и бой будет серьёзный. Вместе со всеми лежал в окопе и ждал сигнала. Команда была тихой, но конкретной:

– Вперёд!

Стрелять и кричать запрещено, надежда на внезапность. Успели добежать до середины, а там ведь тоже не дурачки сидят. Пустили ракету, вдарили из пулемётов, солдата сразу тянет ближе к матушке-сырой земле, но сзади приказ:

– Не залегать, всех перебьют, брать штурмом.

Стали брать штурмом, значит, бежать, пока добежишь, если не убьют или ранят. Ты бежал в полный рост и не стрелял, потому что не видел цели. А вот обозначился пулемёт, брызжет в темноте коротким рыжим огнём. Ты привстал на колено, прицелился и дал очередь. Пулемёт замолк, ты

опять побежал. Уже заметались человеческие фигурки в просветах между домами, да тут ещё наши пушкари ударили зажигательными, пожар осветил немцев, деваться им некуда. Только это уже не вояки, это солдатики команды ждут к отходу. Ты выскочил на бугор, кто-то крикнул:

– Лаврик, падай, ты охерел – во весь рост!

А ты бежал, и дыханье не сбилось, и руки не дрожат. Стрелял в каждого, даже в тех, кто руки поднял, стрелял метко, зло, без промахов, ещё два диска у своих убитых выхватил. И когда из-за сарая трое наших вывели до десятка фашистов, ты поднял руку с гранатой и крикнул своим:

– Ложись, братцы, Богом прошу!

Гранату невзведённую откинул, а по толпе полоснул слева направо и обратно. Подбежал, своих перепуганных увидел:

– Вы бы, ребята, бежали вперёд, там сейчас медали будут раздавать.

И тут же тремя выстрелами добил раненых фашистов. Бросил автомат, сел на снег и заплакал:

– По тебе, сладкая моя татарочка, устроил я поминки. И дальше буду бить гадов, где только увижу.

Подбежал лейтенант Есмуканов:

– Акимушкин, я тебе велел в землянке сидеть!

– Всё, командир, отсидел я в землянке и по проводам, как кобель на цепи, больше бегать не буду. В штурмовую роту пойду, давить буду их, как клопов. Спасибо тебе, Есмуканов, но больше ты мне не командир.

Ты не знал, только много позже рассказали тебе, чего стоило Есмуканову отбить тебя от особистов. Всё-таки кто-то «стукнул», что ты расстрелял пленных, а статья – есть статья, тем более, если есть желание.

Когда всё улеглось, решило командование тебя прославить. В роту приехал на «виллисе» корреспондент дивизионной газеты, расспрашивал, как ты связистку Тайшенову нашёл, как нёс её к своим, а ты не мог говорить. Только сегодня утром, выйдя из землянки, посмотрел ты на чужое, хоть и советское небо – не такие тут звезды, не их вы видели с Ляйсан. Знал уже, что сегодня сорок дней прошло после смерти её, не знал только, есть ли у татар сороковины. Вспомнил молитву «Отче наш», проговорил её тихому небу, попрощался с душой Ляйсан, которая сегодня обретёт отведённое ей место в раю. Это должно быть почётное место, чиста душой и телом, и помыслами пришла к Богу эта девушка. Бог видит её изорванные осколками живот и груди, которые кроме тебя не ласкал никто, а потом велит ангелам исцелить её и провести в самые лучшие места, чтоб похожи были на её родные. И кусочек тайги с кедровыми орехами, и молодой березняк, и низкая луговина трав для вольных коней, которые сами будут подходить к ней и падать на колени, чтобы она села и проехала хоть чуть-чуть.

– Э, товарищ Акимушкин, очнитесь. Расскажите, где вы родились, как работали в колхозе. Эту газету мы направим к вам на родину.

Ты мог бы рассказать ему, что колхоз назывался «Красная поляна», недалеко от Акимушкиных избушек срубили крестовой бригадный дом, там и жили всю посевную и уборочную. Почти как в старые годы. И уже перед войной поставили тебя прицепщиком на плуг к Тольке Брезгину и направили на ваши родовые надёлы – пахать. Остановился Толька на обочине, велел заглубить плуг на сколько-то сантиметров, помочился на грязную гусеницу и дал газ. В конце гона ты дёрнул проволоку – это сигнал. Толька остановился. Ты прошёл вдоль борозды, вспомнил слова деда Максима:

– Это твоя борозда на твоей земле. А если на чужого дядю робить, то никакой радости, одна усталость.

– Натолей, вот мы первую борозду проложили, в радость это тебе?

Брезгин затоптал окурки и сплюнул:

– Ты меня за этим остановил? Какая радость, дурак, если нам к утру надо десять гектаров сдать?

– Обожди, я добегу до колодца, водицы зачерпну.

– Нету колодца, мы осенесь туда всю трубуху лосиную побросали, чтоб не нашёл никто. Лосей бить запретили, а мы грохнули, он утром на зерно вышел.

Ты пошёл в сторону избушек, Анатолий матерился и грозился списать с плуга, а ты не мог оста-

новиться; так давно не был в родных местах, что до душевной боли захотелось. Избушку, почти домик, кто-то разобрал и увёз, навес и загоны завалились, всё заросло бурьяном. Подошёл Анатолий:

– Вот ты – наглядный пример, Лаврик, как частная собственность делает человека рабом. Что ты сопли распустил: родная земля, первая борозда. Да пропади оно всё пропадом! Мне наряд закроют в гектарах мягкой пахоты, остальное я видел, знаешь, где? Я жилы из себя буду рвать, потому что завтра нас ждёт светлое будущее. Это Маркс так учил.

– Кто такой Маркс? Он пахал и сеял?

Анатолий хохотнул:

– Он, брат, такие семена по миру разбросал, что скоро всем частным капиталистам тошно будет. Вот я, чистый пролетарий, и отец мой никогда этими глупостями не страдал: избушки, колодцы. Он шкуры скупал и киргизам перепродавал. Пил. И я пил, пока за глотку не взяли. Я из этого трактора за весну всё выжму, а осенью мне новый дадут, потому что советская власть об рядовом человеке заботится. Потому я свободный человек, а ты раб.

– Подожди. Отец и дед мои кто были?

– Кулаки, рабы собственности. Всем известно: не Савелий бы Гиричев – рубил бы ты сейчас уголёк на Урале. Ладно, пошли пахать.

Рассказать можно, но он не напишет.

– Акимушкин, а сколько Вы фрицев убили лично? Сейчас рекомендовано вести персональный учёт, для награждения.

Акимушкин посмотрел на паренька: явно городской, из грамотеев, жизни не видел. Сколько убил? Да разве можно вести счет? Да, мы их не звали, они сами пришли, но считать трупы?

– Не могу ответить, товарищ младший политрук. Стреляешь – в кого попадёшь.

Корреспондент статейку всё-таки написал, газета пришла в батальон, на роту дали несколько штук. На фотографии Лаврик был больше похож на колхозного пастуха, если бы не пилотка со звездой. Через три дня его вызвали в штаб дивизии. Кто, зачем – никто не знает, телефонисту передали без дополнительных сведений.

В штабе доложил дежурному, тот куда-то сбегал, потом приказал идти за ним. Перед входом в блиндаж остановился:

– Заходи и доложи по всей форме.

Ты вошел, увидел сидевшего за столом высокого и полного офицера, доложил. Офицер поднял глаза:

– Лаврик, подойди сюда, я в ногу ранен, мне вставать трудно.

Ты испугался и обрадовался:

– Крёстный Савелий Платонович, здравствуй.

Офицер протянул руку.

– Здравствуй, крестник. Но это последний раз, впредь обращайся по званию, при людях, конечно. Так, что у тебя дома? Как мама, жена, дети?

Что ему ответить, если сам ничего не знает?

– Детей нет, жена и мать живы, тятю убили под Москвой. Братовья воюют где-то, мать адреса дала, только ответов нет.

Офицер кивнул:

– Да, между фронтами письма идут через Москву, долго. Как сам? Говорят, отличился? Орден ещё не получил?

Ты смутился:

– Нет, но воюю, не прячусь.

Крёстный кивнул:

– За это и пригласил тебя, если бы прятался – не стал бы мараться. Меня из района в Свердловск взяли, поучился, направили парторгом на завод, потом обком партии, потом война, вот, политработник. Скажи, Лаврик, у тебя есть ко мне личные просьбы? Только быстро, через пять минут военный совет.

– Есть просьба. На узле связи служат Тайшеновы, мне бы с ними повидаться. Товарищ комиссар, поддержите их, они сестру потеряли, нельзя, чтобы и они погибли.

Савелий Платонович поднял трубку и дал команду прислать к нему в кабинет Тайшеновых, с тру-

дом поднялся, обнял крестника и вышел. Ты сам открыл дверь перед перепуганными девчонками.

– Не бойтесь, мы одни.

Они обнялись и долго стояли молча.

– Айгуль, Калима, мне Ляйсан всё рассказала. Покажите мне её могилку. Я сказал комиссару, чтобы помог вам, если нужно.

Девчонки удивились:

– Ты его знаешь?

– Это мой дядя, крёстный.

– Он суровый, – сказала Калима.

– Нет, справедливый, – поправила Айгуль.

Вы постояли у холмика со звездой на опушке леса. Ты не мог плакать. Девчонки тоже уже всё выплакали. Ты насмелился и спросил:

– Звёздочка – это ничего?

Девчонки кивнули:

– Аллах примет, он знал, что она солдат. Лаврик, она успела сказать тебе, что любила?

– Мы полчаса говорили, потом разошлись, а потом снова встретились, но она была уже...

В батальон тебя привезли на «полуторке», чему все были крайне удивлены.

– Молодец, солдат! – сказал рядовой Гоголадзе. – Туда пешком, обратно на «полуторке». Завтра уедет на «ЗИСе», а вернется на «мерседесе». Молодец!

Хорошо после боя, если остался живой. Ты привык к душевному одиночеству, в тебе уже не было сладких воспоминаний о жене, которые не давали спать в первые месяцы после призыва, ты уже совсем забыл жаркую и бесстыжую Полину, бывшую попадью. Рядом с тобой была только Ляйсан. Не мёртвое изорванное тело помнил ты, не мёрзлые тонкие губы, которые пытался отгореть, пытался вдохнуть в них тепло и жизнь. Ты видел её под той сосной в бору, когда она, чистая и смелая, без стыда разделась перед молодым парнем. В эти минуты ты улетаешь с земли, находишь её в теплых воздушных просторах, вы обнимались, и не было никого в мире счастливее вас.

– Я знаю, Лаврик, ты подумал про меня плохое, грязное, подумал, что все татарки доступны, как молодые жеребушки в косяках, только знай: у каждой кобылицы есть свой жених, и другой не посмеет даже хвоста понюхать. Ты сразу так мне понравился, как родной джигит, которого долго ждала, мы бисера плетём, когда такие думы настигают, под бисера далеко улетишь. А ты пришёл – не джигит, смелости нет, ловкости нет. А почему сразу на сердце пал? В твоих глазах я правду увидела про любовь и про жизнь. Помнишь, как сёстры тебя целовали? Ты не думай, они не распутницы, они от жажды. Когда в тайге вместо знакомого родника находишь оплывшую яму, а потом целый день работаешь под солнцем, тогда бывает жажда.

– Сладкая Ляйсан, не обижай меня подозрениями, вся ночь та была как жизнь. Я тронуть тебя боялся, потому что чистоту видел в тебе такую, какой нет на земле, разве только в небесах у особо отличившихся святых дев. Как я мог к этому прикоснуться? Я всю тебя исцеловал, и руки, и животик, и ножки твои. А потом повернул на живот и спинку целовал во многих местах. Когда нёс тебя к своим, всё думал, что ошибка это, ты не убита, ты спишь у меня на руках до тех пор, пока Господь увидит наши страдания. И тогда вдохнёт в тебя жизнь, даст кровь, поставит на резвые ножки, и побежишь ты по матушке нашей сырой земле. Я вот теперь часто думаю, зачем Бог поделил людей на татар и русских, и веру разную дал? Проверить, наверно, хотел, сумеем мы жить мирно, или заест нас особенность своей нации. Вот возьми фашистов; вообще-то по нации они немцы, будь мы все однаки – не было бы пушек, бомб, войны этой страшной... Иди ко мне ближе, Ляйсан, мне так тепло от тебя.

... Ты просыпался обычно в самые сладкие минуты, когда душевная Ляйсан, прижавшись к тебе, щекотала волосатые подмышки, просыпался от храпа товарища или неловко поставленной кем-то на стол кружки, от далекого выстрела тоже. Тогда лежал, боясь пошевелиться, чтобы не спугнуть сладкое душевное виденье, в реальность которого ты верил без сомнений.

Ты часто стал думать, что, если умереть сейчас, то можно встретить Ляйсан на небесах в райских кущах. Что это за кусты такие, поп никогда не объяснял, но рай расписывал так, как будто бывал там каждую неделю. Вот надо было расспросить его, или сам должен дорогу сыскать, или приведут ан-

гелы дежурные. И затаилась в глубине сердца эта заноза: погибнуть героически и навстречу любимой ввысь. Испуг от такой мысли вскоре прошёл, но вера осталась: надо умереть героической смертью, как Ляйсан.

Немецкие танки прорвались на рассвете. Смяли передний край, наши пока пушки разворачивали, а они уж вот, у крыльца. Ты выдернул из-под нар тяжёлый подсумок с гранатами и метнулся вперёд, только прыгающие лучи танковых фар очередями били в лицо. Упал в воронку, выдернул чеку, а он уже рядом, клацает гусеницами. Ты только на мгновение высунулся, и тут же изо всех сил кинул тяжёлую железяку. Свет фар метнулся в сторону, танк затих, потом заговорил несколькими голосами, похожими на наши матерки. Ты не стал себя обнаруживать, пусть их добивают автоматчики, а на тебя уже второй прёт, и скорость такая, что смотреть некогда. Кинул сразу пару гранат, и на дно. Танк кружится на месте, стоны и крики. Потом с нашей стороны, ты это слышал, дали команду встречать танки на подходе. Бежавший к своим на помощь танк остановился, погасил фары. На разные голоса стали звать живых и раненых. Ты высунулся, а он, сволочь, далеко – не докинуть. Пришлось ползти, вгрызаясь в землю. Пару раз стрельнули, но это наудачу, так порядочный солдат не бьёт. Прополз ещё метров двадцать, вокруг стрельба вовсю, а у танка возня, своих грузят. Ну, ты и лупанул. Взрыва не видел, оглушённый, упал на родную землю и решил, что всё, погиб рядовой Акимушкин героической смертью.

Из той воронки выволокли тебя ребята, осмотрели: цел, только вид глуповатый, контузило малость. Какой-то офицер подбежал, руку жмёт и обнимать тянется. А Гоголадзе ему три пальца показывает, мол, три танка уничтожил. То ли от пережитого, то ли от страха крутнулась голова, и пал солдат под ноги товарищей.

Новый ротный командир вызвал к себе в землянку и спрашивает прямо:

– Я, боец Акимушкин, человек сугубо гражданский, меня фашист заставил школьную указку поменять на каску, – сказал и улыбнулся: – Стихами уж с тобой заговорил. Ты мне жизнь свою обсуди, чтобы я понять мог, что ты за человек. Ну, давай признаемся, что героизма в тебе не должно быть, парень ты смиренный, но воюешь исправно. А ведь Родине ничего больше с тебя не требуется, ты же не маршал Жуков, чтобы каждую минуту решения принимать. Мы с тобой исполнители, сказали – сделали. А ты в одном месте нашумел так, что в дивизии разбирались, потом ещё. Как понимать, что ты творишь, героизм это или хуже того?

– Чего-то не пойму я, товарищ лейтенант, героизм по какой статье в глупость попало?

– А по той, дорогой мой Акимушкин, что раз ты проскочил, второй раз с этими танками, а в третий раз тебя прихлопнут, и всех делов – ещё одна звездочка на дощечку. Тебя что гонит на верную смерть, ты можешь мне признаться, ведь я по годам в отцы тебе гожусь. Я так разумею, что ты после гибели своей подруги решил смерть искать. А нам солдаты нужны. Завтра скажу старшине, чтобы тебе подыскал работёнку попроще.

Козырнул и вышел.

А с утра твоя жизнь круто изменилась; старшина подвёл к повозке, на которой стоял невыттый термос, показал коня, сбрую, выдал продукты для обеда. Вот тогда и появился чернявенький из батальона, вроде как подучить. И началась новая жизнь.

И всё чаще возвращался ты в тот день, когда всё для тебя закончилось: и служба, и редкие разговоры с татарочками, и поиск всё новых сусличных нор для жирного кондера, за который ребята хвалили начинающего повара. Говорливый Гоголадзе, отложив облизанный котелок и благородно икнув, подозвал тебя:

– Акимушкин, ты только живой останься. Я тебя в лучший ресторан Тбилиси устрою шеф-поваром, будешь готовить чахохбили, цыплёнка-табака, тушки перепелов, нашпигованных неизвестно чем, но все кушают и хвалят. Тебя будут приглашать знаменитые гости в зал, подносить тебе рог благороднейшего вина. А возможно, – Гоголадзе приподнялся на локте, – возможно, Акимушкин, сам товарищ Сталин зайдёт в этот ресторан, и тогда охрана скажет: «Товарищ Сталин, готовить будет лучший повар Акимушкин». Товарищ Сталин спросит: «Не тот ли это Акимушкин, который один на три танка ходил?». Охрана ответит: «Тот самый, товарищ Сталин!». «Тогда почему у него за этот подвиг только орден Красной Звезды? Замените эту звезду – на Золотую Звезду на колодочке».

Батальон валился от хохота, а ты мыл посуду и собирался готовить ужин.

Вот едешь ты в тот день к батальону, кондёр готов, уже остывает. Душа твоя, видно, во время взрыва выскочила, чтобы не погибнуть, а тело, ну, что, на то оно и брненное, что ему страдать. Вот только почему ты помнишь себя летящим, да высоко, да в такой благодатной атмосфере, что даже куфайка не шелохнется. И видишь ты с высоты изгибы рек, противотанковые рвы, отдельных солдатиков видишь, летящих рядом, видно, туда же. А потом как будто ударило тебя, хорошо, что к этому времени душа вернулась, а то бы так без черепа и остался. Вот что это было? У кого спросить?

...В деревню добрался потемну, у первого встречного спросил, схоронили Филью или всё ещё дома. Сказали, что вроде яму долбили долго, не должны зарыть. Пошёл домой. Народу почти не было – так, несколько старушонок – Филька лежал посреди горницы на себя не похожий. Мать увидела тебя в комнатных дверях, вскочила, сорвала с ноги пим и бросила тебе в лицо:

– Проклят ты матерью своей, пшёл из дома, и ремки свои заberi, вон, в углу в мешке.

Ты спорить не стал. Понятно, что не по-твоему вышло, не захотели эти люди подход к брату найти, а ведь обещали разговорчивого человека с собой взять. Им бы тебя взять, но там свои порядки. Вот и порешили Фильку. Вышел в улицу: куда пойти? Из родных никто не примет, раз мать прокляла. И увиделось тебе окошко, освещённое пламенем из русской печки. Кто тут жил – ты знал, а ведь Фрося единственный на земле человек из твоей жизни. Перелез через жердочки в воротцах, стукнул в дверь – не заперто, вошёл, снял большую шапку, поклонился, поздоровался.

Мужик, что лежал на кровати, с интересом сел и уставился на гостя. Баба в кути выглянула из-за занавески, потом, было, снова спряталась, но вышла, поклонилась.

– Это, Самуил Яковлевич, мой законный муж, Лаврентий Павлович.

Мужик на кровати аж привстал:

– Даже так?

И тут же засуетился:

– Вы так удачно зашли, Лаврентий Павлович, как нельзя лучше удачно, потому что я утром уезжаю в Житомир, там уже собрались все наши, требуют моё присутствие. Потому квартира освобождается, можете её занимать вместе с законной, так сказать, супругой.

Фрося с клюкой в руке подошла к тебе, дыша свежим тестом и разгорячённым телом:

– Уж ты прости меня, Лаврик, за мою измену. Хошь – в морду ударь, хошь – в ноги паду.

Ты остановил:

– Не надо.

Фрося удивилась?

– А как же? Чо, и бить не будешь?

Ты очнулся.

– Бить не умею, только убивать. А ты не бойсь. Я к тебе пришёл насовсем. Жить.

Фроська мигом оживилась:

– Тогда так, – скомандовала она. – Последнюю ночь Самуил и на печке перекантуется, а тебя, мой дорогой муженёк, я к стенке положу, чтоб не соскользнул. Ты разболокайся, мне осталось две булки вытащить Самуилу на подорожники.

Когда Фрося утром проснулась, Самуил уже ушёл. В избе долго плескалась, подошла к кровати голая, раздобревшая:

– Лаврик, протри спину до сухоты, а то мёрзнуть буду. Э, нет, ты меня не валяй, мне в совет бежать, это ты лежа на спине деньги получаешь. Пенсию твою я знаю – проживём, у меня жалованье какое-никакое.

Ушла, погасив лампу и напустив полную избу темноты. Ты вроде уже задремал, как вдруг увидел своего ротного командира, убитого в том бою, и тот спрашивает:

– Что же получается, Акимушкин, я на тебя как на человека надеялся, а ты покушать ребятам вовремя не сумел доставить. Ты накормил роту перед боем или нет?

У тебя сильно закружилась голова, но солдат обязан ответить. Ты до дрожи в теле напрягся, чтобы хоть часть памяти вернулась, просил себя, требовал, умолял: так накормил или нет? Что ответить себе и ротному? Ты вытянулся в кровати и шёпотом доложил:

– Товарищ старший лейтенант, я же приготовил кашу с мясом, и привёз к позиции. А потом... Потом же вас всех поубило, я один остался.

– Подожди, боец, когда снаряд попал в кухню, тебя в повозке не было. Ты где был? Почему и тебя вместе с нами не убило?

Ты вытянулся и улыбнулся, будто командир мог увидеть твою улыбку:

– Я в это время летал, товарищ старший лейтенант.

– Как летал? – лениво спросил ротный.

– Высоко. Всё видел; и бой, и разрывы, и как наши ребята пролетали рядом со мной.

– Акимушкин, ты мне сказки не рассказывай, ты мне ответь: ребята поели перед боем?

Телёнок за печкой поскользнулся на влажной подстилке и стукнулся на коленки. Ты очнулся, голова болела, но ротный исчез.

В обед прибежала Фрося, радостная и раскрасневшаяся с мороза, сказала, что звонил из района новый секретарь райкома Гиричев и просил тебя, Лаврушу Акимушкина, завтра прибыть к десяти часам.

– Фроська, это же крёстный мой, родной дядя!

– Лаврик, миленькой, поезжай, просись, чтоб перевёз нас в район, тут с ума сойти можно?

Ты возмутился:

– Фрося, как можно просить переехать, а кто в колхозе останется? Нет, таких речей ты от меня не жди. А вот зачем я ему потребовался – в том вопрос.

Фрося за ночь перешла шерстяные брюки чеботаря, рубаху поубавила, пиджак подрезала и в спине на четверть вырезала. Ты наблюдал и удивлялся: всё-таки здоровый мужик был этот Самуил.

– Фрось, здоровый мужик был этот Самуил. Что же ты с ним не собралась?

Фроська смачно плюнула на горячий утюг и с ожесточением стала разглаживать свежие швы:

– Лавруша, это штаны у него большие и пинжак широкий.

Она поставила утюг на кирпич и бросилась в распахнутую постель:

– А мужик ты у меня первый и единственный, и лучше не бывает. Я и бабам говорю: вот хоть и по второй группе, а не подумашь, что инвалид.

Ровно в десять строгая женщина открыла ему высокую дверь в кабинет, и Савелий Платонович, прихрамывая, вышел из-за стола. Обнялись.

– Про горе и позор наш общий знаю, даже сам имел неприятности. Когда у полкового комиссара родной племянник оказывается дезертиром, хорошего мало. Спас Черняховский, он только принял армию и оказался в дивизии, когда дело рассматривалось. Попросил, полистал и разорвал. Вот такой был человек. Со мной побеседовал минут двадцать и забрал в политуправление армии. Как твоё здоровье?

Ты хотел рассказать о странных видениях и снах вперемешку с действительностью, но испугался: если крёстный заставит лечиться, то Ляйсан никогда не вернётся в его сны.

– Военкомат получил несколько путевок на лечение в лучшие госпитали, если есть желание, я могу попросить, да ты и подходишь.

– Нет, крёстный, не поеду. Я тебе объясню, ты умный и грамотный, ты поймешь. Вот есть жизнь, я роблю, хожу, вроде разговариваю, а внутри у меня другая жизнь, светлая, радостная, душа моя говорит с любимыми людьми, мы с ними встречаемся даже. Больше всего достал меня ротный наш командир. Я сам видел, как его разорвало осколками при первом снаряде, а он теперь допытывается, накормил я тогда ребят перед боем или нет. Ты помнишь ту татарочку Ляйсан, не подумай, что у нас что-то было такое, людское. А вот что-то всё-таки случилось, потому что и она меня с первой встречи полюбила, и я её тоже. Так не бывает у людей, я же слышал рассказы: как только добрался до девки – всё, готова. А мы голыми лежали всю ночь рядом, и летали в такие дали, в такую красоту, где рай, и цветы, и кони ходят. Она коней шибко любила. Очнёмся, поцелуемся, обнимемся, и опять летим. Когда на фронте с ней встретились, она мне рассказала, что и без меня летала, как будто я рядом. Вот скажи, дядя, ведь и со мной такое же! Мы так радовались. А потом она погибла. Больше всего мне радости, когда она приходит, сколько счастья не бывает у людей, сколько у меня. Если бы она жива была, Господи! Ты ведь слышал, как она проводила закусилась?

– Это я знаю. На Тайшенову оформлено представление на звание Героя, но затёрли где-то документы, сейчас по моей просьбе этим занимаются. И вот что ещё хуже: у Тайшеновых все погибли, двое сыновей и три дочери.

– Я знал, видел, но надежда была, что те пули мимо пройдут.

– Это война, сынок. Старика Естая мы отправили в хорошую семью татарскую, он великий человек, мужественно всё пережил. О тебе. В госпиталь ты обязательно поедешь, готовься, это через месяц-полтора. С женой сошёлся? Правильно. Как мать? Знаю, что не общаетесь, но деревня же, всё известно.

– Живёт. Ей за отца пособию платят.

– Да, приедешь домой, передай Анне Ивановне, что Володя и Геннадий живы и здоровы, служат в Венгрии, к весне вернутся.

В плохом настроении вышел ты из райкома, у коновязи заметил старика, сильно похож на Естая. Подошёл, присмотрелся: точно он!

– Здравствуй, дорогой Естай.

Старик вынул изо рта трубку:

– Лицом видел, чай пил, а кто – не помню.

– Лаврик я, до войны приезжали с братом Филькой за шишкой к вам, тогда все познакомились.

– Вот теперь всё на местах. Воевал?

– Воевал. Ранило и комиссовали.

– У меня тоже всех комиссовали, дали бумажки. Я им сынов и дочерей, а мне коробочки с железками. Несправедливо! Но была война, сынок, каждый человек должен встать между войной и родиной, только так спасёмся. Я плачу о детях и горжусь.

– Дядя Естай, мне сказали, что тебя отправили в хороший дом. Ты живёшь там?

– Ушёл. Чужой человек в доме – не гость, не хозяин. Сказал спасибо и ушёл.

– А куда ушёл-то?

– Домой собрался. Ты видел мой дом, там такое богатство, там могила жены, там дети мои ножками пошли по земле. Не могу оставить, вернуться.

– Да как же один-то?

– А ты? Я вижу, что глаза твои горят, как горели они в тот вечер, когда ты с Ляйсан в лес ушёл. Разве не хочешь ты пойти жить со мной и работать там, где она родилась и целовала тебя? Не красней, она сама призналась, просила Аллаха, чтобы благословил её любовь к православному.

Тебя колотила крупная дрожь, ты взмок, сбросил шапку.

– Да я ползком поползу к тому месту, где видел Ляйсан, только возьми. У меня жена есть, к ней съездим, согласится – возьмём, а нет – её воля.

Подъехал татарин в хорошей кошёвке, снял тулуп, обнял старика, пожал твою руку:

– Дорогой Естай, решение твоё для меня закон, говорю по-русски, чтобы товарищ слышал. Весь твой скот, кони, упряжь – всё прибрано и сохранено, как только обживёшь дом, всё пригоним, сена привезём, овса.

– Бейбул, этот парень наш, мне родной, жених был Ляйсан, захотел ко мне жить.

– Как решишь, дорогой. Поехали!

Знакомой дорогой ехали в тайгу, вот тут поворот, тут спуск к реке. Всё как тогда, только девчонки уже не встретят озорным смехом. Лес начал темнеть, первый признак весны. Ты опять увидел тот казан над костром, в котором девчонки готовили мясо, увидел туесок кумыса, поднятый из колодца, увидел губы девчонок в белых каёмочках кумыса – резкого, холодного, хмельного. Почему-то Ляйсан повела тебя к табунку молодняка, жеребята играли, бодая друг друга, тёрлись шеями, обнюхивались. Подожди, такого же не было, не ходили вы к молодняку! А потом одумался: не надо противиться, Ляйсан знает, что надо показать будущему хозяину. И пошёл вслед за ней, только видел, что трава под её босыми ножками не трепещет, не клонится, не мнётся, а радуется, колышется во след, и цветки лесные, скромные, густыми горстями разросшиеся на некошенных палестинах, которые она обошла и не коснулась даже, нежно склоняли перед ней свои головки. Тебе страшновато стало одно время, уж больно похоже на жизнь, ведь хаживал он с Ляйсан, и травы мяли, и цветы видели, но только это не жизнь, это сказка. Знаешь, что нет Ляйсан среди живых, а видишь, любишь её, и она радостная, так и плывёт над землёй. Не скоро ты сообразил, что нету между вами разговора,

хотел спросить Ляйсан, почему она молчит, но собственного голоса не слышал, испугался, хотел закричать громче, но Ляйсан приложила пальчик к губам. Ты заметил, что пальчик чистенький, не израненный, не изуродованный мелким осколком. Ляйсан улыбнулась, ещё раз пальчик к губкам тобой целованным приложила и погрозила. Ты понял, что надо молчать пока, она сама заговорит, когда можно будет.

– Худой сон смотрел, Лаврик? – спросил Естай.

Ты улыбнулся:

– Сон хороший, только непонятный.

Естай вынул трубку:

– Сны Всевышний даёт человеку для размышления. Что видел – обдумывать надо за чашкой чая долго, потом понял, почему. Когда дочерей вижу, долго думаю, ночь, день. Хочу говорить с ними, но молчат, только плачут и жалеют меня.

Ты не удержался:

– Естай, и Ляйсан ты видел?

– Всех дочерей видел, а сынов нет. Батыр не должен нарушать покой отца, это они знают. А девчонки – их Аллах даёт на радость. Горе тому человеку, который лишит отца этой радости.

Ты вылез из тулупа:

– Дядя Естай, Гитлер должен за всё ответить, это он отнял девчонок.

Старик заворочался в своей шубе, покашлял:

– Перед кем ответит? Разве есть на небесах Бог, который примет его как сына своего? Аллах прогонит, Христос близко не пустил за христианскую кровь, Будда не простит преступника. Гитлер будет носиться по пустоте, искупая каждую каплю человеческой крови, русской, татарской, грузинской, еврейской.

– Приехали! – крикнул Бейбул, и Естай заплакал, скинув шубу, вылез из кошёвки и встал на колени перед своим домом, когда-то полным жизни и счастья. Никто не тревожил его, Бейбул жестом остановил тебя, кинувшегося к старику.

– Он молится, не мешай.

Потом пошли в дом, разожгли большую печь, перенесли из кошёвки мешки с продуктами, Бейбул подал тебе карабин:

– Будешь на охоту ходить, лося едва ли возьмёшь, а козочек постреляешь. Татарин не умеет жить без мяса, это вы, русские, способны на картошке прозимовать, – усмехнулся Бейбул. Тебе это не понравилось:

– Зачем ты так о русских? Ты на фронте был?

Бейбул улыбнулся:

– Не спрашивай, если не хочешь знать лишнего. Не был. И Естай не одобрял, когда он всех детей на гибель отправил. Это ваша война, ваша власть её затеяла. Почему татарин, который уже столько веков не воюет, должен умирать за чужую власть? Вот это воистину наша земля, после Ермака наши князья выкупили её и жили по своим законам. И дали клятву не воевать. Зачем я нарушу эту клятву предков?

Тебя затрясло, мысли путались в голове, но ты поймал главную:

– Ты не джигит, Бейбул, ты спрятался за тоненькие тела девчонок, они сгорели, а ты греешься у того костра.

Бейбул удивился:

– Ты посмотри, с виду дурак дураком, а как красиво судит. Ладно, Лаврик, обижать тебя не буду, только больше об этом не говори. Власти знают про меня всё, у меня друзья от Тюмени до Омска, так что забудь.

На второй день поправляли загоны, завалившиеся без хозяина, а потом поехали за сеном. Три воза лесного, духмяного, мелколистного сена, такого, хоть чай заваривай. Дед Максим так и делал на сенокосе, выбирал из рядков цветочки, былинки, мелко рвал руками, потому что железу никак нельзя к этому прикасаться, и заваривал в маленьком котелке. Ты прямо сейчас поймал этот запах, задохнулся, и слеза пробилась: как славно было житьё, как спокойно и ровно. Разом всё изломалось, никто и не понял, как.

Собравшись домой, Бейбул подошёл к тебе крепким шагом:

– Не сердись на меня, Лаврик. Если обидел – прости, я среди русских рос, а про войну – особый случай. Я не воевал, но это не значит, что прятался. Другие задачи были. А говорил так – тебя дразнил. Прости, брат.

Ты ухватился:

– Бейбул, какие задачи, скажи, чтобы я знал, а то мучиться буду, думать.

Бейбул усмехнулся:

– Я занимался формированием татарских воинских соединений. Тебя это устраивает?

– Ладно, ты приезжай к нам, старику скучно будет.

Бейбул засмеялся:

– Я ему завтра скот к вечеру пригоню, не сам, мои люди, так что скучать некогда. Прощай, Лаврик.

– Прощай, Бейбул.

В ту ночь ты долго не спал, ворочался в жарко натопленном доме на огромной перине, Естай сказал, что на ней девчонки спали. И правда, ты принюхался и принял запах Ляйсан, так пахли её волосы, её подмышки, когда вы миловались на кошме под соснами. Запах становился всё сильнее, сжимал горло, потом стало легко, и ты понял, что вырвался из объятий перины и поднялся над аулом. Только в кальсонах и рубахе, а тепло, и воздух тёплый, и звуки тёплые. Ты знал, что увидишь Ляйсан, она прилетит к тебе, чтобы обнять, улыбаться, помолчать. Тебе вдруг показалось, что сегодня Ляйсан скажет тебе что-нибудь, нельзя же всё время молчать. И ведь тебе хочется столько ласковых слов сказать этой маленькой девочке. Ты уже всю её незаметно осмотрел, нет нигде и следов ранений, чистая летающая девочка.

Они прилетели все три, в просторных белых балахонах, с распущенными чёрными волосами, обняли тебя и тихонько сказали:

– Здравствуй, Лаврик, здравствуй, наш родной.

Ты обрадовался и засмеялся:

– Девчонки, дорогие, как я рад, что вы пришли все вместе. Я знал, что сегодня будет что-то особое. Знал, что будем говорить с Ляйсан.

– Будем, любимый, и сёстры знают, о чём. Ты тоскуешь на земле, но пока нельзя сюда, это мы узнали. Ты будешь жить с отцом, ничего не говори ему про нас, всё, что надо, он знает. Привези сюда свою жену. Я не ревную любимый, у настоящего татарина может быть много жён, и любить он их может, как его душа хочет. Привези. А потом мы встретимся, и ты всё расскажешь.

Ляйсан поцеловала тебя в губы, и ты вдруг вспомнил кровавой холод её разорванного рта и жемчужные зубки в страшном обрамлении. Проснулся в холодном поту, встал с постели, увидел стоящего на коленях Естай, он освещён был луной, глядевшей в окошко.

– Подойди сюда, сын мой, – позвал старик. – Встань со мной рядом, я молюсь перед Аллахом за души своих детей, Аллах говорит мне, что их души чисты и непорочны, они в раю. Молись и ты своему Христу, пусть он проследит, чтобы никто не нарушил покой моих девочек.

Ты сказал тихо:

– Я молюсь... Дядюшка Естай, можно, я буду звать тебя отцом?

Старик помолчал:

– Называй «Эти», сынок, это и будет отец. Мы с тобой давно породнились, пусть будет так во имя Аллаха!

Ты ещё сомневался, как говорить с Естаем о Фросе, ведь Ляйсан просила не открывать их тайну. Потом насмелился:

– Дорогой Эти, отец мой названный, хочу просить твоего совета. У меня в деревне жена, мы обвенчаны, а живём врозь...

– Это нехорошо, – перебил Естай, – я сегодня хотел дать тебе хорошего коня и отправить в деревню. Привезёшь жену, пусть будет семья, и пусть будут дети. Ляйсан не родила тебе сына, а мне внука, она не будет против, если твоя жена будет спать с тобой в её постели.

Ты заплакал и уткнулся головой в колени названного отца:

– Благослови, Эти, я привезу Фросю.

Ехать пришлось на дрожках, потому что снег растаял, земля размякла, на дороге колёса вре-
зались в песок. В деревне подвернул к избе тётки Савосихи. Та встретила в дверях, испуганно
спросила:

– Лаврик, откуда у тебя такая добрая лошадь в дрогах? Говори, не мучай!

Ты не понял, почему она в расстройстве, ответил:

– Живу в татарском ауле рядом с деревней, вот хозяин дал Фросю привезти. Как тут она, не ба-
луется без меня?

Савосиха высморкалась в фартук:

– То у неё спроси, мне делов мало за молодухами подсматривать. У матери не был? Не ходи.
Она умом тронулась или как – не пойму, всё по Филе плачет, отца не вспоминает даже. Ребятишек
отпустили из армии, дак оне на производство устроились, увильнули от колхоза. Так матери напи-
сали. Тоже ревёт. А тебя проклинат, чёрных слов откуда только берёт. Ты не ходи. Если за Фроськой
приехал, собирай её и долой с глаз.

Подъехал к дому, вожжи примотнул к столбику, стукнул в дверь. Фрося выскочила в одной стану-
хе, уж спать собралась, криком взялась:

– Лаврушенька, муж ты мой венчанный, а я уж думала, насовсем бросил меня.

Посадила на скамейку, сняла грязные кожаные казахские сапоги, измазанные в грязи поповские
брюки, налила в большой таз тёплой воды, заставила раздеться догола, поставила ногами в таз, и
нежно обмыло всё тело. Тебе стало тепло и уютно, как бывает только дома. Сняла с горячей плиты
сковородку с жареной картошкой, отрезала кусок хлеба. Села напротив и смотрела, как ты жадно ел:
за весь день маковой росинки во рту не было. Потом положила на кровать к стенке, прижалась всем
телом и заплакала:

– Лаврушенька, простил ли ты меня или только вид издал? Я места не изберу, всё думаю, что
бросишь, а как пропал совсем, так и решила, что из-за меня.

Ты слушал её спокойно, гладил рукой по голове:

– Забудь про то думать, тем паче, что новая жизнь у нас впереди.

И рассказал всё про Естай, про знакомство с ним через Филю, про случайную встречу в районе и
неделю жизни в его доме. Про девчонок и Ляйсан решил пока помолчать, минута не та.

– За тобой приехал, собирай свои манатки, избу заколотим, и утричком в дорогу. Там всё хо-
зяйство на старике. И тебе работа будет, коровы есть, кобылы должны скоро ожеребиться, кумыс
научишься делать. Там славно, Фрося, и для души покой. Ты поймёшь, ты у меня не глупая.

Ещё ничего не понимая, Фрося соглашалась, чуть свет связала в узлы свои пожитки, больше
ничего ты ей брать не велел, всё есть в доме Эти. Выехали уже на свету, люди видели и лошадь, и
дрожки, и Фросю, сидящую рядом с мужем. На два дня деревне обсуждать хватит.

В большом доме к приезду молодых Естай сделал перегородку, там осталась широкая низенькая
кровать девчонок, на которой ты уже спал, сундук для вещей. Старик вышел навстречу приехавшим,
и вы оба встали перед ним на колени.

– Встаньте, дети мои, я принимаю вас как родных, других никого нет. Идите в дом, располагай-
тесь, а мы, Лаврентий, заколем баранчика по такому случаю.

Мясо старик варил сам, подзвав Фросю: учись, это будет твоя работа. Фрося трепетно снимала
пену с кипящего мяса, отодвигала из-под казана большие угли, чтобы убавить жар. Естай сидел ря-
дом, курил трубку, давал советы. Мясо получилось сочное, мягкое и жирное. Старик долго молился,
потом сели за стол.

– Фрося, ты, как и Лаврентий, зови меня Эти, что значит отец. Кушайте мясо и благодарите Все-
вышнего, что он даёт нам такие дары.

Фрося присмирела, после ужина вымыла посуду, постоянно дёргая тебя: где взять воды, куда вы-
лить помои. Когда легли в постель, тебя окатила горячая волна: на постели Ляйсан я рядом с Фросей.
Закружилась голова, ты старался не думать об этом, но мозг уже ухватился за эту зацепку и не давал
покоя. Фрося придвинулась к нему, спросила:

– Ты чо такой мокрый? Да у тебя жар! Обожди, я принесу холодной воды.

А ты уже провалился в пустоту, которая всегда принимала тебя радостно и почти весело. Но сей-

час навстречу опять вышел убитый в последнем бою ротный и сурово спросил, накормил ты солдат перед смертью или голодными они ушли на тот свет?

– Товарищ командир, меня самого ударило, не могу доложить по правде, кушали ребята или так и ушли, не жравши. Не пытайте вы меня, товарищ старший лейтенант, больше ничего не знаю.

– Ещё скажи мне, Акимушкин, коль ты на белом свете, скажи, одолели наши фашистов, или напрасно приняла нас матушка – сыра земля?

– Одолели, товарищ командир, и всем нашим скажите, что одолели, и земля наша свободная от врагов.

Очнулся, Фрося обтирала твоё тело настоем каких-то трав, сказала, что Эти принёс. Через минуту снова забылся, и опять легко поднялся в тёплую и спокойную пустоту. Ты парил, поднимался и опускался, затаив дыхание и ждал Ляйсан. Она всё в том же просторном балахоне тихонько обняла тебя сзади и поцеловала в шею, как тогда под сосной. Ты хихикнул, так было щекотно.

– Я знаю, что ты привёз свою жену. Лаврик, не думай обо мне, живи земной жизнью. Хочешь, я навсегда уйду из твоих снов?

Ты схватил её за руку:

– Не уходи! Я умру без тебя.

– Тогда успокойся, не думай о духовном, о пустоте этой, о наших полётах. Скоро ожеребится моя любимая кобылица, она жеребушкой была, когда мы на фронт уходили. Жеребёнка назовешь именем брата нашего Газиса. И не думай столько, милый Лаврик, у тебя мозг воспалён, ты так сильно ранен. И я буду прилетать к тебе реже и реже, а потом ты совсем забудешь меня.

Ты сильно кричал, так сильно, что Эти вошёл в комнату и зажёл лампу. Только он мог понять смысл твоих слов, Фрося завернулась в одеяло и ревела.

– Не плачь, дочка, к утру у него всё пройдёт.

Молодая кобылица ожеребилась легко, Эти сделал всё, что полагается и совершил молебен. Повернулся к тебе, ты хоть и слаб, но помогал отцу:

– Лавруша, давай назовём жеребчика Газисом, в память о сыне моём. Ты не против?

Как ты мог быть против, если и Ляйсан просила об этом?

– Нет, Эти, я не против. Я сам хотел просить тебя так назвать малыша.

Старик улыбнулся:

– Вот видишь, как хорошо жить одной семьей.

Когда улеглись спать, Фрося придвинулась к тебе и в самое ухо спросила:

– Лаврик, ты какое имя кричал седни ночью? Я переполохалась, думала, что ты с ума сошёл. Ты меня обнимал и называл Лей..., я не разобрала. Кто это?

Ты сел в постели. Настало время всё рассказать Фросе. И ты рассказал. Про длинную осеннюю ночь, когда за орехами уезжали с Филей, про Ляйсан, про их любовь странную, про встречу с Ляйсан на фронте и про её страшную смерть. Рассказал и про сны, в которых Ляйсан сама предложила привезти сюда Фросю. Сказал, что Фрося тебе законная жена, а кто Ляйсан – этого он не знает.

– Ты ревновать станешь? Не вздумай, Ляйсан обидится, а у неё большая сила.

Фрося шмыгнула носом:

– Как не ревновать, Лаврик, ты уж неделю в стороне от меня спишь. Я вот кровать-то располовину, чтоб поуже да потуже нам было.

– Ничего не делай, это пройдёт.

Надо было нарубить жердей для подновления загона, ты оседлал Карего и верхом поехал в ближайший лес. Голова шумела, ты уже давно старался не думать, мурлыкал песенки, вспоминал дни весёлой молодости. Ты понял, что боишься встречи с Ляйсан, наверное, она не думала, что ты так скоро сбегаешь за женой, и обиделась. Боялся встречи и ждал, знал, что важное слово скажет ему любимая татарочка.

Рубил тонкие осинки и берёзки, стаскивал в кучу, чтобы потом можно было на передке от телеги привезти всё ко двору.

– Помогай Бог! – услышал за спиной голос и обернулся. Долго вглядывался в лицо, день ясный и солнечный, чего тут сомневаться: дед Максим! Но дед давно умер, и ты был на его могилке. А дед смотрел прямо и улыбался:

– Испугался, внучок? Не пугайся, я с добром. Матрёна Савосиха тебе тётка родная – ты про то знаешь. Ей тяжело теперь, года, робить не может, а колхоз зачем будет содержать дармоедку? Скажи ей, что под задним правым углом избушки её зарыт горшок, а в нём золотые монеты. Пусть не брезгует, это всё мной нажито. Пущай пойдёт в район и найдёт там зубного врача, не ошибётся, он там один. По одной монете пусть продаёт, а цену он знает. Второе. Фильку ты сдал по недоразумению или нарочно? Ты уговорить его хотел? Совсем не знаешь ты нашей породы. Наши мужики – кремень. Ты тоже наш, но у тебя на душе шкурки нет, как и на голове защиты. Ты со смертью рядом ходишь. Жалко мне тебя, учить бы тебя надо было, большой толк мог получиться, потому что душа – это для всяких наук и творений крайне надо, да пришли эти горлопаны, всё понарушили. Вишь, Лаврик, как сложно мир устроен: они тебе всю жизнь перековеркали, а ты за них свою кровь отдал. Ещё. Жену ты сюда перевёз, а с татарочкой как? Так и будешь бегать с горячей бабы на любовные разговоры с райской девицей? Ты хоть спал с ней? Нет? И в небесах за сиськи не трогал? Плохи твои дела, не болтайся ты, как говно в проруби, выкинь из головы эти небесные побегушки. Съезди в город, там церковь служит, исповедуйся и причастись, а то с ума спрыгнешь. Да, и татарина этого, который вас со стариком привёз, Бейбул прозывается, остерегайся, недобрый человек.

– Напраслина дед Максим, Бейбул старика к себе брал, когда тот совсем один остался.

Дед улыбнулся в бороду:

– Чудной ты, Лаврик, да этого старика с его хозяйством и пенсией за детей погибших любой бы с поцелуями взял, только Бейбул не отдал. А вернуться домой ему дети посоветовали, он ведь тоже с ними говорит, хоть и не летает. Всё, прощай, внук, больше не увидимся. И съезди в деревню, на мою могилку, под крестом земля провалилась, на ноги давит.

Ты хотел ещё что-то сказать, но никого уже не было, и даже трава не примята, там, где дед стоял. Ты перекрестился и начал рубить ближнюю осинку.

Вечером, когда Эти встал на молитву, Фрося звала Лаврика во двор. Вечер тихий и тёплый, кони хорошо наелись в лесу и отдыхают, корова жуёт свою жвачку, маленький жеребёнок Газис тычется в мамкино вымя, из которого Фрося только что сдоила молоко на кумыс.

– Лаврик, вот чо хочу тебе сказать. У тебя в голове все перемешалось, где Ляйсан, где Фроська – не сразу скажешь. Ты спроси старика, пусть он разрешит мне Ляйсан зваться. Тогда и у тебя всё на место встанет.

Ты долго думал, потом сказал:

– Дождусь, когда она сама придёт, у неё спрошу. Знаешь, они там как ангелы, их обижать нельзя.

Фрося испугалась:

– А если она не согласится?

Ты улыбнулся:

– Ты Ляйсан не знаешь, она добрая и любит меня, она согласится.

Он лёг в свой угол постели и думал о предложении Фроси. Чужая она ему стала, как сюда переехали, хоть обратно вези, но даже говорить об этом с отцом Естаем стыдно. Вспомнил, что не запер на засов пригон молодняка, но не пошёл – в сон стало клонить. И Ляйсан по головке гладит, усыпляет:

– Назови свою Фросю моим именем, и тогда всё у нас будет хорошо. И Фрося рядом с тобой, и я с именем моим тоже. Она у тебя умная и добрая, а то, что изменила тебе – забудь. Все женщины изменяют, только про то никто не знает. Мусульманкам это запрещено, а про других я всё вижу. Спи, любимый мой Лаврик.

Ты проснулся рано утром, чуть только светало. Фрося спала, зарывшись в одеяло на другом краю кровати. Ты тихонько подполз к ней, стянул одеяло, в полумраке матово светлело зовущее крепкое женское тело. Ты поцеловал её грудь, вторую, она очнулась, охватила тебя руками, заплакала и спростила сквозь слезы:

– Ты не увезёшь меня в деревню обратно, Лаврик?

– Ляйсан, ты с сегодняшнего дня Ляйсан, любимая моя татарочка.

Это утро им показалось коротким.

Когда сели пить чай, ты встал перед Естаем на колени:

– Дорогой Эти, я виделся сегодня с Ляйсан, и она разрешила Фросе носить её имя. Ты не будешь против этого?

Естай улыбнулся:

– Я знал, дети мои, что этим всё кончится.

Большой двор у Естая, много скота держал он в старые времена, да и при новой власти после обильного достархана районные начальники улыбались:

– Скотину держи, сколько сможешь, никто не обидит налогом, проследим. На махан будем приезжать, имей в виду.

Сколько русский начальник может мяса съесть? Так, больше вина да разговоров. Привечал. А в соседнем ауле прошлым летом на выпаса приехали начальники, ходили, считали, а потом говорят:

– Вот что, дорогой, ты скота держишь в пять раз против нормы. Завтра к обеду собери весь скот у стоянки, считать будем и налог начислять.

Тот спрашивает:

– А вы от какой власти представители?

Они отвечают:

– От райфо¹. Слышал про такое?

– Не знаю, татарин в лесу живет, никакой райфы.

На другой день приезжают инспектора – ни скота, ни юрты – ничего нет, а на столбе фанерный обломок приколочен и написано крупными буквами: «До свидания райфа». Стали искать, но татарина в своих вотчинах искать бесполезно, на том и остановились. Долго потом по району об этом рассказывали со смехом.

А теперь совсем скучно стало в большом крытом соломой пригоне, три лошади, две годовалые жеребушки, как девчонки, радуются, когда ты приходишь, мордой тычутся в лицо, в ладонях корочку хлеба ищут. Кобылка Ляйсан скоро должна ожеребиться, приводили ей красивого жениха из деревни, за сто рублей молчаливый татарин разрешил жеребцу подмять кобылку, тот в азарте в двух местах кожу сорвал ей со спины своими копытами. Ты тогда каждый день смазывал раны какой-то вонючей мазью, Эти Естай сам варил её на тихом огне костра. Две коровы, обе доятся, к новой хозяйке привыкли, маленькие телятки пьют молоко, старый Естай велел до трех месяцев всё молоко им отдавать. Сосать – нет, привыкнул, потом беда отучать. Два бычка крутолобых, Естай сказал, что одного благословит государству, ему теперь тяжело, война много отняла людей, и скота мало осталось, а город кушать хочет, и армия тоже, её надо сильно кормить, чтобы второй раз не умирали молодые нерожавшие девчонки. Барашки отдельно стоят, молодняка нынче много, большой табунчик будет к лету.

Ты убирал навоз, складывал его кучкой, чтобы подкопить и потом заехать на санях, сгрузить и вывезти на бугорок. Фрося–Ляйсан облюбовала его под огород.

– Лавруша, как они жили без картошки, без солонины, ни огурчика, ни помидорки? Ты мне весной плуг найди в деревне и этот пригорочек вспаши, а я раздобуду семян, только домой придётся ехать. Заодно и мать повидеашь.

Ты огорчился:

– Про мать мне не упоминай, проклятье она не снимет, а без того и близко не подходи. К тетке Матрёне поедем – она выручит.

Голова от дум этих зашумела привычно, кони и коровы стали, как в тумане. Ты присел на толстую жердину яслей, притулился к столбу.

– Устал, брательник?

Ты открыл глаза и удивился: Филя стоит в той же куфайке и в тех же пимах, в чём в милиции лежал.

– Тяжело со скотом возиться? Пристаёшь?

Ты встал, поклонился:

– Здравствуй, брат Филипп. Прощения прошу у тебя, что неволью навёл легионеров. Простишь ты меня?

Филя засмеялся, потрепал по шее стоявшую рядом жеребушку:

¹ Райфо – финансовый отдел исполкома районного совета.

– В чём твоя вина? В том, что родился другим человеком, чем мы, грешные, что соврать не умел, да и теперь, поди, не научился? Вот так и вышло. Я ведь, Лаврик, знал, что после тебя придут ребята, знал, но убить тебя не мог. Хотел, только Господь руку отвёл, так ножик в матрас и воткнулся.

Ты съёжился, не видел и не слышал, что той ночью Филя к тебе с ножом подступался.

– Как тебе там живется, Филя, шибко обижают тебя за грехи твои?

Филя опять улыбнулся:

– Кому обижать-то? Чертей там нет, зря говорят, там какие-то невидимые силы всем распоряжаются. Нас собрали таких, как я, преступников, дают читать книги и учить молитвы.

– А потом что?

Филя пожал плечами:

– Говорят, переведут в другие места. Плохо, Лаврик, что работы не дают, а без дела всякие думы в голову лезут. Я за это время все свои убийства вспомнил, аж самому страшно стало, каким зверем был. Кассиршу одну просто за горло взял и приподнял, позвонок так и хрустнул. И кассиршу эту видел, и всех других убитых, но не близко, а как за стеклом. Политрук тот подходил, которого в воронке застрелил. Он молоденький, совсем парнишка. Все молчат, даже укора в глазах нет. Сроду не ведал, что совестно может быть, а вот видишь, стыжусь, прячусь. Но это ещё не всё. Потом нас водить будут, как в НКВД, на очные ставки. Вот как это вынести?

Ты сильно удивился Филиным переменам:

– Я тебе ещё тогда советовал думать, через душу пропускать помыслы. Думать, Филя, самое трудное дело, я теперь это по себе знаю. А к покаянью готовься, праведники будут смотреть, есть ли в тебе раскаянье, тогда пустят на суд к Господу.

Филя горько усмехнулся:

– Знал я, Лаврик, что суда не избежать, только не думал, что так высоко потянут меня за дела мои. Ладно, управляйся. Я бы пособил, да отпустили на минутку, а ведь со скотиной мне шибко глянулось возиться. Да, а мать-то простила тебя?

Ты вздохнул:

– Да нет, поди, и не простит.

Филя кивнул:

– Я скажу ей, чтобы простила. С материнским проклятьем тяжело жить. Ладно, прощай, Лаврик.

Ты ещё долго стоял, опершись спиной на столб, понемногу пришёл в себя, вытер рукавом куфайки лицо, унял дрожь. Ты уже привык к неожиданным появлениям покойников, и только одна Ляйсан была желанной, ты радовался, увидев её, и долго потом жил воспоминаниями об этих встречах. Фрося с интересом слушала твои рассказы и не ревновала, хотя, думал ты иногда, должна была ревновать. Приход Фили тебя не то, чтобы испугал, а нехорошо тебе стало, когда его увидел, вроде и не вспоминал последнее время. Хотя порадовался, что Филя стал о душе думать и суда Господня боится.

В обед на паре добрых коней приехал Савелий Платонович, с ним две женщины. Фрося выскочила встречать, потом громко позвала тебя. Ты сено намётывал к вечеру, воткнул вилы, подошёл. Гиричев широко раскинул руки:

– Ну, здравствуй, крестник!

Ты чуть не заплакал от радости:

– Крёстный, родной, я уж думал, что ты совсем забыл про меня.

Гиричев помог женщинам выйти из кошёвки, кивнул Фросе:

– Веди в дом.

Старый Естай вышел со своей половины, поклонился гостю, они обнялись:

– Как здоровье, дорогой Естай? – спросил Савелий Платонович.

– Обожди, подскажу Ляйсан, что надо быстро приготовить.

Секретарь райкома смутился:

– Лаврик, о какой Ляйсан он говорит?

– О моей, крёстный. Фрося моя теперь Ляйсан зовётся, так мы все порешили.
– Все – это кто?
– Сама Ляйсан, перво-наперво, а потом Эти Естай дал согласие. В мире душевном мы тут живём.

Гиричев переглянулся с женщинами:

– Лаврентий, это доктора, приехали из области для консультации наших больных и раненых, я попросил посмотреть тебя. Там твоя половина? Веди докторов, а я пока хозяйке помогу.

Парное мясо барашка варится быстро, когда вы с докторами вышли из спальни, на достархане ароматами исходило горячее мясо, в пиалах дымилась сурпа. Савелий Платонович предупредил докторов:

– Мясо берут руками, вот нож, можно отрезать. Хлеб есть, только к такому столу его не подают. Хотя лучше принеси, Фрося–Ляйсан, гости не привыкли.

Ели торопливо, потому что зимний день короток, а до райцентра два часа езды. Ты встал раньше других, стал собираться проводить гостей, приготовил шубу и сел у дверей. Крёстный спросил докторов:

– Ваши первые впечатления?

– Физически крепок, сердце работает нормально, лёгкие, печень – всё в порядке, – коротко сказала одна.

– Зато голова – это куча проблем, – продолжила вторая. – То, что он рассказывает о своих видениях и встречах с умершими, убитыми, эти разговоры – страшно. Мозг даёт сбой, и сильные. Его надо бы понаблюдать в условиях стационара, но он ни в какую не хочет ехать...

Ты всё слышал и соглашался, что вся беда в голове, и что в больницу не поедешь.

– Я поговорю с ним, – пообещал Савелий Платонович. Он не заметил, что ты сидишь сзади.

– Крёстный, я никуда не поеду. Доктора эти отнимут у меня всё, чем я живу, чем держится моя душа. Иногда понимаю, что умные так не делают, значит, я полоумный, как ругала меня мать, когда я Филю нечаянно сдал органам. А вот Филя простил, приходил ко мне и простил. И Ляйсан согласилась, чтобы жена моя Фрося назвалась её именем. Видите, как всё просто. А если вы нарушите, тогда куда я без них всех? Нет, крёстный, не поеду.

– Ты не ребенок, Лаврик, когда можно было скрутить и отшлёпать. У тебя тяжелейшее ранение, доктора могут и хотят помочь – почему отказываться? Фрося, скажи хоть ты ему.

Фрося всхлипнула:

– Это он, Савелий Платонович, сам хозяин, как скажет, так и будет.

Гиричев крепко обнял тебя и шепнул на ухо:

– Пока я на работе в районе, приезжай, ты же молод ещё, жить надо, детей надо рожать, воспитывать, надо крепким и здоровым быть. Прошу, Лаврик, как сына.

Естай, не проронивший за столом ни слова, пожал секретарю руку:

– Не жди, секретарь, не придет. Я его вижу, он умрёт на пороге дома своей Ляйсан, если силой возьмёшь. Оставь его, пусть будет, как решил Аллах.

– Видишь ли, дорогой Естай, я в Богов не верю, потому думаю, что надо парня лечить.

– Ладно, скажу главное. От этой болезни не лечат. Когда живой любит мертвую и мертвая любит живого – кто сумеет встать между ними? Не ломай ему жизнь, секретарь, пусть будет, как есть.

Женщины уже сели в кошёвку, крёстный ещё раз обнял тебя и сел напротив. Кучер шевельнул вожжи, отдохнувшие лошади пошли крупной рысью.

Ты только встал с постели, умылся и вытирал лицо широким Фросиным рукотертом, концы его были расшиты крестиком, и большие петухи из крестиков украшали их. Естай уже побывал на дворе, обошёл хозяйство. Управляться пойдешь ты, такое условие ты ему сразу поставил, потому что не может такого быть, чтобы старик работал, а молодой на кровати ноги вытягивал.

– Дожили до весны, сын мой, как только вышел – сразу понял: из казахских степей дохнул тёплый ветер.

Ты вслед вышел во двор. Месяц на ущербе спускался, цепляясь за верхушки сосен; лошади в пригоне поднялись, хрумкают сеном, переминаются и чуть приржаживают; коровы ещё лежат, лениво

дожёвывая жвачку, и ждут, когда Фрося–Ляйсан придёт с ведёрками, повесит «летучую мышь»¹, хлопывая по крутым бокам, ласково поднимет, обмоет, оботрёт вымя и примется доить.

До чего же хорошо жить на белом свете! Эти Естай научил Фросю делать мясо по татарским обычаям, научил колбасу заворачивать, коптить большие куски конины с толстым слоем жёлтого сала, печь лепёшки и делать кумыс. Естай хочет внука, ты и сам спрашивал Фросю, почему она не несёт, а Фрося сразу закрывала лицо, стыдилась, а может, неловко ей было сказать, что в тебе семени нет после такого ранения. Фросю ты любишь, только другой любовью, Ляйсан высоко, ты давно уже не видел её. Обидел чем? Да нет, разве мог! Видно, не подошло время.

Зимой со скотом управы много. Надо в стойлах почистить, навоз в кучки собрать, надо воды принести всем из дома, чтобы тёплая, надо сено, с вечера приготовленное, разложить по кормушкам. Падера иногда за ночь так закладёт ворота в пригон, что мокрым станешь от пота, пока отбросишь снег, а потом надо его и вдоль стенки повыше накидать, чтобы теплее скотине было. Зимой в свою деревню совсем не ездил, сахар, соль, муку, керосин закупали с осени.

Вечерами Фрося–Ляйсан шила на руках, у неё это ловко получалось. Когда она попросила Эти Естай примерить рубаху, тот отказался:

– Зачем мне новая рубаха? Мне скоро к Аллаху уходить, ты шей Лаврику, вам жить.

В тёплом месте у печки устроил ты постель старику, а Фрося сшила широкую занавеску. Ты один раз откинул занавеску, старик сидел на полу, а в коленях красная подушка с наградами дочерей и сынов. Старик перебирал их сухими пальцами и что-то шептал по-татарски. Он не видел тебя, перед ним были его дети. Он не плакал, он рассказывал им свою жизнь и слушал их ответы. Ты опустил ткань и тихонько ушёл к себе.

Вечером управа точно такая же, как и утром, всё сделали вместе с Фросей, она унесла молоко, вернулась, помогла плотнее прикрыть ворота. Ты повесил на пробой большой замок. Фрося ухватила тебя за шею и поцеловала в губы. Ты засмеялся:

– Ты что? Ночи тебе не дожждаться?

Фрося загадочно улыбалась:

– Не хочу ждать, вот захотела, и поцеловала мужа, и никто мне не указ.

– Глупая ты.

Она продолжала играть:

– Пускай глупая, а если обзывать станешь, вовсе ничего не скажу.

– Ладно, не обижайся, я же люблю тебя.

Она опять обняла, прижалась к небритой щеке:

– Лаврик, муж мой венчанный, в тягостях я уж третий месяц.

Тебя что-то обожгло внутри, ты вроде испугался новости, мысли не допускал, но понимал, что Ляйсан надо будет об этом говорить, а как она отнесётся?

Фрося потрепала тебя по щекам:

– Лаврик, очнись, тебе тошно?

Ты обнял её, чтобы ещё минуту помолчать.

– Нет, Фрося, это славно, что ты в положении, что ребёночек у нас будет. И Эти Естай обрадуется.

– А Ляйсан? – как в лоб ударила Фрося.

Ты долго молчал, понимал, что так ещё больше сомнений вносишь в сердце жены, но молчал, не знал, как сказать, что ты веришь, даже знаешь, что Ляйсан благословит вашего ребенка.

– Не спрашивай меня, Фрося, зачем обманывать? Встречу Ляйсан, всё скажу, и она будет радоваться вместе с нами.

Когда сели ужинать, ты поклонился Естаю:

– Дорогой Эти, наш Бог и твой Аллах услышали наши молитвы, Фрося уж третий месяц беременна.

Естай кивнул, посмотрел на Фросю:

– Ты мне дочь, Ляйсан, и я буду ждать твоего ребенка. Если родишь девочку, подарю ей золотые украшения моей покойной жены, если будет джигит, поеду на ярманку и куплю лучшего жеребца. Это моё слово.

Долго пили чай и говорили о завтрашнем дне.

¹ «Летучая мышь» – керосиновый фонарь, использовался в домашнем хозяйстве.

Ты уснул, крепко обняв Фросю. Ты не слышал, как скрипнула дверь, и вышел Естай. Ты не слышал его предсмертного выдоха, но какая-то сила подняла тебя на ноги, ты увидел свет фонарей во дворе и услышал чужой разговор. Откинул занавеску – старика нет. Ты не забыл ещё привычки войны, когда враг рядом, но тебя не видит. Если Естай вышел на шум, его уже связали, чтоб не мешал. Эти люди не могут не знать, что старик не одинок, что ты у него живёшь, значит и хозяйничают со скотом так открыто, потому что один или двое стоят у дверей и ждут тебя. Ты схватил карабин, велел Фросе спрятаться на печи, подкрался к двери и выстрелил дважды. Дикая крик отхабарил дверь, ты выпрыгнул в сторону и видел только огненный плевок ружья. Выстрелил прямо в него и снова крик раненого человека. Фонари погасли. Услышал крик:

– Лаврик, успокойся. Ты меня слышишь? Это Бейбул. Старика больше нет, если хочешь жить, уйди в дом, я оставлю тебе корову. Если узнаю, что сообщил в милицию, зарезу вместе с бабой. Ты понял?

Тебя трясло, но руки сжимали карабин жёстко и уверенно, как на фронте.

– Где Естай, что ты с ним сделал?

– Его зарезал мой человек, мы тебя ждали первым, а ты прообнимался с женой, старик услышал и вышел.

– Я убью тебя, Бейбул.

Бейбул захохотал. Ты выстрелил прямо на хохот, он захлебнулся, а чей-то трусливый голос завопил:

– Бейбула убили, уходим.

Две или три тени метнулись в сторону от пригонов, ты выстрелил, но кто-то всё-таки добрался до подводы и стал нахлестывать лошадей. Ты осторожно подошёл к дверям, приоткрыл их и попросил Фросю выбросить полушубок и шапку. До рассвета просидел в засаде, поджидая налётчиков. Когда совсем развиднелось, поднял тело Эти и занёс в дом. С карабином обошёл двор, перевернул одного – татарин, подошёл ко второму, тот застонал. Ты ногой перевернул его на спину: русский. Тот открыл глаза, протянул руки. Ты нажал на курок. Убитых утащил в сарай и закидал снегом, Бейбула нельзя было узнать, все лицо разбито. Ты ухмыльнулся: стрелять на звук тебя учил снайпер Вася из северных народов.

Поехал в татарскую деревню, нашёл муллу, всё ему рассказал. Через час весь двор заполнили татары, тебя и Фросю отправили на свою половину, молились, разговаривали, мулла позвал тебя.

– Надо коня заколоть, такой обычай. У Естая есть молодые жеребчики, одного укажи, наши люди сделают, как по вере положено. Ты не обижайся, я знаю, что Естай любил тебя как сына, потому надо соблюдать обычай.

Ты вывел из стойла жеребчика-двухлетку и ушёл, чтобы не видеть, как его заколют. Мясо варили прямо во дворе. Ты уже попросил муллу, чтобы отправил он своего человека в район и сообщил в милицию и в райком, крёстный уважал Естая, должен знать его смерть.

Тело Естая закрутили в крашеную кошму, тебе сказали, что иноверцы не могут присутствовать на похоронах, вы с Фросей со стороны поклонились и ушли к себе. После похорон ели мясо и пили сурпу, мулла велел подать на половину молодых поднос с мясом и пиалы с сурпой. Ты плакал, Фрося успокаивала и плакала сама.

Утром приехали три милиционера, старший подал тебе пакет. Это письмо от крёстного. «Гибель Естая Тайшенова – это большая трагедия. Ты приготовься, возможно, заведут уголовное дело на тебя из-за убийства бандитов, но не переживай, это была самооборона, хотя могут и привязаться. Я бы очень хотел повидать тебя, потому что, похоже, больше не встретимся. Я попросил начальника милиции, чтобы расследование завершили скорее, он пообещал. Буду торопить, чтобы закончили при мне. Имею сведения, что есть на меня донос в областные органы, если кому-то захочется, арестуют и расстреляют. Чтобы чужие не знали, пакет опечатал сургучной печатью. Прощай. Береги себя и жену. Твой крёстный отец Савелий Гиричев».

Ты не всё понял сразу, но не за себя испугался, а за дядю, что его могут арестовать. За что? Меня – понятно, три трупа, тут не выкрутишься. Бейбул говорил, что у него кругом друзья, отомстят за его смерть, это уж как пить дать. А Фрося тогда как? Вот ещё беда, пришла, откуда не ждали.

Ты свернул письмо и положил в пакет. Долго смотрел на присохшие крошки сургуча по углам и по центру конверта, оказывается, не ты первый читал это письмо.

В начале июня ты стал выезжать на уголья, где вы с Эти Естаем косили травы, ставили небольшие стога, и по первому снегу вывозили сено на дровнях. И косить, и стоговать сено приходили по заданию муллы молодые парни из деревни, они же помогали вывозить десятки стожков. Иногда в лес брал с собой Фросю, она все тянулась ягодок побрать, клубники, только ты боялся, чтобы ничего с ребёнком не случилось. Когда она домогалась, запрягал в ходок тихую кобылку, оставлял Фросю на ягодной поляне, а сам шёл проверять покосы, как делал дед Максим. На релке между двумя берёзовыми колками высоко поднялась трава. Тут было всего понемногу, ты не знал названия трав, помнил только, что дед Максим называл это всё разнотравьем: «Самое едовое сено, тут и визиль, и клеверок, и чуть полыньки для вкуса, а больше похожих на нынешние овсы да пшеницы, прародители, если прямо сказать». Ты присел и с нажимом повёл вокруг себя протянутой рукой, следом посыпались, как кем-то брошены, мелкие семена. Пора косить.

Отбил две «литовки» на случай, если сломается литовище, Фрося собрала корзинку с хлебом печёным, копчёной кониной, зелёным луком и десятком куриных яиц. Стояла у ворот, пока ты скрылся за лесом, и пошла в дом, работы много, а сил не хватает, тянет дитёнок соки.

Помолясь на восток, ты рубаху выпустил из штанов, прикрыл маковку вязаной шапочкой и завёл «литовку» за плечо. Прокос получился широкий, кошенина легла ровно, на стерне высоко, так что скоро продует. Решил не садиться, пока сил хватит, махал и махал «литовкой», и скоро движение стало самостоятельным, не надо было давать себе команду. Валки ложились один к другому, и на краю ручки, когда надо было поправить жало косы, ты остановился, воткнул в землю литовище, вынул из кармана оселок и услышал:

– Обожди, Лаврик, не начинай, у меня к тебе разговор.

Оглянулся, а по кошенине идёт к нему девушка в чёрном платье до пят, босая, волосы распущены, и вроде трава под ней не шелохнёт. Уже ближе, лицо разглядел – красавица, что глаза, что брови, что ротик – всё красиво, только отпугивает эта красота.

– Ты кто такая и откуда взялась в наших местах? – спросил ты.

– Ишь ты, как со мной сурово, Лаврентий, а ведь мы с тобой давно знакомы.

Ты смутился, ещё раз глянул на девушку и улыбнулся:

– Ей-Богу, не помню, где и когда виделись.

Девушка подняла руку:

– Ты про Бога пока не поминай, мы без него обойдёмся. А я тебе расскажу. Первый раз я тебя заметила, когда ты с братом купаться на озеро пришёл, брат нырнул, и ты за ним. Я так обрадовалась, что такой маленький да хорошенький у меня сегодня будет, а крёстный твой перехватил, я тяну тебя в глубину, а он на воздух. Был бы просто дядя, не отдала бы тебя, но крёстный, за ним сила. Помнишь?

Ты ошарашено на неё смотрел:

– Помню, мне тогда пять годов было. А ты-то как там оказалась?

Девушка засмеялась, тряхнув богатыми волосами:

– Потом на войне я тебя увидела, узнала, хоть и много лет прошло. По линиям телефонным за тобой ходила, как ты с иноверкой прощался, тоже смотрела. Я чувствовать не умею и плакать тоже, но если бы людям показать – волосы дыбом.

Ты совсем потерялся, понять ничего не можешь, чем больше она рассказывает, тем всё непонятнее.

– Потом удачно ты подъехал к своим солдатам перед самым обстрелом, вот было дело, я никогда раньше не видела, столько людей разом с жизнью расстаются. Тебя подбросило с телеги и в грязь уронило, а душа выскочила от страха. Вот тут я и ухватила её.

– Кого? – крикнул ты, дрожа от страха.

– Душу твою, Лаврик, душу, ты совсем был покойник, но не могла я совладать – какая-то татарочка за тебя молилась. Бросила я тебя, там урожай был богатый и без моего Лаврика.

– Господи, да кто же ты?

– Опять о Боге! Я же предупредила. Я смерть твоя, Лаврик.
– Смерть? – удивился ты. – Да какая же ты смерть? Она страшная, злая, с «литовкой», как я сейчас, а ты молодая и красивая.

– Но ведь я тебе не понравилась, правда?

– Верно говоришь, ты не девушка, ты виденье, в тебе соблазну нет.

Гостья засмеялась:

– Так я и не соблазняю мужчин, Лаврик. А то, что молода – есть и помоложе, есть и старухи. Нас много. А ты думал, что одна смерть столько дел творит в народе? Нет, только тебе на роду написано быть моим.

– Это ладно, – согласился ты. – А как же вы допустили столько гибели на фронте? Самолучших людей забрали. Откуль вам такое распоряжение?

Опять улыбнулась гостья:

– Ты много хочешь знать, Лаврик. Мы между Богом и дьяволом существуем, и никому не подчиняемся, только своей воле, которая нам продиктована старшими. Вот ты мне предназначен, я тебя могу сразу забрать, могу поиграться. Когда брат хотел тебя заколоть, я руку его перехватила. А за то, что влез мне поперёк, отдала его этим легионерам. И когда ночью бандиты к вам во двор ворвались, я не хотела, чтобы ты погиб, и ты остался. Я скажу тебе, почему. Ты у меня такой один, и не умный, и не дурак, прямой и честный и чистый душой, как младенец. Живёшь ты чудно, двух женщин любишь, одну живую, другую мёртвую. И веришь, что встречаешься с татарочкой, веришь, Лаврик?

– Как не верю, если говорю с ней и обнимаю.

– Ой, дурак! Ладно. Коси свои травы, но знай, что я рядом, и как только позову – сразу собирайся. Да, Лаврик, маму твою наши взяли, и тётку твою тоже, за горшком, о котором дед Максим тебе говорил, сам съезди, а то будут разбирать избушку и найдут. Это я к тому, чтобы жена твоя и сын нужды не знали.

– Обожди, ты сказала – сын? Как ты узнала?

Девушка улыбнулась:

– Лаврентий, чистая душа, я про своих людей всё знаю. Отвернись, мне надо уходить.

Ты отвернулся, минутку постоял, глянул на то место, где стояла твоя смерть – никого, и трава не шевелена. Пошёл в тень на опушке колка, прилёг, уснул.

Дома лошадку распряг, зелёную траву с телеги теляткам в загон бросил, они молоденькие, растут, и среди ночи пожуют в удовольствие. Фрося–Ляйсан подошла, прижалась:

– Истосковалась я вся, пятидневку одна.

Ты пожалел, приобнял:

– Пристала с хозяйством-то?

Фрося шутя оттолкнула:

– Не от работы, а от тоски по тебе сил нет. Вот приехал, и на душе легко стало.

Ты погладил её округлый живот:

– Как он там? Шевелится?

Фрося засмеялась:

– Наверно, вместе с тяткой сено косит, и руки и ноги в ходу.

Ты доволен:

– Работающий парень будет.

Фрося опять засмеялась:

– А если девка? Что, и любить не будешь?

Ты уверенно сказал:

– Парень, сын у нас будет, это я точно знаю. Ладно, покорми меня, да в деревню съездим.

– На ночь-то глядя? – удивилась Фрося?

Ты ушёл от ответа:

– У нас дело такое, что надо бы потемну, так спокойней.

Наскоро перекусив, ты запряг в дрожки Карего, который окончательно обленился и бежал неохотно, но раскачался, и к деревне подлетел на рысях. Тихим шагом подъехали к пустой избушке Саво-

сихи, ты завёл коня в раскрытую ограду, Фросе велел сидеть в кошёвке. Вынул из-под травы лопату и стал копать. Глубоко же зарыл дед Максим свой горшок. А, может, и нет ничего, пригрезилось, вот и возомнил. Но лопата склацала обо что-то твёрдое, ты встал на колени, нашарал горшок, с обеих сторон освободил и вынул из земли. Как-то жутковато стало: через покойного про клад узнал. Ты перекрестился, разбил глиняную замазку на горлышке, сунул руку и захватил горсть монет. Отставил в сторону находку, яму засыпал, щепками и травой закидал.

– Лавруша, чегой-то ты нашёл? – шёпотом встретила Фрося.

– Потом, – шепнул ты и выпятил дрожки вместе с Карим из ограды, прыгнул в кошёвку и стегнул лошадь. Выдохнул, когда из деревни выехали, остановился, вынул из горшка в коленях горсточку монет, чиркнул спичку. Фрося ахнула. Задул спичку, ссыпал монеты обратно. Не обманул дед Максим, точно золотые монетки.

Дома нашёл укромное место, зарыл горшок, Фросе указал, рассказал про зубного врача, на всякий случай.

Утром к дому подкатила «полуторка», из кузова выпрыгнули два милиционера, ты вышел на встречу. Фросе успел сказать, что в деревню ездили свой домик посмотреть, так говорить надо.

– Гражданин Акимушкин?

– Так точно, я и есть.

Милиционер улыбнулся:

– Это я тебе письмо привозил из райкома. А мы с тобой и раньше встречались, когда вы за братцем приезжали. Помнишь? А сегодня твоя очередь. За убийство троих человек, а больше всего за Бейбула, ты арестован и будешь обвиняться.

Ты не испугался и спокойно объяснил:

– Я их убил вперёд, а чуть трухни – меня бы застрелили и жену мою. А она в положении. Видал, сколько жизней? Мне знающий человек говорил, что это была оборона самого себя и родных.

Милиционер опять улыбнулся:

– Тот знающий человек арестован и проходит как враг народа и вредитель. Письмо-то я вскрыл, и правильно сделал, доложил, кому следует, а то Гиричев мог скрыться от правосудия, он, оказывается, уже знал, что разоблачён. Короче, собирайся.

Фрося заревела в голос, ты обнял её и успокаивал:

– Не плачь, сын вместе с тобой плачет, перестань. Меня не посадят в тюрьму, разберутся, что нет тут вины, и отпустят. Если задержусь, сходи к мулле, он поможет.

И уже шепотом, чтоб только она слышала:

– А если что – попрошу Ляйсан, чтобы она меня вызвала и улечу, не видать им меня в оковах.

Милиционер не переставал улыбаться, а второй молчал, безучастно глядел на тебя и Фросю. Ты собрал в платок булку хлеба, шматок конины копчёной, рукотерт, обнял Фросю и залез в кузов.

Следователь, молодой человек в красивой форме, записал твой рассказ о нападении бандитов на усадьбу Естая Тайшенова, о твоей жестокой расправе. Потом неожиданно спросил:

– В каких отношениях вы были с бывшим секретарем райкома Гиричевым?

Ты ответил с гордостью:

– В сродственных, он мне дядей доводится, да к тому же крёстный отец.

Следователь записал.

– О чём вы говорили, какие поручения он вам давал?

Ты удивился:

– Об чём говорили? Про свою семью, про жизнь. А поручал он мне беречь здоровье, всё хотел к путным докторам отправить, да я не соглашался.

Следователь возмутился, стукнул в стол кулаком:

– Ты мне дурака не валяй, здоровье он поручал. Я тебя спрашиваю, может, скот травить или механизмы из строя выводить – вот какие поручения!

Давно с тобой так не разговаривали, да и смешно слушать, что крёстный скот травил. Пришлось сказать:

– Гражданин следователь, Савелий Платонович крестьянин, он и сам в молодые годы хозяйствовал, как он может отравить безвинную скотину? Если кто и сказал такое, то либо по глупости, либо по злему умыслу.

Следователь ударил тебя кулаком в лицо, ты едва не упал с табуретки. Вынул платок, вытер кровь, сквозь слезы посоветовал:

– Вы, гражданин следователь, по голове меня не бейте, у меня фронтное ранение, полчерепа снесло, там только кожа тонкая и мозги рядом. А зачем вы мне вопросы про крёстного? Я думал, за убитых бандитов допрос будет, но тут у меня оборона самого себя и семейства, закон на моей стороне.

Следователь крикнул:

– Конвой!

В комнату вошёл милиционер:

– Уведи этого дурака. А ты думай, что скажешь про Гиричева, чем больше скажешь, тем меньше срок получишь за убийство. Понял?

Ты кивнул:

– Как не понять? Значит, Бейбул правду сказал, что мне отомстят за его смерть друзья-товарищи. Как же так, гражданин следователь, Эти Естай Тайшенов отдал родине двух сынов и трёх дочерей, у него медалей и орденов полное блюдо. А приходит бандит Бейбул, убивает отца героев, и он же прав? Так советская власть не диктует.

Следователь покраснел, крикнул конвоиру:

– Уведи его и всыпь, как следует, только по голове не бей, говорит, у него там черепа нет. Ты проверь.

Конвоир толкнул тебя к двери, повёл коридором, перед камерой остановил:

– Этот татарин убитый – правда отец Ляйсан Тайшеновой?

Ты кивнул.

– Я воевал в той дивизии, где она погибла, в газете писали. Ты не бойся, бить я не буду, только ты говори что-нибудь про этого Гиричева, может, снисхождение выйдет.

Ты кивнул.

– Я тебя в одиночку закрою, чтоб никто не домогался, отдохнёшь.

Ты опять кивнул, спросил:

– А до ветру ночью водят?

– Нет, там ведро стоит, это параша. Но я скажу ночному дежурному, он хоть и сволочь, но мне обязан, – пообещал милиционер.

В камере понял, как сильно болит голова, видно, следователь шевелил что-то. Ты бросил на пустые нары свою куфайку, лёг на спину, положив руки под голову, и свалился в тяжёлое забытие. Сквозь боль и яркие всполохи в мозгу ты увидел дом Естая, ставший твоим, увидел Фросю, а потом и сам ощутил себя в пустоте, светлой и тёплой, которую всегда приносила Ляйсан. Она появилась издалека, и ты наблюдал её красивый полет, белый балахон не мог скрыть красоты её тела. Она приблизилась, обняла тебя, закружила, сказала:

– Лаврик, час пробил, это не в моей власти. Я очень хочу, чтобы ты был со мной, но Фрося и сын твой останутся сиротами, а сделать ничего нельзя. Твоя смерть говорит, что и так многое тебе позволила совершить на земле. Семью твою мы возьмем под своё покровительство, никто их не обидит. Я знаю твой план. Так и сделай. Я встречу тебя, любимый мой. Прощай.

Среди ночи ты проснулся, поел мяса с хлебом, остатки сунул в карман куфайки, оделся и постучал в дверь. Дежурный появился не скоро.

– Чего тебе?

– До ветру надо, живот болит.

Дежурный постоял, подумал:

– Вообще-то параша есть. Ладно, пошли.

Во дворе ты приостановился, шедший следом дежурный подошёл вплотную, ты ловко ударил его в шею, наклонился, чуть прижал жилку на шее, так учили разведчики. Милиционер притих. Ты перемахнул через забор за туалетом и побежал.

Утром та же «полупорка» подъехала к дому Естая, Фрося выбежала во двор. Три милиционера выскочили из кузова.

– Где муж?
Фрося испугалась:
– Так вы же вчера забрали...
– Он убёг. Ребята, обыщите дом и все клетушки.
Фрося присела на чурку посреди двора:
– Куда он сбежал? Зачем? Он же ни в чём не виноват. Не ищите, не приходил он домой.
Старший подошел вплотную:
– Где он может быть? В деревне его тоже не нашли. Куда он мог податься? Говори!
Фрося заулыбалась:
– Я поняла. Он улетел.
Старший оторопел:
– Куда? На чём улетел?
Фрося улыбнулась и спокойно ответила:
– Улетел к Ляйсан, туда. – Она чуть подняла голову к небу. – А на чём? Ни на чём. Они летают просто так, как вот вы ходите.
Старший присмотрелся, кивнул:
– За дураков нас держишь? Так и знай, найдём – ему крышка. Он и милиционера нашего чуть не задушил. Все равно найдём.
Фрося поднялась с чурки, уже спокойная и уверенная:
– Никогда не найдёте.
Старший спросил подошедших милиционеров:
– Ляйсан – это кто?
– Дочь хозяина этого дома, которого Бейбул зарезал. Она погибла на фронте, и сёстры её и братья – все погибли.
– А почему она говорит, что Акимушкин к ней улетел? Это как понимать?
Милиционеры пожали плечами.
Старший не унимался:
– Вот она беременна, скоро родит, муж пропал в неизвестном направлении, а она лыбится. Не с ума ли спрыгнула?
Фрося слышала весь разговор, подошла ближе:
– Ты за меня не переживай, начальник, у меня от чистых и святых сил теперь защита будет, а ум мой какой был, такой и остался, как любила своего Лаврика, так и буду любить. И зовусь не просто Фрося, а Фрося–Ляйсан, она сама с небес дала на то согласие.
Старший ещё раз огляделся и скомандовал отъезд.
Фрося улыбалась и плакала, Ляйсан уже шепнула ей, что Лаврик ушёл от легионеров и скоро душа его будет рядом, а потом они будут приходить к ней и нянчить общего родного ребенка.
Уходящая машина растворилась в воздухе, и табун красивых лошадей во главе с любимой кобылой Ляйсан уже мчался навстречу Фросе...

Проза

Татьяна Грибанова

Родилась в деревне Игино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор поэтических книг: «Апрель», «Прощёный день», «Сказ о Судбищенской битве», «Соль»; книг деревенских рассказов: «Лесковка», «От Рождества до Покрова», «Не трын-трава», «Узелки на память»; лирических очерков «Колыбель моя посреди земли». Печаталась в журналах: «Берега», «Наш современник», «Родная Ладога», Роман-журнал «XXI век», «Молодая гвардия», «Московский вестник», «Подъём», «Простор», «Великороссь», «Наследник», «Народное творчество», «Сельская новь», «Огни Кузбасса», «Лик», «Славянин», «Странник», «Эхо России», «Дон новый»; «Волга XXI век» и др; в альманахах: «Звезда полей», «Новый Енисейский литератор», «Орёл литературный»; Лауреат множества литературных премий.

Настёнины «антарки»

Быличка

Грешна, ей Богу, грешна! Каюсь: повязало меня по рукам–по ногам одно пристрастие. И чутся мне: влипну я из-за него в какую-нибудь разисторию. Судя по недавним событиям, всё напрямиком к этому и идёт.

Дело в том, что нашукала я за свою жизнь по разным чердакам-чуланам немалую кучу всяческой древней всячины: утюги, прялки, скалки, самовары, кринки, поварёшки, ручники, лампы... Всего и не перечесть. Знаю, как любой заядлый собиратель, остановиться теперь уже вовек не остановлюсь. Прямо напасть какая-то на меня навалилась. Вот и этим летом подвернулся мне случай.

Почитай, годков эдак с пять, как опустела у нас на хуторе Настёнина хата. Помнится, преставилась баба в ночь под Ивана Купалу. Чин чином спровадили её соседи на погост, кто пожалковал, а кто и не очень. Помянули, конечно, расставив на её подворье столы, не без этого.

Может, потому, что наследство у Настёны невеликое – вросшая в землю хатёнка да саманный сарайчишко, ни родичей, ни мало-мальски близких у бабы не оказалось. Сыскали горбыль – до лесу-то шаг ступить, как не сыскать? – заколотили им крест-накрест двери-окна, и Настёны как вовек не бывало.

И стала я примечать: засиротевшая хата с каждым годом всё лишь приседает в лопушняк. Нынешним летом дошло уже до того, что пронырливый репей пролез сквозь проевшиеся крылечные половицы и пустился в цвет, а вдоль крыши, меж обвалившихся стропил, ему вдогонку выколосился дурнопьян.

Вот и надумалось мне как-то наведаться в эту дремь. Боязно, но будто бы кто подталкивает, так и нащёптывает, нащёптывает на ушко: «Чем чёрт не шутит? Вдруг сыщется в Настёнкиной хате то, чего вовек тебе нигде и никогда не раздобыть?» «Ну и ладно, – порешила, – так тому и быть, только на всякий пожарный надо бы хоть дочку с собой прихватить, всё не так боязно».

Уболтала её на часок отодвинуть холсты-краски: мол, века нашенские доли да угоры вокруг хутора недвижимо возлежали. Куда за это малое время сдвинутся? Хоть и не дюже резво, а всё-таки сманилась моя художница, ведь и сама до старины охоча.

Пришли, значит. Подворье от калитки до крыльца – в чертополохах выше головы. Идём гуськом, я – впереди, прокладываю палкой наотмашь стёжку, позади меня, вспискивая и шарахаясь от крапивы, – дочка Анюта.

С горем пополам отодрали горбыль. Изъеденные временем, густо устланные мхом, крылечные половицы чуть дышали. Распахнули мы сенные двери, кое-как, согнувшись в три погибели, пробрались в их пропахшую прогорклой сыростью сутемень. Свет из единственного окошка перекрывал куст задичалого тёрна. На корявых ветках его, пролезших сквозь расколотые шибки окна, от пронырливого сквозняка покачивались седые бороды пыльной паутины.

Пуки трав, берёзовые и дубовые веники, рядками развешенные вдоль проконопаченных паклей стен, изумрудились от плесени.

– Слава Богу! – возрадовались я, – прихватили отцовский фонарь. Без него в этой халупе и шагу не сделать.

– Давай-ка, пока не поздно, назад, – запротивилась, было, дочка. – Пусть в чулане у тётки Насти хоть кудеяровский клад запрятан, чуёт моё сердце: не к добру мы сюда завернули.

Как только луч света забрызгал по стенам низенькой горницы – оконца вровень с землёй, могила, да и только! – местная шустрая нечисть – армады мышей и разномастных козявок – ринулась в панике во все стороны, с истошным писком зашныряла под ногами, разбегаясь по щелям и норам. Ослепнув и потерявшись от резанувшего поверху света, отвратительно засвистела и, задевая нас крылами, в дальний угол, в самую глухую глушь, рванулась пара летучих мышей.

– Где там у нас лампа? – ободряюще чиркнула я спичками и, подхватив из дочериных рук керосинку, установила её на пыльной столешнице. Аня, с малых лет шарахавшаяся от любой повстречавшейся блошки, казалось, оцепенела, и мне, подбившей её на эту жуть, ничего не оставалось делать, как задорным голосом молоть всяческую отвлекающую дребедень.

Уж и не помню, какой я там её, бедняжку, чушью развлекала, только спустя некоторое время, когда потревоженная мелкота, наконец, притаилась и затихла, мы пообвыклись и с немалым любопытством при тусклом свете лампы принялись осматриваться.

Нашим взорам предстало немудрёное Настёнино жилище: на полгорницы с чугунами-ухватами печка, напротив – Божья долонь – повидавший виды дубовый стол. Несколько покрытых густым слоем пыли табуреток, да под окнами – такие же чумазы, с порушенными мышами-молью домоткаными полавочниками, скамьи.

Выпалили поярче фитиль. В свете лампы на изъеденной «шашалом» полке проявилась куча мала всяческого посуда, незамысловатого, но без которого в хозяйстве ни за какие коврижки не обойтись. Раскружавленные паутиной, припудренные не одним слоем пыли, давным-давно впавшие в беспомысленность, подрёмывали глиняные кубаны и махотки, присосежившись к ним, дотягивали свой век бутылки и склянки какого-то удивительного – буро-карего стекла. За годы горького сиротства в них выстоялась такая гремучая смесь, что теперь уже опасно было приоткрывать с них крышки, вытыкать из их ядовитых горлышек пробки.

На довольно большом полотне – пять вершков в ширину, пять в высоту, – что примостилось меж лицевых окон на заплесневелой, с осыпавшейся штукатуркой стене, под расшитым дробнёньким крестиком полотенцем неожиданно совершенно явственно просматривалась моложавая женщина незаурядной красоты.

Прозеленилось полотенце, изничтожилась рама, но лицо красавицы – а в ней без особого труда была узнаваема сама Настёна – не только не облиняло, не покоробилось временем, наоборот! – из-за её пронзительного взгляда казалось живым.

И неудивительно было бы, если бы отродясь задиристая и своенравная Настёна, потрянув своими дивными, длиннющими до плеч, янтарными серёжками вдруг с укором вымолвила: «Ну? И чего припёрлись-то? Чего без спросу по чужим хатам шастаете?»

Её пронзительный взгляд манил и притягивал, правда, в то же время какой-то пронизывающе-холодный блеск его заставлял отступить как можно дальше. И ещё! Что за чертовщина? Хозяйка избы безотрывно следила за нашими перемещениями вдоль избы. Куда бы ни отступились мы от портрета, Настёна вослед нам устремляла свои пылающие глаза, стараясь не упускать нас из виду ни на минуту. И правда, влипли!

А тут ещё половицы! Слово живые, они, шаг в сторону – зашевелились, ещё шаг – и застонут, заголосят впричёты. По стенам зашныряли какие-то лохматые, безобразные тени. В кишащих замозильным мраком углах снова кто-то зашуршал, зашущукался и заперепискивался, всё настырнее давая знать, что мы не одни, всё лише желая показать нам, пришлым, кто в Настёниной хате хозяин.

За окнами ещё полчаса назад ясное пролетье, не предвещавшее никаких напастей, отчего-то вдруг накуксилось, и ни с того ни с сего, в мгновение ока, захолустное подворье ухнуло в беспросветную, кромешную ночь.

То ли рыкнув от привкушения чего-то, ею давно ожидаемого, то ли злобно хохотнув, тяжело дыша, ослабилась, клацнула запором, словно зубами проголодавшаяся хищница, сырая щербатая дверь. Подтягивая, поддакивая ей, заподпрыгивали, задрезбужали на полках миски-плошки.

Жутью, кладбищенской погибелью, могильными пропастями в отсветах керосинки почудились бездонные оконные глазницы. За ними пластался ветер. Непогодь на всю ширь развернула свои воронёные крыла. Сквозь провалы в чердаке, навзрыд, словно по кому-то очень родному, надрываясь, голосил дождь.

Женского терпежу больше не хватало, как говорится: пора делать ноги. Ой, как пора-а!

Но то ли любопытство взяло верх, то ли что-то не подвластное человеческой воле удерживало нас в этой «нечистой» хатёнке, не позволяло покинуть её до тех пор, покуда не поведает она, уставшая от своих тайн, столько лет в одиночку хранимые ею от всех на свете Настёнины секреты.

Плеснув из керосинки на будто для нас сложенные в печи поленья, разожгли огонь.

Может, оттого, что мы, вопреки окружавшим нас страстям, не сбежали, стены хижины заиграли тёплыми отблесками, на подворье так же внезапно, как и началась круговерть, объявилось затишье.

Покуда я хлопотала у печи, дочь, тоже потихоньку успокоившись, принялась обследовать Настёнино жильё. К сожалению, ничего примечательного, что могло бы пополнить нашу коллекцию старинных вещей, не обнаружилось.

И только под самый конец, обследовав сантиметр за сантиметром избёнку, когда переворошили содержимое огромного кованого сундука: не про будний день изукрашенные ришелье занавески и скатёрки, ненадёванные подшалки, штапельные да ситцевые отрезы, а когда добрались до самого донного доньшка, всё-таки повезло! Да ещё как! В потаённом месте, под кучей всяческого скарба, Настёна, как мы и надеялись, зная «бабские похоронки», в крошечном «вузелочке» сберегала самое дорогое её сердцу.

Души наши распирало от любопытства: что же может находиться в этом любовно расшитом диковинным орнаментом платочке?

Развязали и ахнули: «Да это те же самые «антарки», в которых Настёна красуется на портрете! Да-да! Вот на левой серёжке не достаёт на свисающем до плеч полукружье камешка – самой малой капельки».

Женщины во все века остаются женщинами, а значит, модницами-нарядницами. Ну, какую не соблазнит примерить или хотя бы приложить к ушкам такое старинное диво? Поднесла их дочка к огню, как же загорелись в серёжках, излучая мягкий, ласковый свет, окатные янтари, какими переливками запереливались напитанные солнцем, дробные – с горошину – и крупные – с лещинку – камешки.

Обрадованная находкой, кинулась Аня к зеркалу. Только поднесла серёжку к уху, глядь, а из растрескавшегося, раскружавленного паутиной зеркала смотрит на неё, усмехается Настёна. Не успела дочка ойкнуть, как та, чётко-чётко, будто и впрямь стояла напротив, вымолвила: «Не смей! Триста лет, как мои это антарки!» Аня с перепугу на том же месте и выронила серёжки из рук.

И тут же легчайшая тень метнулась к дверям, послышалось, как в сенях кто-то горько да жалобливо всхлипнул. И только всё стихло, как заходили вдруг ходуном, засотрясались стены хаты, западали порушенные потолочные балки. Изба Настёны по чьей-то неведомой воле принялась рушиться у нас на глазах.

Спohватившись, не до «антарок», мы – ноги в руки – и, не помня себя, вылетели за ворота Настёниного двора. Опрометью – домой, двери – на чепок. Нашарохала нас Настёна – трое суток слова вымолвить не могли.

Не скоро, правда, но когда страсти-мордасти от нашего гостенья в «нечистой» избе поулеглись, припомнилось как бы вдруг, что на Кривом урынке, на самом краю деревни, докоратывает свои немалые годики тётка Луша. Настёна, вроде, будучи на этом свете, завсегда с ней роднилась. Правда,

тётка Лушка не очень-то к ней тянулась. Может, жаба душила рябую Лушку? Сродственница-то, на зависть всем, – сказочной красы, прям-таки Василиса Прекрасная.

И решили мы попроведать ту тётку Лушу. Вдруг что о «живом» Настёнкином портрете знает? Заодно, может, что и о её житье-бытье прояснится. А чтоб умаслить старушку, прикупили в сельпо для неё расцветастый подшалок. Хоть и одной ногой Луша рядышком с Настёной уже стоит, а прихорохориться всё ещё любит по-прежнему. Как сама про то говорит: «Бабское отродье! Куды ж от тряпишного соблазну деваться?»

Приняла, значит, наше подношение тётка Луша с превеликим удовольствием. Справилась, конечно, за какие-такие дела отдариваемся. А как прознала, о чём любопытничаем, так язык её сам собой и развязался, удержу нет.

И поведала нам старушка без утайки, а может, по вине немалых своих годиков по большей части и приврала, всё, что могла, о своей «сроднице».

Вечера-то в Ранетовке под Петровки ласковые, а ночи тихие, задушевные. Присели на крылечные порожки и слушали тёткины рассказы до глубокой полуночи.

А начала она издалека, потому как Настёнина тайна пряталась в глубине веков: мол, сказывала Луше её бабка, что ещё при государыне Екатерине, годах эдак в шестидесятых, случился в Ранетовке, которую проиграл в карты помещик Кузяков старшему Шебаршину, случай, в котором не последнюю роль сыграла Лушина пращурка, дворовая девка Настёна Ивашкина.

– Господь не поспешил, одарил ту самую Настёну со всей щедростью. Мало того, что в молодые лета слыла она на пять деревень в округе первой красавицей, так была ещё затейливой сказительницей. Уж у кого она это переняла, от кого этой дели наострилась: от матушки ли своей, от тётки ли какой, кто ж теперь про то ведаёт?

А только прознал о крепостной своей девке Настёнке, о побасках её складных молодой барин Шебаршин. В ту пору был он в самом цвету. Проживал всё больше по чужедальним краям, по Хранциям-Ерманиям. А тут, на девичью беду, затомновал скиталец (а то, поди, не затоскуешь? – пять годочков в своей Ранетовке глаз не казал!) и прикатил к батюшке в усадьбу, на побывку, значит.

Ну, приехал и приехал. Где он и где дворня-то?.. Но только, поговаривали, была у молодого ранетовского барина заковыка – любил всяческую небывальщину слушать да записывать. Сколько под то бумаги извё-ёл! И из заграниции цельный сундук тех-то выдумок привёз. Вот батюшка-то его, старый барин, возьми да и похвастань: мол, да моя девка Настёнка за пояс заткнёт любого твоего рассказчика.

Дальше больше... Дошёл их спор уж и до того, что коли признает молодой барин, послушав девицу, что она превзошла своими рассказами иноземцев, так побился он об заклад, из имения своего он больше ни ногой. Старому барину это ой как по нраву!

Тётка Луша рассказывает, словно кружева плетёт, видать, вся в прабабку удалась. А потому веришь ей на слово, хоть заведомо знаешь: по большей части из того, что накрутила она о своей далёкой пращурке, – сказки-выдумки, за-ради красного словца. Веришь, не веришь, и вдруг прикинешь: а что ж тут небывалое? Покопаться, так, поди, в каждом имении сыскалась бы не одна подобная девичья судьбинushка.

Ведёт Лукерья свой толк про старину стародавнюю, а сама, правда, не забывает посматривать, не чередит, не озорует ли в каком углу на подворье или в саду шkodная ребятня. Ни один Солнцекараул без того, наверно, ещё со времён её пращурки Настёны не обходился.

– Ну и вот... Кликнули, значит, Настёнку: поври-ка, мол, девица, всласть, – распалает тётка интерес, – приделась она, конечно, всё ж таки не у себя по двору, по господским залам ступать, и к урочному часу явилась, куды велено.

Уж какие-растакые небыллицы неделю к ряду плела им девушка, только барин молодой о своих Хранциях и помнить позабыл. Прям-таки обалдел от Насти, от голоса её певучего, от стана перегибистого. Правда ли, нет ли, только сказывали: положил молодой Шебаршин на неё глаз, влип, значит, по самый хоботок. Души в ней не чаял. Даже потрет своей дворовой девки заезжему художнику заказал. И на День Ангела подарил. Ну, дак вы наверняка его в засиротевшей хате видели. Пуше глазу берегли этот потрет в Настёнкином семействе. Переходя от бабки к бабке, так и довисел он в простой деревенской избе и до наших дней.

Да и продолжу, значит... Что разнесчастной делать, куды кидаться? Крепостная девка – не вольная птаха. А надобно сказать, стукнуло ей по тому времени семнадцать годочков. Самая невеста. И

женихов вокруг ей, что шмелей на июньских клеверах, – улыбнулась тётка Луша, – но сердечушко девичье – попробуй ему прикажи! – ёкало лишь при встрече с пастухом Прохором.

Время шло. Барин не отступался, а промеж Насти да Прохора вызрела любовь нешуточная. Уж и деревня про то прознала, рази ж от людских глаз сокроешься? А как стало Настеньке вовсе невтерпёж от барских приставаний, скрепилась она духом да бухнулась в ноги молодой жене его: мол, так и так, смилуйся, госпожа, не дозволяй Кузьме Лексеичу, законному супругнику вашему, надругаться над девичьей невинностью.

Барыньке, – что ей до Настёны? – о себе впору печаловаться, – по всему видать, и впрямь заболел молодой муженёк её, променял свою барыньку благородную на простушку, девку подневольную. Вот и уговорила она свёкра свою, старого барина Лексея Никандрыча, выдать поскорей девицу замуж. За кого? Да хочь за вдового кузнеца Ерёмку. Благо, что бездетного.

С девкой порешили, а как быть с её любушкой Прошкой? А тут и говорить не об чем! И забрали Прохора во солдаты. Это нынче не успел парень за ружо подержаться – уж и в обратку собирайся. А раньше-то – шутка ли дело? – расставаньё ажни на двадцать пять годочков! Попробуй дождись... Бабий век, знамо дело, – что маков цвет, и налюбовиться не успеешь, глядь, уж осыпался. Да-а-а... А по ту пору, сказывали, забунтовал мужиков по Руси какой-то лихой казак Пугач. Вот и попал солдат Прошка под его сабельку остру.

Как уж там случилось, но долетела всё ж таки весточка об его гибели и до нашей Ранетовки. Жалковала по парню родня, а пуще всех убивалась разнесчастная Настёна. Видано ли, сколько бедствия разом навалилось на её головушку: и любушки вовек не воротить, и барин Лексей Никандрыч, чтобы потрафить невестушке, стоит на своём, упёрся: мол, на Покров венчаться Настёне с Ерёмю. Молодой-то барин, по правде сказать, чуть разуму с тоски не лишился. Имея к Настёне свой антирес, пробовал было за неё вступиться, да куды-ы там!

А горемышная девица, хочь и знала, что грех неотмолимый, а только невыносимо тошен стал ей белый свет, дак она, горлинка, и в моток сигала, и всякими другими-разными приспособленьями пыталась лишить себя растреклятой своей жистюшки. Но, как говорится: кому утопиться, тот не повесится. Знать, была Настёнка у Господа за любовь свою неизбывную на каком-то особливом счету, не дозволил он с девицей смертной смертушке приключиться.

Как не пытались мы выведать у Луши о дальнейшей судьбе её древней сродницы, так толком ничего и не разузнали.

Но в подтверждение тому, что всё тайное когда-то да становится явным, вот какой удивительный сон приснился мне в годовщину Настёниной смерти под Ивана Купалу. Верить ли ему? Нет ли? Только сердцем чую: сама Настёна решилась, наконец, приоткрыть завесу над её удивительной судьбой, поведать, чем однажды в её распостылой жизни обернулась случайная встреча.

И видится мне: будто прохожу я летним вечером мимо Настёниной хаты на ключ за водой. Смотрю: стоит, опершись на калитку молодая, в самом цвету, словно только что с портрета сошла, Настёна. Нарядная, подшалок цветастый по плечам раскинула, в ушках «антарки» поколыхиваются, в вечерней заре переблёскивают.

Окликнула меня Настёна, калитку распахнула, к себе манит.

– Заходи, суседушка, слышала: книжки писать наострилась. А хочешь, я тебе поисповедуюсь, судьбину свою, всю, как есть, как на духу раскрою.

Меня даже оторопь взяла: с чего бы Настёна так расщедрилась, тайну тайн свою вдруг за просто так выложила?

А Настёнка, будто мысли мои читает, ожгла меня своим пронзительным взглядом, улыбается, знает наверняка, что не смогу не согласиться.

– Только обещай, что пропишешь потом обо мне в какой-нибудь книжке. По рукам?

Как я могла отказаться? Коромысло и ведёрки – в подорожники, сама в слух обратилась.

Присели мы в саду под яблонькой, и повела соседка такой сказ.

– Знаю, знаю, кое-что обо мне успела разболтать тётка Луша. Только не всё ей мне ведомо. Ну, так вот, значит, уж и совсем, было, помрачилась я умом после Прошенькиной смерти, – повела своё откровение Настёна, – под Успенье, возвратясь от обедни – уж я толковала, толковала в церкви с Боженькой, уж просила-молила понять, простить меня грешницу, – не доходя до избы, повернула на омуток. Уж и камушек верёвочкой сермяжной обвязала, уж и на крут бережок взошла, один-

разъединный шажочек осталось ступить, сигану, думаю, и – конец моим мучениям. Но тут, откуда ни возьмись, раздвигаются кусты краснотала, и заступает мне тот крайний шажок старая старушонка. Пригляделась: что за диво? Вовек в нашей округе таковской не видывала. А она – хватать за камушек, да меня – в охалку.

– Это что ж ты, такая-разэдакая, удумала? – бранится бабка, а сама – боком-боком оттирает меня подале от крутояра.

– Ох, и немоготу мне, баушка, опостылел белый свет, пусти свершить, что уздумала, – Христом Богом прошу я старуху, а сама рвусь-кидаюсь к обрыву.

Никак ей, маленькой-горбатенькой, не справиться со мной. Вынула она тогда из своих когда-то жуковых, а теперь уже осыпанных густым инеем волос частый терновый гребень и, не спросясь, воткнула его чуть повыше моего наконника.

Тут я, на удивление, вырваться-биться перестала, а как маленько поутихла, всю беду-горе спасительнице своей и выплакала: так, мол, и так, нет мне жисти, родная, теперя без Прошеньки, истерзалось сердечушко от одной мысли, что пойду под венец с разнелюбым.

– Рази ж это горе? – ухмыльнулась бабка, – не печалуйся, детонька, руками твою беду разведу, не успеешь и глазом моргнуть. Давай-ка присядем, покумекаем, глядишь, чего-нитого и распридумаем.

И снимает старая с плеча котомочку. Вытряхивает из неё всяко-разное бабское на подол, покопавшись, отыскивает крошечный вузлячок. Развязывает его и подаёт мне на ладони пару красивущих серёг. У меня ажни дух захватило! Вовек я таких не видывала. Были, конечно, у нашей ранетовской молодой барыньки и какие-никакие, а только таких дивных даже она не видывала!

– Баушка родненькая, – заотпихивалась было я, – мне ведь и отплатить тебе нечем.

– А ничего мне с тебя и не надобно, – шамкает старушонка, – рази что, будь ласкова, проводи меня до росстаней, поднеси мою котомочку.

Зашвырнула я свой горюч-камень в лозняки, серьги-«антарки» – в ушки, и потопали мы на парочку лужком да на горушку, с горушки опять лужком. Идём себе помаленечку, бабулька-то дряхленькая, впору уж и с печи не слезать.

Покуда пожнями да покосами брели, всю жистюшку наперёд раскрыла она мне перед глазами, словно карты раскинула.

– Носи, милая, мой подарочек, ни днём, ни ночью не сымай. Пока «антарки» будут при тебе, будешь ты хозяйкой своей судьбы и никто и никогда не выдаст тебя за нелюбимого. Несчётные годы будут опадать, как листва по осени, а ты будешь всегда оставаться красивой и молодой. А жить ты на этом свете будешь до тех пор, покуда не сыщешь для себя человека по сердцу, пока не родишь от него деток, пока не вынянчишь от них внуков, – молвила бабушка на прощание. Обежала вокруг лесковочки, что у нас кой годочек кормит путников на росстанях, глядь, а уж и не старушка это во все – птичка-перепёлочка! Нырь во ржи – и была такова.

– Ух ты! Вот так история, – ахнула я, – а дальше, дальше-то что?

– А и ничего особенного, скажу я тебе, рассоседушка, не случилось. Века протекали чередой, красота же моя не вяла. И никому в деревне было невдомёк, сколько же мне, такой раскрасавице, на самом деле от роду. Помыкалась я, помыкалась на этом свете, всё пыталась сыскать своего суженого. Только, знать, один-разъединный разочек даётся человеку настоящая любовь. Остальное всё так, прилюбочки. Я-то ведь после Прошеньки и взглянуть на кого другого так и не взглянула... А как разуверилась в своих поисках окончательно, как поняла, что никогда уже не встретить мне свою распропашую любовь, устала я маяться без своей половиночки, вынула из ушей баушкины «антарки» да за ненадобностью и запрятала их на самое донце сундука.

– А ведь правду говоришь, Настёна! Собственными глазами видела я в твоей хате те волшебные серёжки! – не стерпела, вскричала я... тут и проснулась.

Но на этом Настёнина история не закончилась. На другой день прохожу опять по какому-то делу мимо порушенного Настёниного подворья. Вижу: кружит над ним сизая горлинка, заметила меня, и, словно нарочно, низёхонько так проплыла надо мной. Присмотрелась я: а в клюве-то у неё – Настёнины «антарки». Удостоверилась горлинка, что увидела я её находку, и – прямиком-прямоком в сторону села.

Где обронит она волшебные серёжки? Кто их сыщет? Кому ещё посулят они встретить нешуточную любовь?

Проза

Валентин Толстопятов

Валентин Владимирович Толстопятов родился 7 января 1965 года в Светлогорске Гомельской области. В 1982 году окончил среднюю школу, отслужил в армии. Шесть лет проработал на «СветлогорскХимволокно», где собрал коллекцию профессий. Потом семь лет был скаут-мастером в гимназии. И вот уже 15 лет работает тренером-преподавателем по шахматам в СДЮШОР-4. Играет в «Что? Где? Когда?» за команду «Полосатый рельс». Много лет был КВН-щиком, сыграл несколько ролей в театре «Спадчына», снимал любительские фильмы и пластилиновые мультфильмы на киностудии «Белая Русь». Получил две медали лауреата всесоюзных фестивалей народного творчества.

Жизнь Валентина

ТРИ ТЫСЯЧИ ТЮЛЬПАНОВ

Всё началось с похорон. Вернее с поминок. У моего друга умер отец, и он пригласил меня, по традиции, через сорок дней помянуть его за столом. Как водится, я попытался вспомнить что-то из его жизни и даже привёл какой-то пример. После этого словно прорвало плотину рассказов, но все истории были о моей семье. Малоизвестные мне люди, бывшие соседи – все наперебой рассказывали о жизни моей семьи. И рассказы эти не иссякали в течение часа. Мне стало неудобно, я извинился и ушёл. "Неужели жизнь была такой интересной?" – удивился я. Многие истории я сам вспомнил с трудом. Например, о том, как мой отец подарил городу цветы. Много лет, пока мы жили на посёлке строителей, он выращивал цветы. Много видов цветов, но больше всего было тюльпанов и гладиолусов. Их было просто разноцветное море, огибавшее дом со всех сторон. Но соседи ошиблись – последнее время он выращивал гладиолусы. Вокруг каждого цветка, я помню, лежало колечко из проволоки с цветной изоляцией, чтобы не перепутать цвет луковицы после того, как срежут цветок. И осенью, в зале у телевизора, мы всей семьёй чистили луковицы гладиолусов и сортировали их по ящикам. Когда мы переехали жить в город, возник вопрос: что делать с цветами? Мой отец пошёл в горисполком и подарил все цветы городу. Я потом видел эти гладиолусы на центральной клумбе города. Что поразило всех соседей и знакомых – он отдал их бесплатно. И легенда о трёх тысячах тюльпанов пережила моего отца на десятки лет...

МАННАЯ КАША

Я совсем не помню свою бабушку. Даже не знаю – это была бабушка со стороны мамы или бабушка со стороны папы? Они жили далеко – в России, а мои родители приехали в Беларусь строить город. Но, однажды, меня с сестрой отвезли к бабушке и оставили на всё лето. Там был интересный магазин, где продавали шоколадки-рубли, круглые шоколадки в серебряной фольге с надписью: 1 рубль. И ещё там был притягательный ручей с мостиком и зелёной травой, где прыгало и стрекотало просто невиданное количество кузнечиков. Увы, в магазине без денег не давали шоколадки, и к ручью меня не пускали. И мне всё сразу не понравилось: что я не дома, что нет папы и мамы, не понравилась "чужая" бабушка. А ещё она сварила манную кашу и дала мне маленькую тарелку. А моей сестре просто невероятных размеров большую кастрюлю с кашей. И я заплакал... До того мне стало обидно. Меня стали утешать, спрашивать, что случилось? И я, путаясь в словах и слезах, рассказал о несправедливости. Бабушка молча поменяла тарелку и кастрюлю местами. Сидя с огромной кастрюлей в руках, я вдруг понял: в моей жизни всё будет

хорошо. Всё меняется. И я успокоился. Прошло уже много лет. Но я до сих пор люблю есть манную кашу из кастрюли.

СПОРТИВНЫЙ КОСТЮМ

В тёплую половину года я ношу спортивный костюм, что иногда вызывает раздражение моих близких: "Опять влез в этот костюм. Не ходи в нём на работу. Не ездь в областной город в командировку в спортивном костюме. Когда ты уже наденешь что-то другое? Откуда такая любовь к спортивной форме?" Откуда?.. Когда я был маленьким, я жил в небольшом посёлке из двух или трёх улиц. И на каждой улице стояло в ряд восемь домиков с огородами. Сейчас это выглядит смешно, но в то время это был для меня непонятный, запутанный и бескрайний мир. Максимум, что я делал – гулял на улице около своего забора. Чтобы иметь возможность убежать домой от всех немыслимых опасностей, подстерегающих меня в этой жизни. И только в компании мальчишек и девчонок с нашей улицы я мог дойти до крайнего дома и взглянуть за угол на другую дорогу. Это был большой подвиг, требующий всего моего мужества. А пойти на соседнюю улицу, где стоял магазин, можно было только с мамой или сестрой. Соседняя улица была интересней: там была колонка с водой, из неё капала вода, и пчёлы с пасеки, что располагалась в огороде дома напротив, в летнюю жару прилетали туда за водой. А магазин для меня был волшебной лавкой: чего там только не было!!! И я всегда увязывался вместе с мамой, если она шла в магазин. Но однажды... Мама сказала продавщице: "Покажите вот этот спортивный костюм. Куплю его сыну – пусть бегает вокруг посёлка." Я похолодел от ужаса... Вокруг посёлка! Ведь это невероятно далеко! И смогу ли я бежать так долго? Я упорно не хотел мерить костюм, убеждал маму просто уйти из магазина и, наконец, признался ей в своих сомнениях. Мама рассмеялась и сказала, что бегать не обязательно – можно просто носить. Тогда я вздохнул и согласился на этот, такой обязывающий, спортивный костюм.

СОРОКА

В десяти шагах от моего дома начинался лес. Настоящий. Высокие сосны, берёзы, осины – на десятки километров. Там даже было небольшое озеро в воронке от взрыва многотонной авиационной бомбы. Лес был послевоенный, изрытый траншеями и одиночными окопами. Там не скучно было играть. Там можно было есть ягоды, собирать грибы, делать "шапки" из папоротника. А однажды там из гнезда упал на землю птенец сороки. Для меня это был как выигрыш в лотерею миллиона долларов. Схватив птенца, я немедленно побежал домой. Однако игрушка была непростой. Птенец ничего не умел. Приходилось поить сороку водой из пипетки, кормить при помощи пинцета. Каждый день я ловил ей кузнечиков и складывал в спичечный коробок. Ей нужно было давать маленькие камешки для пищевода, тереть морковь и яблоки. И она решительно не хотела оставаться одна. И как справлялись сороки-родители? Вот я даже похудел от свалившихся на меня забот. Сороке нарезали для еды колбасу, и она прятала её на запас. Кусочки колбасы сыпались из одежды, из книг, находились в обуви. В поисках кузнечиков сорока открывала и рассыпала все коробки со спичками. Если мы пололи сорняки на грядках, сорока становилась рядом и упорно дёргала клювом всё подряд: траву, цветы, всё. Она копировала наши действия. Когда мама возмущённо взмахивала руками и отчитывала её за поведение, сорока распахивала крылья и громко хрипела в ответ. Их недовольные крики здорово веселили всю семью. Но вот сорока научилась летать на небольшие расстояния – на соседские огороды. И на нас посыпались недовольные жалобы соседей на пиратские действия сороки. Ей приписывали все возможные грехи и требовали от нас усмирить питомца. Потом на наш двор стала прилетать ещё одна сорока. Они долго о чём-то стрекотали вдвоём, встречаясь каждый день. А потом улетели. Все вздохнули с облегчением. Только я ещё несколько месяцев звал всех пролетающих мимо меня сорок. Это грустно, когда кто-то улетает из твоего гнезда...

ПЕЧЁНАЯ КАРТОШКА

Разумеется, я наедался в детстве яблоками. Они были такие большие, что я не мог обхватить их двумя ладонями. И ягодами мог объесться – на огороде росли клубника, малина, вишня, смородина белая, красная и чёрная, черноплодная рябина, крыжовник красный и зелёный. Кроме этого были сливы и груши.

Можно было съесть огурец с грядки или красный помидор. Обожал и до сих пор люблю редиску и редьку с солью. Это всё можно было съесть без приготовления, поэтому, естественно, я не обращал на это внимания. А вот картошка, которую можно было испечь в углях костра, просто потрясла меня как открытие. Глядя за действиями более старших ребят, я вдруг понял, что могу сам готовить из сырого продукта вполне съедобное и вкусное блюдо. Это вам не подогреть сало на прутике и не запечь хлеб над костром до угольков. В то лето я всегда носил в кармане спичечный коробок с солью и спички. Копал на огороде картошку и бежал с друзьями в ближайший лесок её печь. Потом яркость этого открытия потускнела и забылась. На смену пришли новые открытия и откровения.

Но однажды я заболел. Заболел опасно и тяжело. И меня положили в больницу. Мне кололи уколы, поили противными лекарствами, давали порошки и таблетки. Родителей в больницу не пускали. Чтобы я не скучал, мне передали несколько детских журналов. Но я ещё не умел читать, а картинки я просмотрел быстро. И чтобы себя чем-то занять, я просто водил пальцем по строчкам, делая вид, что читаю. Палата была на первом этаже, и через стекло окна можно было поговорить с родителями. Однажды они пришли, когда я лежал под капельницей. Я видел их за окном, видел, как машет мне рукой сестра, но не мог встать из-за этой капельницы. Было очень обидно. И когда из меня наконец-то выдернули иглу, я не пошёл к окну, я вышел в коридор и заплакал. Меня успокоила медсестра, и я всё же подошёл к окну. Чтобы как-то меня утешить папа спросил, что мне принести в передачу. Что может попросить маленький мальчик? Игрушки? Конфеты? Печенье? Я попросил принести печёной картошки. И её действительно мне принесли. Я ел печёную на костре картошку и смотрел в окно. Была зима. Вокруг лежал, почти на метр высотой, снег. И я долго думал, как мой отец смог на снегу зажечь костёр и испечь картошку? Но ничего не придумал. А потом как-то и забыл спросить...

КЕДРЫ

Нашим соседом на посёлке Строителей оказался писатель. Хобби у него было такое. Он писал рассказы, стихи... Его печатали даже в Польше. У меня до сих пор хранятся его стихи, посвящённые моему отцу. В этих стихах на четырёх страницах с восторгом описывается жизнь моего отца в тот период. И я разделяю эти эмоции – мне тоже было интересно. Зимой отец сделал из труб невиданные здесь "финские" сани. С двумя полозьями, на которых можно было стоять ногами и ручкой, за которую нужно было держаться. Одной ногой ты стоял на полозе, другой отталкивался, набирая скорость. Вся улица была в потрясении. Купили коньки, и отец залил из шланга водой каток на огороде. Вы представляете? Свой личный ледяной каток на огороде!!! Для птиц делались всевозможные кормушки. Но самым интересным был кусок сала на нитке, подвешенный на ветке сливы. Синицы могли висеть на нём вверх ногами и раскачиваться как качели. И даже яркий дятел прилетал подкрепиться салом. После чего долго чистил клюв о все садовые деревья. Весной и летом были свои чудеса. Строились скворечники. Не простые, а со съёмной крышей, чтобы можно было их периодически чистить. А домики для жаб приводили всех в шок. Это такие плоские сколоченные доски с узкой щелью над землёй, чтобы жабы могли прятаться от солнца. Можно вспоминать бесконечно. Но, что окончательно добило воображение всех соседей, это были кедры. Да, это те самые гордые высокие деревья, на которых растут шишки со вкусными орешками. Отец решил привить кедры на сосны. Он заказал где-то в Сибири ветви кедра, и однажды почта принесла пахнущую хвоей посылку. Неделю отец ходил в лес как на работу. За годы на посёлке поменялись уже все жители. Я давно живу в городе, сестра в Санкт-Петербурге. Но, если вы в Белоруссии, вдруг случайно наткнётесь на кедры у маленького посёлка...

Да-да – это память о моём отце.

«ЛАПТИ»

Когда я хожу в гости, я всегда с подозрением смотрю на блюда, стоящие на столе. И решаюсь попробовать не более двух. Обычно салат или жареное мясо. Я не любил есть в детском саду, ничего не ел в школьной столовой. Ресторанная еда тоже не вызывает у меня положительных эмоций. Нет, никто на свете не готовит вкуснее моей мамы. Мне всегда нравилось смотреть, как она готовит. Вот пакет страшных куриных лап с торчащими во все стороны коготками. Неужели это можно будет есть? Вот сворачиваемый в рулон какой-то мохнатый желудок – вурдалак бы отвернулся от него в сторону. Но мама делает из него удивительное блюдо под названием рубец. Просто слюнки текут, пока пишу эти строки. Вот утка, набитая рисом, зашивается иглой с ниткой и отправляется в духовку. Вот истекают соком салаты из домашних помидор и огурцов. Но больше всего мне нравились пороги. Были, конечно, и витушки с маком, и творожники, и булочки с изюмом. Но это всё пустяки по сравнению с "лаптями". Так назывались пироги с начинкой из яйца и риса. Чтобы не возиться с ними долго, мама делала их просто огромными, величиной... с лапоть, на всю тарелку длинной. Я наедался одним – больше в меня уже ничего не влезало.

Нет, я никогда не ел ничего вкуснее того, что готовила моя мама.

Ни мне, ни вам уже не придётся попробовать её кухню.

Но я, хотя бы, могу вспомнить...

КАЛИТКА

Собаки... Сколько помню, они всегда жили в моей семье. От щенков до снисходительных взрослых. Они были моими товарищами по играм. С ними можно было побегать в догонялки, побросать палку, устроить перетягивание верёвки. Когда я получал царапину до крови, то бежал к ним. Собака зализывала рану, и она заживала на мне как на "собаке". Чтобы содержать собаку не на цепи, отец построил во дворе большой вольер из жердей, а в вольере будку с плоской крышей, чтобы собака могла запрыгнуть на неё и полежать. У каждой был свой характер и своя история. Есть весёлые – их я ещё обязательно расскажу. Есть грустные – их не очень хочется вспоминать, такие как о Рексе, русско-пегой гончей. Он был очень горяч и всегда попадал в неприятности: то он попадёт в мазутную яму, налитую тепловозами, и мы долго отмываем его бензином и выстригаем шерсть; то порежет о стёкла лапы и не может идти, истекая кровью; то просто, увлечённый охотой, потеряется в лесу. И мы оставляли открытой на ночь калитку во двор, чтобы он смог вернуться в свой вольер, где стояла миска с едой и вода. Это особенно запомнилось. Всем нам порою не хватает в жизни такой, открытой даже ночью, калитки, которой нас ждут, за которой тепло, внимание и уют...

СКОРОСТЬ ЧТЕНИЯ

Денег у нас в семье никогда не хватало. Мои родители приехали в Беларусь строить электростанцию и город Светлогорск. И начинали хозяйство с нуля – ничего не было. И тем невероятнее сейчас вспоминаются десятки журналов и газет, которые мы выписывали. У отца были свои: "Цветоводство", "Фотография", "Наука и жизнь",

"Химия и жизнь". Мама читала "Крестьянку", "Роман-газету" и "Вокруг света". У сестры был журнал "Техника молодёжи" и множество газет: некоторые из них такие как "Комсомольская правда", она даже шивала в подшивку. Мне выписывали "Мурзилку", "Юный техник", "Пионер", "Костёр". Названия газет сейчас даже не перечислю – я их тогда не читал. Но читал я всегда много: всё, что мог найти дома, все книги и журналы, всё, что удавалось купить и достать. Сейчас в наше время, когда в интернете можно найти любую информацию, я скачал себе целую электронную библиотеку книг: восемнадцать тысяч томов книг разных писателей. И когда я радостно хвастаюсь своей коллекцией, то говорю: "Мне теперь их и до смерти не перечитать." И все пугаются: "При чём тут смерть? Что у тебя за мысли?" Ну, сами посчитайте. В месяц я успеваю прочесть 5 книг. Это 60 книг в год. За 50 лет я прочту только 3000 книг. Да мне и двух жизней не хватит всё прочесть. Ничего не поделаешь – скорость чтения такая невысокая. И жизнь тоже немножко коротковата...

БЛОКАДНЫЙ САЛАТ

Вы любите в детстве салат? Я нет. Хотя и жили мы в маленьком посёлке, но сколько вкусняшек завозили в магазин! И невиданные финики, которые просто липли к рукам, и креветки, которые нужно было чистить от панциря, и огромные кубы халвы, которые с трудом откалывали кусками, смешная мелкая солёная рыба под названием хамса и много другой рыбы, которая на сковородке превращалась в румяную и очень аппетитную, колбасы, мясо, консервированные ананасы и персики, болгарские фаршированные перцы и венгерские компоты, я уже не говорю про лимонад, мороженое и конфеты! А тут салаты... А всё потому, что у нас на посёлке был хороший сад и огород. И мне готовили салаты... До сих пор не люблю петрушку, не очень хорошо отношусь к огурцам. Но один салат стал для меня любимым. Отец рассказал мне историю блокадного Ленинграда, как умирали там от голода люди во время войны, и когда их освободили, им нельзя было давать хлеб и колбасу. Люди умирали уже от еды – их организм не мог её усвоить. И для них придумывали особое питание. Что можно было придумать во время войны? Одним их блюд был салат из зелёных перьев лука, заправленный жидкой сметаной. Этот салат спас тысячи жизней.

После этого рассказа отца прошло почти 50 лет. И все эти годы я ем "блокадный" салат из зелёного лука.

ПРАБАБУШКИ И ШАРИК

Это были бабушки моего отца, для меня – прабабушки. И жили они в Новгородской области на соседних станциях железной дороги в 15 километрах друг от друга. И их обеих знал один пёс по кличке Шарик. Это была единственная беспородная собака за всё время из тех, что держала наша семья. Он сам нашёл прабабушку и прижился во дворе под крыльцом дома. Были 30-е годы, время не сытное. И Шарик всё время находился в поисках пропитания. Прабабушка его не баловала разносолами, и он шёл к пивной. Там иногда можно было подобрать с пола упавшие кости воблы, слизать разлитую лужу пива. Пьяницы подшучивали над ним – делали из хлебного мякиша стаканчик и наливали водки.

– На, Шарик, лови!

И домой Шарик шёл мертвецки пьяным. На передних лапах, задние подкашивались и заваливались то влево, то вправо.

"Шаричек! Бедный!" – причитала прабабушка. "Да видать тебя колом ударили, позвоночник перебили! На тебе молочка, родимый!"

Утром происходило чудесное исцеление: Шарик прыгал на всех четырёх лапах, как на пружинах. Прабабушка крестилась и благодарила бога. Улучив момент, когда дверь кладовки была открыта, пёс хватал из-под руки кусок мяса и стремительно убежал.

"Ах, разбойник! – кричала прабабушка. – Лучше не возвращайся!"

А Шарик вдоль железной дороги уже бежал к другой прабабушке.

Там ему были рады. "Ах, Шарик, в гости пришёл! На тебе вчерашний суп, а вот пирожок со стола!"

Побыв там месяц, Шарик вновь тащил из кладовки курицу или сало и, под крики прабабушки "Злодей! Плут!", возвращался вдоль железной дороги к первой прабабушке. Та уже забыла про его проделки и успела соскучиться. Шарика ждал праздник. Так он и путешествовал между двумя прабабушками. И вот уже несколько поколений людей улыбаются его проказам.

КОНСТРУКТОР

В город в магазин "Детский мир" меня водили не часто. Просто иногда мама смотрела на меня и говорила: "Пора тебе уже что-то прикупить." Я осматривал себя и недоумевал – меня мой вид и одежда вполне устраивали. Но мы шли в "Детский мир", и, пока мама выбирала мне одежду, я стоял у витрины с игрушками. Пластмассовые солдатики, машинки, куклы, совочки и многое другое в изобилии стояло и лежало на полках. Но более всего мне нравился просто огромный из двух коробок чешский конструктор. Но это была недостижимая мечта – он стоил восьмую часть зарплаты

моего отца. И мне приходилось искать игрушки попроще. Самыми простыми были кирпичи. В то время по телевизору шёл польский сериал "Четыре танкиста и собака." В нём с долей юмора описывались события недавней войны. И я, как все сверстники, наизусть знал названия наших танков: Т-34, КВ (Клим Ворошилов), САУ (самоходная артиллерийская установка) и немецких: "Тигр", "Пантера". Превратить кирпич в танк было делом одной минуты: башня из песка и подходящий сучок от сосны вместо орудия. И танки-кирпичи тяжело ползли по земле. Мы разыгрывали целые танковые сражения. Игра длилась почти всё лето, и у нас накопилось сорок танков-кирпичей. Но, увы, какой-то хозяин присмотрел их и увёз в неизвестном направлении. Мне стало не с чем играть. Я пошёл к отцу и попросил у него кирпич. "Зачем?" – спросил он. Я рассказал о танковой эпопее. Кирпича не оказалось, но на следующий день он принёс мне в подарок этот замечательный чешский конструктор.

ЁЖ

Ночью нас разбудил лай собаки. Я уже рассказывал вам, что мой отец охотник? У нас всегда были собаки, а у собак – просторный вольер во дворе дома на посёлке Строителей. Он был в двадцати шагах от дома, и яростный лай собаки разбудил нашу семью и три соседних дома. Отец с охотничьим ружьём, мама с веником, а мы с сестрой с одним фонариком на двоих выскочили во двор. Пёс прыгал вокруг ежа, который пришёл поесть из его миски, и с азартом лаял. Отец взял ежа, вынес его за калитку, и мы пошли спать. Через час раздался лай собаки. Это ёж пролез через щели в заборе и прошёл к заветной миске. Ёж этой ночью будил нас ещё два раза. Потом, видимо, наелся. Зато стал приходиться каждую ночь. Через три дня не выспавшийся отец положил ежа в сумку и пошёл на охоту в дальний лес. Все вздохнули с облегчением. Но через два дня раздался лай собаки... Ёж преодолел больше 20 километров, две шоссе и одну железную дорогу и пришёл к миске собаки, где его ждал хлеб с молоком. Ещё дважды отец относил его в разные стороны, пытаясь запутать, но через два-три дня раздавался ликующий лай пса – ёж возвращался.

Негодующие соседи, бледные от недосыпания, потребовали навести порядок. Отец купил в магазине бутылку вина, посадил ежа в бумажный пакет и подошёл на автостанции к шофёру автобуса. И ёж из Белоруссии поехал на Украину. Засыпая ночью, я ещё успел подумать: "Интересно, сколько понадобится времени ежу, чтобы вернуться на наш огород?"

ФОТОГРАФИЯ ДЕДА

Для многих история – школьные учебники, которые много лет утяжеляют рюкзак. Для меня история – это жизнь моей семьи. Это рассказы отца о войне, о тех боях в которых ему везло и о том бое, где удача отвернулась. Осколками мины ему оторвало пальцы на правой руке и так нашпиговало тело, что часть из них так и не стали удалять. Это рассказы дяди о его рейдах по тылам противника с партизанской бригадой Ковпака по Карпатам до Румынии. О нём даже написали в толстой книге. Это медаль мамы за послевоенный труд. А из старой газетной вырезки я узнал про своего деда. Как и героя книги "Как закалялась сталь" его, комсомольца, направили в 1918 году строить железную дорогу. В 1924 году по ленинскому призыву он вступил в партию большевиков. Был рабкором газеты "Звезда". Он поднимал страну из разрухи после революции и первой мировой войны. Но бандитская пуля оборвала его жизнь... Он похоронен в братской могиле. И памятью о нём сохранились только стихи местного поэта, этот рассказ и фотография в потемневшей от времени газете...

Я уважительно отношусь к истории, хоть и не всё мне нравится в ней. Но история – это мир вокруг меня, судьбы моих родных. Это память. Пусть даже такая маленькая, как единственная фотография в газете.

МАЁВКА

В 1965 году 9 мая – День Победы стал выходным днём. До этого был просто рабочим днём. Я всегда радовался, что в год, когда я родился, появился новый выходной. И ещё мне нравился обычай маёвки. В лес между городом и посёлком приезжали машины из магазинов. И начинали выгружать прямо на землю ящики с лимонадом и пивом. Играла музыка. Из ящиков делали прилавки, устилали их материей и раскладывали разные вкусные закуски. Люди садились прямо на траву, даже подстилок порой не было никаких и начинали праздновать. Они пили, ели, пели песни. Всё это было мне крайне интересно. А особенно меня интересовали пустые бутылки. Их собирали дети, как грибы, бегая с авоськами между групп отдыхающих. Тяжёлые сетки бутылок я относил домой и вновь бежал на маёвку. Конечно, мне давали рубль на покупки, но он очень уж быстро заканчивался... Зато на пустых бутылках я столько зарабатывал денег, что мама избавляла меня от их тяжёлой обязанности их тратить, оставляя за труды ещё один рубль. И настоящий праздник, конечно, был дома. Отец вывешивал на доме красный флаг. Готовились праздничные блюда. Меня отмывали в ванной. Прибирался дом. Кормили собаку. Отец одевал пиджак с орденом и утирал слёзы, слушая песни о войне. И говорил, что День Победы это очень хорошо, но лучше бы вообще не было войны...

ОХОТА НА РЯБЧИКОВ

Лес моего детства ещё ярко напоминал о прошедшей войне. Деревья с мест боёв не брали на лесопилки – в них столько было осколков, что пилы не могли их распилить. Ещё не обвалились блиндажи, не заросли травой и мхом окопы, кривыми зигзагами тянулись траншеи. И там было столько интересного! Обрывки немецких пулемётных лент, ржавые каски, пустые гильзы от снарядов, пули и патроны – столько игрушек! Но когда я, вспотевший и уставший, дотащил до дома два тяжелых снаряда от крупнокалиберной пушки, отец решил, что пора обучить меня охоте, чтобы направить меня в нужное русло. С коробкой пуль для пневматического ружья я сидел во дворе у сарая и стрелял из "воздушки" с утра до вечера. Я стрелял по мишеням, по консервным банкам, по спичечным коробкам. Я учился отмерять меркой порох и дробь, менять капсуля, снаряжать патроны к охотничьему ружью. Я всё знал о пыжах и картечи. Я разбираю, смазывал и собирал охотничье ружьё. Научился манить рябчика охотничьим манком. Когда отец приносил с охоты зайца и подвешивал его на верёвках, а снизу ставил тазик, я стоял рядом и наблюдал процесс разделки: как снималась шкура, выковыривалась дробь, доставались внутренности, капала кровь – это было жутко. Но охотник всё должен уметь. И вот, наконец, мы идём на охоту. Отец с ружьём, я вместо собаки. Да и кто в мои 6 лет даст ружьё? Мы долго ходим по орешнику, свистим в манок. Наконец, уставшие садимся перекусить. Разложили на газете припасы, сидим, едим. И тут к нашим ногам выбегает рябчик. Он весело смотрит на нас, замерших с хлебом и помидорами в руках. И улетает. Такой была моя первая охота на рябчиков.

Проза

Александр Жильцов

Родился в 1970 году в Воронеже. Автор сборников рассказов «Сон разума» и «Конструктор миров», опубликованных в 1996 и 2003 годах. Окончил Воронежскую академию искусств по специальности «актёр театра и кино». Член Союза журналистов России с 1996 года. Работал на ВГТРК, в газетах «Комсомольская правда-Воронеж», «Экономика и жизнь: Черноземье», «Галерея Чижова», «Берег», советником в пресс-службе областной Думы. Являлся членом Координационного Совета по социальной политике при губернаторе Воронежской области Алексее Гордееве, ныне вице-премьере Правительства РФ.

В 2002 году за многолетнее и плодотворное творческое сотрудничество с Северо-Донским Союзом казаков награждён почётной медалью «За возрождение казачества». Его имя внесено в литературные энциклопедии Воронежского края

«Воронеж. Далай-ламе»

Повесть

1

«Со многими из вас мы знакомы. Чьи-то лица я знаю. Я иду по улице и улыбаюсь вам. Я всегда улыбаюсь вам при встрече, потому что рад встретить старых добрых знакомых. Вы добрые. Все. Даже если забыли об этом. Но не напрягайте память: в ней нет ни меня, ни того зерна истинной улыбки, которую я открываю вам при встрече. Нет даже добра, которым вы полны. Память – жалкое подобие знания, о котором вы тоже забыли. Но я могу научить вас вспомнить. Вспомнить, забыв всё то, что вы знали. Вы закроете глаза, и откроете сердце. Вы станете умнее своего ума, потому что он – не умный. Он образованный. Он набит какими-то знаниями. Он всё время сравнивает и сопоставляет. Он вычисляет и преобразовывает. Природа ума, к сожалению, примитивна. Она подобна тем компьютерам, что мы используем каждый день. Но мы не замечаем этой ущербности. Напротив, мы счастливы, если наш ум подобен машине и гордимся этим. Я научу вас не гордиться. Я научу вас понять свой ум и отринуть его. Я научу вас Быть. Теми, кто вы есть. Мои старые добрые знакомые...»

Утро вывернулось из торопливого, судорожного сна. Я застонал и вспомнил, что вчера был на презентации нового офиса газовой компании. «Газом отравили...» – вздохнул я и стал соображать: не прикупил ли с вечера бутылочку «антипохмелина»? Поиски показали, что ничего такого в квартире не было, зато к головной боли добавилось заходящее сердце и «зашкаливающее» давление. Обзор карманов привёл меня к выводу, что денег, как всегда, меньше, чем требовало предстоящее лечение. Я набрал Ленкин номер.

- Чего разоряешь? – спросила она. – Почему не с сотового?
- Денег нет, – признался я. – Ни на телефон, ни вообще... А я помираю.
- Ну и что?
- Помоги мне... – заканючил я, стараясь придать голосу одновременно болезненное и героическое звучание.
- им пьянством достал, – сообщила Лена. – Не буду тебе помогать.
- У меня денег нет! Я с похмелья просто умереть могу.
- Умирай! Мне то что?

- Совесть будет глотать.
- Не будет. Я тебя пить не заставляла.
- Я знаю. Ленк, ну помоги!
- Я тебя сколько раз просила не называть меня «Ленк», а, Сашк?!
- Я сказал «Ленка», ты не расслышала. Хватит! Я тебя прошу!
- Мы с Димой идём сейчас в кино. Как я тебе дам денег?
- Когда сеанс? – мозг заработал чётко и расчётливо.
- Через сорок минут.
- Вы где встречаетесь?
- У «Спартака». Но я уже выхожу.
- Ты выйдешь на площади?
- Да.
- Когда выйдешь, постой, пожалуйста, пять минут. Потом пойдёшь. Девушка всегда должна чуть опаздывать на свидание. Димка не облезет.
- Сколько тебе нужно?
- Сто. Двести... Дай лучше сразу пятьсот. А то ещё и есть надо до зарплаты. Я всё отдам шестнадцатого.
- Могу только триста.
- Ну, ты же у Димки можешь попросить...
- Я что, проститутка?
- Почему проститутка? Ему будет приятно помочь тебе.
- А мне что, должно быть приятно помочь тебе?! – обиделась она.
- Нет... Это совсем другое. Ну, Ленк!
- Опять?
- Извини, Леночка! Пожалуйста! – канючил я уже без признаков героизма или стойкости.
- Ты бы пошёл у своей Риты попросил! – произнесла она свою коронную в таких случаях фразу. Я традиционно, скорее автоматически обиделся, впрочем, чувствуя, что действительно неприятные слова ещё прозвучат:
- Зачем ты так? Это больно.
- Конечно, Рита у нас неприкасаемая!
- Хватит! Она просто мать моей дочери. Вообще, она тут причём?
- Она никогда не причём... Ты у неё когда-нибудь деньги на опохмел просил?! – завелась Лена. – Ты ей предлагал взять тыщонку у её олигарха Миши и занять тебе на дешёвое пойло?
- По-хорошему, я ей должен деньги давать, – искренне расстроился я. – А я не плачу алименты.
- Какие алименты? Твою Машу Миша давно удочерил! Ты не должен платить ему за его ребёнка!
- сегодня ей явно хотелось действительно сделать мне больно.
- Глупо всё как-то... – пробормотал я. – Не надо мне денег. Извини, что побеспокоил. Я почти элегантно повесил трубку.
- «Совсем нервы расшатались», – подумал машинально.
- Она перезвонила в третий раз, и только тогда я, пожав плечами, опять взял трубку:
- Что, милая?
- Ты обиделся?
- Глупый вопрос. Добилась, чего хотела.
- Извини. Я всё понимаю. Ты прости меня. Мне же обидно. Ты свою Риту всегда превозносишь. Она у тебя идеал. А она тебя бросила и заставила от дочери отказаться...
- Она не заставляла. Я сам.
- Но предложила-то она! Она же знала, что ты не откажешь ей!
- Знала, – согласился я.
- И ты делаешь из неё святую. А я у тебя тряпка, монета разменная!
- Зачем ты говоришь чушь? – я протёр лоб от выступившего пота. – Я люблю тебя.
- Юморист, блин... Но ты ведь женился на ней! – выдала она суть своей претензии. – А мне шутики ради даже никогда не предложил!
- Я не хотел испортить тебе жизнь, – вяло выдал я домашнюю заготовку.

– Не хотел, а испортил, – сообщила Лена. – Это я тебя люблю. А ты меня нет. Ты мною пользуешься, – теперь в её голосе появились героические нотки. – Ладно, приезжай на площадь быстрее. А то ещё помрёшь, так кто тогда будет мне нервы трепать?

– Спасибо, – сказал я. И добавил с максимальной искренностью. – Я же правда тебя люблю.

2

Взяв у Лены деньги, я снова «принял». Правда, постарался сделать это максимально дешево, – по «двадцатке» купил в соседнем доме прямо из окна первого этажа две поллитровки самогона. На еде я тоже сэкономил: пошёл в гости к соседям – Томке и её сожителю Коле. Продукты им из деревни возили родители, и поесть у них всегда было. Выпить же им хотелось постоянно, поэтому деньги быстро заканчивались. Тем более что отсидевшего за грабёж и беспробудно пьющего мужика долго никто не хотел держать на работе. А Томка иногда подметала наш местный мини-рынок, получая за это мини-рубли. В общем, тот, кто приносил с собой выпивку, всегда мог рассчитывать в этом доме на хлеб-соль, искреннюю радость хозяев и их семейную драку с использованием пластиковой небьющейся посуды.

Выпивая с Колей и Томой, я старался наливать себе не по полной, дабы избежать завтрашнего похмелья. Эту мудрость я усвоил от Витька, своего коллеги по областному радио. Он любил повторять, млея от третьей или четвёртой рюмки, освежавших его сморщенный похмельем организм: «Падающий в пике самолёт сразу остановить невозможно!» И мы с ним нередко брались вместе за штурвал этого символического лайнера житейской философии...

Витёк, представившийся «Виктор Николаевич», подошёл ко мне в первый же день моего пребывания на радио. Тонем психоаналитика с многолетней практикой и стажировкой в Штатах он дал несколько рекомендаций по построению репортажей и интервью. Я поблагодарил его за совет, а позднее, послушав его собственные передачи, поинтересовался у него, отчего он сам никогда не пытается воспользоваться своими теоретическими познаниями и выдаёт в эфир откровенную «лажу»? «А для чего напрягаться, Санёк? – удивился он. – Я отдал журналистике то, что хотел. Я был лучшим. Я побеждал на конкурсах. И что в итоге? Я не собираюсь разменивать свой талант». «Думаешь, пригодится по крупному?» – поинтересовался я. «А то! Я ещё пригожусь!» – улыбнулся он.

Начиналась перестройка. Мы все верили, что ещё кому-то и когда-то пригодимся.

С Витьком было любопытно пить. Он всегда убеждал всех вокруг, что он исключительно трезв, что контролирует ситуацию, и единственный из присутствующих готов принять здравое решение по поводу любых возникающих проблем. Любопытно, что трезвый Витёк не отрицал, что вчера или позавчера был «пьян в дымину», но каждая принятая на грудь рюмка убеждала его всё больше и больше в своей абсолютной на данный момент трезвости. Язык у него действительно заплетался не сильно, зато кардинально менялась роль Вити во всей современной российской, а, порой, и мировой истории. В разговоре вдруг (так, между прочим) он начинал рассказывать, как в своё время был направлен обучать штурмовую бригаду «Альфы» тайнам восточных единоборств как раз перед взятием дворца Амина в Кабуле. Эти его навыки тогда оченьгодились, за что Витёк и получил первую серьёзную награду – ему присвоили звание Героя Советского Союза. Ордена Красной Звезды он получал позднее. За операции в Афганистане, за взятие каких-то вооружённых банд в Воронеже, за спасение жизни полковнику морской пехоты под Грозным в первую чеченскую. Я был там реально, не погиб только милостью Божьей, так что несколько стеснялся, слушая старшего товарища по профессии. А потом по накатанному сценарию следовали доказательства того, что боевой дух передался от Витька по наследству его дочери. Недавно двенадцатилетняя девочка задержала с помощью папиного «ТТ», спрятанного под ванной, двух вооружённых ножами грабителей, проникших к ним в квартиру среди бела дня. Если собеседник вдруг спохватывался, что хорошо помнит, как вот так же мирно «бухал» здесь с Витьком на протяжении абсолютно всех чеченских войн, и не может понять, когда отлучался тот на Кавказ для спасения жизни доблестному морпеху, это не ставило героя в тупик. Просто лицо его приобретало столь загадочное выражение превосходства, в котором можно было легко рассмотреть и снисхождение к памяти недоверчивого слушателя, и глубину тайны спецоперации, раскрывать которую ради дешёвого пьяного хвастовства Витёк просто не собирался.

Не менее героически складывалась и сексуальная жизнь Вити. Стоило после шестой-седьмой рюмки вспомнить какую-то более-менее симпатичную женщину, как вскоре выяснялось, что Виктор Николаевич уже приобщался некоторое время назад к радостям плотских утех с этой милой дамой. Кстати, благородное исключение составляли жёны и подруги собравшихся за столом.

Итак, «самолёт» Витька, как впрочем, и мой, да и большинства сотрудников редакции областного радио, слишком часто был в пике, и всё реже из него удавалось выйти достаточно благополучно. Если в начале 90-х, когда я пришёл на радио, Витя уходил в запой не больше чем на два-три дня, и делал это не чаще раза в месяц, то уже через семь лет в разгар реформ мы могли не видеть его на работе неделями. Он приносил «больничные», купленные у знакомых врачей, некоторое время работал, и снова исчезал. Иногда он не появлялся даже за зарплатой, присылая жутковатого вида дурно пахнувших женщин, и звонил по телефону в отдел кадров, упрашивая поставить печать на доверенность для выдачи денег. Однажды его налаженная система дала сбой. Пропав на месяц, он принёс какую-то слишком затёртую и переправленную справку о нахождении в больнице. Начальник радио, измученный критикой сверху и снизу за своё долготерпение к прогульщику, позвонил в больницу и без труда выяснил, что Витя там и не появлялся. Делу дали официальный ход, и Вите предложили в качестве мировой уход по собственному желанию.

Он ходил к председателю компании, к генеральному директору. Просил и умолял. Объяснял, что в сорок шесть лет не умеет ничего, кроме радиожурналистики, а у него растёт дочь. В итоге ему выдали кучу, по нашим понятиям, денег за какие-то неиспользованные много лет назад отпуска, пообещали, если он одумается и перестанет пить, а ещё лучше закодируется, взять через три месяца обратно на работу.

Так как в условиях перестройки и реформ Витин возраст не пользовался спросом, он считал за великое благо, когда, наконец, устроился грузчиком на дрожзавод. Тот самый, с которого раньше часто привозил продукцию для домашнего производства алкоголя, расплачиваясь за неё «джинсой» в своих программах. Проработал грузчиком он недолго. Цирроз печени на самом деле отправил его в больницу. А потом он просто пропал. Жена добилась переоформления квартиры на их дочь, а сама подала на развод. Витю больше никто не видел, да и, честно сказать, сильно не искал.

Как-то раз я на всякий случай спросил у Тома, у которой Витя нередко поправлял здоровье, не видела ли она его? Она даже не вспомнила, кто это. «Ну, тот, герой, который в Чечне полковника спас», – объяснил я. «Так может он опять туда полетел?» – хмыкнула Тома. Я представил Витю в кресле пилота штурмовика «сушки». Его «самолёт» уже не летел, он выл и гудел, всё сильнее входя в пике. Вытянуть нос было невозможно. Витя это понимал. Он просто крепко сжимал штурвал и улыбался. Так, как улыбаются настоящие герои, – любя и чуть жалея весь остальной мир.

3

Как и Витя, невысокого роста, худой, быстрый Николай Сергеевич, мой нынешний начальник, был из тех, кто «живчик» и в семьдесят. Он был старше меня на два десятилетия и руководил отделом, куда я пришёл работать.

Так мы и жили пятнадцать лет: он руководил, я работал. Не в смысле, что он не работал. Просто однажды, ещё до моего прихода, что-то надломилось в нём, обида сжала навсегда его душу, оставив для работы место только в голове и вытравив её из сердца.

Коля никогда не был эстетом или интеллектуалом. Родился в глухом селе далёкого от Воронежа района в семье колхозника. После местной школы отправился служить на флот, где по тогдашним срокам пять лет бороздил на атомной подводной лодке моря и океаны. Все эти годы, вслед за письмами на малую родину, стал от скуки пописывать заметки в родную стенгазету, рассказывая об успехах в изучении Устава и плановых проверках торпедных аппаратов. Когда ты месяцами под водой на глубине в сотни метров бок о бок с одними и теми же мужиками, разговоры между вами, в конце концов, становятся уже не столь привлекательны. А на бумаге жизнь преобразуется, вдруг обретая чёткие черты новизны и разнообразия. Коле понравилось писать. И, отслужив, он отправился поступать в университет на факультет филологии, готовивший в те годы и журналистов. Коля был зачислен без проблем: сельский пролетарий, отслуживший пять лет на ядерной подводной лодке, идеально вписывался в классовый портрет советской «акулы пера».

Николай Сергеевич с годами действительно стал настоящим советским журналистом. Искренне возлюбив и приняв душой созидательную поступь социализма (хотя тут о выборе говорить не совсем уместно, потому что ничего ему выбирать не приходилось, как не выбирают вовсе близость к природе дикие племена, а лишь живут в ней, не ведая об остальном мире), он не мог своим сердцем смириться с разного рода мелкими недостатками, временными трудностями и, тем более, человеческими пороками, мешающими строительству коммунизма. Искренне, с жаром искал он и разоблачал бюрократов, затянувших поставку кирпича на стройку детской поликлиники, от всей души восхищался директором завода, открывшим комнаты отдыха с настольным теннисом на своём предприятии, едко высмеивал председателя колхоза, не заглянувшего накануне посевной в материалы последнего съезда КПСС и от того получившего на полях сорняки вместо пшеницы. Эта его искренность среди людей часто апатичных, давно заматеревших и абсолютно безразличных к идеологии строительства коммунизма позволила Николаю Сергеевичу сделать быструю и успешную карьеру. Потеряв молодые годы на флоте, он быстро догнал и перегнал своих сверстников, давно превративших радийное ремесло в источник дохода, блага и связей в обкоме партии. Они приезжали из командировок на машинах, переполненных курами, колбасой, консервами и водкой, а Коля тащил острые репортажи, актуальные интервью и красочные очерки. Редакторам были нужны, такие как он, рабочие лошадки, способные оживить застойное болото заматеревших «журналюг». Его часто и хоть с маленьким, но с повышением оклада, переводили с места на место. Был он в комсомольской газете, потом пошёл корреспондентом в партийную, оттуда его направили на телевидение, где он регулярно обходил в творческом социалистическом соревновании признанных лидеров областного экрана.

На него не обижались, ему не завидовали. Колю даже как бы любили. В том числе и те, кто смотрелся на фоне его энтузиазма несколько застойно. По большому счету, его просто не воспринимали всерьёз. В худом, невысоком, вечно улыбавшемся и спешащем на очередное задание человеку они не чувствовали угрозы своему положению. Более того, они даже были рады, что в их коллективе появился парень, на которого при случае можно без особых проблем переложить часть рутинной работы. Коля был безотказный в этом плане. Хватался за любой материал, радовался, когда предлагали сделать что-то новое. Он ведь действительно любил работу, как любил свою жену Раю и их позднюю, через десять лет брака, дочь Лену. Любил бы ещё и родителей, да они умерли сразу после его возвращения из армии, надорванные голодом, войной, а потом и поставленными на ноги девятью детьми, среди которых Коля был самым младшим, первым и последним послевоенным ребёнком.

А потом началась перестройка. Николай Сергеевич принял и её всей душой, и, казалось, ещё быстрее стал летать с репортажа на репортаж, снимая для телевидения сюжеты в наш местный «Прожектор перестройки», разоблачая бюрократизм, пьянство и отсутствие бригадного подряда. И вот тут в обкоме партии в идеологическом отделе как-то прозвучало мнение, что пора этому парню расти качественно.

Однажды Колю вызвали «на площадь Ленина» и сообщили, что партия доверяет ему возглавить отдел в главном печатном органе обкома КПСС газете «Коммуна». Было это в самом конце 80-х. Что-то уже дрожало и шаталось во всей системе, а вслед за этим дрожали души тех, кто к этой системе был особенно близок. Поэтому приходу нового начальника отдела, да ещё со стороны, в газете не обрадовались. Колю впервые не полюбили – как коллеги, так и главный редактор, которому нового человека попросту навязали в обкоме. Придя туда, редактор говорил о возросшей роли прессы, о предоставленной ей партией самостоятельности, намекал даже на свободу слова и требовал не назначать к нему «какого-то деревенского олуха», но ему указали на дверь, напомнив, что решения партии обсуждать не принято. Поэтому Николай Сергеевич стал для редактора, как для человека, символом унижения, а как для старого коммуниста, ещё и воплощением волонтаризма на фоне идущей всеобщей демократизации и либерализации.

И вот, через пару лет работы, когда на полосе вдруг образовалась дыра из-за ненаписанного ушедшим в запой сотрудником репортажа про подготовку техники к весенне-полевым работам, Коля поставил на это место один из «вечных» материалов – интервью с председателем колхоза. Рассказывал тот о своих секретах сева, хвалил обком партии и всю КПСС за заботу о селянах. А для лиричности ещё вспоминал босоное послевоенное детство, когда впервые приобщился к колхозному труду, гоняя на дальние луга стадо коров, а также свою страсть к бане и рыбалке, с которой он неизменно возвращался со знатным уловом. Интервью было настолько правильным, идеологически выдержан-

ным и тематически грамотным, что Коле просто не пришло в голову позвонить этому председателю и спросить, как складываются сегодня его дела через пару месяцев после их встречи, и не передумал ли он, к примеру, рассказывать о босоногом детстве или роли партии в развитии инфраструктуры села. Точнее даже, в голову это пришло, но очень не захотелось звонить, так как был председатель крайне говорлив, шумен и дружески горяч. И когда, пьянствуя в баньке после интервью, он трубным голосом стасорокакилограммового тела стал зазывать Колю приехать на ближайшие выходные на озёрную рыбалку с динамитом, после которой будут самогон и та же баня, но уже в более широкой, разнополой компании, Николай Сергеевич, не умея по природе характера сразу в лоб отказывать, особенно тем, кто к нему хорошо и по-человечески отнёсся, покивал в ответ головой, и даже по требованию председателя произнёс вслух обещание приехать – если уж не через неделю, то через две точно. Покидать динамит и попариться под самогоночку, Коля, может быть, и поехал. Но вот возможность встретить в бане женщин его искренне пугала. Раю он любил, и изменять ей не хотел и не умел. К тому же мысль о том, что Рая как-то и где-то может узнать о его похождениях, буквально парализовала Колю. Он заранее понимал, что осрамится перед пришедшими для свободной любви доярками и самим председателем, и поэтому ехать было никак нельзя. Произнесённое же обещание жгло душу, и потому позвонить, особенно спустя столь небольшой срок, Коля себя заставить не смог. Сразу отдал статью ответственному секретарю, который потом её утвердил у цензора и поставил на полосу.

На следующий день главному редактору позвонил первый секретарь райкома партии, и сказал, что уважает авторитет главного рупора линии КПСС в области, но подобные ошибки считает либо преступной небрежностью, либо, что хуже, провокацией.

Оказалось, что месяц назад, решив в очередной раз поднять настроение после рыбалки, председатель так неплохо посидел в бане, что вместе с настроением поднял себе до невыносимых высот и давление. Удивлённо охнув, он скатился с верхней полки вниз, откуда его на улицу с криками и визгом вытащили доярки-передовички, и безуспешно окатывали полчаса холодной колодезной водой. Вода реанимации не произвела, и председатель умер, так и не дождавшись в свой колхоз Колю.

Кроме досады от потери руководителя передового хозяйства, секретарь райкома испытывал смешанные чувства. Во-первых, скребло на душе из-за скандала, который закатила жена покойного, узнав обо всех деталях его баньки. Во-вторых, и сам секретарь частенько баловал вместе с председателем свою плоть в парной при помощи доярок-передовиц, и как бы должен был защитить их от гнева супруги скончавшегося, которая клялась, что костями ляжет, но стерв изведёт и из хозяйства выставит. В-третьих, председатель, чтобы не терять проценты со своего вклада в Сбербанке, был должен секретарю немалую сумму, которую занял для покупки мотоцикла на шестнадцатилетие внебрачному сыну, живущему в соседнем районе, где покойный ранее работал агрономом. Мотоцикл он купить так и не успел, но деньги уже взял. На фоне смерти такая деталь как долг смотрелась несущественно. Но раздражение на покойного, не пожелавшего снимать не в срок свои сбережения, частенько всплывало в сердце секретаря, откуда он его сурово гнал, но выгнать никак не мог. Ну, и, наконец, совершенно ни к месту, вдруг объявился прокурор, решивший на волне демократизации узнать, откуда в сарае рядом с баней скончавшегося председателя взялись боевые гранаты и тротильные шашки воинского образца? Всем было доподлинно известно, что взрывчатые предметы для глушения рыбы выменяны на самогон в покинувших Германию танковых частях, которые теперь регулярно приезжали отстреливаться на полигон, отстроенный в районе. Знал это и прокурор, сам глушивший рыбу наступательными гранатами, но теперь пожелавший произвести хлопок посильнее и показать кому надо в области, сколь он независим, нелицеприятен и неподкупен.

В области рвение пока не оценили, и дело вроде бы начинало затухать. Жена покойного вскоре неожиданно успокоилась и повеселела (говорили, что она нашла себе кого-то и вроде бы вскоре снова выйдет замуж). Доярки-передовицы были тише воды и ниже травы, надаивая невыносимые ранее даже для них нормы. И – о чудо! – вдова вдруг пришла к секретарю и вернула ему занятые деньги. Оказалось, что председатель, видимо, в очередной раз напившись, и ведомый какой-то ему одному в тот момент понятной мыслью, обернул купюры бумажкой, на которой надписал фамилию секретаря, и спрятал их в одной из книг в своей купленной по благу немецкой стенке. Так или иначе, эти деньги вдовой были после похорон найдены, а через месяц размышлений возвращены законному владельцу.

Так вот приблизительно в те дни, когда секретарь уже атеистически неумело благодарил Бога за то, что всё так благополучно завершилось, Николай Сергеевич и опубликовал развёрнутое интервью с председателем. Кроме всего прочего, как бы и по сей день живой передовик сельского хозяйства, делился не только секретами обработки почвы, но лирически повествовал о своей любви к хорошей рыбалке (читай – намёк на гранаты!), знатной баньке (намёк на доярок-передовиц!), в которой пропаривает все косточки, и о хорошей личной дружбе его, хозяйственного советского крестьянина, с высоко номенклатурным секретарём райкома партии.

Рано утром из областной прокуратуры позвонили узнать: не состряпал ли секретарь фальшивую смерть друга, чтобы закрыть дело о хищениях боеприпасов?

Шума было много. Шумели в районе. Шумели в области. Рыдала совсем искренне вдова, требуя от секретаря ответа, для чего издеваются над её покойным добрым мужем. Воодушевлённый прокурор намекал на возможную дачу показаний секретарём райкома. В идеологическом отделе обкома партии судорожно решали, как окрестить подобный инцидент в своём передовом печатном органе: как глумление над колхозным крестьянством или как тщательно замаскированную диверсию? Тучи ходили грознейшие, и, возможно, полетело бы немало голов, но дело дошло до Первого, а он не пожелал отставать от стремительно меняющегося времени и не стал искать в этом деле никаких политических подоплёк. Велел просто: «Вы этого придурка, который интервью с покойником опубликовал, уберите куда-нибудь из нашей партийной газеты. Стыдно же!» В идеологическом отделе в течение дня решали, кого имел в виду Первый под «придурком». В итоге выгнали ответственного секретаря и Колю. Главный редактор и цензор получили по выговору. Районного прокурора перевели в Воронеж. Вдова успокоилась и вышла замуж за директора районного банно-прачечного хозяйства: над ней за эту иронию судьбы посмеивались, но недолго, – про председателя как-то быстро забыли. Дело о боеприпасах, само собой, исчезло, так и не начавшись. А секретарь райкома до того вдруг растрогался всей окружающей его суетной жизнью, что поехал в город и купил там мотоцикл, который привёз на «козле» внебрачному сыну покойного и отдал со словами: «Батя тебе купил. А подарить, видишь, не довелось. Катайся, парень, только права получи».

Вскоре, когда партия приказала долго жить, секретарь перебрался в кресло своего умершего друга, и года три уверенно держал хозяйство на плаву в самые сложные годы реформ. Потом его выбрали в местный Совет, потом – главой района. Я пару раз приезжал к нему, записывал на радио местных руководителей – от главы и до директора Дома культуры. Бывший секретарь спросил как-то: «Коля с тобой работает? Тот, что в «Коммуне» был». «Ну да, – ответил я, ещё не зная всей этой истории. – Если вы Николая Сергеевича имеет в виду». «Пусть приедет».

И Коля, не заглядывавший после той злополучной статьи в эти края, приехал. Целый день он сидел в приёмной главы, записывая людей, которых тот ему присылал. А вечером они пошли в баню, где крепко выпили, и глава попросил у Коли прощения, сам точно не зная за что. И Коля попросил прощения. В общем, они подружились. И с тех пор в том районе не ждали с радио никого, кроме Коли. Вот тогда, вернувшись, он и рассказал мне всю эту историю.

При всём при том, когда его выгнали из «Коммуны», он резко изменился. Сразу стаял, скатился с него весь энтузиазм. Испуг и растерянность забежали ему в глаза, да там отблеском навсегда и остались. Когда его увольняли, Ленка как раз пошла в первый класс. У Раи так подскочило от всей этой истории давление, что она загремела в больницу. А сам Коля, с инстинктивно прижатой к груди ладонью, бегал между школой, больничной палатой, магазинами и заводскими многотиражками, куда хотел устроиться на работу. Неожиданно его пригласили на областную телерадиокомпанию: там Колю помнили ещё по работе на телевидении, но теперь предложили заняться новостями на радио. Должность – начальник отдела. Это было больше, чем он мог надеяться. Оформив трудовую, Коля тихо-тихо облегчённо вздохнул – грудь ломило. Врачи сказали, что он перенёс на ногах то ли микро, то ли полноценный инфаркт.

С тех пор Коля стал совсем другим. Былая активность сменилась суетливостью, взвешенность – нерешительностью, местами отдававшей трусостью, а весь свой талант он направил на хозяйственную сторону жизни радио, редакции, да и каждого отдельного сотрудника. Требовалось ли организовать чей-то день рождения, Коля договаривался с колхозами о бесплатной поставке продуктов: с «ликёркой» – о паре ящиков водки со скидкой, с кафе – об аренде подшефле. Если у кого-то не было машины привезти на дачу трубы, Коля шёл в гараж, и машину находили. Нужно было устроить ре-

бёнка в вуз, и Николай Сергеевич обзванивал десятки людей в поисках входов и выходов к декану или ректору. Впрочем, хозяйственность Коли на этом уровне не останавливалась. На праздниках помельче, попросту говоря попойках, случавшихся на рабочей неделе раза три-четыре, он старался не доверять никому распределение на столе стаканов и тарелок, раскладку кильки в томате по кусочкам хлеба, определение порядка произведения тостов, время старта за очередной «не хватившей» бутылкой, отмашку начала и окончания импровизированных банкетов. Запьянев, он нередко терял чувство меры: начинал злобно осаждать людей, пытавшихся встать без его указания с тостом, или убирал из-под рук человека тарелку, если Коле вдруг казалось, что тот уже съел больше, чем отвёл ему внутренний глазомер главного распределителя праздничного стола.

Он даже чуть ли не изменил Рае, поехав как-то осенью в отпуск в один из наших санаториев, куда выбил себе бесплатную путёвку, прорекламировав здравницу несколько раз в утреннем эфире. Что там была у него за любовь – сказать трудно; он о ней рассказывал мало и шёпотом, словно боясь, что Рая стоит под дверью и слушает. Когда женщина та, из санатория, попыталась встретиться с Колей в Воронеже, он так перепугался, что обложил её чуть ли не матами. Потом, правда, извинившись, увиделся с ней, погулял урывками по каким-то малолюдным улочкам, и сообщил, что семейная его и рабочая жизнь не дадут им видеться в родном городе. Малодушно пообещав встретиться с женщиной через год в том же санатории, Коля взял с неё слово более не допекать его, не звонить и не пытаться сделать роман постоянным, ну, и самое главное, никому об этом не рассказывать. Испытав чуточку гордости за своё «донжуанство», Коля был так напуган встречей со своей несостоявшейся любовницей, что более об отношениях вне семьи он не помышлял.

Впрочем, происшедшие у Николая Сергеевича после случая в «Коммуне» душевные преобразования имели и совершенно другие стороны. Например, несмотря на внешнюю суетливость, в нём легко угадывалось постоянное стремление тела наконец-то замереть, застыть и расслабиться от того напряжения, что оно несло в себе. Бывали моменты, когда он «зависал» как компьютер, глядя в окно или на какой-то предмет на столе, обмякал, и, казалось, что сейчас Коля встряхнётся, «перезагрузится» и поднимет на тебя спокойные, много повидавшие в жизни глаза, и это будет совсем другой, уверенный в себе, сильный человек. Но страх слишком крепко проник в его душу, и тело вздрагивало, отгоняло мороку, и опять жило суетливо и опасливо.

Ещё Коля вдруг задумался о душе. О неизречённом и вечном. О непознанном и загадочном. Он стал вырезать из газет заметки об инопланетянах, цивилизации майя, снежном человеке и мироточащих иконах. Загадка происхождения человечества и смысл его будущего существования стали для него вопросами, на которые Коля решил найти свой собственный ответ. Мысли на этот счёт он заносил в синюю толстую тетрадку из девяносто шести листов, исписанную наполовину его стихами разных лет. (Кстати, многие из этих стихов были вовсе неплохи. Но читать их даже в наших пьяных компаниях Коля стеснялся – у нас в коллективе работал поэт официально признанный, даже маститый – мэтр Виталий, член Союза писателей, который, если бы и не посмеялся над ним открыто, то сделал бы это за глаза обязательно).

Мы сидели с ним в кабинете вдвоём, и нередко, прежде чем записать что-то в тетрадь, он опробовал движение своей мысли на мне. Поэтому у нас нередко шли разговоры на всякого рода эзотерические и запредельные темы.

– Как ты думаешь, ангелы и приведения – у них одна природа?

– Нет, – отвечал я. – Разная. Приведения – души мёртвых людей. Ангелы – это души тех ангелов, что жили раньше на Земле.

– Жили?

– Ну да, посмотри Библию. Там об это в самом начале есть.

– А Христос был?

– Был.

– Мне кажется, что он был послан инопланетянами.

– Не хочу богохульствовать.

– Ну, да. А у инопланетян кто Боги?

– А они сами-то, твои инопланетяне есть?

– Ну да!

– Как-нибудь сядем выпивать, я от этого твоего «да» камня на камне не оставлю.

– Обязательно! Это будет мне очень интересно!

На следующий день Витя получил магарыч за поздравление по радио с днём рождения некоего влиятельного лица – две бутылки водки. Около четырёх дня мы сдали выпуск новостей дикторам, и сели в нашей с Колей комнате: я, Коля, Витя и журналист-поэт Виталий. Мы выпили. Виталий рассказал анекдот. После второй он прочитал стихи. После третьей Коля забыл про инопланетян, увлечённый своим новым пристрастием наблюдать за правильностью течения застолья. Далее он «завис» как компьютер.

4

Наутро после гостевания у Коли с Тоней мне захотелось есть, как из пушки. Организм выздоравливал. Но денег не было. Я понимал, что опять из всех вариантов Ленка – лучший. Это, конечно, гнусно. Мерзко. Но она же не сможет отказать. А это сейчас главное.

– Тебе совсем плохо?

– Голод не тётка.

– Может, приехать к тебе?

– Приезжай... Здорово, если так. Ты чего-нибудь не купишь?

– Еды?

– Какой-нибудь подешевле. Вермишели одноразовой. И одну банку пива.

– Опять будешь пить?

– Чуть-чуть. Ну, купишь? Ты же своя... Родная.

– Да?

– А то ты не знаешь?!

– Ты же меня бросил!

– Я не бросил. Просто решил не портить тебе жизнь. На фига тебе мужик без денег?

– Я же тебя люблю. Дурак! – она бросила трубку, но вскоре перезвонила: – Лечу...

«Ваше сознание шире, чем тот мир, в котором вы живёте. Вы сузили этот мир до щели ваших глаз, до тех мелочей, которыми озабочен ваш мозг. Вы видите только то, на что вы смотрите. Ваш разум спит. Отдыхает, свернувшись в темноте, как сворачиваются экраны ваших компьютеров, когда вы долго не касаетесь клавиш. Слишком давно люди не пользовались во всей полноте этим прекрасным инструментом. И разум лёг спать. Возможно, наши потомки найдут способ разбудить его с помощью науки. Она шагнула так далеко вперёд, что когда-то можно будет погрузить голову в аппарат, включить машину, и ваш мозг заработает вслед за ней. Но всё равно это не будет полной работой сознания. Потому что если даже у вас заработают 100, а не 5 процентов мозга, останется нечто ещё, что лежит за пределами серого вещества, но то, что принадлежит вам и составляет сущность вас самих.

Сейчас же вы просто спите. Организм, биология живут за вас. Поддерживают существование. Заставляют человека двигаться так, чтобы он мог подольше жить, есть, спать, удовлетворять сексуальный голод. Система старается находиться в норме. Но это лишь окружающая ваш мозг система. Её цель – стать сосудом для сознания. Его жизнеобеспечивающим механизмом. Он должен работать на ваш разум. У вас же наоборот. Сознание работает на свой вспомогательный механизм. Это так же неэффективно, как если бы атомный реактор действовал только ради освещения самого здания электростанции.

Но вы должны смотреть дальше. Мозг – это не предел глубины. Он тоже инструмент. Помощник между Истинным Разумом человека и материальным миром. В другом мире не нужны помощники. Наши души попадают в свою стихию. Они там как рыбы в воде. Им не надо помогать общаться с внешней средой. Но здесь мир груб, материален. И душе, и Истинному Разуму нужен мозг. Он переводчик. Помощник. Преобразователь.

Но душа тоже спит. Спит мозг, сознание. Спит Истинный Разум. Вы спите. Вам надо проснуться. Не надо терять мозг электронными импульсами или наркотической химией. Мозг заработает сам. Разбудите свой Истинный Разум. Дайте импульс ему. И вся ваша система оживёт. Заработает.

Но нельзя просто сказать: «Я встаю», – и проснуться. Такое бывает, но лишь у немногих. Сон слишком глубок. Проснуться не так легко. С вашей точки зрения. Потому что «легко» и «тяжело» спящий и бодрствующий понимают по-разному.

С чего нужно начать? Есть много учителей и много техник. Я предложу одну из них, понятную каждому. «Кувшинка, запутавшаяся в речной траве. Её оторвало от стебля и несло по реке, как и вас, оторвав от утробы матери, несёт по этой жизни. И вдруг она натолкнулась на препятствие, запуталась, задёргалась, заметалась, а потом успокоилась и легко качается на ряби течения, глядя, как река бежит мимо. Представьте себя этой кувшинкой. Вы чуть дрожите – ваше тело всегда вибрирует, даже если это незаметно. Вы волнуетесь, напрягаетесь. Почувствуйте свою вибрацию. Определите её. А потом посмотрите на бегущий мимо вас мир. Вот от проносится мимо вас: его шумы, запахи, предметы, эмоции, чувства, желания сегодняшнего дня. Вы знаете, что отстранились не навсегда. Скоро течение вытянет вас из водорослей, и вы помчитесь дальше. Но воспользуйтесь этими минутами созерцания пробегающей жизни со стороны. Наблюдайте её, пока вас не выкинет течением жизни обратно. Это поможет вам начать».

– Это ты написал? – сказала Ленка.

– Ну, уж не домовой. Я... Нет, ты только представь: пьяный «вдрабадан» мужик приходит домой и начинает слагать текстики. Мурашки по коже.

– Может, озарение? Муза?

– Что это, стихи? Причём тут муза? – я поел и почувствовал себя значительно лучше. – Кстати, это у меня уже не первый раз. Сам себя пугаю.

– Ты меня пугаешь. Ты можешь не пить?

– Могу, наверное. А зачем?

– Ты себе жизнь ломаешь.

– Она и так вся поломанная. Куда хуже-то? Платят копейки. Сажу на никому не нужном радио.

– Уйди.

– Куда? Кому я нужен? Эта жизнь не для таких, как я. Как ты. Как большинство из нас. Все. Мы – импотенты.

– Ну, ты пока не импотент..., – она улыбнулась.

– Не ёрничай. Ты меня поняла! Никчёмный я! Ты пойми: вырос ещё при той власти. Я её не любил, – я вспомнил, что о своём противостоянии системе рассказывал Ленке уже не один раз и устыдился такой провинциальной диссидентской самовлюблённости. – Но я же при ней вырос. Я её ребёнок. Я людей воспринимаю по тем меркам, что нам тогда преподали. Не в школе. А в жизни. И не только в смысле морали там или ещё чего-то. Даже не знаю, как толком объяснить. Потом я устроился на радио. Там все родные. Привычные. Свои. Почему я их должен бросить? У них и так нет молодых журналистов. Никого. Я самый молодой. Без меня бы они просто сгнили.

– Ты их спасаешь? У тебя не мания величия?

– Нет. Я их не спасаю. Я сам там спасаюсь. Но и им я нужен. Почему же мы все вместе там никому не нужны?

– Ты мне нужен.

– Ладно. Это другое. А вот папа твой, я, Витёк – мы там оказались никому не нужны. Куда твой папа пойдёт, когда выйдет на пенсию? Николаю Сергеевичу уже пятьдесят семь! Кому он нужен? И он принимает любые условия. Работает за копейки! Унижается перед властью имущими.

– Но и ты тоже.

– И я. Я хоть иногда срываю на выборах чуток денег. И все. А Николай Сергеевич и на них ничего не имеет... У него принципы покруче моих. Как они с нами так могут?

– Да кто – они-то?

– Государство! Мы же государственная телерадиокомпания! Мы там какой-то заповедник, национальный парк пережитков эпохи. Стыдно за себя! Зачем я там?! – я чуть не заплакал.

– И зачем ты там?

– Трус. Боюсь сделать шаг с накатанной дорожки. А теперь на накатанных дорожках счастье кончилось. Твоего папу хоть понять можно – он дорабатывает. А я? Почему я такой трус?

– Ну, уйди! Подай заявление!

– А куда? Куда?!

Мне так было себя жалко.

– Может, сегодня больше не будешь ковыряться в болячке?

– Почему? Буду. Но потом... – я потянул Ленку к себе. – Пойди-ка сюда. С утра жутко хотелось тебя...

– Только после того как ты расскажешь какую-нибудь очень интересную сказку про любовь..., – весело напряжинилась она. – Папа говорит, что ты в этом плане большой мастер! Он часто записывает всякие истории, которые ты придумываешь на лету.

5

История давняя. Ей много лет. Больше, чем всем сегодняшним государствам мира. Она произошла в Вавилоне. Вернее, в его предместьях. В те времена, когда люди строили ту самую Башню. Ради чего её строили? Это отдельная тема. Возможно, я ещё коснусь её. Но сейчас речь не о Башне, речь о любви.

В те дни ангелы имели плоть, и им нравилось бывать в обществе земных женщин. От этих встреч рождались великаны и исполины. Ангелы ещё не знали своё предназначение, и мир казался им бесконечным садом плотских удовольствий. Они были настолько пресыщены жизнью, что большинство земных мужчин ненавидело их, потому что люди выглядели на их фоне беспомощными и бедными.

Ангелы редко по-настоящему любили женщин, но иногда чувство приходило и поселялось в их сердцах. Так произошло с ангелом Аурэлем и девушкой Оюной. Они встретились в харчевне, принадлежавшей её отцу, где Аурэль отдыхал после работы на Башне. Он сидел за столом, окутав себя крыльями – символом ангельской силы, дававшей им те возможности, что делали их великими по сравнению с людьми.

Оюна подавала Аурэлю еду и вино, присматривая, чтобы мальчишки со двора не повывёргивали слишком много перьев из волшебных крыльев. Она, как и большинство людей, относилась к ним с трепетом и благоговением. Иногда, когда никого в харчевне не было, а Аурэль спал и забегавший внутрь влажный торопливый ветерок слабо шевелил его перья, Оюна аккуратно поглаживала крылья своими ладонями. И, как ей казалось, мелкие сладкие искорки сбегали в её руки и чуть щекотали их.

Однажды Оюна решилась дотронуться до волшебных перьев щекой, и наклонилась к крыльям. В этот миг Аурэль обхватил её одним из них и прижал к себе. Земные девушки не могли сопротивляться ангелам, и Оюна не сопротивлялась. Аурэль долго и страстно целовал её, а ей казалось, что искорки бегут теперь и внутри неё. Когда ангел насытился, он отпустил Оюну и выпил вина. Но, выпив его, понял, что ему не хватает чего-то. И он снова притянул женщину к себе. Так повторилось несколько раз, и, наконец, Аурэль понял, что не может удовлетворить тот голод, что появился внутри него.

– Что ты сделала со мной? – спросил он у Оюны.

– Полюбила тебя... – ответила девушка. Она уже нашла тот ответ, который ангел ещё боялся услышать внутри себя. – Может быть, ты тоже капельку полюбил меня?

Аурэль только буркнул в ответ что-то невнятное, и снова выпил. Но он теперь знал: так и есть, это любовь.

Спустя несколько дней он уже не бурчал. Он слагал ей поэмы и освещал крыльями дорогу для ночных прогулок по тёмным улицам в их предместье Вавилона. Он носил её на плечах над горами и морем, приносил ей бриллианты, отложенные им за долгие годы. Она же улыбалась в ответ и прижималась к его крыльям: чего, собственно, ему и хотелось. В общем, их любовь была в самом разгаре, когда вдруг стало ясно: к Земле движется флот Великих Миров. Никто из простых людей и даже ангелов не знал, что стало причиной атаки. Все были напуганы и недоумевали: ведь Великие Миры всегда дружили с Землёй и её обитателями. Говорили, что причиной всему Башня, но никто не мог понять, как и чем она могла помешать Великим Мирам. Люди бежали из Вавилона и предместий. Страна опустела.

В те же дни архангел Гавриил объявил, что исполняется предначертание божьих воинов, и объявил их сбор. Аурэль и Оюна как раз только вернулись из дальнего путешествия в северные страны, ещё не зная о беде. А когда они узнали и услышали о призыве архангела, то зарыдали, потому что понимали: пришло время расстаться навсегда.

– Я не отпущу тебя, – плакала Оюна. – Если суждено нам погибнуть, то вместе.

– Но я ангел, – рыдал Аурэль. – И мое предназначение быть рядом с подобными мне в этой схватке.

– Ты не будешь ангелом! – сказала тогда Оюна. – Ты нужен мне, Аурэль. Выбирай, что дорого тебе: моя любовь или твоя гордыня.

– Любовь.

– Так стань человеком, и люби меня.

– Как?

– Избавься от крыльев!

– Крыльев? – возопил он, а она протянула ему огромный топор, которым кололи во дворе дрова для очага.

– Им я лишу тебя крыльев.

– Я всё равно умру, – Аурэль опустил голову. – Но моя бескрылая смерть будет бесчестна и ничёмна.

– Ты не умрёшь, – ответила Оюна. – Положи свои крылья!

И он повиновался любимой – положил их на огромный пень, стоявший в их дворе, а она, размахнувшись, ударила по крыльям топором из небесного камня, которым рубили магические кристаллы ангелы в харчевне, чтобы заплатить ровно по счёту.

Крови не было. Лишь миллионы искорок разлетелись прочь, и со стоном Аурэль упал. Но Оюна знала, что делать. Перебинтовав раненного ангела, она кинулась со двора искать других ангелов, чтобы они привели к ней архангела Гавриила.

Великий воин пришёл в их двор, и долго смотрел, как умирает рядом с харчевней тот, кто был ангелом. Как источается в мироздание Божий свет, спрятанный в отрубленных крыльях.

Гавриил приложил свои губы ко лбу Оюны и сказал:

– Это истинная любовь. Я не могу простить его, но помогу ему выжить. И он будет человеком: твоим возлюбленным.

Оюна зарыдала и обхватила ноги Гавриила, но он отстранил её и поцеловал лоб Аурэля:

– Ты свободен, – сказал архангел.

И Оюна осталась около любимого, а ангелы поднялись над землёй, чтобы исполнить своё предназначение в битве за людей.

Аурэль и Оюна жили вместе ещё много лет. Своим детям они рассказывали о том, как армия Божьих воинов остановила флот Великих Миров. Как сгорели ангелы в собственном огне, которым выжгли незваных гостей из глубин Вселенной. Как, потеряв плоть, вернулись они во главе с архангелом Гавриилом, чтобы попрощаться с Землёй и уйти в свой, Божий, мир, где они обещали встретить Аурэля и Оюну. Их дети смеялись над этой интересной историей, так как не знали, что когда-то и у их отца были крылья.

Когда же Аурэль целовал их, он вдруг начинал думать, что всегда был человеком и просто придумал себе романтическую и красивую историю...

Много прошло лет. Любовь так и не покинула их. А потом Аурэль и Оюна умерли. Они предстали перед архангелом Гавриилом, и тот с грустью и нежностью смотрел на их влюблённые даже после смерти души. А потом назначил им наказание – наказание которое заслужили они, нарушив Высший план, отказавшись от любви Божьей во имя любви человеческой – родиться и умирать, не находя друг друга, но вечно ощущая тоску по неведомому и прекрасному идеалу.

– Мы никогда не встретимся более? – спросила Оюна.

– Если Бог вдруг явит свою милость. Но он расстроен и опечален вами, – ответил Гавриил.

– Прости меня, любимая, – сказал Аурэль.

И они воплотились вновь... И вновь. Не мы ли это с тобой, Ленк? – сказал я.

– Это про тебя и твою Ритулю..., – строго вздохнула она.

Пять лет тому назад Рита ушла от меня. Неожиданно. Наша дочка Машка была тогда у её мамы в Саратовской области. Рита впервые не пришла ночевать. Звонил ей вечером, ночью и днём, но её нигде не было. Вечером пришёл Витёк. Мы пили и всё ждали, когда она придёт. Затем я уснул, а Витёк просто захлопнул дверь – мы тогда снимали «хрущёвку» на первом этаже.

Утром оказалось, что в квартире на соседнем диване спит отец. Его прислала присмотреть за мной Рита. Она сказала моим родителям, что устала и что любовь тоже имеет границы терпения. Ещё она сказала, что забирает дочь, потому что оставлять её со мной опасно. Ко всему Рита добавила, что надеется больше не пересекаться ни с ними, ни со мной в этой жизни: мол, заглянула на огонёк, ожглась, пора и честь знать. Мы же особенные! Она простая, но она ненавидит пьянство: водка убила её отца, и ей не хочется, чтобы на её глазах погиб ещё и муж. Пусть умрёт чужим человеком. Моя мама орала на неё, говорила, что не отдаст внучку. Все было пустое. Рита просто исчезла на несколько недель из города. Потом она звонила мне и просила успокоить родителей, не устраивать шоу из-за нашей Машки. И я успокаивал их как мог. Риту я просил не уходить и обещал не пить. Она отказывалась, и я пил.

Вечером, когда вышел в магазин, меня забрали в вытрезвитель. Я много шумел и не хотел снимать обручальное кольцо перед тем, как сесть в камеру. Когда стали выворачивать руки, швырнул об стену какого-то капитана. Меня связали «ласточкой» и начали упорно колотить лицом о бетонный пол. Когда лицо превратилось в месиво, предложили выбрать: вывезти меня в лес и грохнуть или подписать бумаги о том, как я пьяный бился в истерике и разбил себе лицо о стену. Я уже почти протрезвел и всё подписал. Меня выставили за дверь, и какие-то «хроны», встретившись в десяти метрах от РОВД, сразу же предложили мне отметить мой счастливый выход на волю. Они повели меня на пустую, провонявшую плесенью и мусором квартиру, где поили самогоном и весело называли «Боксёром» за расквашенное лицо.

В конце концов, я ушёл от них, потому что меня мутило. Дома я потерял сознание. Врач определил сотрясение мозга, и я полтора месяца провалялся на «больничном». В это время я не искал Риту, и она не звонила мне.

Рита объявилась, когда я вышел на работу. Сказала, что живёт с другим мужчиной. Дочь то с ними, то у мамы в Саратовской области... С тех пор я видел Машку всего один раз. Мы встретились в парке, куда Рита вывела её покататься на аттракционах. Сидел, мял её ручонки, целовал щеки. Она смеялась, смешно морщилась и всё время испуганно оглядывалась на Риту.

– Не забирай её совсем.., – попросил я.

Она помолчала.

– Как ты? Пьёшь?

– Не без этого... Но я могу держаться...

– Как сейчас с деньгами?

– Хочешь одолжить?

– Может ты на мели?

– На мели.

– Возьми, – она протянула мне десяток купюр общей суммой в полторы мои зарплаты.

– Я не смогу отдать. Не надо, – я отвернулся.

Она сунула деньги мне в карман:

– Кстати, это хороший шанс заработать. Тогда и отдашь.

– Какой?

– Скоро выборы в областную Думу. Мой Миша будет баллотироваться от местного отделения Союза Правых Сил. Он тебе найдёт клёвую пиар-работёнку.

– О! Это твой новый?

– Да, мой новый.

– Такой крутой?

– Он не крутой. Он предприниматель. Несколько магазинов, три кафе и мини-рынок. Ещё артистов возит всяких. Это из того, что я знаю. Но мы о делах говорим мало.

– В основном – постель?

– В основном – да, – она одёрнула рванувшуюся за кошкой Машку слишком сильно, и та плюхнулась на попу, завертела удивлённо головой.

– Пяпя...кося! – сказала дочка, показав на убегающую в глубину парка сиамку.

– Кося, – подтвердил я. – Говорить надо «кошка».

– Короче, воспитатель-логопед, будешь на выборах работать?

– Отчего же, можно. Что делать?

- Одно место лизать. Ты же умеешь?
- Хватит грубить. Ещё при дочке. Радиоматериалы или статьи?
- Радио.
- Без проблем.
- Скажи папе «до свидания»!
- Да сисяния, – Машка протянула мне ручку. – Пяпя.

С тех пор три месяца раз в неделю я готовил для Миши по сюжету. Заключил официальный договор, за которые компания мне перечислила законные двадцать пять процентов – как автору и исполнителю. Плюс Миша сказал, что партия заплатит мне дополнительно. Вообще, он оказался хорошим парнем. Громким, весёлым, лёгким. Быстро постарался сгладить всю нашу неловкость общения, заявил с порога:

– Если дуэль, то после выборов! Давай сразу перетрём: как бы там личная жизнь не складывалась, главное для мужика – дело. Верно? Ты классный специалист в своей области. Я в тебе нуждаюсь. У меня деньги. Ты хочешь заработать бабла. Наши взаимоотношения – это бизнес. А если на сердце груз или в морду дать хочется – изволь, в свободное от работы время. Но мне кажется, нам драться незачем...

Я хмыкнул, потом улыбнулся пошире, подружелюбнее.

– Ладно, – он протянул руку. – Давай серьёзно. Садись... Я не люблю недомолвок. Раз нам вместе работать, давай расставим все точки. Я у тебя жену не уводил. Верно?

– Да.

– Вы расстались сами. Ваши проблемы, я в них не лезу. Не моё дело. Но вот вы расстались. Она ведёт себя как свободная женщина. И я узнаю, что она действительно свободная женщина. Она мне нравится. Я ей. Я полюбил её, и предлагаю жить вместе... Скажи мне искренне, где здесь мой грех перед тобой?

– Нет греха, – кивнул я. – Согласен я. Не о чем нам спорить и ругаться. Будем просто работать.

– Отлично! А будем работать, будем зарабатывать, – и он протянул мне тоненькую пачку долларов. – Аванс. Чтобы ты не перебежал к конкурентам, если вдруг предложат больше.

Я знал, что больше не предложат. Выходя из офиса партии, посмотрел на сумму: пять сотенных купюр. Было что-то в этих деньгах, отдававшее тридцатью серебряниками. Я мусолил доллары в кармане и думал, почему они так выпрыгивают у меня из рук, почему мне так гнусно и противно за себя? Я подумал, что мне кажется, что он словно купил у меня жену. Но я оправдался его же аргументами. Я сказал себе: «Она ушла без него. Сама».

Потом, много лет спустя, я узнал, что Миша мне всё-таки приврал. Она стала изменять мне с ним задолго до ухода. Да и ушла, зная, что почва под ногами уже есть. Я её не осуждал. Ни тогда, ни потом. Это было логично – искать почву. Без неё ты висишь в воздухе. Но такой пилотаж не всем нравится. Она поступила правильно. Но эти деньги... Всё-таки я оказался Иудой... Или даже хуже?

Он платил и платил мне. За каждый репортаж. За каждую поездку. По поводу и без. Он организовывал мне баньку, и я парился в сауне вместе с их штатными проститутками, упиваясь виски «Белая лошадь» и дорогим французским шампанским «Мадам Клико». Привозили и отвозили на огромном «мерине», и Мишина охрана уже дружески приветствовала меня при входе в его офис. Я лакал это все, захлёбываясь и жадно. Я знал, что это только сейчас. Только здесь. Только с ним. Я прятал дома в кладовке в пальто взятые доллары. Пачка росла. К концу выборной кампании я получил уже три тысячи...

А потом его партия вдрызг проиграла. Мишу не выбрали в Думу. Напоследок он добавил мне ещё две тысячи и долго тряс за плечи, обещая обязательно пригласить на следующую кампанию.

Через неделю после этого мне позвонила Рита. Она сказала, что есть деловое, даже очень деловое предложение. Она сказала, что я алкоголик. Что дочери опасно иметь такого отца. И она хочет спокойной жизни. Она хочет, чтобы Машиним отцом был Миша.

– Это как? – удивился я.

– Ты откажешься от отцовства, вот так.

– Зачем?

– Я не хочу, чтобы нас что-то связывало. Мне нужна новая жизнь. С нуля. С тем, чтобы отец

моего ребёнка был рядом со мной... Я забочусь о Машке! – закричала она. – Ты спиваешься! Ты сопьёшься и сдохнешь где-нибудь под забором! Что ты ей дашь?.. А Миша, я говорила с ним, он согласен. Ты же понимаешь – за ним огромное состояние, недвижимость. И всё это достанется твоей дочери! Ты не хочешь ей счастья? – Рита заплакала.

– Это так жутко, – я не знал, что ей ответить. – Так жутко! Отказаться от дочери! Ты мне ужас предлагаешь!

– Хватит ныть! – она с хрипом оборвала свои слёзы. – Твоя дочь будет счастлива!

– Но она не будет моей дочерью!

– Тебя волнуют формальности?

– Я смогу её видеть?

– Если не будешь пить, конечно. Но не будешь пить вообще. Ты понял?

– Все равно насчёт Машки то, что ты сказала – это безумие! Как я родителям объясню такое?

– Ты им ничего не должен объяснять. Это деловое предложение. Я же сказала... Ты будешь жить отдельно от родителей.

– То есть?

– Мы купим тебе небольшую аккуратную квартирку. Типа ЗГТ. Ты такие любишь... Но ты подпишешь нам все бумаги!

Я вздохнул и повесил трубку. Она не перезванивала. Поняла, что я согласился... Это было пять лет назад...

7

С Ленкой мы познакомились на радио. Она редко приходила к Николаю Сергеевичу, разве что пару раз за много лет. Но в тот раз ей для чего-то срочно потребовались деньги, а у него всегда запасливо лежала энная сумма на работе в ржавом сейфе, который волшебным образом открывался щелчком по дверце.

Ленка пришла под вечер, когда мы как всегда что-то отмечали. Кажется, День сталинской конституции или день рождения Ельцина. Не помню точно. Она села с нами и выпила пару рюмок. Алкоголь действовал на неё легко, приятно. Ленка покраснела, зазвенела как-то, заулыбалась. Точно лопнула кожура, под которой всё было сладкое, нежное, вкусное. С ней сразу захотелось болтать на скамейке в парке, гулять по набережной, целоваться вечером в школьном дворе. Захотелось быть её родным и близким человеком. Конечно, выпитое мною тоже сыграло свою роль, но все эти чувства и желания засуетились во мне не на пустом месте.

Когда она собралась уходить, я предложил свои услуги в качестве провожатого: мол, опасно одной с деньгами.

– А я быстро бегаю, – улыбнулась она. – Не догонят.

– Спортсменка! – гордо сказал Николай Сергеевич.

– Разогнаться не дадут, – гнул я своё. – Пойдём вместе!

– А я не против. Только причём тут деньги? Хочешь меня проводить – так и скажи!

– Ты, Санёк, к моей дочке не клейся! – погрозил мне пальцем Николай Сергеевич. – Я тебя знаю! Ты ей жизнь не порть!

– Не испорчу, – пообещал я.

– У неё уже был один. Спортсмен. Тоже такой как ты кручённый-верченый... Не обижайся, Саш, но она же дочь мне. Полгода прожили – и поминай его как звали!

– Пап! – Лена тряхнула его за плечо. – Думаешь, всем интересно знать детали? Хватит!

– Ладно, – он покачал руками. – Всё!

– Борис, ты не прав! Санёк парень хороший, – героически встрял Витёк. – Но если Коля категорически против, могу проводить я.

– Эй, пипл! – Николай Сергеевич потряс кулаком. – Мы собрались здесь не затем, чтобы устраивать любовные турниры!

– Идите, пока он не почувствовал себя Зевсом-громовержцем!.. – поэт-мэтр Виталий ласково и в то же время властно подтолкнул нас с Ленкой к выходу. – Что ж парню девушку не проводить?

И мы пошли... Выбежали из телерадиокомпании, держась за руки. Сразу же свернули к фонтану неподалёку от телевизки и, остановившись у него, стали целоваться.

– У меня дурацкое ощущение, – сказал я, отрываясь от неё. – Что мы уже целовались. Когда-то очень-очень давно. И нам было здорово! А потом мы расстались, и теперь снова вместе.

– А мне просто здорово! Сейчас здорово!..

Наш роман начался без затравки, без разминки и подготовки. Мы сразу помчались на дистанцию. Съездили, отвезли деньги – Ленка отдала их подруге на покупку «шмоток» в Турции – и отправились ко мне.

Родителям Ленка сказала, что ночевала у подруги...

Первые три месяца были относительно идеальными. Я даже стал сдерживать себя и реже выпивать. Единственное, что смущало меня – это её папа Коля. Каждый раз, встретив его утром, я испытывал нечто вроде мук совести, если проводил ночь с его дочерью. В принципе, все были взрослыми людьми, но мне никак не хотелось примешивать в рабочую атмосферу элементы взаимоотношений цепочки «тесть-зять». Тем более что Коля провёл с Ленкой политрабоду, познакомив с моим образом жизни, не исключавшим ни беспробудного пьянства, ни волокиты за всеми интересными юбками.

– Так ты бабник! – смеялась она. – И много у тебя сейчас женщин?

– Одна, – улыбался я. – Куда мне ещё?

– Мы же видимся не каждую ночь, а? Отвечай, негодник? Сколько у тебя женщин? Скажи правду!

– Зачем?

– Мне интересно. Я не обижусь. Мы же не женаты и имеем полное право спать, с кем хотим.

– Я сейчас не хочу спать ни с кем другим.

– А захочешь – скажешь?

– Нет.

– Почему? – серьёзно спросила она.

– Я не умею говорить плохие вещи. Ты сама догадаешься.

– И скоро мне придётся догадаться?

– Хватит! Я же абстрактно говорю, а ты серьёзно уже обижаешься.

– Я не обижаюсь пока. Но прошу тебя – расскажи мне, когда переспшишь с кем-то. Я не буду с тобой скандалить... Думаю, даже не уйду, если ты сам не захочешь. И уж точно не стану тут же бежать и спать с кем-то тебе назло. Понимаешь? Просто захочу узнать.

– Понял... Я скажу.

– Обещаешь?

– Обещаю. – Я давно убедил себя в том, что ложь – это вынужденная мера, для того, чтобы могли быть счастливы люди, не готовые принять правду. Мысль звучала красиво и логически грамотно. Она стала моим жизненным принципом. С каждым годом я всё меньше сожалел о том, что не могу вспомнить ни одного человека, с которым был бы абсолютно искренним. Ведь все чего-то хотели от меня в наших отношениях, и я очень не хотел разочаровывать этих ожиданий...

Я не знал, как определить свои чувства к Ленке. Там была страсть – это определённно. Но не доведённая до абсурда, до боли. Просто яркое, сильное желание. Там была нежность. Я искренне до мелких, почти невидимых слёз в уголках глаз, жалел её за травмы, полученные в молодости от занятий гимнастикой и нередко болевшие теперь от любых перепадов погоды. Я злился и почти ненавидел её бывшего мужа, проигравшегося в карты и убежавшего от долгов из города, практически оставив Ленку самостоятельно разбираться с полукриминальными кредиторами, требовавшими от неё продать квартиру и заплатить за него по счетам. Неизвестно, кстати, чем бы это могло закончиться, и я уже подумывал о необходимости предложить ей пожить со мной, чтобы действительно отдать квартиру, полученную, кстати, Колей, в счёт долга. Разрешило ситуацию то, что Ленкин «бывший» вдруг объявился в городе и позвонил ей, узнать, как дела. Она сказала ему, что передаёт телефон, откуда он звонит, его друзьям-уродам, и ему придётся самому платить по своим долгам. Оказалось, что он не против, что сорвал где-то куш и желает вернуться в семью. Ленка его послала, и он снова исчез, правда, расплатившись с кредиторами. Я искренне был счастлив, когда она улыбалась моим маленьким сюрпризам – букетик цветов, завтрак в постель или подарок к мини-дате нашего знакомства. Мне нравилось болтать с ней, гулять по лесу, ходить в кино. Я ждал её звонков. Я подолгу говорил с ней по телефону. Я нервничал, если она не звонила. Наверное, я был влюблён.

Может, это называется как-то иначе? Если бы я был доктором любви и выслушал все эти симптомы, я бы уверенно поставил диагноз. Влюблён. Другое дело, что я видел болезнь изнутри. И всегда сомневался. Ведь я изменял ей. Глупо, бессмысленно, но изменял. Может ли изменять влюблённый? Тот же доктор скажет вам, что нет. Значит, я не был влюблён? Я часто размышлял об этом: один или лёжа с Ленкой. Вслух же старался не произносить никаких глаголов или причастий, связанных с темой любви. А когда мои лёгкие не могли сдерживать восторг от нашего общения, я шептал ей тривиальные нежности: говорил, что искренне счастлив рядом с ней, что она самая лучшая из всех, и мне чудесно от её близости.

Мы съездили с ней на юг, отдохнув в хорошем, ещё сталинской постройки санатории. Я познакомил её с родителями и даже дал ей ключ от своей квартиры.

А потом был День города. Я шёл по Воронежу со своим профессиональным венгерским репортёром, периодически останавливаясь, чтобы записать кого-то из выступавших на улицах артистов. Затем рядом оказались ещё журналисты из пары газет. Мы пошли перекусить в кафе: ели чебуреки и опрокидывали в себя дешёвое, с жёсткими хлопьями на дне, красное вино. Откуда-то взялась девушка. Она тоже была журналисткой, но работала в пресс-службе одной мебельной компании. Девушка грустила. Я погладил ей руку. В какой-то момент, когда ребята вышли на улицу покурить, я сказал журналистке, что нам пора бежать. Мы выскочили на улицу и сразу же остановили машину.

Назавтра утром я ещё в постели вспомнил, что вчера мы собирались пойти с Леной на салют. Но самое худшее я выяснил, когда встал. На столе лежал мой второй ключ. Он придавливал маленькую записку: «Ну, ты и урод!»

Я позвонил Ленке на следующий день вечером. Я каялся и говорил, что всё это чепуха, что эту девчонку я больше не увижу, а именно её, Ленку, люблю как Аурэль Оюну!

– Хороший ты момент нашёл для подобных признаний, мерзавец.., – Она повесила трубку.

Я перезванивал, но Лена выключила телефон.

Мы помирились недели через три.

– Теперь всё будет по другому, – сказала мне, придя, Ленка.

– Как?

– Без иллюзий. Честно. Ты можешь честно?

– Я постараюсь.

– И я постараюсь... Я люблю тебя.

– Ленка!..

– Подожди! Это я тебя люблю. Но не ты. Твои пьяные признания очень обидели меня. Я подумала, что ты можешь сказать это любой другой женщине. И эти слова как бы теряют свою цену, стоимость, вес. Они становятся пустыми из твоих губ. Понимаешь? Поэтому мне не надо от тебя слов о любви. Хорошо?

– А если я всё-таки люблю тебя?

– Я узнаю это иначе... Ты такой, как есть. Я могу пойти навстречу твоей лжи и представлять тебя другим. Но зачем? Либо я люблю тебя, либо любовь уйдёт. Если она уйдёт, я скажу тебе.

– А я могу сделать так, чтобы она не ушла?

– Не знаю, – она поцеловала меня. – Я не знаю. У меня не богатый опыт... Да, и ещё я бы хотела, чтобы ты поговорил с врачом.

– Венерологом, что ли?

– Дурак. Наркологом. Мой старый знакомый. Через спортивных врачей с ним познакомилась. Он занимается в основном наркоманами, но иногда берёт и алкоголиков.

– Ты думаешь, я алкоголик?

– Я это знаю. Хочу, чтобы узнал и ты.

– Я не буду кодироваться.

– Пока просто поговори с ним.

– Ладно.

Через месяц врач вколол мне в вену какое-то лекарство, шипучим жжением бросившееся в голову, связавшее немотой язык. Перед этой экзекуцией я подписал бумагу, в которой значилось, что пациент предупреждён о возможном летальном исходе в случае употребления спиртного.

Я не пил полгода. А потом однажды после очередного напряжения на работе решил по этому поводу успокоить нервы парой банок пива. Когда я допил пятую, то упал, схватившись за бок на пол. Едва удалось позвонить в «скорую» и Ленке (я сказал ей номер), а дверь оставил открытой.

«Скорая» не стала меня забирать – они объяснили, что у них нечем нейтрализовать лекарство. Но Ленка привезла с собой моего доктора. Он орал на меня и всаживал укол за укол: для печени, для сердца, для почек...

Я выжил, а Ленка снова ушла.

Мы потом опять помирились, но я уже как-то свыкся, что она, хоть и близко, но всегда на расстоянии от меня. Что-то вдруг выскользнуло из моего сердца, и я осознал, что больше не влюблён в неё. Просто благодарен, и очень хорошо отношусь. Но внутри уже ничего не трепещет.

И как-то я сказал Ленке:

– Я порчу тебе жизнь. Я понимаю. Найди себе кого-то.

– Я не нашла не потому, что ты не разрешал мне.

– Со мной не выйдет обустроить нормальную семью. Скажем, как у моих или твоих родителей. Я типичная жертва перестройки и новой социальной ориентации. Лишний человек. Так сказать, Печорин конца двадцатого века. Хотя это слишком лестная характеристика для меня...

– Может быть ты – Базаров?

Я прислушался к себе:

– Кажется, нет.

– Тогда Раскольников?

– Тоже явно не тяну.

Она засмеялась:

– В любом случае ты будешь самый ужасный муж на свете! На тебе надо выгравировать клеймо: «Семейная жизнь категорически запрещается».

– Ты Риту имеешь в виду?

– И ещё десяток таких, как мы с ней. А вот дочь ты, по-моему, любишь. И её не предашь.

– Я же отказался от неё. Уже предал.

– Бумагами этими? Нет. Ты подписал мир в душе своей бывшей жены. Да и почему бы твоей дочери не получить возможность на более менее обеспеченное будущее? Рита мыслит разумно, хотя и очень жёстко.

– Мне стыдно за свой поступок.

– Напрасно. Тобой же двигала именно любовь к дочери.

Я вдруг заплакал.

Она гладила меня по голове и приговаривала:

– Миленький. Хороший мой... Успокойся. Ты такой большой и сильный. Ты в Чечне, когда в плену был, плакал?

Я громко всхлипнул:

– Нет...

– Так и не надо начинать!

День ото дня Ленка боролась с собой: старалась как можно реже со мной видеться. Я не очень расстраивался, и она это понимала.

– Я постараюсь исчезнуть, – сказала как-то Ленка с непривычным для неё ожесточением. – Если уж совсем утомила, сделаю это сейчас.

– Что ты! – Я поцеловал её. – Глупости! Я не хочу, чтобы ты исчезала!

– Зато я хочу. Я так себя презираю!

– За что? – я явно сфальшивил.

– Вот за это! За то, как ты спрашиваешь!

– Ну, давай найдём компромисс? Чтобы ты не чувствовала себя униженной, заведи себе кого-то. А дальше посмотрим – захочешь, будем общаться и дальше.

– Кого завести – собачку?

– Парня.

– А-а! Парня! Спасибо за совет! – тогда она просто ушла, хлопнув подряд всеми тремя дверьми в моей «хрущёвке».

А через пару месяцев Ленка его себе нашла. Хотя, может, нашёл её он. Расследовали дело о мошенниках, тех, которым задолжал её бывший муж. Новый знакомый возглавлял районный отдел по борьбе с экономическими преступлениями. Был майором. Имел орден за Чечню. Я знал цену таким наградам, таким людям. Но ещё у него было двое детей, живших с бывшей женой в другом городе, полусумасшедший отчим в огромной «сталинке» в центре, доставшейся приложением к квартирному наследству от недавно скончавшейся матери.

– Он хороший мужчина? – спросил я у Ленки при очередной встрече на моей жилплощади.

– Неплохой... А хочешь знать, с кем мне больше нравится быть?

– Нет, не хочу. Ты лежишь со мной. Ты сама приходишь ко мне. Значит, я тебе нравлюсь и мне этого достаточно.

– Я люблю тебя, – сказала она. Было стыдно и больно это слышать. Но она ещё добавила. – А свою любовь ты растерял сам. Выхолостил дешёвым блудом.

Я ничего не ответил. В душе было, действительно, пусто.

Иногда мне снится, что внутри меня дремлет зверь. Лежит, положив клыкастую морду на когтистые лапы. Смотрит бесстрастно и устало сквозь мои глаза. Он ждёт своего часа. Ждёт, когда его выпустят. Я видел фильм с Джетом Ли. «Денни – цепной пёс». С парня снимали ошейник, и он тут же срывался с тормозов. Начинал крушить и убивать всех вокруг. Видимо, его зверь не лежит, положив морду на лапы. Он стоит, оцетинившись, и ждёт сигнала. Мой чуть дремлет. Однако когда опасность становится абсолютно реальной, когда дальнейшее промедление грозит смертью, – он срывается с места. Стартует с глухим рыком на ближайшую жертву. Это спасло меня в Чечне. Спасло многих ребят моего взвода. Я молниеносно реагировал на опасность. Тот, кто пытался ударить меня ножом, он уже визжит – я выдавливаю ему глаза. Мы крутимся, чтобы, пока я рву его лицо зубами, второй чех не выстрелил мне в спину. Густая кровь пульсирует из чужого носа на мой бушлат. Я отпрыгиваю, отталкивая ногой первого. Он падает и стонет на земле. Теперь второй. Он побаивается, но не испуган, скорее, осторожен. Уверен в своей силе и правоте. Я глухо рычу и хожу вокруг. Он делает лёгкий выпад рукой, и я хватаю её своими двумя. Его крик и хруст сливаются в один звук. Он роняет автомат. Нет, я не буду убивать чеха. Лишь делаю вид, что хочу выстрелить. Он чем-то похож на моего отца... Сам не знаю почему, но я разрешаю ему уйти, а потом плетусь прочь. Я ранен. Мне успели несколько раз воткнуть нож в спину. В конце концов, я падаю на колени. Валюсь на бок. Зверь забирается внутрь и ложится на место. Мне нужны санитары. Ребята с носилками, где вы?.. Где наша милая санинструктор?

8

Идти на эту запись никто не хотел: в воскресенье да ещё вечером. Согласился, в итоге, я. Всё-таки интересная тема: у нас в цирке выступал болгарин, утверждавший, что он экзерсист и колдун в одном лице, к тому же владеющий гипнозом и способный исцелять. Времена всеобщего ожидания чуда прошли уже лет десять-пятнадцать назад. Проповедники забугорных вер перешли из цирков в подземные переходы и частные квартиры. А колдуны с экзерсисами прочно заняли места в колонках объявлений рядом с наркологами, проститутками и ритуальными услугами. Коля сказал, что про этого болгарина много пишут в центральных газетах, у него куча международных премий, авторитетных званий и было бы здорово взять у него интервью. Никто не хотел туда идти, и тогда я сказал, что, «так и быть, за отгул к отпуску я потрачу на это свой выходной». Коля дал добро, и я позвонил в цирк, договорился о бесплатном входе по удостоверению.

Людей было, на удивление, много. «Мода на запредельное возвращается? Не лучший симптом...», – печально подумал я и попросил контролёршу подыскать пустое место. В итоге вынесли стул, и я весьма неплохо расположился рядом с ареной.

Высокого роста, сутулый, худой, коротко стриженный, он был молод и совсем не походил на Филиппа Киркорова – единственного известного мне болгарина.

«Называйте меня Кирилл», – строго сказал парень.

Свет начал гаснуть, оставив на лишь перекрестие двух тусклых прожекторов. Болгарин принялся глухо молиться, бормотать под нос себе какие-то слова, креститься. Он осенил весь зал иконой, извлечённой из-под длинного чёрного халата, походившего на сутану, и я подумал, что выглядит это

на арене цирка как-то богохульственно. Потом экзерсист быстрым движением погрузил свои кисти в рукава и словно вытолкнул оттуда клубы странного чёрного тумана.

– О-о! – раздалось из середины зала.

Туман был и в самом деле необычный: какой-то скользкий, маслянистый, поблёскивавший под лучами.

– Аллилуйя! – возопил Кирилл. – Томление души нашей разреши именем твоим!

Туман стал набухать, превращаясь в огромный плотный ком. Он дрожал некоторое время внутри арены, а потом выгнулся, потянулся в зал.

– Помогите! – истерично закричала какая-то женщина. Раздался громкий выдох, и чьё-то тело шлепком упало на пол. Люди вокруг дышали глубоко и хаотично. Их страх передался мне. Я вдруг понял, что туман развалился на ветвистые лапы и одна из них тянется ко мне. «Чушь!» – успокоил я себя, но ужас уже завибрировал внутри.

– Чернь да поест чернь! – изрёк громко болгарин. – Грязь да поглотит грязь! – и он снова зашептал некие молитвы.

Туман тронул меня за лицо. Я невольно попытался смахнуть его, но это не удалось: я ещё больше погрузился во мрак.

– Задыхаюсь! – закричала женщина рядом и задрожала, затряслась в кресле. Мужчина, сидевший неподалёку, подхватил её подмышки и, матерясь, поволок к проходу.

– У-и-и-и! – свиньёй завизжал кто-то за спиной. Через зал, напротив, ему ответил давящийся слюной собачий лай.

– Имя вам – легион! – Кирилл поднял руки и встряхнул ими. Из рукавов вывалилась новая порция уже белого тумана. Пока он насыщался, чёрный добрался до верхних рядов. Визг, лай, вой и громкий мат давили какофонией на уши. Я понял, что меня тошнит, и изо всех сил напрягся, чтобы не вывернуло прямо под ноги.

– Беги! – простонал кто-то. Я обернулся: сидевшие сзади смотрели на арену неестественно вытупленными глазами, тупо замершими на одной точке.

– Вы – мне? – спросил я.

Они не пошевелились. Их глаза даже не моргали.

– Беги! – заорал бас.

– Кто-о?! – закричал в ответ я.

«Беги!!!» – голос звучал во мне. Я закрыл глаза и зажал зачем-то рот. Я испугался. Стало понастоящему жутко. Как ребёнку во сне. Но я не встал с места. Белый туман уже подбирался к лицу, и сладко чесалось что-то внутри головы, желая, чтобы эти невесомые лапы так-таки пробрались внутрь. Я отпустил рот и схватился за свой стул.

– Свет выжжет тьму! – провозгласил болгарин. – Пусть скроется зло или сторит! – он вдруг закрутился в центре арены, и подол его халата выгнулся зонтиком. Экзерсист был похож на танцующего дервиша. Страх мгновенно рухнул куда-то вниз, и я засмеялся.

«Наблюдай», – сказал мне голос. Совсем другой, не грубый и спокойный.

– Браххадакала! – прорычал бас, но мне было уже почти скучно.

Белый туман тронул моё лицо. Я расслабился и откинулся на спинку стула... Я слышал, как хохочут люди. Смеясь, упруго вздрагивал купол цирка. Я тоже засмеялся. Было свободно и легко...

Потом зажёгся свет. Болгарин поклонился и ушёл с арены. Я встал и, выбравшись из зала, отправился искать служебное помещение, чтобы взять интервью.

– Ну, как сходил? – спросил меня Коля.

– Всё крайне странно... Даже не знаю, как относиться.

– Что такое?

– Во-первых, само представление. Мне, действительно, показалось, что он владеет чем-то... не знаю... чем-то особенным. Сотни людей, я сам – мы это ощутили. Но ладно. Не это главное. Главное началось после выступления. Я пришёл брать интервью. Стал что-то спрашивать, и тут... Ты куда-нибудь звонил, что я пойду?

– Нет. В каком смысле?

– Ты этому болгарину – он, кстати, из Турции – не звонил?

– Я и номера его не знаю.

– Ты кому-то вообще говорил, что я туда иду?

– Дай подумать... Нет... Так, пара девушек звонила тебе в пятницу. Одна спрашивала, не знаю ли я, будешь ты в Воронеже на выходных? Вот ей только, сказал, что, мол, в воскресенье он точно тут, так как вечером идёт в цирк на болгарина.

– Нет, кому-то из цирка? Может всё-таки звонил кто, интересовался, кого ты отправил на задание?

– Нет, ничего подобного. Абсолютно.

– Ну, я тоже так подумал... Кому нужны такие шутки? Короче, я начинаю вопросы задавать этому турецкому болгарину, а он мне в ответ: «Не такого-то числа вы родились и такого-то года?». Я отвечаю: «Да, так». И, честно сказать, мороз по коже меня продрал. Ты, блин, представь такую фигню! «Откуда вы знаете?» – спрашиваю. А болгарин: «Слава Богу, я Вас нашёл! Я Вас искал и ради этой встречи приехал в Воронеж».

– Не фигу себе! – Коля покачал головой. – Страсти-мордасти какие!

– Ты слушай! Он говорит, короче, я, де, то есть, он – только ученик одного гуру из Турции. Так расписал, блин. Вроде тот вечно в кресле инвалидном, но головой вступает в контакт с инопланетянами, с Шамбалой и всё такое.

– На сказку похоже.

– Ну, да. Я тоже так подумал. Только с днём рождения меня очень смутило. И то, что он меня искал. Я говорю: «Конечно, рад за вашего гуру, но давайте интервью сделаем». Он мне – интервью, мол, дело десяти минут – сделаем. А вот искал я Вас потому, что Вам обязательно надо поехать в Турцию и поговорить с моим гуру!.. Я просто охренел! Коль, слышь, но я его, самое-то главное, спрашиваю: «А что Вы, мол, думаете, так просто для воронежского журналиста – сел и покатыл в Турцию?». А болгарин отвечает – это не проблема. Деньги не имеют значения. Гуру полностью берёт все расходы на себя. Начиная с билета до Москвы и даже загранпаспорт оплатит!

– Да ты что? Ты в Турцию на халяву поедешь?

– И я его спрашиваю: что же получается, Вы меня приглашаете бесплатно посетить Турцию? Он мне запросто – да. Я говорю: «Вы подумайте, может, с человеком ошиблись?» Он засмеялся, мол, нет, мол, он давно меня ждал, и ошибки здесь быть не может... Короче, крадец! Коль, это либо ошибка, либо с моим пленом чеченским как-то связано. Я тем, кто меня захватил и в яму сунул, потом помог ребёнка их вылечить... Снадобье одно хорошее, народное, подсказал. В общем, мне надо отпуск оформить. Паспорт получу по ускоренной программе. И лечу в Измир. Там на машине меня отправят в Пумкалле, рядом с бывшим древнегреческим городом Иерополисом. Кстати, там когда-то убили и сожгли апостола Филиппа.

– Слушай, ну это ведь как тебе повезло! Сань!

– Я думаю, надо отметить?!

– Я не против.

– Скажу ребятам и – в магазин.

– Классец! – он взялся за телефон. Было видно, что как только я уйду, моё неожиданное и непонятное везение станет известно многим.

«Философия и поиск истины – не одно и то же. Хотя внешне они движутся к одному и тому же. Проблема философии в том, что она лишь закабальет ищущего в нагромождении слов, понятий, мыслей и терминов. Проблема умных людей, а философы, без сомнения, именно таковы, в том, что они уверены или даже бессознательно склоняются к мысли, будто бы они находятся недалеко от истины. Это заблуждение. Истина принадлежит всем в одинаковой мере, независимо от образования, вероучения или возраста. Она разлита в каждом человеке, и за ней не надо ходить в школу йоги. Её не нужно выводить в каббалистических пробирках и не стоит высчитывать математически. Истина – не мысль, не вывод, не гипотеза, не философский камень.

Мне Николай Сергеевич часто задаёт вопросы на тему «От кого произошёл человек? Кто создал его: эволюция, Бог, инопланетяне? Если это эволюция, то откуда пришли на Землю первичные формы жизни и кто направлял их развитие? А если был Большой Взрыв, то откуда взялись во Вселенной живые клетки, которых просто быть не могло после миллиардов ядерных взрывов звёзд? А если людей создали пришельцы с других планет, то кто создал этих пришельцев? Если Бог, то вечен ли он? А ещё люди хотят знать, создал ли кто-то Зло и Добро? И если кто-то их создал, то зачем создано Зло?»

Для того чтобы потом было с кем бороться?» Это лишь тысячная доля тех вопросов, что сыплются на меня. Над ними веками бьются философы, теологи, а теперь вместе с ними и учёные, которые проникают своим взглядом всё дальше в космос и всё глубже в материю. И хотя вопросов от этого не становится меньше, им кажется, что они уже близки к истине.

Я не против науки. Она помогает сделать нашу жизнь удобнее. К тому же те, кто по-настоящему увлечён ею, подобны детям, они постоянно делают открытия вокруг себя. Когда-то большие, когда-то маленькие. Я не против философии. Она учит нас стройно мыслить. Однако дети ближе к истине, чем большинство учёных и философов. Потому что истина проста и понятна каждому из них изначально. Слово «понимание» абсолютно ничего не значит для того, кто действительно обладает истиной. Она – не мысль. Она – чувство.

В чем же истина? Ответ на этот вопрос всегда перед вашими глазами: она в счастье. По чьей-то воле или сам по себе существующий мир имеет только одно истинное мерило собственной стоимости – счастье. Без счастья он лишь нагромождение материи и энергии, движущейся от начала к концу. Он не более ценен, чем водный поток, бегущий по горам. И не важно, появляется поток с дождём или от таяния снегов. Он был и его уже нет. Счастье – это душа мира.

Я говорю вам не о радости, не о гордости, не об удаче. Если вы нашли клад или вам выплатили на работе премию – это удача. Если кто-то похвалил вашу одежду, а ещё лучше то, как вы выглядите – вы гордитесь. Если у вас родился сын или выздоровел тяжело болевший отец – вы радуетесь. Счастье – это другое. Счастье – это когда ваше сознание хотя бы на мгновение очищается от радости, гордости, удачи, от боли, раздражения, обиды, – ото всего. И лишь ощущение бытия, дарованного вам Богом, входит в вас. Я почувствовал что-то подобное через два месяца сидения в подвале чеченского аула. За день до того, как наши «вертушки» высадили там десант. Увидев наших парней, я понял, что Бытие есть счастье. Эта живая планета, этот мир – счастье. Кометы рассекают космос, движутся тысячи звёзд и планет, проваливаются в расступающуюся бездну метеориты – им неведомо счастье. Они не способны ни ощутить его, ни дать. Среди миллионов мёртвых миров нам выпало истинное счастье – родиться в нашем, живом. Всё остальное лишь дополнение».

Я позвонил Рите и спросил, не надо ли что-то привезти ей или Машке из Турции. Наверное, просто искал повод похвастать предстоящей неожиданной поездкой.

– Спасибо, – Рита засмеялась. – Очень приятно, что ты про нас подумал. Но, знаешь, мы в Турции были в прошлом году. Даже не знаю, что оттуда мне бы хотелось получить. А Машке можешь привезти какой-нибудь оберег. Она их любит. И сладости восточные можно... А мне вот чего, придумала, кофе турецкий. Найдёшь?

– Постараюсь.

– Лучше тот, что прямо при тебе в магазине помелют и упакуют. Ладно?

– Поищу. Обязательно. Как вы там?

– Нормально. Хожу на фитнес, на массаж. Правда, с тренировками, видимо, придётся завязать. Инструктор уже на четвёртом занятии попросил в долг пятьсот баксов. Я его знать не знаю. Просто взял и попросил. Спрашиваю: а когда отдашь? А он отвечает: не знаю. Улёт, верно!

– Своеобразные есть люди. Машка как?

– Всё отлично. Умница. Много читает. Компьютер ей недавно новый подарили. Соображает в нём здорово.

– Я стараюсь меньше пить.

– По голосу твоему почувствовала. Это хорошо.

– Я буду стараться бросить...

– Я буду рада. И Машка.

– Как они с Мишей?

– Всё хорошо. Он её любит. У них тёплые отношения. По-настоящему.

– То, что Димка родился, не сказалось?

– Димка – наш сын. Он и его, конечно, любит. А Маша – дочь. Что тут странного?

– Нет, ничего. Я просто волнуюсь.

– Это хорошо. Но тут ты зря напрягаешься. Миша – очень хороший отец.

– Я плохой. Я помню.

– Дело не в этом. Просто он – хороший. А ты – сам по себе. Ты – другой. Разве ты всё время то-скуешь или страдаешь без Машки? Разве от этого пьёшь? Честно!

– Ты же знаешь, что пью не от этого. Знаешь, что страдаю. И знаешь, что не всё время. Нельзя жить и бесконечно страдать. Лучше застрелиться тогда.

– А Машка счастлива! Так радуйся за неё.

– Я радуюсь. Просто хотелось быть как-то ближе с этой своей радостью.

– Всё в твоих руках.

– Ладно... Тут я так прикольно еду. История – дичь полная. Сам не могу поверить. Пошёл брать интервью у болгарского экзерсиста, который оказался турецким экстрасенсом и астрологом. Типа, давно ждал встречи со мной. Знал мой день рождения. Какое-то поклонение волхвов приплёл... Короче, не поверил бы ни на грош, но он реально зовёт в меня в Турцию. За его счёт. К своему гуру.

– Ну, езжай... Ты же всегда считал, что у тебя есть какое-то предназначение. Может, это оно?

– Может. Только смешно всё. И интересно... Я приеду – расскажу.

– Обязательно.

9

Кирилл ждал у аэровокзала. Турция прилипла ко мне плотной, зримой жарой сразу при выходе из его прохладных, лёгких от света помещений. Эта страна была такой же густо-влажной, как усы таможенника, приклеившего мне за двадцать долларов марку в паспорт. Я немного постоял у входа, привыкая, сживаясь с впитывающейся в мою кожу Турцией.

– Жарко? – спросил Кирилл.

– Клейко, да.

– Влад ждёт вас.

– Необычное для турка имя.

– Так его назвал тот, кто пришёл с Сириуса. Он сказал, что это его подлинное имя, космическое.

– В каком смысле?

– Садитесь, – Кирилл ткнул брелоком с сигнализацией в сторону стоявшего невдалеке «Фиата».

– Я поясню по дороге. Ехать долго.

Турция была серой. Пыльно-серой, местами до грязной белизны. Дома, те в которых жили турки, а не отели, казалось, из этой пыли вылепили. На их фоне «паласы» и «караван-сарай» смотрелись смешно, игрушечно: будто их специально отмыли для европейцев. Зелень вдоль дороги выглядела сухой, и даже пальмы напоминали украшенные декором столбы... Впрочем, ближе к горам природа поменялась. Зелень выскочила нам навстречу, вклинилась в пыльный пейзаж, раздвинула его, опрокинула и окончательно заняла всё вокруг.

– Здесь было море, – рассказал Кирилл. – От тех мест, где оно сейчас, вода простиралась на тридцать километров. Потом сюда пришла пустыня.

– Я слышал, это были богатые места.

– Торговый и культурный центр Малой Азии. Эфес был третьим по величине городом Европы. Это при римлянах, при греках. А ещё раньше тут жили лидийцы, вавилоняне. Глубокая история.

– Теперь турки.

– Да. Они собой всё это накрыли. Пришли лавиной и накрыли. Хотя не они первые пришли. Турки – народ относительно новый. Сельджуки были лишь его малой составной частью.

– Так что насчёт звёздного имени? Как это понимать? – решил я вернуться к начатой теме.

– Того, кто прилетел к нам с Сириуса, зовут Альрис. Он вместе с командой изучает Землю. Устанавливает контакты. Ведёт беседы. Один из таких контактёров – Влад. Альрис сообщил ему, что он с Сириуса. Что много веков назад Влад совершил преступление, и его отправили в ссылку на Землю. У него были разные жизни, и в них он искупал свою вину. Эта его оболочка – последнее воплощение. Срок окончен, и он сможет вернуться на родину. Альрис готовит его к этому. К тому же он просит Влада донести некоторые мысли до людей, чтобы сделать землян лучше.

– Не понял. Тут что: мы все заключённые? Кто с Сириуса, кто ещё откуда?

– Очень много заключённых. Очень. Правда, есть и туристы.

– Как понять?

– Очень просто. Они работали на других планетах. Заработали себе отдых. Им его предоставили. Они отдыхают.

– Какие-нибудь миллионеры?

– Да. Есть среди них и миллионеры. Впрочем, не всё так прямолинейно понимают отдых. Некоторые люди предпочитают в отпуске мучить себя восхождением на гору или преодолевать страх, прыгая с парашютом. Поэтому экстремальное воплощение – тоже вид туризма.

– А есть среди нас самостоятельные, что ли, души? Не туристы, не заключённые?

– Да, конечно.

– А они откуда?

– Это сложный вопрос. Долго объяснять. Думаю, Влад вам всё расскажет. Впрочем, не это самое важное. Вас ждёт один сюрприз.

– Какой?

– На то он и сюрприз.

– А что вы знаете обо мне?

– Это и есть сюрприз.

– Вы так хорошо говорите по-русски.

– Я учился пять лет в Москве. Последние годы выступаю много в России.

– Кстати, о вашем выступлении. Что это были за... дымы?

– Мёртвое и живое заклятия. Для большинства они невидимы. Вы – видели, это хорошо. Это важно! Мёртвое заклятие жжёт тёмные сущности внутри нас. Живое – помогает светлым пробудиться.

– Когда туман дошёл до меня, стало казаться, словно во мне две личности, независимые от меня, ведут диалог.

– Неужели? – Кирилл присвистнул. – Всё так явно?.. Ваше наблюдение абсолютно точно. Вы сами стоите на границе того открытия, которое сообщит вам Влад.

– Он знает, кто говорил внутри меня? – мне стало как-то жутковато.

– Да, знает. Скоро будете знать и вы.

Мы сидели в холле отеля. Огромный, болезненно полный Влад постоянно улыбался, перебирая ногами, что-то бормотал. Кирилл кивал ему. Переводил:

– Это очень важно... Вы должны знать. К нам обратились люди... Они представляют одно из направлений буддизма. Живут в Тибете. И у них случилась беда. Очень серьёзная беда. Что-то там не заладилось в распределении сущностей из Кувшина Жизни, и больше тридцати лет назад они потеряли Далай-ламу... Он умер, и должен был воплотиться в одной из провинций Тибета. Монахи сопровождали сущность Путём Теней. Совершали обряды из Книги Мёртвых. Всё шло привычно... Но потом что-то разладилось. Они потеряли душу Далай-ламы в Коридоре Сумрака... Она ускользнула. И они не смогли повлиять на новое рождение Учителя. Он родился совсем не там, где ему полагалось. Более того, долгое время они даже не знали, где искать его... Они обратились к нам. И мы помогли монахам. Мы нашли вас... Он – это ты.

– Я?.. – сначала мне стало как-то неловко. Я подумал: «Как неудобно, люди растратились на меня из-за путаницы». – Это ошибка. Абсолютная. Я совсем другой человек.

Кирилл перевёл. Влад улыбнулся ещё шире, задвигал плечами, словно стараясь вывернуть руки из огромного слоя жира, завалившего их. Ответил:

– Здесь нет ошибки. Это подтвердил и Альрис с Сириуса. Мы нашли тебя, хвала Всевышнему. Ты – тот, кого искали монахи. Ты – Далай-лама.

– Я никогда не слышал о чём-то подобном... По-моему, Далай-лама благополучно живёт где-то там в Азии.

– Есть несколько Далай-лам. Кто из них Истинный Учитель, не ответит сейчас никто. Теологи стараются придерживаться негласной версии разделения сущности Великого Будды. И каждый лама – крайне ценен. Он никак не может быть утерян. Без звена – нет целого.

– Положим, что это не ошибка. Во мне его сущность. Но с практической точки зрения, что это даёт?

– Ты когда-нибудь ощущал в себе сразу несколько личностей?

– Да.

- Это должно помочь тебе осознать истину... С тобой могли случаться и другие странные вещи.
- Бывает. Воспоминания. Мысли. Словно, не от меня... Думаете, всё-таки я – это он?
- Здесь нет сомнений.
- Ну ладно, а что из такой информации вытекает? Я должен ехать в Тибет? Или монахи придут ко мне? Что делать-то?
- Никуда больше ехать не надо. Достаточно преобразовать жизнь твоей телесной оболочки под её внутреннюю сущность.
- То есть?
- Ты рано или поздно умрёшь. Твоя душа должна быть наполнена светом, чтобы монахи смогли увидеть её в Коридоре Сумрака и привести Путём Теней к новому рождению.
- Вы что, предлагаете мне принять буддизм?
- Нет., – Кирилл засмеялся. – Принимать буддизм не обязательно! Чистота не зависит от избранного пути.
- А как?
- Ты просто должен изменить свою жизнь. Полностью. За этим ты здесь. Ведь я мог сказать всё это тебе в твоём городе. Но тебе нужно преображение. А это особое место... К тому же Альрис и Влад будут помогать тебе.
- Как?
- Внутренне... Сейчас иди. Вот деньги. Съезди в город. Посмотри Турцию. Ты должен осознать то, что услышал.

Я кивнул. Такое, действительно, надо было осознать.

В отеле я договорился об аренде машины. За 50 долларов мне дали на два дня серебристый компактный «Фиат». Вечером его приборная панель с мягкой уютной подсветкой напоминала мне детство, когда мы сидели в темноте у радиолы «Вега», вслушиваясь во «вражеские голоса», которые капали из такого же нежного света и казались от того вовсе не вражескими, а домашними, совсем своими, из соседней квартиры... Наверное, так светится любая панель в машине, но мне все казалось особенным. И сам новенький манёвренный «Фиат», и словно идеальные, до скользкого ровные дороги на автобане... Я выжимал из машины всё, что позволял двигатель – где-то 180 – обгоняя одно авто за другим, и чувствовал, как тёплый шар смешанной радости и напряжения поднимается от сердца к горлу.

На скорости всё меняется. Жизнь вжимается в точку впереди машины. Ты мчишься к ней, тянешься, вжимая ногу в педаль, и чувствуешь – ещё чуть-чуть и нечто войдёт в тебя. Нечто, что заполнит всё твоё существо, сделает бессмысленными вопросы и ответы...

Я поехал к морю. В паре городов, которые были на пути, я немного покружил по улицам, глядясь в лица и дома. Что-то похожее и родственное проскальзывало в них, но всё равно они были неуловимо чужими. Мне бы не захотелось видеть их каждый день...

По дороге я остановился у озера. Перебежал по большим скользким камням, напоминавшим панцири черепах, покрывшихся от старости слизью, и, раздевшись, прыгнул в воду. Она была солёной, как суп у влюблённой домохозяйки. И ещё вода была мягкой, тёплой. Я проплыл метров десять и помахал рукой авто, мчавшемуся мимо и посигналившему мне. Думать ни о чем не хотелось. Всё путалось. Никаких голосов или внутренних подсказок не звучало. Я был сам собой. Больше никем...

В море я купался минут тридцать, после чего двинулся в обратный путь. Море было грязным, и, по сравнению с озером, совсем неинтересным: песок и многочисленные водоросли, неглубокая вода пляжа, хлопья растрёпанной бумаги, качающейся на волнах – всё это вызвало лишь отторжение и даже брезгливость.

На обратном пути я снова залез в озеро...

К ночи я вернулся в отель и, заказав себе в баре бутылку вина, отправился в номер. Я заснул, даже не допив. Сказалось напряжение...

Ночью мне снился апостол Филипп. Он улыбался и приглашал меня к себе в гости. Я обещал прийти...

– Это вещий сон, – пояснил Влад, когда мы опять встретились. – Я просил моего друга с Сириуса помочь тебе. Может, это был он. Может, сам Филипп... Ты же знаешь, его распяли в этом городе?

– Да.

– Это особое место. Когда он умирал, произошло великое землетрясение, которое наказало его обидчиков. А ещё здесь был храм великой Ехидны. Апостол умертвил чудище. Но с тех пор в этих местах очень много змей. Говорят, в них живёт душа той Ехидны.

– Я боюсь змей.

– Тебе придётся преодолеть страх.

– В смысле?

– Я имею в виду обряд очищения, который ты должен пройти...

– Какой ещё обряд?

– Ты же хочешь обратиться к новой жизни?

– Во-первых, я ещё не решил. Во-вторых, что это за обряд?

– Тишина и вода. Вот и всё.

– А причём здесь змеи?

– Тишина даруется в стенах храма, который был воздвигнут на месте распятия апостола. Но про змей – это на всякий случай. Просто, там они встречаются. Но они сами боятся людей. Так что, если громко ступать по камням, они расползутся раньше, чем ты их увидишь.

– А что это за обряд тишины?

– Ты просто сядешь вечером в храме и будешь слушать. Себя, храм, мир... Потом спустишься и утром омоешь себя в бассейне Клеопатры. Вода там – кровь земли. Она очистит тебя.

– И начнётся новая жизнь?

– Да.

– Я бы хотел поподробнее с этого момента... Я что, и пить перестану? Перестану без разбора общаться с женщинами? Забуду о Чечне? В чём будет моя чистота?

Влад заулыбался, задрожал телом, когда Кирилл перевёл ему мои слова.

– Всё не так прямо, – ответил он мне. – Ты будешь делать только то, к чему ведёт тебя сердце. Обряд же призван очистить сердце. А оно тебя не обманет. Ты всегда будешь знать: верно ли ты поступаешь или нет...

– Ну, не знаю... Когда идти в храм?

– Сегодня вечером.

У подножья горы Кирилл совершил надо мной обряд: окутал голову уже знакомым мне белым дымом, от которого слегка закружилась голова. Потом дым развеяло ветром, и Кирилл начал читать молитвы. Язык был как бы и знакомый, и непонятный. Меня стало клонить ко сну, и я несколько раз закрыл глаза...

Кирилл потряс меня за плечо:

– Пока не спи! Тебе ещё надо взойти на место... Вот, держи, выпей этот чай! Выпьешь на вершине. Он придаст тебе сил.

Я понюхал. Из термоса густо пахло цикорием. Кивнул Кириллу:

– Надеюсь, змеи меня не тронут.

После этого я пошёл вверх.

Большая часть пути оказалась дорогой, некогда вымощенной огромными камнями, а теперь развороченной, словно выпотрошенной. Но, даже прыгая из стороны в сторону по камням, можно было считать, что ты идёшь по мостовой. Быстро темнело, и мне стало страшно. Я оглянулся: Кирилл махал мне рукой... Незнакомая страна. Незнакомые люди. Абсолютно странное место со змеями. И я прусь туда на ночь глядя. Абсурд! Я понял, что прежде всего мною движет даже не любопытство, а стыд показаться невежливым и своего рода желание «отработать» приезд перед этими людьми... Впрочем, даже если так, то самое худшее во всей ситуации – это змеи. Остальное – даже интересно... В конце концов и змеи не так уж пугали меня. Я колотил подошвами по камням почти на каждом шагу и не встретил ещё ни одной «дочери Ехидны»... Если уж подумать, не каждому в жизни довелось ночевать в разрушенном храме в Турции да ещё на горе, где распяли апостола! В конце концов – это воспоминания на всю жизнь!.. Да и вся эта история с Далай-ламой очень интересна. Она многое проясняет. Просто мне не нравилось, что, по сути, на меня накладывалась какая-то чуждая мне ответственность... В то же время, если они хотят очистить мне сердце, пусть... что ж...

Последние метров сто пришлось карабкаться по камням почти на четвереньках. Впрочем, весь подъём занял всего минут двадцать.

Я был в храме, когда темнота ещё не стала полной, и я мог различить внизу Кирилла, который, увидев, что я добрался, не спеша пошёл в отель.

Я обошёл разрушенную церковь. Сохранились невысокие, метра в два, стены. Земля вокруг красного цвета. По легенде, как рассказывал Кирилл, её окрасила кровь Филиппа, которая впиталась, в назидание потомкам, в эту гору и её камни. Я погладил стену – ей больше полутора тысяч лет. Всегда любопытно, когда прикасаешься к чему-то, что пережило не просто человеческую жизнь, а десятки поколений. Словно ощущаешь намёк на нечто, разрушающее твои привычные представления о времени и жизни... Плотные мощные камни. Красивый вид с горы. ... Я присел на землю, постучав ногами посильнее, раскрыл термос и выпил ещё горячий напиток...

Мелькнула тень. Я даже не успел испугаться. Я понял, что засыпаю, и, закрывая глаза, засмеялся: «Подмешал чего-то, Кирюха, в чайк»...

... Снег быстро вёлся в землю. Ещё ноябрь, и хотя зима только на подступах, её хорошо видно. Налетала пару раз вьюга, засыпала всё за ночь. Утром белизна расслаивалась, текла под ногами, превращаясь в холодную едкую грязь, но что-то уже зацепилось, вгрызалось в землю под большими деревьями, под ветками кустарника, сплетёнными до хруста. Стояла тоскливая погода, когда сумрак почти не отпускает от мира ночь, лишь формально давая вылупиться блеклому солнцу.

Что-то неприятно знакомое ворочается в душе, словно увиденное и испугавшее ранее, возвращается с этой погодой ко мне. Кажется, ещё шаг внутрь этого сумрака и реальность расступится, я провалюсь совсем в нечто другое, ещё более тоскливое...

В конце аллеи я вижу Машку. Рядом Рита. Она что-то объясняет на ухо дочери. Та вертит головой: не согласна. Рита грозит ей пальцем, но Машка всё равно крутит: нет, и всё тут. Я смеюсь. Они такие родные. Такие нужные мне люди. Я должен сказать им об этом. «Машка!» – кричу я. Дочка поднимает голову. Она видит меня и тоже смеётся. Я бросаюсь к ней, и сумрак густеет. Он вяжет, держит. «Это что, сон?» – удивляюсь я и проваливаюсь...

... Нет никакого храма. Просто трава, на которой я сижу. Внизу главная аллея Иерополиса. На неё когда-то вступили мы с Варфоломеем. Когда?.. Ещё утро. Солнце томно тянется вверх, накидывая колпак света на город. Но этот сумрак из аллеи и боль ото сна – зацепились за сердце. Грёзы часто приходят теперь ко мне. Стараются зацепиться и удержаться, но ветер времени сбивает их с меня... Время. Я давно потерял ему счёт. Да и что может знать о буре тот, кто не всплывает с глубины?..

... Опять морок. Снег сделал дыхание чистым. Забрал в себя слизкую ноябрьскую влагу. Осел у ног игрушечной ватой. Большая рыжая собака кувыркается в первых сугробах, носом вспахивает их, чихает и ловит снег языком...

Да ведь это сны! Я просто вижу чужие сны! Кто-то спит тут! Это человек. Зачем он здесь? Зачем пришёл на мою гору? Откуда он? Спит! Он спит! Быть может, он способен услышать меня?! И я... нет, я не хочу надеяться... но все же... вдруг он даже ответит мне?! Сон – особый дар душе смертного. За века никто и никогда не ложился спать на моей горе! Вдруг он услышит?

– Человек! – мягко окликнул я. – Кто ты, человеке?

– Апостол? Филипп?! – услышал я в ответ и испугался: он может проснуться. Он не должен понять, что это сон! Иначе его ждёт пробуждение! Господи! Спасибо тебе! Ты сжалился надо мной! Я услышал голос! Человек заговорил со мной!.. Но как он узнал, кто я? Кто мог пройти сквозь время и узнать, что я скитаюсь на этой горе? Кто? Только тот, кто знал о моей судьбе... Опять он. Искуситель. Он знал, какое обличье принять на этот раз... Нет! Неужели это всего лишь он?!

– Ты узнал?.. Странно. Ты слышал обо мне. Ты знал моё имя? Откуда?

– Как не знать твоё имя? Ты был распят здесь! Я хотел увидеть тебя во сне!

– Кто сказал тебе о моём распятии? Сколько лет минуло для тебя с тех пор?

– Ты не знаешь? Где-то две тысячи лет минуло... Но... но почему ты не в раю? Ты сошёл говорить со мной?

«Он глумится надо мной! Да, это он – Искуситель!».

– Сатана! Твои речи больше не смутят меня. Твои обличья не обманут... Признаюсь, я поверил вдруг... просто поверил... Да, ты жестоко посмеялся надо мной!

– Я посмеялся? И почему ты обращаешься к Сатане? Разве он тоже здесь?

– Ты – Сатана!

– Я?!! Нет!!! Филипп, мне сказали, что я – Далай-лама. Просто попал не в то тело. И я приехал в Турцию очистить душу. Для этого – я на этой горе. Кирилл дал мне какой-то напиток, и я уснул. Сплю и говорю с тобой... Но ты говоришь страшные вещи! Почему я – это Сатана?

– Ты человек?

– Не тебе ли лучше других видна моя сущность?

– Я лишь призрак, прикованный к этой горе. Призрак великого грешника!

– Грешника? Ты же апостол!

– Мне больно вспоминать об этом... Что ж, спустя две тысячи лет люди проклинают нас?

– Что ты! Вы святы!.. Но...но разве ты сам этого не знаешь?

– Нет. Века бегут сквозь меня. И я одиноко скитаюсь на этой горе. Таково наказание за моё прегрешение.

– Прегрешение? У ученика Христа?

– Христа! Ты слышал о Христе?

– Конечно.

– Ты слышал доброе?

– Только.

– Благодарю тебя, Господи! Господи! Я не зря страдал и терпел эти скитания!.. Учитель!.. Как прекрасно!

– Но за что ты наказан?

– За что? – я взглянул в берёзовую аллею, посмотрел на девочку, тянущую к этому человеку руки. – Это не рассказать. Слова не идут с моих уст. Ты увидишь... увидишь всё сам, человеке... Смотри же!

«Апостолу Филиппу выпал жребий – проповедь слова Божия в языческих странах Азии. Но прежде отшествия в эти края Филипп проповедовал в Галилее, где, однажды встретивши женщину, несшую на руках умершего ребёнка, сжалился над нею и воскресил умершего, вследствие чего женщина уверовала во Христа и была крещена апостолом вместе с воскресшим сыном её».

...Младенец хотел что-то сказать. Его глаза чуть дёрнулись и медленно открылись. Он совсем не кричал. Он внимательно смотрел на Филиппа, словно о чём-то собирался сказать ему. Но Филипп не хотел этого слушать. Этого не следовало говорить! Маленькие, слабые губы ещё не знали речи и лишь шевелились розоватыми с белизной червячками.

– Молчи! – закричал Филипп. Женщина затрясла головой и попятилась: – Ты видишь чудо Господне? Ты видишь?! Видишь! – он схватил её за плечи. – Не смотри на меня! Смотри на своего младенца! Смотри!

Она опустила голову и оступилась, осела:

– Жи-и-вой! Он живой! Люди! Он живой! – женщина вопила с радостью и ужасом.

Младенец закрыл глаза и закричал. Филипп отступил и изо всех сил втянул ноздрями воздух. Ему было надо успокоиться. Он подошёл к смоковнице и сел, стараясь не слушать, как кричит женщина. Она не волновала его. Только младенец. Его взгляд. Серый, грустный, сожалеющий взгляд. Словно младенец что-то понимал, недоступное Филиппу, и только что хотел поведать об этом. Он не должен был так смотреть... Филипп чувствовал, что ещё мгновение и слова покатались бы как слёзы из некрепких губ младенца. И он радовался, что не дал ему их произнести... Филипп отдышался и начал молиться... Сейчас придут люди. Ему будет нужна сила. Господи! Дай мне силы! Во имя твоё дай!..

...Стали собираться зеваки. Они разглядывали младенца, уже ревавшего во всю силу своих оживших лёгких, выхаркивавшего из них скопившуюся густую мокроту.

– Он же был мёртв! – вскричал кто-то.

– Мёртв! – отвечала женщина. – Совсем мёртв! Я несла хоронить своего сына...

– Его оживил этот? Тот, кто называет себя учеником мессии?

– Он!

– Он волхв!

– Волхв!! – закричали в толпе.

Филипп завершил молитву и встал. Сила была в нём.

– Вы видели чудо. Истинное чудо, которое даровано вам для обретения веры. Именем Господа призываю вас всех покаяться и креститься к новой жизни! Я крещу всех, кто уверует в нашего Спасителя Иисуса Христа. А те, кого крещу я, получают жизнь вечную! Тех же, кто отринет явленное ему чудо Божье и мою проповедь, постигнет гнев Господа!

– Разве положено людям вмешиваться в дела Божьи? Зачем ты оживил младенца? – спросил один из мужчин.

– Чтобы вы увидели чудо и уверовали в Господа...

– Да. Это чудо! – мать младенца улыбнулась ему. – Как зовут тебя?

– Филипп.

– Чем я могу отблагодарить тебя за своё спасённое дитя?

– Уверуй и крестись... Уверуйте и креститесь все! Здесь нет реки, но Господь даст нам реку небесную, – сказал Филипп. – Я крещу вас в ней во имя Иисуса Христа...

...Капли гроздьями рухнули вниз, умывая лица людей, сбивая с их душ грехи в грязь под их ногами. Грязь к грязи... Он положил ладонь на голову младенца. Тот не смотрел на него. И не плакал. Просто отвернулся и моргал, когда капли ударяли близко к глазам. Филипп размазал воду по его лицу и прошептал:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа! Я крещу тебя в этой небесной воде.

Младенец закрыл глаза, вздрогнул и заплакал. Захныкал, как обычное дитя. Филипп улыбнулся. Так и должно было быть.

10

«...Из Галилеи Филипп отправился в Грецию и, проповедуя там, творил много чудес, исцеляя больных и воскресив одного мертвеца. Это озлобило иудеев, живших в Элладе, и они послали на Филиппа донос в иерусалимскую синагогу, по которому прибыли книжники во главе с первосвященником и велели привести к ним на суд Филиппа».

– Я смотрю, тебе не хватает Иудеи, – первосвященник покачал головой. – Зачем ты приехал к просвещённым грекам? Для них ли твои сказки о воскресшем человеке, который якобы спас весь этот мир? Тебе мало наших крестьян и рыбаков?

– Ты слеп, – усмехнулся Филипп. – Ты не видишь истины, которая перед тобой. Твоя проблема в том, что ты слишком умён и горд своим умом. Тебе не хочется верить в ту истину, что дарована рыбакам и крестьянам. Тем более, если они сами говорят о ней. Ты горд тем, как стал близок к грекам, научившимся мять мысль как глину. Твоя гордыня ослепляет тебя.

– А ты полагаешь ум пережитком? Наверное, поэтому в твоём учении так многое не сходится? Ты проповедуешь чепуху, которая прельщает недоумков!

– Я проповедую крещение во имя Господа. Если ты так груб и неосторожен, что оскорбляешь Иисуса и его последователей, Бог может явить тебе своё знамение.

– Угрожаешь?

– Напоминаю.

Архиерей кивнул:

– Хорошо. Но скажи мне, если твой Иисус воскрес, зачем вы, его ученики, выкрали мёртвое тело из пещеры?

– Ложь! – Филипп улыбнулся. – Иисус воскрес, и ангел отворил камень в пещеру, где лежало его тело. А вы – фарисеи и книжники – подкупили стражу, чтобы она говорила, будто мы похитили тело.

Первосвященник кивнул:

– Значит, ангел... Хорошо. Может быть, я что-то не понимаю, но ответь: если твой Иисус был так силен, Господь так любил его, то почему дал умереть позорной смертью на кресте? Почему ангел не явился римским воинам, не прогнал их и не снял тело во славе? Странно. А где собственные способности Иисуса творить чудеса?!

Он обвёл жестом всю комнату, и люди сдержанно засмеялись. Они были слишком напряжены. Они боялись Филиппа. Боялись первосвященника. И молча слушали их спор, почти не улавливая слов, а лишь напряжённо следя за двумя сильными людьми. Первосвященник это понимал, и хотел их успокоить. Он не нуждался в диспуте. Спор был нужен тем, кто пришёл сюда, чтобы увидеть посярмление Филиппа. Тем, кто требовал суда над ним.

– Чудеса? Что ты понимаешь в них? – Филипп строго улыбнулся. – Я являл много чудес.

– Так ты – Иисус?

– Нет. Я его апостол.

– Ну, так это другое дело, – архиерей подошёл к нему совсем близко. Чуть втянул воздух рядом с его плечами. Сырой пот колот ноздри. Архиерей кивнул сам себе. – Чудеса творят и волхвы. И языческие боги... И Сатана...

– Что?! – Филипп рванулся вперёд, но его быстро схватили. – Что ты сказал? – кричал он.

– Ты слышал. Ты невежествен и зол. Ты пытаешься ударить меня. Это поведение истинного проповедника? Того, кто учит добру и смирению?

– Умён, – кивнул Филипп. – Ты умён... Прости меня. Ты прав. Я не должен был злиться на тебя. Ты просто погряз в своём невежестве. Мой гнев греховен... Господи, – Филипп поднял глаза. – Прости мне мой гнев. Этот человек оскорбил тебя и дела твои. Прости меня. Ты ведь сам решишь, достоин ли он наказания или нет. Мною двигала гордыня. Прости, – апостол поднял руки.

– Я рад твоему раскаянию. И всё же мне так и остался непонятен вопрос с чудесами. Ты можешь мне это объяснить. Нет? – спросил архиерей и тут же осел, как провалился вниз. – Что это? – крикнул он. – Что это? – Его руки заметались по воздуху. – Что случилось?

Люди зашумели и подались назад: лицо архиерея стало пепельно-серым, а вдруг ослепшие глаза судорожно крутили зрачками.

– Не надо, – попросил Филипп. – Зачем, Господи?

– Это он ослепил его! – крикнули в толпе. Несколько человек шагнули к апостолу, но тотчас с криком упали на землю, прижав руки к лицам.

– Не надо! – закричал Филипп. – Не ведают они, что творят! Прости их, Боже! – он рухнул на колени. – Столько раз являл ты чудо своё. Так яви его ещё раз и милостью своей верни им зрение! Умоляю, Господи!

– Он пророк! Он говорит с Богом! – один из иудеев бросился к Филиппу, стал целовать его ноги.

– Прости нас! Мы примем твоё учение! Крести нас! – Апостол увидел, что люди опускаются на колени.

– Не смейте! – закричал ослепший архиерей. – Разве не понимаете, что совершаете богохульство! Это же ложь! Всё, что он говорит – ложь! Как может его Бог добра и любви превращать нас в калек за то, что мы не хотим следовать за ним? Иудеи, отступитесь! Одумайтесь! У нас один Бог. Живите и умрите с ним!

– Умрите? – простонал издалека чей-то голос. – Умрите? Кто здесь окликает смерть? – Люди закричали, потому что задрожала земля.

– Боже! Боже! Умоляю тебя! – Филипп ударил лбом об землю, и его кровь каплями разбрызгалась в пыли. – Не надо! Я знаю, ты имеешь силу великую! Не надо! Они всё поняли! Они примут тебя, Боже!

– Мы каемся! Мы хотим креститься! – кричали иудеи. – Филипп, крести нас скорее!

Земля взбугрилась, перекатываясь, словно огромный червь скользил под её покровом.

– Кто здесь кликал смерть? – тоскливый голос был совсем рядом.

Архиерей молча молился. Его слепые глаза, как потеряв равновесие, продолжали ходить кругами.

– Прости их... – рыдал Филипп.

Что-то всхлипнуло. Потом раздался чавкающий звук, и архиерей исчез. Бугры вновь пробежали по земле и осели.

– Крести нас, Филипп! Крести скорее! Мы верим тебе! – стонали иудеи.

Апостол кивнул. Стирая слёзы и кровь с лица, он встал и протянул к людям руки:

– Именем Господа нашего Иисуса Христа....

«В Лидии, области Малой Азии, присоединился к нему св. апостол Варфоломей, и оба апостола пришли в один город соседней области Фригии – Иерополь. Жители этого города никогда ещё не слышали о Христе и поклонялись идолам, которыми Иерополь был переполнен. Там стояло капище, в котором поклонялись Ехидне. Эту гадину считали божеством, многочисленные жрецы служили ей, а суеверные жители приносили дары и жертвы. Святые проповедники молитвою обличили ложь и суету такого поклонения».

Жрецы велели схватить их.

– Кто из вас Филипп? – спросил высокий человек с коротким копьем, на шее которого висел золотой обруч в виде змеи. Он остановил их у самых городских ворот, там, где Иерополь переходил в огромное кладбище, славящееся своими роскошными склепами на всю Малую Азию.

– Я, – ответил апостол.

– Она ждёт тебя. Второй не будет к ней допущен.

– О ком ты говоришь с нами?

– Её имя – Василиса. Царица.

– Ехидна? – Варфоломей удивлённо посмотрел на Филиппа. – Я думал, это вырезанное из дерева изображение. Разве она существует?

Человек махнул копьем, и из-за деревьев к ним подступили люди в лёгких доспехах:

– Они проводят тебя, Филипп. Богиня будет говорить с тобой. Помни – это честь. Так что будь с ней вежлив. Впрочем, – он усмехнулся, – ты будешь... Ты же, юноша, жди у храма.

– Значит, я не буду с тобой? – огорчился Варфоломей. – Не увижу, как поразит чудище гнев Господа?

– Ты ещё сам не раз обрушишь гнев Господа на дьявола. Всему своё время, – потрепал его по плечу Филипп. – Чудеса будут доступны и тебе. Просто должна вырасти твоя вера.

– Я молюсь об этом. Постоянно молюсь. Я мечтаю увидеть, как мои чудеса обращают тысячи людей к истинной вере!

– Это будет. Обязательно.

Они прошли через весь город: сначала аллею, потом минули площадь, обогнули театр, и, наконец, подошли к капищу. Сложенное из огромных каменных блоков здание свернулось кольцами змеи на вершине ярко белого холма.

Высокие тяжёлые двери чуть приоткрылись под усилием десятка воинов, и жрец подтолкнул Филиппа в спину:

– Иди.

Как только апостол нырнул в щель, на дверь надавили. Свет за спиной исчез...

Было влажно и тепло. Убаюкивающе тепло. Как тогда, в Гефсиманском саду. Он так до сих пор и не понял, как сомкнулись у апостолов глаза. Всем им было потом невыносимо стыдно. А Иисус сидел рядом, и слёзы бежали по его щекам. О чём Он плакал? Никто так и не спросил тогда...

– Змея! – позвал Филипп. – Я знаю, что ты рядом и слышишь меня. Ты думаешь, я боюсь тебя? Мне не страшно. Слишком многое видел я. Я забирал жизнь и возвращал её. Господь всегда за моей спиной. Ты не испугаешь меня. Покажись.

– Я здесь, – ответил голос. – Ты не боишься меня, я вижу. Но ты ошибаешься. В этом храме за твоей спиной бога нет.

– Вот как? – Филипп улыбнулся и пошёл вперёд, к свету, пробивавшемуся в небольшое окно наверху огромной комнаты.

Краем взгляда он заметил, что в темноте нечто движется сбоку от него: Ехидна скользила рядом. И прежде чем Филипп дошёл до света, оно заслонило его, и тьма кинулась ему навстречу... Два огромных, зелёных глаза. Он не мог не признать их красоту. Они нависли над ним. Ему вдруг захотелось протянуть руку и погладить змею. Рука дёрнулась, но Филипп усилием воли убрал её и прошептал молитву...

– Кому ты молишься?.. – тоже прошептала Василиса.

– Я молюсь моему Господу. А не ты ли та змея, что соблазняла Адама и Еву? Не ты ли искуситель, о котором говорит нам Завет?

– Нет, – похоже, змея смеялась. Её глаза нырнули вниз, и она устремилась к свету. – Это не я. Хотя это вполне мог быть кто-то из моих прародителей. Я родилась позже. В те времена, когда ангелы сходили на землю и спали с земными женщинами.

– Ангелы?

– Ты забыл? Об этом тоже рассказывает Ветхий Завет. Они были мужчинами и спали с женщинами. Ангелы были любвеобильны.

– Всё-таки ты – искуситель! Господь мой...

– Подожди, не трать время на разговор с тем, кто не слышит тебя.

– Что?! Что ты говоришь?! – Филипп задохнулся от возмущения. – Господь слышит каждое моё слово! Каждый мой вздох по его воле!

– Так ли? А мой? – Змея выползла на свет и свернулась кольцом. Её голова была больше головы крупного льва, но это была голова прекрасной женщины. – Ты удивлён? Ты никогда не встречал богинь? – Василиса расхохоталась. – Так что там про господа? Слышит ли он мои слова? Мои вздохи? Вздохи той, что породил один из его ангелов?

– Твой отец – ангел?

– Это было так давно. Его плоть давно мертва. Судьба героя. Я даже горжусь, – она улыбнулась. – Нет, правда... У тебя, кстати, тоже есть повод для гордости. Ты был рядом с Иисусом.

– Ты хочешь вести со мной богословский спор? Или будешь оскорблять моего Господа? Я думаю, его гнев ответит на все твои змеиные вопросы, – Филипп поднял руки. – Призываю силу твою, Господи...

– Подожди, – Ехидна кинулась вниз и обежала кольцом апостола. – Подожди, человек. Я позвала тебя, потому что хотела предупредить об опасности.

– Опасности? – апостол рассмеялся. – Мне кажется, что сейчас опасность – это ты.

– Ты шутишь? Это хорошо. Но то, что я скажу, не будет для тебя смешным.

– Набиваешь цену своим словам? Если решила, говори.

– Филипп, тебя убьют люди, к которым ты пришёл с проповедью. Глупец! Глупец! – змея взвилась вверх.

Её кожа, маслянисто сверкавшая, вдруг ощерилась огромными шипами, вырвавшимися наружу. Они с силой ударили в дверь, и та распахнулась. Жрецы кинулись внутрь...

...– Призови гнев Господа! – вскричал Варфоломей. – Филипп! Призови его силу!

Филипп молчал. Он молчал всё то время, когда взбесившиеся жрецы связывали их и избивали. Молчал, когда судил их за волхование градоначальник. Молчал, когда его руки и ноги приколотили гвоздями к кресту напротив дверей храма Ехидны...

Филипп свисал вниз головой, а обезумевшие от злости жители Иерополя кидали в него камни. Всё это время апостол не издал ни звука. И тогда Варфоломей сам призвал гнев Господа.

– Не смей! Они не ведают, что творят., – из последних сил прошептал Филипп, но его слабый голос вдруг потонул в грохоте: храм Ехидны треснул и развалился на куски.

Люди в ужасе бежали прочь. Земля вздрагивала и словно бы удовлетворённо похрюкивала, втягивая в себя градоначальника, жрецов, горожан... Гнев Господа обрушился на них. В этот миг Филипп выдохнул последний раз.

Потом он увидел Его Глаза. Он их узнал. Они были печальны...

...Я проснулся. Солнце едва вытянулось из-за горизонта, но пока ещё не разгорелось в полную силу. Я встал на колени и перекрестился. Затем подошёл к стенам храма и коснулся их рукой.

– Если слышишь меня, Филипп, то знай: твоя боль и мучения не стали напрасными. Твоя душа по праву стала святой, и, уверен, Господь принял её к себе. Ты достоин счастья, – я ещё раз перекрестился и пошёл вниз.

В отеле у бассейна Клеопатры ещё никого не было. Только густые тёплые струи, наполненные тысячами пузырьков, шуршали, вливая свежий сок земли. Я разделся и спустился в воду. Жаркая влага нежно вжалась в тело. Пузырьки, щекоча, заскользили по коже. Я шёл осторожно: на дне лежали развалины древнегреческих колонн и статуй – вода, время и тысячи ног сточили остроту осколков, задрапировали их слизкой плёнкой. Там, где дно уходило резко вниз, я лёг на воду и поплыл. Она игриво льнула, щекотала лицо. Пузырьки гроздьями цеплялись к телу и висели на нём, как рыбы-прилипалы, потом отскакивали, чтобы уступить место другим. Я заплыл в самый дальний и глубокий коридор бассейна, отростком уходящий в сторону. Там под водой был виден какой-то ход, закрытый решёткой со старым, зелёным от времени замком. Я видел с мостков этот ход, и мне очень хотелось заглянуть внутрь...

Набрав воздуха, я нырнул. После нескольких мощных движений руками и ногами, я открыл глаза: прямо в лицо мне смотрела змея. Обвив крайний к стене прут, она тянулась в мою сторону. Я замер. Я подумал, что всё увиденное мной ночью нашло свой логический конец в этом бассейне: я узнал слишком много.

Я лишь успел испугаться за родителей, которым сообщат о моей нелепой смерти в тысячах километрах от них. Успел вспомнить Влада... Лишь потом понял, что змея не движется. Зелёные глаза смотрят внимательно, но она не укусит. Никогда и никого. Она сделана из камня.

Я выдохнул и рванулся вверх. Глотнув воздуха, я расхохотался.

– Ты счастлив? – спросил Кирилл. Он стоял на мостике и махал мне рукой.

– Да, – сказал я. – Теперь всё изменится... Ты слышал что-нибудь о Василисе?

– Нет.

– Я встретил одну из её дочерей... Скажи Владу, что теперь всё будет хорошо. Я в это верю.

Он улыбнулся и протянул мне полотенце.

11

Я вернулся домой. Что-то во мне, в самом деле, изменилось. Словно протёрли мутное стекло, через которое я смотрел на мир до сих пор. Кстати, именно окно стало моим любимым местом. Я сидел у него часами, рассматривая идущих по берёзовой аллее людей, наблюдая вываливающийся из набухшего неба дождь. Он частенько этим летом освежал плотную зелень листьев. И мне казалось, что он смывал слой за слоем пыль и грязь с моего сердца.

Мы встретились с Ленкой, но внутри у меня всё давно стихло насчёт неё, а лгать больше не хотелось. Я рассказал ей о Турции, и о том, что, похоже, теперь всё изменилось между нами и стало на свои места.

Она кивала и плакала.

– Итак, я не нужна тебе?

– Ты сама знаешь. Я очень хорошо отношусь к тебе, но... Стоит ли вымучивать наши и без того неуклюжие отношения?

И я остался один. Конвейер женщин в моей постели остановился, но, как ни странно, я не мучился от этого. Сказалось, наверное, и то, что я без всяких проблем бросил пить, точно забыв об этом. Я ощущал в себе частичку того времени, когда жил Филипп, когда жил среди людей Спаситель... Она попала в меня там, на горе... Ветром занесло... Как зёрнышко... И оно прорастало.

На днях мы проводили на пенсию Николая Сергеевича. Никто из нового руководства даже не пришёл поблагодарить его и пожать Коле на прощание руку. Молчаливый и какой-то героически строгий, он словно опять стал подводником, и ему предстояло навечно лечь на дно у вражеского берега на такой глубине, где тебя никакими эхолотами не услышать. Через месяц я узнал, что он устроился охранником в Дом актёра.

Через несколько лет он погибнет: глыба воронежского снега рухнет на него в конце невиданно снежной зимы...

Недавно позвонила Рита. Она спросила, как я? Я рассказал обо всём. И о Турции. И о Филиппе. И о змее в бассейне Клеопатры. Лишь умолчал, что я сильно изменился... Она почувствовала сама. Рита призналась, что устала от Миши с его бизнес-партийными проблемами, похожими на возню под ковром. И, наверное, уйдёт от него и уедет к маме, но перед этим хочет, чтобы я увидел Машку...

...Я увидел их в аллее. Был конец ноября. Едкий холод вползал под одежду, под кожу. Машку уже одели в зимнее. Ей не было зябко. Рядом шла Рита. Она что-то тихо объясняла дочери. Та вертела головой: не согласна. Рита погрозила ей пальцем, но Машка всё равно отмахнулась: нет, и всё тут! Я улыбнулся. Они такие родные. Такие нужные мне люди. Я обязательно должен сказать им об этом. «Машка!» – крикнул я. Дочка подняла голову. Увидела меня и засмеялась...

Где-то я уже видел это?..

Они дошли до меня, и дочка кинулась мне на руки. Мы долго бродили по парку. Потом пришли ко мне, и пили чай с тортом. Потом Машка уснула... Мы целовались и целовались...

– Я вернусь к тебе. Ты хочешь?.. – сказала Рита.

Само собой, я ответил «да».

Миша встретил меня на выходе из телерадиокомпании. Он стоял у своего великолепного мраморно-чёрного «Хаммера», прикрыв голову капюшоном от сильного снега. Но я узнал его, подошёл:

– Меня ждёшь?

Он кивнул, позвал жестом в машину. Внутри вытащил бутылку коньяка, протянул мне как гранату.

– Не хочу... – отказался я.

– Ну, да... ну, да... Перерожденец... А я выпью... Я не виню тебя. Не виню. Кто ты в этой истории? Кто? Лишь пешка... Просто я хочу, чтобы ты знал, что ты пешка. Чтобы ты не мнил себя королём, – Миша засмеялся и сделал мощный глоток. – Да. Трудно это рассказывать. Даже жалко... Но ведь тебе меня не жалко?

Я пожал плечами.

– То-то... А что мне жалеть тебя?.. В общем так... Однажды Рита пришла ко мне и сказала: надо сделать для него невозможное. Он спивается. Гибнет на глазах. Он должен обрести смысл жизни, которого я лишила его своим уходом. Помогите ему! И я позвонил этому болгарскому шарлатану из Турции. Дал ему все твои данные. Они разработали сценарий. Я утвердил его. Отстегнул им немалое бабла на гонорары и оплату всего этого мистического шоу. Две тонны зелени: проезд, гостиница и, так сказать, суточные. Ещё пять – их услуги. Дорого стоят, сволочи... Вот такая была у тебя бесплатная поездка в Турцию. Зато всё было качественно организовано... Они ведь не надурили меня, правда? Ты ведь поверил им, Далай-лама?.. Или Будда? Как Вас теперь называть?!

... Каменная змея вдруг ожила и скользнула под водой ко мне. Её жало болью вошло в моё сердце.

Но мир не рухнул. Я после Мишиных откровений даже не запил, хотя все вокруг на этот счёт основательно беспокоились за меня и суетились. Я лишь искренне улыбался их волнению, и не понимал его...

А спустя несколько месяцев мне пришло письмо – «Воронеж. Далай-ламе». И мой адрес на конверте. Грубый пергамент почти плетёной бумаги, незнакомые марки с иероглифами и красные штампы, чуть поблёскивающие дорогие чернила.

«Мы узнали о твоей истории, – говорилось в письме. – И поражены, как показательна она по своей сути. Что есть реальность? Что есть иллюзия? Что придумываем мы? А что лишь озвучиваем, ощущая присутствие истины и не находя её... Ты задавался вопросом: кто ты? Ты получил ответ. Ты нашёл гармонию, но потом усомнился в ней, так как люди солгали тебе. Помни же: огонь можно внести в дом, а можно его там разжечь. Он будет одинаково ярок. Отбрось свои сомнения. Частичка Будды зажглась в тебе, и его уста коснулись твоей души. Осознай это вновь, просто заглянув внутрь, в твоё очистившееся от пены сознание. Ты знаешь, кто ты. Твоё сердце – ашрам. Твоя сущность – далай-лама. Мы, твои ученики и братья из Тибета, приветствуем тебя! Мы и миллионы последователей Будды ждут слов твоего сердца. Ждут от тебя нот мелодии Истины. Говори с нами! Мы ждём».

Неужели я действительно научился на той горе у разрушенного храма смотреть глубже тех волн, что бушуют на поверхности моря?.. Как бы там ни было, я верю, что добра так много, что наши грехи не исчерпают его. Не иссушат.

Добро никогда не победит Зло... Оно простит его.

Поэзия

Владимир Скиф

Скиф Владимир Петрович родился в 1945 году на ст. Куйтун Иркутской области. Служил на Дальнем Востоке в морской авиации. Окончил отделение журналистики Иркутского госуниверситета. Автор 29 книг. Победитель V Московского международного конкурса поэзии «Золотое перо-2008», победитель поэтического конкурса «Неизбывный вертоград» им. Николая Тряпкина, Лауреат Международных премий им. П. П. Ершова, «Имперская культура» им. Э. Ф. Володина, «Югра» за перевод «Слова о полку Игореве», Лауреат Всероссийских литературных премий: «Белуха» им. Г. Д. Гребенщикова, им. Николая Клюева, Лауреат премии издательского дома

«Российский писатель», Лауреат премии журнала «Наши современники», Лауреат конкурса одного стихотворения «Донбасс, Донбасс, земля моя, ты весь горишь в огне» в Петербурге за стихотворение «Бескрылый ангел», Лауреат конкурса им. Николая Денисова. Лауреат Большой литературной премии России. Академик Российской академии поэзии. Советник Губернатора Иркутской области по культуре. Печатался в Америке, Аргентине, Канаде, Болгарии, Венгрии, Сербии. Стихи переведены на сербский, венгерский, болгарский языки. Живет в Иркутске.

* * *

Я вижу неподвижные деревья,
Они смогли во сне захолонуть.
Весь в грёзах лес за спящею деревней,
Туда ведёт мой заповедный путь.

Слетают с неба хлопьями вороны,
Немеет дней осенних череда.
Пустеют лица и пусты перроны,
С пустых небес свисают холода.

Уже цветы упали в день вчерашний,
Пожухли травы, обмелела даль.
И сумерки бегут по чёрным пашням,
Как поздняя осенняя печаль.

* * *

Молчит сосна, молчит осина,
У леса – обнажённый вид.
И за околицей рябина
Бягряной ягодой кровит.

Но всё ещё восходит ярко
Сноп поднебесного огня,
И ярко-красная боярка
Иглою впивается в меня.

Спешу за осенью из лета,
Лечу вперёд или назад.
Как выстрелы из арбалета –
За мною ласточки летят.

БАЙКАЛ

И развернулся, расточил Байкал
Свои немислимые воды.
В нём столько глубины, донных скал,
И столько ветреной свободы.

В нём кочевали облака,
Из века в век свой дом искали,
И застревали на века,
Чтоб белой пеной стать в Байкале.

Бессмертные роились сны,
Шли волны, будто бы на дыбу,
И когти молнии-блесны
Кромсали тучу, словно рыбу.

И несмотря на битвы гроз,
В Байкале нежились бакланы,
И волн целебный купорос
Залечивал у тучи раны.

* * *

Спросонок выйду в молодую осень,
В ней золота и алости сполна.
Поёт синица или хлеба просит,
Подсолнуха ей брошу семена.

Ещё калитка в лето приоткрыта,
Малиной опадающей манит.
Дорога к солнцу в небесах прорыта,
Под ней Байкала синего магнит.

Ещё ничто не предвещает стужу,
На солнце сушит лапки иван-чай.
И почернел, как будто занедужил,
Торчащий у заплота молочай.

Ещё в Байкале радуга искрится,
Когда в затон моторка пробежит.
В пустом гнезде скукоженная птица
День уходящий будто сторожит.

Хотя и камень, и земля нагрета,
Я дров несу и крепкий чай варю...
В лесу прошла рябина мимо лета
И на прощанье запеклась в зарю.

МАРИНА ЦВЕТАЕВА

«Красною кистью рябина зажглась...»
Боли и крови – напробуюсь власть.

Выспрошу – Прагу, Париж и Москву,
Как и зачем я на свете живу?

С первой любовью – застыну в мирах,
Вызвездит небо – любимого прах.

Страха не видится. Душно – душе,
Но и она – затвердела уже.

Осень. Елабуга. Злая земля,
Где лишь – надёжною стала петля.

Море-Марина... Я выбрала мель.
Здравствуй, могила!

Прощай, Коктебель!

В ТАРУСЕ

С Цветаевой я встретился в Тарусе,
Она с цветами мимо дома шла,
Пришла к реке.

Там пролетали гуси,
Там Мур летел из дальнего села,
Где пал в бою, снарядом рассечённый,
И вот на юг летел, не умирал...
С ним чёрный гусь.

Наверно, Саша Чёрный,
Который с Муром маленьким играл.

Цветаева рванулась, опоздала
На небо крикнуть: «Мура береги!»
Рукой махнула, будто бы взлетала,
Кольцо упало у неё с руки.

А небо опустевшее синело,
Бессмертием тянуло от реки...
Цветаева в тот день окаменела
На берегу стремительной Оки.

КОКТЕБЕЛЬ

Я еду в Крым. Неужто я увижу
Волошина. Он ждёт меня пождёт.
С ним Пра сидит и рядом море дышит,
Где юная Цветаева поёт.

Я еду в Крым. Я буду там не вчуже.
Я там слонялся в бесконечных снах.
Вон Пра готовит запоздалый ужин,
Ахматова купается в волнах.

Свет киммерийский ниспадает с неба,
Поэтов-пташек раздаётся трель.
Здесь всем хватало воздуха и хлеба,
Здесь всех любил и помнил Коктебель.

И каждого без лишней канители
Волошин принимал и согревал.
Как лучший гость,
встречался в Коктебеле
Любой поэт и робость забывал.

Здесь каждый был удачливым и юным,
Живым, свободным, не убитым влёт.
...Стою и вижу: по песчаным дюнам
Волошин сквозь бессмертие идёт.

* * *

Мы разные, мы разные, мы разные.
Мы – серые, мы – белые, мы – красные.
В Гражданскую мы были рысаками,
Но только никуда не прискакали.

Война, как Молох века, полыхнула,
Навстречу нас друг другу развернула.
Достали мы винтовки и наганы,
Друг другу стали вечными врагами.

Мы разные, мы – чистые, заразные.
Мы – белые, зелёные и красные.
Как раньше мы друг друга окрыляли!
А нынче мы друг друга расстреляли!

Заботливо мы целились друг в друга,
Чтоб сбиться в центре солнечного круга.
Мы все убиты, но теперь мы – солнце,
У каждого на солнце есть оконце,

Откуда мы на грешный мир взираем
И никогда на солнце не сгораем.
Здесь нет зелёных, красных нет и белых,
Замёрзших нет и нет заиндевелых.

В одежде мы не ходим арестантской,
Мы все убиты на войне Гражданской...
Себя и вас мы вовсе не забыли,
Тогда зачем друг друга мы убили?

* * *

Рыдает цыганская скрипка
В байкальской моей стороне.
Ах, зыбкое время! Как зыбко
Мне плыть по житейской волне.

Срываться, как будто скрываться
По тёмным углам бытия.
Меж мной и тобой разрываться
И думать: где ты и где я?

Мне так неохота двоиться,
Свой облик искать вне себя...
И там, где двойник мой таится,
Там вдруг обнаружить тебя.

Ах, жизнь, ты такая поганка!
Весь век заставляешь страдать.
Быть может, поможет цыганка
Самих нас – в себе разгадать.

Какому такому тирану
Мы отданы были с тобой?
...Цыганка сердечную рану
Нашла и теребит струной.

Скорей погадай нам, цыганка!
Скорее печаль отними!
Но смотрят тиран и тиранка
Друг в друга, так смотримся мы...

...Забрезжит улыбка подранка –
Твоя ли, моя – в стороне...
Мы ждём, но пропала цыганка
Русалкой – в байкальской волне.

* * *

Стучусь в тебя, как в собственные двери,
Но ты закрыта, как в берлоге зверь.
Свидетельствую – вот они потери,
Стучусь к тебе, но ты закрыла дверь.

Не отвечаешь на мои вопросы,
Накинув ночь на плечи, словно шаль.
Вонзаешь нестерпимые занозы
В мою неистребимую печаль.

Как будто молвишь: – Неужели больно?
Ведь я-то мышка, ну а ты – гора.
Мне слышится из-за двери невольно:
– Забыл, как больно было мне вчера?!

Я с содроганьем чувствовал бывало:
Ты отомстишь, вернувшись из огня,
Из той любви, где мной ты обладала,
И знала точно – победишь меня!

ГОВОРЯЩИЙ КАМЕНЬ

Упала ночь у моего порога,
Не ходит дом и не скрипят полы.
Звезда глядит в моё окошко строго,
Высвечивая тёмные углы.

Вон в том углу я обживал разлуки,
В другом углу я целовал тебя.
Внутри огня сплетались наши руки,
Друг друга пасть в объятья торопя.

Из дома шла пустынная дорога,
По ней судьба отмеренная шла.
По ней пытались мы дойти до Бога,
Но к камню нас дорога привела.

К нему в ночи мы обратили взоры,
Он оживал, оглядывая нас,

Потом сказал:

– Здесь раньше были горы,
Теперь один я с вами в это час.

Вдали вам счастья вечного не будет,
Берите всё, что ныне вам дано.
Вы оступились, вас любовь рассудит,
Ей быть судьёй – единственной – дано.

И замолчал. Мы трогали руками
Его окаменевшее чело.
Но не сказал нам говорящий камень,
Нам – вышедшим из дома – ничего.

А дом стоял – забытый и печальный –
В начале нашем и в конце пути...
И в нём тоска, как будто на причале,
Ещё не успевала к нам сойти.

...Дорогу дом отмеривал шагами,
Которую мы, кажется, прошли.
Сплотился с домом говорящий камень,
Где мы соединиться не смогли.

НОВОГОДНЕЕ

Иркутск морозом раскалило
До хрупкой дымной белизны.
Слепые окна смотрят стыло,
Их забелило до весны.

На ветках крупно, осовело
Висит настуженный куржак.
И, кажется, заиндевила
Моя озябшая душа.

Иду по утреннему парку,
Где тишина и пустота.
Шары белеющего пара
Я выдыхаю изо рта.

Деревья, спрятанные небом,
Стоят, промерзшие насквозь.
Заледенелая – под снегом –
Земная вздрагивает ось.

Я ось потрогал. Долго-долго
Она звенела... я кутил...
И ось земную, будто ёлку,
Я прямо в доме нарядил!

Поэзия

Алексей Полубота

Родился в 1975 году в Мурманске. В 2000 году окончил Литературный институт им. А. М. Горького. Секретарь Союза писателей России. Лауреат литературно-художественной премии имени Дмитрия Кедрина «Зодчий» (2017), победитель ряда всероссийских и международных литературных конкурсов. Ответственный секретарь комиссии по литературному наследию Н.И. Тряпкина.

Автор трёх поэтических сборников. Стихи и проза печатались в журналах «Север», «Наши современники», «Волга-21 век», «Мир Севера», «Разговор», в альманахах «Братина», «День поэзии», «Полдень», «Площадь Первоучителей» (Мурманск), «Крылья» (Луганск), в газетах «День Литературы», «Литературная газета», «Литературная Россия», в интернет-изданиях «Россий-

ский писатель», «Молодое око», «Соты» и др.

Участник трёх коллективных сборников, посвящённых гражданской войне на Украине: «Я дрался в Новороссии», «Русская весна», «Слово о Новороссии». Вдохновитель Всероссийского поэтического конкурса имени Н.И. Тряпкина «Неизбывный Вертоград».

Работал электромонтёром в Мурманском рыбном порту, руководителем Центра современной молодёжной культуры Департамента культуры Москвы, специальным корреспондентом газеты «Труд», обозревателем «Литературной газеты», «Свободной прессы». В настоящее время – обозреватель общественно-политического интернет-издания «Федеральное агентство новостей».

Отец троих детей. Живёт в подмосковном Реутове.

Из цикла «Беломорья свет»

1.

На этом солнечном, сосновом
На каменистом берегу
Брусничкой зреющее Слово,
В душе до срока берегу.

Вот рыжехвостым счастьем белка
Сверкает в воздухе, – лови!
И компас безмятежной стрелкой
Зовёт к несбыточной любви.

Вздыхая, волны наплывают
На плечи тёплые земли,
И чайки, как печали, тают
В туманно-голубой дали.

2. ВЕЧНОСТЬ.

А может, я останусь навсегда
Солёным камнем — слушать песни моря.
И будет мне студёная вода
Подругой верной в радости и в горе.

И в оный день на мой замшелый бок
Присядет девушка с тоскою безголосой.
И будет, улыбаясь, гладить Бог
Прядь непокорную волос её белёсых.

И будут сосны весело звенеть,
В свои объятия принимая ветер.
И будет капелька брусники алой зреть,
Единственная для меня на свете.

3.

Море, суровое море!
Крохотный островок.
С ветром безжалостным споря,
В скалы вцепился цветок.

Тоненький, голубоглазый,
Слушает грозный прибой...
Гордый смиряется разум
Рядом с такою судьбой.

* * *

Соловки. Солёный шелест моря.
Строгое мерцанье тишины.
Зная, что страстей не переспорить,
Чтят обет молчанья валуны.

Утихает в сердце ветер хлесткий.
За дерзанья, Господи, прости.
Низкие согбенные берёзки,
Словно сёстры на моём пути.

В облаках сверкнув пером огнистым,
Время замирает у черты...
Проступают в мареве волнистом
В вечность устремлённые кресты.

* * *

На краю державы каменистом
Я корнями прорастаю в лёд.
Ветер гонит облака со свистом,
Но меня он с места не сорвёт!
Я теперь душой навек в граните
Нелюдимой северной земли.
Корабли погромче прогудите,
Растворяясь в сумрачной дали!

САНКТ-ПЕТЕРБУРГУ

Во власти победившей черни
Ты сохраняешь гордый вид.
И в час задумчиво вечерний
Ещё пылает твой гранит.

И не затмили твой Исакий
Огни крикливые реклам,
В закаты озарённом мраке
Он шлёт свой отблеск облакам.

Всё также хмуро непокорна
Свинцом налитая река,
И твой хозяин тенью чёрной
Всё также грозен сквозь века.

* * *

Эти вросшие в землю старухи –
Отголоски ушедшей страны,
Той, что стала великой прорухой
Для великой прорухи-войны.

Всё стоят у забытых околиц,
В лицах боль отболевших утрат,
И сквозь жизни прожитое поле
Устремлён в бесконечность их взгляд.

Навевает берёзовый шелест
Им обманчиво-сладкие сны,
Будто вдруг засмеялись, запели
Не рождённые в муках сыны.

Будто вновь огласила гармошка
Обуявшую даль тишину,
Дразнит запах печёной картошки
Над ночными лугами луну.

Всё трудней уходить от видений,
Словно тень покосился плетень...
Над забывчивостью поколений
Заповедный покой деревень.

* * *

На краю державы каменистом
Я корнями прорастаю в лёд.
Ветер гонит облака со свистом,
Но меня он с места не сорвёт!
Я теперь душой навек в граните
Нелюдимой северной земли.
Корабли погромче прогудите,
Растворяясь в сумрачной дали!

* * *

*В Реутове, в доме 25 по улице Ленина
в годы Великой отечественной войны
находился госпиталь*

Есть в Реутове дом Весной объятый,
Победной, всепрощающей Весной
Она была по счёту сорок пятой
В том веке, опалившем мир войной.

Я к дому подхожу и отступаю
Вся суета сегодняшнего дня.
И слышу я: в окне гармонь играет
Из той Весны, чтоб поддержать меня.

Бойцы кричат: «Браток, пошире плечи!
Сегодня день рождения второй
У всей страны!» Забыв свои увечья,
Они смеются в тишине земной.

И в этот миг я становлюсь солдатом,
Израненным, но победившим – жить!
Черёмухой с утра цветут палаты,
Сумевшей запах смерти перебить.

Врачует душу светлый птичий щебет,
И кажется – так будет на века.
Цветут сады, а в безмятежном небе,
Как корабли победы – облака.

* * *

На жгучих полях Новороссии
Сошлись они в смертном бою.
Умылись кровавыми росами
За веру и правду свою.

Один – славянин ополченный.
Другой – воин светлой Руси.
В крайнеусобьем охваченной
Пощады теперь не проси.

И вот, чёрной пулей прострелены,
Обнялись, как братья, они.
Как бесы над ними – пропеллеры
Рокочут и мечут огни.

ПЕСНЯ ОПОЛЧЕНЦА

Эта Горловка –
нож у горла мне,
Злая вязкая тишина.
Листьев шорохом,
дальним всполохом
будоражит мне кровь она.
Здесь от грохота
стены охали,
а на окнах здесь – всё кресты.
Но за окнами,
светлоокая,
верю, ждёшь меня верно – ты.
Нет, не умерло
в мёрзлых сумерках
всё, что теплилось, как свеча...
Эта Горловка –
чаша горькая,
бьётся кровь в виски, горяча...

* * *

Война давно здесь стала горьким бытом.
Простым и страшным, как глаза собаки,
что потеряла навсегда хозяев,
но сторожит родное пепелище.

И как осколки, что хранят на память
родители счастливого ребёнка,
поскольку был он не убит, а ранен
вот этим раскуроченным железом.

Война вошла в подкорку поколенья,
младого племени, что ждало лучшей доли,
но раз уж так случилось, то любимых
ждут с фронта, как с рискованной работы.

Ночами жёны шепчут заклинанья:
«Война подохни, выживи, мой милый».

«САБЛИНО»

И хлеба колосились,
буквально, у самой избы...
Н.И. Тряпкин

В этом поле жухлые колосья
Смертному о смертном говорят.
Только ветер шепчет в безголосьи,
Облака скрывают солнца взгляд.

Русь моя! Вселенское терпенье,
Сколько ран на сердце – не сочтёшь...
Столько лет зияет запустенье
Там, где раньше колосилась рожь.

Где глядел влюблёнными глазами
На луга, задворки и стога
Светлый отрок, что прозрел стихами
В страшный час нашествия врага.

Дорогой наш, Николай Иваныч!
Помолчим у твоего Креста.
Наша жизнь – промозглые туманы.
Наша жизнь – о солнышке мечта.

Верю я – ещё заколосится
Это поле хлебной теплотой.
И взовьётся жаворонок-птица
Над воскресшей нашей стороной!

* * *

Зима напоследок примерила заячью шубку.
Над городом древним звенит её смех молодой.
Апрель на носу уж, но ухарь-мороз не на шутку
Сжимает мою без покрова перчатку ладонь.

Здесь сахарный снег повкусней,
чем владимирский пряник,
Сверкают сосульками тихие стены церквей.
Прекраснейший Суздаль врачует сердечные
раны,
Но тем лишь, кто верит обьявшей его синеве.

* * *

Вновь баюкает грусть кукушка,
Пробивается юный пушок
У берёзы на дальней опушке
За развилкой былинных дорог.

Вдохновенные кони заката
Скачут вдаль над волнами холмов.
Вот опять Русь певуче крылата,
И не знает своих берегов.

Поэзия

Андрей Новиков

Андрей Вячеславович Новиков родился в 1961 году в Тверской области. Окончил Литературный институт им. А. М. Горького.

Публиковался в журналах «Подъём», «Литературная учеба», «Молодая гвардия», «Студенческий меридиан», «Литературная Киргизия», в «Литературной газете», «Московском комсомольце». Автор двух поэтических книг, изданных в Воронеже и Липецке.

С апреля 2015 г. – председатель правления Липецкой областной организации общероссийской общественной организации «Союз писателей России».

ОТЧИЙ КРАЙ

Здесь отчий край и деревенька,
И ангел из золы дотла,
И дом, где каждая ступенька,
Мне пела и меня вела.

Где дым трубой, и каждый весел,
День длился счастьем без конца.
Холмистые всходили веси
За синим лесом у крыльца.

Все так же робко сердце бьется,
Прохлада забралась туда –
В проём дубового колодца,
Где точно плавает звезда.

Я сохранил заборы эти,
Нас, конопатых сорванцов,
Что лазили в густые плети
Белоголовых огурцов.

Здесь жизнь осталась в первой трети,
Открыв свою простую суть –
В полях – хранителях столетий,
Где храм указывал нам путь.

СОЛНЦЕ СТЕРЕЧЬ

Старой мельницы ржавы колёса,
И не помнят владельцев, имен.
Выпирают с речного откоса,
Валуны с ледниковых времен.

Почему же вода не боится,
Пены, рёва холодных быстрин,
Серебрится, как лента в петлице,
Голубеет прожилками глин.

Здесь восток, поджигающий крылья,
Слюдянистых настырных стрекоз,
И такое лугов изобилье,
В ожидании благодных гроз.

Здесь упорной зеленою нитью,
Простирается свежесть куги,
Но в зрачках, отражая события,
Расширяются чёрным круги.

Тот ли лес, не успевший проснуться,
В окоём это зренья ронял?
С головой окунуться, замкнуться,
Где себя никогда не менял.

День стоит в летаргической зоне,
Оттого его сбивчива речь,
Только в силах пчела на бутоне
Медоносное солнце стеречь.

ИСТУКАН

Там, где посвист степного аркана,
Где ветра шевелят ковыли,
Сотворил я себе истукана,
И прощенья прошу у земли.

Что ж, готовьтесь к таким переменам,
Купол неба сегодня не глух,
Потому и по каменным венам
Я вселяю в него новый дух.

Он, как молния в грозных зарницах,
Воссияет в значенье былом,
И ему перелётные птицы
Будут бить и крылом, и челом.

Пробудив известковые очи,
Очерчу я круги на воде,
И зеркальная аспидность ночи
Отразит его здесь и нигде.

Кто ещё у судьбы на примете,
Не криви же, ваятель, душой:
Ты такой же ненужный на свете,
Бородатый, веселый, большой.

ЗАПРЕТНЫЙ ГОРОД

Когда зима поднимет ворот
Из индевеющих вершин,
Встаёт с утра запретный город,
Являясь множеством личин.

В бетонных трубах предо мною,
Где зарево стоит в дымах,
Не за китайскою стеною,
А по соседству и впотьмах.

Его я плохо понимаю,
Но будет так, на все века –
Река во льду глухонемая
С фигуркой дальней рыбака.

Так почему чредой полосной
Цехов искристые венцы
Похожи в смыслах переносных
На поднебесные дворцы?

Рабочий день толпу не нежит,
Трамвай устало дребезжит,
И наледь, как лиловый стержень,
Узорно стекла освежит.

ВИДЕНИЯ

От ночных, непрочитанных бдений
Бьёт в ладоши большая луна,
Разругались фрагменты видений
Не на ночь, а на все времена.

Друг на друга, столпившись, орали.
Призрак призрака драл за волосы,
Просто сытую жизнь выбирали
Всё, как мы, и сопели носы.

И над всем – ошущенье озноба,
Как одели в сырое бельё,
И летали на крышке от гроба,
На весы бросив сердце моё.

Будет долго оно колотиться,
К равновесию чаши сведя,
Память выше – летает, как птица,
Голоса уходящих будя.

Вот она, правда жизни, тупая,
Бытия указующий перст.
Откупаюсь от них, отступаю,
И целую серебряный крест.

МОЛЬБЫ

Для жатвы правит серп брусок,
Жуки, в стерне чернеют хлебники,
Молитвы смысл непостижим, высок,
Ну, а для Бога не нужны посредники.

Дневная печь сияет добела,
И рот открыт в пространства ярус,
Пастух прогонит стадо в зеркала
лугов зеленых, травяную заросль.

А кто здесь я? Рассыпавший песок
В рассеянной своей неосторожности,
Иль жизни слой стесал наискосок,
Кривым садовым ножиком безбожности?

Пытливый странник, избранный изгой,
Из тонкой ивы смастеривший дудочку,
Часы и дни смеются над тобой,
Над отношеньем к бытию рассудочным.

Так наугад стремнинами судьбы,
Воды по камням вечное теченье.
Творец, конечно, слышит все мольбы,
И не оставит их без попеченья.

Берега Новороссии

Открытое письмо писателей к общественности

Уважаемые соотечественники! Война, развязанная в 2014-м году киевским олигархическим режимом против двух республик Донбасса – Донецкой и Луганской, вступила уже в шестой год и перешла в хроническую стадию. У людей накопились усталость и разочарование той неопределённостью, в которой они живут. Не прекращаются обстрелы окраин Луганска, Донецка и Горловки. С каждым днём множится количество жертв – защитников Донбасса и мирных жителей. Война покалечила тысячи людских судеб, и конца ей пока не видно.

В нынешнем 2019-м году, в контексте международной обстановки – резкого усиления экономического, политического и религиозного давления властных кругов Запада на Россию, ситуация в Донбассе может резко обостриться. Сторонники автокефалии совершили попытку расколоть единый русский, славянский мир, ввергнуть его в катастрофу.

Необходимо помнить, что героический народ Донбасса тысячами жизней своих сыновей и дочерей защитил русские границы от близости военных баз киевской хунты, повторил подвиги героев Великой Отечественной войны. А между тем большинство жителей России почти ничего не знают о судьбах людей в Донбассе. Правдивых книг и кинофильмов пока что крайне мало. Среди них – документальная книга Александра Жучковского «85 дней Славянска», о том, как начиналась «Русская весна», с подробными картами боев и списком всех погибших за Славянск. Можно отметить роман Александра Проханова «Убийство городов», сборник пронзительных рассказов Сергея Шаргунова «Свои» и альманахи «Я дрался в Новороссии», «Время Донбасса», «Выбор Донбасса».

Отрадно, что в России начали снимать качественное, правдивое кино о Донбассе. В Севастополе, на фестивале кино- и телефильмов духовно-нравственного содержания «Святой Владимир» Гран-При завоевал фильм кубанского режиссера Натальи Батраевой «Донецкая вратарница». Значимой картиной стал фильм Рената Давлетьярова «Донбасс. Украина», снятый при финансовой поддержке Министерства культуры РФ.

Россия оказывала и оказывает огромную гуманитарную помощь воюющему Донбассу. Ускорена процедура предоставления жителям Донбасса гражданства РФ с условием их переезда в Россию, – но там им не гарантировано ни жильё, ни работа. Чем Донецк и Луганск хуже Южной Осетии или Крыма? Донбасс – это плоть от плоти и кровь от крови нашей общей Родины. Там говорят на одном с нами русском языке, чтят общих героев, у нас одна история и православная вера. Не нужно ждать, пока войска хунты устроят в Донбассе «люстрацию», убьют и покалечат десятки тысяч людей, разобьют города, уничтожат экономику. Давно назрела насущная необходимость признать независимость двух провозглашённых республик Донбасса.

Уважаемые соотечественники! В это трудное, переломное время необходимости укрепления Русского мира каждый из вас может поставить свою подпись под Открытым письмом за признание независимости ДНР и ЛНР. Письма будут направлены в государственные органы всех уровней, в СМИ и в социальные сети.

Инициаторами письма является группа пермских писателей. Разработкой проекта письма занимались Галина Васильевна Чудинова – член Союза писателей России, кандидат филологических наук, депутат; Юрий Нечипоренко – доктор наук, профессор МГУ, писатель. Письмо является открытым и любой желающий может поставить под ним свою подпись, которую нужно направить в редакцию «Берегов». На момент подготовки журнала к печати подписалось 54 человека

Берега Крыма

Ольга Вечер

*Президенту Российской Федерации
Владимиру Владимировичу Путину*

Уважаемый Владимир Владимирович!

Гражданам России широко известно Ваше беспокойство о сохранении историко-культурного и природного наследия России, Ваше внимание к развитию музеев и созданию в них полноценных условий для доступности гражданам всех категорий.

Хочу привлечь Ваше внимание к вопросу сохранения и развития Музея – заповедника «Киммерия М.А.Волошина» в пгт.Коктебель, и рассмотреть перечень нерешенных почти за четыре года существования Республики Крым в правовом поле Российской Федерации вопросов, связанных с сохранением историко-культурного и природного наследия полуострова, оказать содействие в их позитивном разрешении и создать **Рабочую группу по осуществлению общественного контроля за сохранением и использованием культурного наследия Республики Крым и г.Севастополь** Общественной палаты Российской Федерации для их системного разрешения в связи со следующим:

1. Созданная Вашим Распоряжением от 24.09.2015г. № 291-рп Рабочая группа по сохранению, изучению и популяризации культурного наследия Республики Крым и г.Севастополя – **не работает**.

2. Созданная в сентябре 2015г. Рабочая группа по организации общественного контроля за сохранением и использованием культурного наследия Республики Крым и г.Севастополь Общественной палаты Российской Федерации – **расформирована**.

3. 16 марта 2016 года, в честь двухлетней годовщины воссоединения Крыма с Россией, Общественная палата РФ провела Круглый стол на тему «Актуальные проблемы интеграции Крыма в общефедеральное культурное пространство», выдала рекомендации по сохранению историко-культурного и природного наследия Республики Крым – **не выполняются**.

4. В апреле 2017г. в Республику Крым выезжала комиссия по культуре Общественной палаты Российской Федерации под руководством заместителя председателя комиссии М.Ю.Лермонтова, среди которых были и эксперты созданного М.Ю.Лермонтовым Координационного совета по осуществлению общественного контроля за реализацией основ государственной культурной политики Общественной палаты Российской Федерации (**в настоящее время расформирован**).

В Госсовете Республики Крым был проведен Круглый стол на тему «Государственно-частное партнерство и общественный контроль в сфере сохранения и использования историко-культурного наследия Республики Крым». Вопросы, поднятые на Круглом столе, в частности – воссоздание мемориальной усадьбы М.А.Волошина, придание статуса Федерального памятника Дому-музею М.А.Волошина, постановка на учет, как ОКН, дома матери М.А.Волошина (корпус №2 ДТ писателей «Коктебель») и ряда других исторических объектов ДТ писателей «Коктебель», сохранение исторического облика Коктебеля, и, прежде всего, сохранение знакового для русской культуры места – Дома творчества писателей «Коктебель» – исторической среды прошлого века в рамках Музея-заповедника «Киммерия М.А.Волошина», создание исторических поселений, необходимость разработки историко-культурных опорных планов городов Крыма, освобождение парков от незаконной застройки – **не решаются**.

5. По итогам поездки комиссии по культуре М.Ю.Лермонтовым было послано обращение министру культуры Республики Крым В.В.Новосельской (от 16 июня 2017г. № 50ПК-17/1372) с поддержкой идеи воссоздания мемориальной усадьбы М.А.Волошина на базе сохранившихся истори-

чески ценных объектов – Дома Максимилиана Волошина, дома его матери Елены Оттобальдовны, двух флигелей и ее музеефикации в полном объеме; расширения музея – заповедника «Киммерия М.А.Волошина», присоединения к нему могилы М.А.Волошина, парковой территории (пгт.Коктебель, ул.Ленина, д.110) и присвоения им **статуса объектов культурного наследия федерального значения.**

А также – о присвоении статуса исторического поселения пгт.Коктебель, что требует **незамедлительной разработки соответствующего проекта.**

На данное обращение поступил ответ из Министерства культуры Республики Крым за подписью первого заместителя министра Т.А.Манежиной (от 14 июля 2017г. № 4617/10-03/1) со всецелой поддержкой идеи. Но в ответе указано, что «... Дом матери поэта – «Дом Пра» и ряд других исторических объектов бывшего Дома творчества писателей «Коктебель», с которыми связаны имена выдающихся деятелей культуры, не относятся к ведению Министерства и входят в территорию разрабатываемого культурно-исторического и туристического центра «Коктебель-парк». Исполнителями данного инвестиционного проекта являются Министерство экономического развития Республики Крым и автономная организация «Корпорация развития Республики Крым», а также творческая группа под руководством известного деятеля культуры, организатора ряда театральных фестивалей, члена Художественного Союза Эдуарда Боякова и члена правления Союза архитекторов России Алексея Комова».

В представленном общественности проекте «Коктебель-парк» уникальные здания – явные памятники (в течение двух лет мы, волонтеры, подаем заявки в Госкомитет по охране культурного наследия Республики Крым на включение их в выявленные объекты культурного наследия, но получаем либо отписки, либо документы теряют, очевидно-целенаправленно) – планируются под отели.

Вопиющее противоречие всем Вашим тезисам о сохранении культурного наследия, исторической среды и развитии музеев представляет собой предлагаемый проект «Коктебель-парка» – отели и частные резиденции вместо восстановления зеленой зоны парка и расширения задышающегося в маленьких мемориальных помещениях Музея-заповедника «Киммерия М.А.Волошина», ведущего огромную по масштабам работу даже сегодня, в сложных санкционных условиях умеющего проводить научные и творческие мероприятия с участием представителей дальнего зарубежья, **использования** сохранившихся объектов исключительно, **как общественных зданий**, на чем настаивают общественность и Гражданский актив Коктебеля.

Таким образом, проектом **окончательно губится** историческая среда Дома творчества писателей, позиционирующего всю литературную славу Советского Союза и возникшего благодаря усадьбе Максимилиана Волошина, **беспрецедентно перечеркивается** образ начала и середины XX века совершенно не типичной для коктебельской стилистики архитектурой.

В парке и так уже исчез легендарный летний кинотеатр Дома творчества, где выступали знаковые литераторы, музыканты, кинематографисты, на его месте – Арт-отель, который спорит по высоте с мемориальным Домом-музеем М.А.Волошина и захватывает парковую территорию и интересные с точки зрения истории и культуры объекты.

Мемориальный Дом-музей М.А.Волошина так и остается зажатым между гостиницами и рынком, лишенный подъездных путей и стоянки туристических автобусов, которой в Коктебеле вообще нет, отчего страдает посещаемость этого уникального объекта и нивелируется туристическая составляющая развития.

Так что решение о передаче исторических объектов из ведения Министерства культуры Республики Крым в Министерство экономического развития Республики Крым можно смело назвать **культурной диверсией.**

Это то же самое, как если бы «Музей-заповедник В.Д.Поленова» или «Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная поляна» были названы «Поленово-парк», «Ясная поляна-парк», переданы в Министерство экономического развития и начали бы застраиваться гостиницами и резиденциями инвесторов.

При Украине четверть века культурная общественность боролась против наступления гостиничной зоны – за «Дом Пра», за воссоздание мемориальной Усадьбы М.А.Волошина, за восстановление парковой зоны и статуса Дома творчества писателей, расширение территории Музея –заповедника «Киммерия М.А.Волошина». В те времена удалось добиться только того, что «Дом Пра» был вклю-

чен в единую охранную зону с Домом поэта с жестким режимом использования, что сегодня вовсе не учитывается.

Это не делает чести сегодняшним управленцам и даже дискредитирует Российскую Федерацию, позволяя жестко критиковать со стороны международного сообщества такое обращение с историко-культурным наследием во имя частных бизнес-интересов.

Наша общая задача – восстановить историко-культурную территорию, целенаправленно разрушаемую последние 25 лет, это дело чести нашего общества и государства, так как уничтожение такого известного в мире объекта приведет к широкому негативному резонансу.

Прошу Вас, Владимир Владимирович, решить эти вопросы на благо и во славу России и создать постоянно действующую Рабочую группу по осуществлению общественного контроля за сохранением и использованием культурного наследия Республики Крым и г.Севастополь Общественной палаты Российской Федерации, дать поручение провести Круглый стол с участием экспертов – специалистов по ландшафтно-архитектурным комплексам и историко-культурным заповедникам, **для обсуждения проекта «Коктебель-парк».**

С уважением,
руководитель Крымского отделения АНО «ЭКОН»
(Центра экспертизы и контроля объектов наследия
и культурных ценностей

Ольга Николаевна Вечер

27.11.2017 г.

Прошу Вас направить ответ на мою электронную почту:
olya.vecher@gmail.com

Берега Крыма

Сергей Сардыко

Главный редактор газеты «Ялта»

О сохранении музея А. П. Чехова в Ялте

Президент РФ Путин В.В. посещал Дом-музей А.П. Чехова в Ялте в 2003 году и в 2014 году вместе с Председателем Правительства РФ Медведевым Д.А. Нам казалось, что этот знаменитый музей с мировым именем будет под особым вниманием федерального руководства, но, к сожалению, этого не произошло.

Как ялтинский журналист, работавший в 1991–1995 гг. научным сотрудником и заведующим научно-просветительским отделом в Доме-музее А.П. Чехова в Ялте, хотел бы сообщить следующее.

С момента своего создания музей всегда подчинялся напрямую Москве (такова была и последняя воля основателя музея – сестры Чехова Марии Павловны), сначала Государственной библиотеке СССР им. В.И. Ленина, а потом с 1980 года – Министерству культуры СССР.

С распадом СССР в украинское время музей был отнесён к ведению Республики Крым, что отрицательно сказалось на развитии музея из-за нехватки средств на его содержание и развитие, а также из-за недостаточно квалифицированного подбора кадров.

Начатый Министерством культуры СССР процесс музеефикации дачи «Омюр», где жили А.П. Чехов в 1898–1899 гг. и Л.Н.Толстой в 1901 году, за последующие 27 лет так и не был завершён. Здесь сегодня работает в 2-х комнатах крошечный филиал музея, а вопрос о планировавшемся полном отселении жителей из этого здания уже вообще не рассматривается.

В охранной зоне мемориального дома А.П. Чехова на месте бывшего мусульманского кладбища Советская власть после войны разрешила местным жителям построить дома, которые вплотную соседствуют с садом писателя. Вопрос отселения жителей также не решается.

Туалет мемориального чеховского флигеля фактически стал общественной уборной, т.к. до сих пор не работают расположенные рядом с музеем городские туалеты.

В 2011 году неудачно была реконструирована литературная экспозиция «Жизнь и творчество А.П. Чехова», в результате её объём сократился на 1/3 и по ней прекратили проводить 45-минутную экскурсию. Из специально созданной при проекте здания стилизованной ниши (как в мемориальном кабинете!) был убран чеховский стол, за которым были написаны почти все ялтинские произведения писателя.

В нарушение проекта в цоколе литэкспозиции на месте временных выставок и стендов с историей музея был оборудован кабинет директора музея. Теперь посетители музея не могут ознакомиться с историей его создания (убраны даже знаменитые фотографии Е.А. Халдея, сделанные в 1944 году после освобождения Ялты, на которых запечатлена Мария Павловна Чехова с бойцами Красной Армии!).

В малом зале литэкспозиции, где раньше посетители смотрели фильм о музее (это позволяло другим группам слушать экскурсоводов в большом зале), теперь стали хранить архивные материалы и вещи. Это не решило принципиально проблему нехватки помещений (безусловно, должно быть построено новое современное фондохранилище).

В 2016 году название музея (мировой брэнд!) фактически исчезло – после того, как Дом-музей А.П. Чехова в Ялте вошёл в состав ГБУК РК «Крымский литературно-художественный мемориальный музей-заповедник».

Первые в 2018 году отменены Чеховские чтения в Ялте (опять не хватает средств!), нарушив традицию проведения с 1981 года ежегодной международной научной конференции. В музее огромная текучесть кадров.

Приведённые выше факты далеко не полно отражают не соответствующую уровню миро-

вого памятника культуры работу музея, но свидетельствуют только об одном: для нормально-го развития Дома-музея А.П. Чехова в Ялте необходима его передача в ведение Министерства культуры Российской Федерации.

22 июня 2018 года я был в Симферополе на приёме у Главы Республики Крым Аксёнова С.В., которому рассказал о плохом состоянии Дома-музея А.П. Чехова в Ялте.

Увы, за прошедшее время деградация музея продолжалась: в ноябре 2018 года протекла крыша в мемориальном Доме А.П. Чехова и пострадали экспонаты в кабинете писателя. Продолжают идти трещины по зданию мемориального Дома А.П. Чехова (см. фото). Прошу помощи.

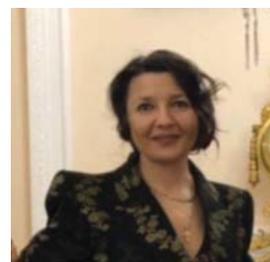

Мир без границ

Берега Великобритании

Мария Львова

Мария Львовна Афицинская-Львова – Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Учредитель благотворительного Фонда имени архитектора Н.А. Львова, Москва. Член Центра традиционного ремесла и искусства «Сень», Москва/Моск. обл. Член комитета «Русского наследия», Лондон. Прямой потомок нетитулованного тверского дворянского рода Львовых

Владыка Нафанаил

Я Лондон полюбил за то, что в злые годы
Лишь он сумел добра завет хранить,
Приветливость ко всем, веселье и свободу,
Годов былых непорванную нить.

*Архимандрит Нафанаил,
27 июля 1938 года.*

Владыка Нафанаил, в миру Василий Владимирович Львов, родился в августе 1906 года в Москве. Его отец Владимир Николаевич Львов (1872–1930) – из древнейшего тверского нетитулованного дворянского рода (известен с 1425)¹, получил хорошее домашнее образование, отличался живостью ума, эмоциональностью, хорошо музицировал, рисовал, писал стихи, учился в московской частной мужской гимназии, директором которой был Л.И. Поливанов. Можно сказать, что печать исключительности лежит на Львовых, поскольку жизнь их сплетена с внешними обстоятельствами большой важности, участниками, свидетелями и жертвами которых им пришлось быть.

По свидетельству современников, все Львовы были очень просвещенными людьми, русскими европейцами; это у них идёт от XVIII века, то есть от времени, когда европейское просвещение было в России уделом ещё очень немногих.

В 1895 году Владимир Николаевич закончил два факультета (историко-филологический и юридический) Московского университета, а через два года Московскую Духовную академию Свято-Троицкой Сергиевой лавры – вольнослушателем. Находясь в духовном кругу известного тогда в России старца Троице-Сергиевой Лавры отца Варнавы, Владимир Львов хотел передать своё состояние церкви и уйти в монастырь. Но отец Варнава не благословил его на монашество. Он нашёл ему невесту Марию Алексеевну Толстую (1873–1943) в 1900 году обвенчал их и, как рассказывает семейное предание, благословив молодых, дал наказ не разлучаться ни при каких обстоятельствах.

Мария Алексеевна получила в наследство четыре тысячи десятин земли в Самарской губернии с усадьбой при селе Кротково Бугурусланского уезда, где и поселились молодые. Владимир Николаевич оказался хорошим хозяином, и Кротково быстро превратилось в доходное имение. Владимир Николаевич приписался к Самарскому дворянству. Много времени уделял земской деятельности, поэтому его дети с малых лет видели в отце живой пример помощи людям. Неоднократно избирался уездным и губернским гласным по Самарской губернии. Жили в основном в селе Кротково (5 верст от города Бугуруслана). Но в 1907 году Владимир Николаевич был избран депутатом III Государ-

¹ Его прапрадеды за службу в войнах с Польшей, Турцией, Персией... «по грамотам царей и великих князей» были пожалованы в вотчинное владение поместьями в Новоторжском уезде. Его прадед Николай Александрович Львов (1753–1803) – известный архитектор и ученый энциклопедист, другой прадед (по женской линии) – граф Николай Семенович Мордвинов (1754–1845), адмирал, первый в истории России морской министр. Его мать из древнейшего дворянского рода Челищевых – «честь и украшение своего сословия».

ственной Думы и с тех пор, как вспоминает владыка Нафанаил, «отец и мать проводили время в Петербурге, откуда мама приезжала чаще, а папа лишь на Рождество, Пасху и на лето, привозя нам подарки. Мы очень любили отца и мать. Отец с матерью жили очень дружно».

В семье было 6 человек детей: 5 мальчиков и одна девочка. После рождения первого ребенка (сына Николая в 1901) Марии Алексеевне врачи не рекомендовали больше иметь детей, опасаясь за жизнь матери и новорожденного. Но по благословию отца Варнавы через год родилась дочь Мария (1902-1989), а затем и сын Алексей (умер в младенчестве от воспаления легких), а затем и Василий (1906). Отец Варнава незадолго до своей кончины (17 февраля 1906 г.) предсказал Львовым рождение второго сына и его духовный путь: «Вместо вашего покойного Алексия, Господь посылает вам и избрал его Себе на служение»¹. Старец благословил ещё не родившегося ребенка на тот монашеский подвиг, которым хотел идти его отец.

Василий получил домашнее образование: знал французский и английский языки. Готовился к поступлению в Бугурусланское реальное училище.

Но наступил 1917 год. Отец Василия был избран Обер-прокурором Святейшего Синода и уехал в Петербург. Там сто лет назад Владимир Николаевич Львов стал свидетелем события, повлиявшего на судьбу нашей страны. В квартире князя Павла Павловича Путятина на Миллионной улице в доме №12 великий князь Михаил Александрович подписал документ о согласии принять престол при одобрении собрания представителей всех российских сословий, для чего было назначено время для выбора депутатов, а власть в стране временно передавалась переходному правительству, в которое и вошел В.Н. Львов².

Мария Алексеевна Львова осталась с детьми. Позже она говорила: «Для нас лично всё это Божье наказание за то, что мы из-за денежных попечений не соблюли завета батюшки Варнавы: разлучились надолго. Если бы я была в Петербурге, ваш отец не вошёл бы в это Временное Правительство. Я всё сделала бы, чтобы его отговорить».

В конце августа 1917 года в жизни Василия, как он вспоминает, произошли три великих события: «он стал скаутом, поступил в 3-ий класс Бугурусланского реального училища и был избран лидером партии народной свободы своего класса, по случаю чего надел на одну цепочку с крестом портрет Миллюкова».

Тем временем политическая обстановка в стране быстро и резко менялась. 26 октября друзья сообщили родителям, что Петроград взят большевиками и что немедленно надо скрываться, т.к. новая власть расправляется с членами Временного правительства. Родители решили попробовать отправиться через всю Россию из Петрограда к детям в Самарскую губернию, куда и прибыли в декабре 1917 года. По дороге заехали в Новинки (имение Марии Алексеевны), где трагические события были ещё впереди. Здесь они отдохнули в течение нескольких дней, брат Марии Алексеевны снабдил их более действительным, непросроченным паспортом, и родители отправились в дальний путь, через Москву и Самару в Бугуруслан, куда приехали в декабре.

Далее Владыка вспоминает: «Нам, детям, не было сказано о приезде мамы и папы, хотя мы по ним очень тосковали... Мы были вообще очень несчастны в то время. Средств к жизни было очень мало. Приходилось продавать спекулянтам мамины меховые вещи... Продукты стоили очень дорого... У всех началась цинга... Но вот на Пасхальной неделе я увидел маму... Рядом стоял высокий бритый человек. Это был отец, которого без бороды я не узнал... Папа довольно много времени в это лето гостил с нами. Он тогда увлекался чтением немецких исторических трудов о новооткрытых перед войной хеттеях, о хеттейской империи и хеттейских королевствах... Так как мало кто другой разделял с ним в это время исторические увлечения, то он, к моей великой гордости, делился этими интересами со мной и я был до чрезвычайности польщён тем, что знаю о хеттеях, о которых никто ничего не знал...».

В сентябре 1918 года к власти в Самаре пришли большевики, и Львовы вынуждены были спешно эвакуироваться на восток с Белой армией. Собирались ехать через всю Сибирь до Владивостока,

¹ Цит. по: Львова А.П. Воспоминания отца Нафанаила // Н.А. Львов. Жизнь и творчество. Новые материалы / сост. и науч. ред. А.Б. Никитина. Вышний Волочёк, 2013. С. 669. Помещенные ниже цитаты из воспоминаний о. Нафанаила приводятся по этому же изданию.

² Самого князя П.П. Путятин в это время не было в Петербурге, но рядом с великим князем и политиками будущего временного правительства находились супруга князя Путятин и его дочь Наталья Павловна. Впоследствии она стала знаменитой европейской балериной и основала балетную школу на Мальте, где вышла замуж за брата мальтийского премьер-министра Табоне.

чтобы оттуда пробираться в США, где у Владимира Николаевича были влиятельные друзья, среди которых И. Крейн, ставший впоследствии известным благотворителем русской эмигрантской молодежи в Париже.

Но когда остановились на несколько дней в Омске, где в это время формировалось правительство Колчака, Владимир Николаевич стал подумывать о вступлении в него. Но в это время Мария Алексеевна заболела тифом. Ближайшим городом с хорошими больницами был Томск, куда и направились Львовы.

В Томске прожили около года. Старший брат Николай поступил в Томское юнкерское училище на восьмимесячные офицерские курсы, сестра Мария – в выпускной класс гимназии Марковича, Василий – в четвертый класс Алексеевского (в честь наследника Алексея) Томского реального училища, младшие братья – в младшие классы. Владимир Николаевич уехал в Омск. Там обнаружилось, что участие во Временном правительстве стало к этому времени не преимуществом, а значительным минусом. Для окружения генерала Корнилова преимуществом с Временным правительством была в тот момент крайне невыгодна, и Владимира Николаевича отказались принять на работу. Мария Алексеевна и её двоюродная сестра «тётя Муся» за мизерную плату начали давать уроки английского языка. От голодной смерти семью Львовых спасла икона Божией Матери (благословение от бабушки на свадьбу). Икона была небольших размеров, но её оклад был украшен множеством небольших бриллиантов. На средства от продажи этих бриллиантов Львовы прожили зиму 1918–1919.

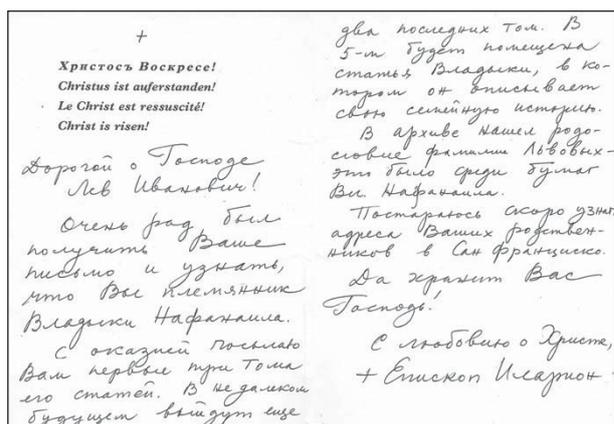
Когда с приближением красных пришлось эвакуироваться ещё дальше на восток, то Владимира Николаевича как политического деятеля, не взяли в эшелон с беженцами. И он уехал во Владивосток почтовым поездом. Это было его последнее прощание с семьей. Из Владивостока он переехал в Японию. Оттуда он в начале 1920 уехал во Францию, где поддался возникшему там сменовеховскому течению и в 1922 году вернулся в Россию. В 1927 был арестован и сослан в Томск, через 3 года освобождён, но вновь арестован. Умер в томской тюремной больнице. Реабилитирован посмертно.

Сам владыка Нафанаил, как и все близкие Владимира Николаевича, впоследствии вспоминал о предсказании старца Варнавы о том, что, ни при каких обстоятельствах не надо было разлучаться Владимиру Николаевичу с женой.

Эшелон, в котором отправились на восток Львовы, двигался очень медленно. На каждой станции стояли по несколько дней, поскольку чехословацкие военные отбирали у всех эшелонов паровозы. Поведение чехов вызывало возмущение. «При эшелоне было несколько классных вагонов, в которых жили американские доктора и два десятка американских солдат, усиленно охранявшие вагоны эшелона. Им неоднократно приходилось вмешиваться, когда чехи ночью приставали к девушкам – служащим Американского Красного Креста». «На фоне чешской подлости выделялось благородство поведения поляков и особенно сербского и карлето-русского легионов. Они постоянно вступали за русских, которых беззастенчиво грабили чехи. Но сделать что-либо решительное они не могли, так как чехов было гораздо больше».

Из воспоминаний владыки Нафанаила мы узнаем подробности повседневной жизни беженцев. Оказывается, значительную роль в их спасении от голода тогда сыграло скаутское движение, развившееся по всей России незадолго до большевистского переворота. Василий Львов был скаутом, и в каждом населенном пункте ему удавалось найти своих единомышленников – подростков и молодых людей, которые оказывали помощь попавшим в беду товарищам.

Запомнилась Василию Львову встреча с известным скаутом Константином Перцовым, который живым вырвался из ада гражданской войны, поселился в США, где стал известным благотворителем и общественным деятелем. Запомнились и прогулки со скаутами по Енисею в Красноярске.

Из личной переписки Льва Львова
(племянника Владыки Нафанаила)
и Епископа Илариона. 1993 г.

Архимандрит Нафанаил 1939 г.

В Томске, где Львовы задержались, появился Американский Красный Крест и Христианский Союз Молодых людей (ИМКА), оказывавший значительную помощь русским эмигрантам. Т.к. все дети в семье с детства разговаривали по-английски, то скоро и Мария Алексеевна, и дочь Мария поступили на службу в Американский Красный Крест, Василий и Григорий – «мальчиками на побегушках, только младший Иван остался безработным».

В Томске Василий стал активно заниматься скаутизмом, и летом оказался в лесном лагере скаутов, где собралось более пятисот детей и молодых людей. Когда к лагерю начали приближаться партизаны из красной банды Щетинкина, было принято решение возвращаться в город. По пути Василий и его несколько товарищей попали под обстрел бандитов и, скрываясь от них, углубились в лес. Здесь с ними случилось чудесное событие, осознанное позже. Ближе к ночи ребята вышли на поляну, где стояла хижина. В хижине у стены они обнаружили большой деревянный крест: «Это нас очень подбодрило, – пишет владыка Нафанаил, – так как мы поня-

ли, что попали в хижину отшельника, а не в разбойничье логово». Они заночевали в хижине, а потом в Томске ребята узнали, что провели ночь в приюте старца Федора Кузьмича, под именем которого, как считается, скрывался император Александр I.

Старший брат Николай в августе 1918 года закончил юнкерское училище и ушёл на фронт офицером. Сестра Мария, которая работала в Американском Красном Кресте, была отправлена на станцию Тайга в нескольких десятках верст от Томска.

Вскоре началось массированное наступление большевиков. Чехи под влиянием большевистской пропаганды снимали свои части с фронта. Союзники перестали оказывать помощь, и Белая армия вынуждена была отступать. Семье Львовых приходилось снова эвакуироваться. Маму Львовых и сестру Марию американцы взяли в эшелон Красного Креста, как служащих этой организации. С ними взяли и мальчиков Василия, Гришу и девятилетнего Ваню. Вот, что вспоминает об этом путешествии Владыка Нафанаил:

«Нас, пятерых детей, ехавших в эшелоне, задали сладостями. Всё нескорпортящееся из этого мама взяла у нас и отложила до православного Рождества. Мама попросила на кухне сварить ей клейстеру, и вся молодежь в нашей теплушке занялась склеиванием украшений для ёлки... Ёлка получилась на славу. Мы, дети, зная наизусть тропарь и кондак Рождества ходили «славить» по отдельным вагонам... Моей бедной маме было очень тяжело. Ни о папе, ни о старшем брате Николае не было никаких известий. Ходили зловещие слухи о полном уничтожении всей Колчаковской армии...».

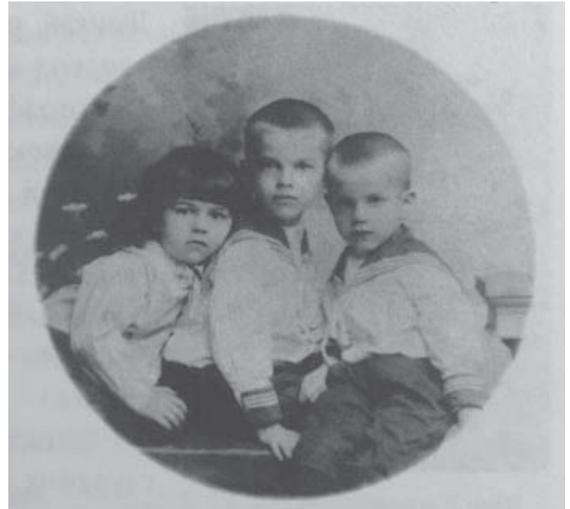
«На несколько дней задержались недалеко от Иркутска, на станции Иннокентиевская, где находился старинный XVII столетия, Вознесенский монастырь, в котором почивали мощи Святителю Иннокентия Иркутского... Мы отстояли обедню... помолились за папу и за Колю, чтобы Господь сохранил их... Мама причастилась. Потом все вместе прикладывались к мощам Святителю Иннокентия...».

Между тем, Красная армия всё приближалась. Под Красноярском была разгромлена основная Белая армия адмирала Колчака.

В Иркутске, где ненадолго остановился эшелон Американского Красного Креста, власть уже взяли коммунисты с левыми эсерами. Уже был арестован адмирал Колчак, и началась расправа над его офицерами. Американцы не оказывали им никакой помощи, но не препятствовали русским,

находившимся в эшелоне, тайно принять в вагоны этих беглецов.

Младшая сестра Василия Львова Мария вела дневник, по страницам которого её сын Том написал и опубликовал в 1999 году нерифмованные стихи на английском языке. В этих стихах содержится много живых свидетельств того страшного времени и непосредственных физических ощущений и духовных переживаний лучших представителей русского народа, оказавшихся в условиях большевистского геноцида. Поэтому мы приводим их здесь полностью в переводе правнучатого племянника о. Нафанаила – Глеба Билецкого:

*Иван, Василий и Григорий Львовы.
Личный архив Н.С. Толстого.*

В Сибири снега растут прямо из-под земли,
Деревья из снега, трава из снега, белая пшеница,
Замёрзшая рожь. Три тысячи миль снега,
Несколько деревень, несколько костлявых собак,
Крестьяне, вышедшие помахать нам на прощание.
Каждый день наш поезд пробирается через эти белые поля.
Тетя Муся сказала, что за нами остался целый урожай крестов,
«достаточно для того, чтобы удовлетворить аппетит любого большевика».

Угольные печки в середине каждого вагона
Качаются вперёд и назад, как пьяницы.
Всё, что мы жжём – это дерево, сырое и зелёное,
Которое дымит так сильно, что мы вынуждены держать окна открытыми.
Холод исходит от всего, до чего мы касаемся,
Кожа промерзает даже сквозь наши перчатки.
И бороды. Волосы виснут, как сосульки, к земле и не тают.

Мы встали на колени на озере Байкал
И прижались лицами ко льду, чтобы увидеть
Вымерший вид – древнюю рыбу, о которой читали,
Когда были ещё детьми, пойманную в ловушку подо льдом,
Который увеличивал каждую её чешуйку до ногтя пальца.

В поезде миссионеры, думая, что мы молились
Языческим богам в озере, пугали нас
Лесами, кишашими партизанами Троцкого.

Я помню, что никто не улыбался.
Твоя бабушка молилась Богу.
Последнее письмо твоего дедушки из Парижа сообщало,
Что Господь позвал его обратно в Россию.
Я не могла думать ни о чём, кроме
Нескончаемых миль и миль снега и снега.
Которые наш поезд прорезал, словно ножницами.
Земля, как листок белой бумаги, оставалась позади нас
Так же, как и наши потерянные жизни.

В карманах моих братьев, слишком юных,
Была только их собственная история:

*Мария Алексеевна Львова, Василий, тетя Муся,
Машенька, Николай. Бугуруслан. 1917 г.*

*Белые войска в Омске. 1919 г.
Личный архив.*

Мраморные камешки, цветные карандаши, оловянные солдатики,
Мечты – не больше безделушек.

Но я уже целовала мальчика
И оставила его целовать других девочек,
Или умереть, целуя холодную землю,
Вы можете представить себе, как такие маленькие объятья,
Обнимают целую страну?

Том, ничего из того, что мы потеряли, нельзя вернуть.
Чем дальше мы отдалялись от нашего дома,
Тем больше мы жили среди фотографий:
Наши крахмаленные белые летние платья,
Наш крокет, почему только Миша
Носил свою бескозырку набок,
Огромная люстра в холле, афганский плед в кабинете отца,
Вышивка на маминых подушечках,
То, как иконы, светились

В углах наших комнат над свечами.
Мой отец говорил, что наши иконы – это наша семья,
Мы не смогли взять с собой их все, только некоторые,
Зашитые в нашей одежде,
Самую маленькую, нашу Иверскую Божию Матерь,
В моем бюстгальтере, рядом с сердцем,
Святополка и Святослава, покровителей наших мальчиков,
В подоле моей юбки. Каждый раз, когда мы двигались,
Мы были, как передвижной храм.

В Харбине, наконец-то в безопасности, мы обустроивали наше жилище.
По крайней мере, пытались. Там не было работы, чтобы выжить –
Продавали наши украшения. Одно за другим.
Начиная с окладов для наших икон –
За аренду жилья, потом тёплую одежду и обувь,
Которые, как оказалось, не спасут от холодных китайских ночей.
Потом мы продавали самих святых, как рабов.

Их золота хватило, чтобы прожить целый год.
Бедное дворянство, как мы страдали,
Неприученные ни к чему.
Не прошло много времени, как я увидел пьяных графов,
Графинь, уехавших в Шанхайские бордели.
Наши молодые люди, заскучавшие и переполненные водкой,
Отправлялись в Сибирь воевать с красными,
Так как умирать – единственная работа, которую они могли найти.

Я плакала, потому что не могла уместить в своей душе все страдания.
Один солдат, не старше, чем ты сейчас, крикнул, что он птичка и выпрыгнул в окно,
Разбитое стекло на тротуаре смотрелось, как перья на солнце.

Твой отец был одним из тех молодых людей.
Мы поженились быстро, без взаимных чувств и церемоний.
Для большинства из нас главным было, как выжить.
Но в день, когда он уехал, океан разделил наши души,
Он кричал с корабля своё обещание создать дом и приехать за нами.
Я понимала, что это может быть дольше, чем годы.
Мы, женщины, знаем старую историю расставания.
Его письмо, написанное в декабре 41-го, пришло на месяц позже войны.

Первый год в концентрационном лагере ты сломал себе ключицу.
За окном больницы цвели вишни.
Первое, что мы услышали, что Японцы победили,
Затем американцы.
С нами никогда не общались плохо.
Параюты Красного Креста с едой и одеждой падали, как милосердие.
Когда упала атомная бомба, нас бомбили в Токио, где мы
Бродили по улицам и спали на булыжниках.
Я носила тебя на спине. Твоя сестра была слишком тяжёлой.

Запомни эту фотографию: эта одежда,
Которую выдавала нам армия, была очень неудобна,
Так как никогда не подходила по размеру,
Кое-как я подгибала и подшивала.
Буквы Д.Р., нанесённые по трафарету на рукава,
Которые заставляли нас носить,
Делали нас такими позорными.
Том! Мне ничего не нужно напоминать.
Я помню всё, особенно те минуты, когда покинула Россию в 19 лет.
Неважно, где я жила, мне всегда было дискомфортно.
Однажды, в Сан-Франциско, идя по мостовой в толпе,
Услышала голос из громкоговорителя:
«Граждане налево, эмигранты направо».
Уличные музыканты пели что-то очень весёлое.
You pointed to the wrong father. I to the wrong husband.¹

Позднее, Лев Львов², потрясённый вновь открывшимися обстоятельствами, в которых оказались его близкие, в том числе и его будущий отец, Иван (тогда ещё мальчик 10 лет), выразил всё это стихами кратко, по-своему:

---

¹ Tom Meschery. Nothing We Lost Can Be Replaced. Poems. The Black Rock Press. University of Nevada, Reno. 1999.

² Племянник и крестный сын владыки Нафанаила и отец автора статьи.

*Григорий с женой, Мария, Иван, Василий Львовы.
Их мать Мария Алексеевна в центре.
Харбин. 1930 г. Личный архив Анн Меццери. США.*

В Сибири – мороз, зима,
Замершая на много тысяч лет земля,
Покрытая сединой тайга...

Поля пшеницы, ржи, овса, не убранные в срок –
Молитвенные свечи, вмерзшие в сугроб.
Три тысячи вёрст сквозь снежный тоннель...
«На Восток, на Восток!», как молитва теперь...

Я плачу потому, что не вернётся вновь
К растерзанной отчизне прежняя любовь.
В Святом Франциске, с корабля сойдя,
Я поняла: чужая мне земля.
Икону предков бережно храня,
Шепчу ей: «Blessed Lady, береги меня».

В Манчжурии Львовы вернулись к мирной жизни.

«Край процветал. Уже на первой станции мы были поражены изобилием фруктов. Владивосток в это время был в руках красного просоветского правительства, из-за которого папа должен был уехать из Приморья. Поэтому решили, не доезжая до Владивостока, остановиться в Манчжурии, в Харбине. Американцы снабдили нас продуктами на несколько месяцев жизни. Мама вспомнила, что у неё когда-то была любимая горничная, которая вышла замуж за телеграфиста, служащего на КВЖД. Она-то и помогла с благоустройством в Харбине, устроила сестру переводчиком в торговую фирму Козлова, нашла недорогую комнату для мамы и сестры в Харбине, а нас, троих мальчишек забрала к себе в Хорго». Там Василий «был назначен пасти коров, Гриша – лошадей, а Ванюшка помогал по дому». Осенью всё вернулись в Харбин, чтобы продолжать учебу. Младших братьев удалось устроить в лучшую в Харбине гимназию имени генерала Хорвата с полным содержанием, а Василий поступил в 5-й класс Харбинского реального училища. Благотворительный комитет, взявший оплату обучения и пансиона младших братьев, отказался платить за старшего Василия, и ему пришлось зарабатывать на учёбу самому продажей путево-дителей по Харбину.

Жили в это время очень бедно, иногда впроголодь. Мария Алексеевна «к практической жизни была очень мало приспособлена. Она давала уроки английского и французского языков, знала их прекрасно. Но она совершенно не умела назначать платы за уроки, и, как мы шутили, она давала ежедневно уроки за два помидора в месяц».

Василий вступил в ряды YMCA – Христианский Союз Молодых людей.

По приезде в Харбин долгое время Львовы не могли ничего узнать о судьбе брата Николая. Перед взятием в плен он отморозил обе ступни ног и лежал с солдатами на соломе в сарае, служившем лазаретом. За время, пока до него дошла проверочная комиссия, Николай успел срезать погоны и уничтожить офицерские документы, сохранив прочие бумаги. Поэтому, как рядовой, был отправлен по месту рождения в Москву, где пленных белых солдат оставили на голом полу на вокзале умирать без пищи, воды и крова. Спасла Николая бывшая гувернантка Львовых и Толстых француженка Мария Магдалина Гамель, регулярно приходившая на вокзал для подачи милостыни. К иностранцам советская власть относилась более лояльно, и ей удалось получить разрешение взять к себе умирающего солдата. Она его вылечила, и впоследствии Николай Львов даже нашел работу в лесном ведомстве, к чему он имел склонность. В конце 1920-х М.М. Гамель удалось благополучно покинуть Россию.

Василий вырос в глубоко верующей и истинно русской благочестивой семье. «Моя мать – вспоминал он – умела молиться как никто другой». А.Ф. Керенский говорил об отце В.Н. Львове как о «глубоко набожном человеке». Вспоминая о бегстве от большевиков из разоренной ими России, владыка Нафанаил говорил о том, что в те трагические дни он часто прибегал к помощи искренней и горячей молитвы, которая часто была единственной надеждой на спасение.

После революционных потрясений Василий избрал путь служения церкви. В Харбине он

закончил Пастырско-Богословские курсы, затем – богословский факультет русского Свято-Владимирского института. Преосвященный Нестор, епископ Камчатский, создал в это время так называемый Дом милосердия – приют для детей-сирот и престарелых. При Доме был построен храм. В 1929 году Владыка Нестор постриг Василия Львова в монашество с именем Нафанаила. Вскоре при Доме Милосердия образовалась монашеская обитель.

В мае 1933 года отец Нафанаил в сане иеромонаха в качестве личного секретаря сопровождал архиепископа Нестора в Югославию для участия в работе Архиерейского Синода Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) находившегося в городе Сремски Карловцы (Югославия), тогда же в Югославии происхо-

*Архиепископ Нестор, игумен Нафанаил и Кирилл Караулов. Харбин. 1935 г.
Фото Императорского Православного Палестинского Общества*

дил Архиерейский Собор Сербской православной церкви¹. Там впервые произошла встреча его с митрополитом Антонием (Храповицким). Отец Нафанаил писал: «Хотя наша семья была с ним лично знакома издавна, и наш отец, вопреки многому, пользовался любовью Владыки, ... мне тогда увидеть митрополита Антония не удалось». «Через руки великого митрополита Антония», по словам отца Нафанаила, он «воспринял от Церкви Христовой высокий сан игуменский». Эти слова приобретают особое историческое значение в контексте политической истории нашей Родины и нашей Церкви, поскольку в этот момент было написано теперь уже многим известное послание митрополита Антония (Храповицкого) к митрополиту Сергию (Страгородскому), призывавшему русских православных христиан поддержать безбожную большевистскую власть в СССР. Митрополит Антоний отверг какие-либо возможности сотрудничества с советской властью: «Чтобы освободить нашу иерархию от ответственности за непризнание советской власти заграничной частью нашей Церкви, впредь до восстановления нормальных сношений с Россией и до освобождения нашей Церкви от гонений безбожной советской власти, Заграничная часть нашей Церкви должна управляться сама...»².

Затем в Югославии владыка Нестор вместе с отцом Нафанаилом с начала сентября до конца декабря 1933 года посетил тридцать один город, двенадцать монастырей и прочитал семьдесят две лекции. Вместе с ними путешествовал студент богословского факультета Белградского университета Владимир Родзянко (впоследствии епископ Василий), в качестве переводчика и иподиакона. Множество русских и сербов всегда собиралось на службы и лекции владыки Нестора. В это же время состоялась встреча русских путешественников с Патриархом Сербским Варнавой, хорошо знавшим и высоко ценившим владыку Нестора с дореволюционных времен, и с епископом Охридским Николаем (Велимировичем), ныне причисленным к лику святых.

На обратном пути из Сербии в Харбин владыка Нестор и молодые воспитанники владыки, теперь игумены Нафанаил и Филарет совершили паломничество в Святую Землю. Перед отъездом состоялась беседа владыки Нестора и митрополита Антония, о которой отец Нафанаил вспоминал: «С владыкой Нестором из Белграда мы собирались ехать во Святую Землю. По этому поводу в присутствии митрополита Антония начались разговоры о том, что недавно греческие монахи около Гроба Господня подрались с католическими. И владыка Нестор повторил очень распространенную в таких случаях фразу:

– Какой позор, что у Гроба Того, Кто учил любви и миру, монахи дерутся.

Митрополит Антоний прервал:

– Нет, владыка, слава Богу, что дерутся. Значит любят. За то, к чему равнодушны, драться не бу-

¹ Пузович В. Архивное наследие русской зарубежной церкви в Сербии // Макарьевские чтения: материалы восьмой международной конференции (21–23 ноября 2009 года) / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. С. 287–293.

² Письмо блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого) к митрополиту Сергию (Страгородскому). 6 мая 1933 г. Электронный ресурс: <http://krotov.info/acts/20/1930/19330506.html> Дата обращения: 09.04.2017.

Нафанаил у входа в русскую церковь св. Марии Магдалины в Гефсимании в Иерусалиме

дут, а за то, что любят, полезут в драку. Слава Богу, что эти простые монахи так любят Господа нашего и Его святой Гроб»¹.

В результате этого путешествия возникла книга архиепископа Нестора «Святая Земля (Иерусалим и Палестина)», изданная в Харбине в 1935 году. Игумен Нафанаил редактировал текст книги и участвовал в технической подготовке этого издания, в которое вошли фотографии, сделанные им во время паломничества.

В 1934 году отец Нафанаил окончил Высшие богословские курсы в Харбине. Был настоятелем церкви и законоучителем в детском приюте при Доме милосердия в Харбине. В 1934–1937 он являлся редактором издания «Православный голос».

Богословскую деятельность отец Нафанаил совмещал с научной – сотрудничал с русским Обществом изучения Маньчжурского края. Летом 1935 года гостями Общества были археологи Тейяр де Шарден и аббат Брейль. Отец Нафанаил вспоминал: «Мне удалось сотрудничать с двумя великими палеонтологами». Тогда же он провел археологическое исследование древней реки Ванчуан-хэ. Результатом стала «коллекция каменных орудий палеонтологического человека и костей плейстоценовых животных», которая получила высокую оценку Тейяра де Шардена и привлекла

внимание прессы: многие газеты опубликовали подробные материалы по этой коллекции и фотографии.

В 1935–1939 годы отец Нафанаил сопровождал Преосвященного Нестора в миссионерской поездке на Цейлон (с 1937 по 1939 год он был начальником православной миссии на Цейлоне). По возвращении в Харбин был возведен в сан архимандрита. В 1939 году назначен Архиерейским Собором помощником настоятеля Почаевской обители в Ладомирове, в Словакии. Занимался миссионерской деятельностью в Керале (Индия), писал статьи и книги. Среди них – апологическая повесть «Семь Святых Таинств» (издана в Ладомирове в Монастыре преп. Иова Почаевского в 1943 году)², предназначавшаяся для православных людей России с надеждой, что в трудные годы лишений принесёт многим «великую духовную пользу». В 1938 году отец Нафанаил был участником Третьего Всезарубежного собора.

В конце Второй мировой войны архимандрит Нафанаил был переведён в Берлин настоятелем кафедрального Воскресенского собора. В самом начале мая 1945 года, за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам, архимандрит Нафанаил вместе с иеромонахом Виталием перебрались в Гамбург. Здесь отец Нафанаил стал инициатором создания (а затем и председателем) Комитета русской православной эмиграции, который спас от насильственной репатриации тысячи русских. Об этих событиях тоже сохранились подробные воспоминания отца Нафанаила. До настоящего времени эта страница трагической послевоенной истории русских ост-арбайтеров, всё ещё остается малоизвестной. По распоряжению советских властей и по их договорённости с союзными военными перемещённые во время войны с территории Советского союза лица подлежали насильственной репатриации. На родине их, подозреваемых в сотрудничестве с немцами и в неблагонадежности, ждало заключение в лагеря, а возможно, и смерть. Поэтому очень многие не хотели возвращаться в СССР и молили владыку Нафанаила о помощи.

«В самом начала мая 1945 года, – вспоминал владыка Нафанаил, – за несколько дней до сдачи Гамбурга англичанам, мы, архимандрит Нафанаил и иеромонах Виталий, пришли из Берлина в Гамбург, частью пешком, частью подвозимые попутными автомобилями.

¹ Архиепископ Нафанаил (Львов). Крупицы воспоминаний о встречах с великим Аввой митрополитом Антонием // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей. 1992. С. 80-81; Караулов А., Коростелев В. С молитвой о святой Руси. Предисловие к кн.: Архиепископ Нестор. Святая Земля (Иерусалим и Палестина). (Харбин, 1935). Электронное издание: http://www.hrono.ru/libris/lib_n/nestorpalestina0.php Дата обращения: 10.04.2017.

² Новое издание: Архиепископ Нафанаил (Львов). Семь святых таинств (апологическая повесть) // Архиепископ Нафанаил (Львов). Семь святых таинств. Церковь как восстановление подлинного человека. Избранные труды. Спб., 2007. С. 5–139.

На богослужения, организованные нами в предоставленной нам англичанами немецкой церкви св. Иоанна Богослова, хлынуло множество народа, главным образом русских и сербов из многочисленных лагерей ост-арбайтеров. [...] После Пасхи англичане начали увозить русских в советскую зону. [...] Но подавляющее большинство ехало неохотно, только потому, что другого выхода не было. Англичане упорно твердили: «Все русские должны ехать домой».

Из самого большого в Гамбурге, т. н. «рыбного» лагеря, где было сосредоточено около 20 тысяч ост-арбайтеров, главным образом, русских, были в этот первый период репатриации вывезены все до единого обитатели. Среди увезённых было несколько священнослужителей. Уезжая, они плакали горькими слезами, и многие прибегали к нам, прося «похлопотать, чтобы можно было остаться».

«Со слезами и отчаянием люди каждый день продолжали уезжать на восток. Оттуда стали доходить вести всё более мрачные. Нескольким увезённым удалось бежать и вернуться. Они рассказывали об ужасах. Среди увозимых начались самоубийства. Доходили слухи, что в американской зоне самоубийства принимают массовый характер».

В гамбургском лагере Кверкампф почти триста человек заявили о желании покончить жизнь самоубийством, но не возвращаться к большевикам. Они умоляли архимандрита Нафанаила помочь.

Сейчас подобные истории раскрываются в отношении т. н. «перемещённых лиц» и в других европейских странах. По ялтинскому соглашению все ди-пи (displaced persons – перемещённые лица) подлежали депортации в СССР. Вот что происходило в Италии: «Поняв, куда их везут, и отлично зная, что их ожидает, староста одного из лагерей бывший майор Советской Армии П.П. Иванов, пользовавшийся большим авторитетом у соотечественников, укоризненно бросил английскому коменданту: «Значит, вы всё-таки отправляете нас на смерть. А я-то в вас верил. Предала нас ваша демократия». Молодой офицер британской разведки А. Вайман вспоминал, как после погрузки в вагоны русские стали кричать: «Не отдавайте нас Советам. Лучше расстреляйте, если хотите, но только не посылайте на пытки»¹.

Благодаря придуманному отцом Нафанаилом и его соратниками выходу с «восстановлением» документов удалось спасти и от самоубийства, и от смерти в советских лагерях многих людей. Их удалось выдать за граждан предвоенной Польши, на территории которой проживали и русские, и украинцы.

По воспоминаниям одной прихожанки и сотрудницы Комитета русских беженцев, «Отец Нафанаил после спасения людей из Кверкампфа стал хлопотать о всех, кому угрожала насильственная репатриация, насильственная выдача. По всей английской зоне прошёл слух о нём как о защитнике и помощнике. И многие стали приходить к нему, прося помощи и спасения»².

10 февраля 1946 года в Женеве митрополит Антоний рукоположил архимандрита Нафанаила в сан епископа Брюссельского и Западно-Европейского. Епископу Нафанаилу удалось добиться от французских властей разрешения на переезд из Югославии во Францию монахинь Леснинского монастыря.

С 1951 года служил в Англии с титулом епископа Престонского и Гааги, викария Западно-Европейской, жил в Англии.

В 1952 году епископ Нафанаил был назначен администратором русских приходов в Северной Африке, изучал церковную историю этого региона в первые века христианства. Тогда ему удалось быстро уладить конфликт между русским и греческим духовенством. Для духовного укрепления и объединения русского населения Северной Африки епископ Нафанаил предложил воплотить уже

*Епископ Нафанаил.
1976-е.*

¹ Базанов П.Н. Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951) // Русские в Италии: культурное наследие русской эмиграции. Международная научная конференция. 18-19 ноября 2004. М., 2006. С. 182.

² Из воспоминаний о преосвященном архиепископе Нафанаиле // Архиепископ Нафанаил (Львов). О Святой Библии. Священное Писание и богослужение. Апологетические беседы. Избранные труды. СПб., 2007. С. 14.

*Иеромонах Нафанаил
1933–1935 г.*

существовавшую идею строительства русского соборного храма в Тунисе. Проект создал представитель первой волны русской эмиграции, архитектор М.Ф. Козмин, работавший в Министерстве градостроительства Туниса с 1946 года и занимавшийся восстановлением Бизерты после военных бомбардировок¹. 5 марта 1949 года правительство Туниса утвердило проект и предложило муниципалитету столицы выделить участок земли. Однако ничего не было сделано до приезда владыки Нафанаила. Ему же удалось добиться поддержки всех сторон, участвовавших в решении этого вопроса: властей Туниса, русского и греческого духовенства, объединить усилия прихожан, привлечь денежные средства, найти инженеров и строительные фирмы, которые согласились выполнить работы относительно недорого².

В этой работе владыка Нафанаил продолжил традицию своего великого предка – выдающегося русского архитектора-храмостроителя и художника Николая Александровича Львова. Воскресенский собор в Тунисе возводили по проекту архитектора Михаила Федоровича Козмина (1901–1999) – племянника священномученика архиепископа Рязанского Иувеналия (Масловского). Инженерные работы возглавлял Владимир Ефимович Лагодовский (1895–1983), который прибыл

в Тунис с русской эскадрой 25 декабря 1920 года. Образ этого одноглавого храма был ориентирован на знаменитый древнерусский храм XII века – церковь Покрова на Нерли. Благодаря упрощённой пластике фасадов, что было отчасти вынужденной мерой экономии средств, возникло сходство и с другим древнейшими святынями русской земли – с храмами Новгорода Великого и Древнего Киева. Глава храма, быть может, не случайно напоминала завершение подземной Константино-Еленинской церкви при Новоиерусалимском храме Воскресения. Она была покрыта голубой эмалью. Железобетонные монолитные конструкции стен и перекрытий позволили расширить внутреннее пространство этого относительно небольшого храма и устроить совсем тонкие внутренние опоры, вместо обычных для древнерусских храмов массивных столпов. Поэтому интерьер получился лёгким, светлым и воздушным. К сожалению, его не успели расписать. Низкий иконостас в традиции древнерусской и византийской был выполнен из икон и элементов, принесённых с корабельных храмов русского императорского флота, нашедших последнее пристанище в портах Туниса: линкора «Генерал Алексеев», крейсера «Кагул» и штабного судна «Георгий Победоносец». При закладке храма 11 октября 1953 года под закладной камень была помещена частица мощей священномученика Киприана, епископа Карфагенского, знаменитого распространителя христианства на северо-африканской земле в III веке.

Когда строительство храма было в самом разгаре, епископа Нафанаила неожиданно перевели в Германию. Строительные работы продолжались до 1956 года, и 10 июня новый храм был освящён святым архиепископом Шанхайским Иоанном (Максимовичем) – в то время архиепископом Западно-Европейским в сослужении епископа Женевского Леонтия (Барташевича) и настоятеля иеромонаха Митрофана (Едлинского-Мануйлова).

Вместе с владыкой Иоанном (Максимовичем) владыка Нафанаил был одним из инициаторов включения в святцы Русской Церкви имён ряда святых, прославленных на Западе до 1054 года – даты разделения Восточной и Западной церквей³. В 1953 году он представил Епископу Иоанну специальный доклад о раннехристианских святых Северной Африки с перечислением множества имён в виде обширного списка-календаря поминовений этих святых. Тем самым, быть может ненамеренно, епископ Нафанаил тоже продолжил дело своего предка Николая Александровича Львова по изучению раннехристианских древностей в эпоху классицизма.

¹ О нем см. подробнее: Левашко С.С. Козмин Михаил Федорович // Искусство и архитектура русского зарубежья. Электронный ресурс: <http://www.artz.ru/menu/1804656749/1804870119.html> дата обращения 04 апреля 2017.

² Шкаровский М.В. Русские церковные общины в Тунисе. Статья опубликована на сайте Императорского православного палестинского общества: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/russkie-cerkovnye-obschiny-v-tunise-mv-shkarovskiy-201716> Дата обращения: 08 апреля 2017.

³ Архиепископ Иоанн (Максимович). О почитании святых, просиявших на Западе. Доклад архиерейскому собору (1950 г.) // Русский паломник. №9, 1994. С. 53–58.

В предисловии к этому списку владыка Нафанаил ёмко и глубоко сформулировал причины и необходимость изучения местной церковной истории – того, что мы сегодня называем духовным краеведением: «Нельзя соглашаться с мнением некоторых, что вопрос этот теоретичен, и что ныне не время изыскивать святых, когда бедой является охлаждение христиан, а не недостаточное число святых Божиих. Достодолжное прославление святых может и будет служить делу пробуждения человеческих душ. Когда православный человек живёт в каком-нибудь городе или селении, связанном с именем того или иного святого, у него, при наличии минимальной церковности, неизбежно возникает личная связь с данным святым. Если же такому православному будет сказано, что данный святой – не православный, нашей Церковью не чтится, то связи этой не возникает, и данный человек лишается благодатного воздействия на его душу данного святого, который через местность общую для него и для православного человека, живущего в данном селении, мог бы стать знаемым, любимым святым, другом души, могущим молитвами и воздействием принести много пользы современной православной душе. Те, кто испытали сами благотворное воздействие святых на наши души, их благодатную помощь или от других слышали о случаях такой помощи (например, случай обращения от теософии к Православию нынешнего епископа Серафима преподобным Серафимом Саровским, согражданином Преосвященного Серафима), поймут важность достодолжного прославления святых Северной Африки для почти 4.000 русских православных людей, ныне там живущих»¹.

С 1954 года владыка Нафанаил окормлял приходы в Маннгейме и Берлине.

С 1961 года и до последних дней своих владыка Нафанаил состоял членом Свято-Князь-Владимирского братства, неоднократно председательствовал на его общих собраниях, с 1964 по 1978 состоял в правлении Братства. В 1966 году он стал настоятелем монастыря Св. Иова Почаевского в Мюнхене и оставался им до 1980 года.

С 1971 года владыка Нафанаил временно управлял Австрийской епархией. К этому времени относится ещё одно важное и символичное событие современной истории Русской православной церкви, совершившееся при деятельном участии владыки. В конце 1974 года православному приходу Вены был передан бывший ранее католическим храм святой Бригиты – ирландской подвижницы V века, основательницы первого женского монастыря в Ирландии. Владыка Нафанаил предложил сохранить посвящение храма св. Бригиты при его освящении, поскольку это была святая, которая жила, когда «Церковь Ирландии хранила особо тесную связь с Востоком». Не получив ответа Священного Архиерейского Синода с разрешением такого посвящения храма, владыка всё же сам решил его святить, и после этого торжественного события, состоявшегося 15 июня 1975 года, он составил доклад Архиерейскому совещанию в Европе с обоснованием посвящения и с просьбой его утвердить. В этом докладе он приводит краткие сведения о древней Ирландской Церкви и о житии святой Бригиты. А затем излагает замечательную историю почитания этой святой в Вене после чуда, совершившегося на месте, где и был потом построен храм в её честь. В июле 1683 года во время осады Вены турками святая Бригита явилась венцам, направляя их пушку на турецкий лагерь. После этого обстрела турки отменили штурм Вены, и вскоре на помощь венцам прибыла армия под командованием польского короля Яна Собесского. Турки были разбиты, и Вена спасена. Владыка Нафанаил заметил, что это чудо святой Бригиты спасло не только Вену, и не только Австрию, Италию и всю Европу от турецкого нашествия, но и оказало большую помощь России, которая тоже подвергалась в то время турецким и татарским нападениям².

Игумен Нафанаил. Харбин. 1933 г. Фото «Русский Харбин».

¹ Цит. по электронному ресурсу: <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=940> Дата обращения: 04.04.2017.

² Архиепископ Нафанаил (Львов). Доклад Архиерейскому совещанию в Европе об освящении церкви в честь преподобной Бригиты в Вене 15 июня 1975 г. // Архиепископ Нафанаил (Львов). О Святой Библии. Священное Писание и богослужение. Апологетические беседы. Избранные труды. СПб., 2007. С. 274-279.

*Отец Нестор с Алешей Львовым
и внучкой генерала Добужинского.
Белград. 1930-е годы.*

В 1976 году владыка Нафанаил был назначен епископом Венском и Австрийским. По воспоминаниям, владыка Нафанаил прекрасно проводил богослужения. У него не было музыкального слуха, но голос был чист, ясен и проникновенен. «Пасхальная радость, которую чувствовал владыка, была так велика, что она передавалась всем людям, стоящим в церкви. И каждый считал, что это к нему обращено, что восклицает владыка «Христос Воскресе!», призывая именно его до конца понять эту великую весть и возрадоваться вместе с ним»¹.

Он обладал природным даром проповедника, был необыкновенно эрудирован, в совершенстве владел богословием, философией, русской и всемирной литературой, откликался на самые актуальные вопросы в области истории, которую знал и любил, или Священного Писания, археологии, астрономии, даже зоологии. Живой, оригинальный лектор, интересный собеседник, он на всё и вся имел свои мысли, никогда не отклонялся от учения святых отцов церкви.

Его духовное наследие ценно для нас той живой традицией естественной «тихой» веры, которой было пропитано существование всех благочестивых русских семей до катастрофы 1917 года и последовавшего затем геноцида русского народа и всех народов Российской империи. Для примера приведем фрагмент из его проповеди на евангельскую притчу о виноградниках: «Святые отцы, истолковывавшие эту притчу, от Василия Великого до митрополита Антония, любили напоминать, что

этими плодами прежде всего являются душевные устроения любви ко Христу и верности Ему. Не столько дел ждёт от нас Господь, а именно душевного устроения. Возможности творить добрые дела это Он предоставляет или не предоставляет нам. А вот любовь к Нему, верность Ему, и те усилия, которыми нудимся, принуждаем мы себя по евангельскому слову, это мы можем принести от себя, и этого ждёт от нас Господь.

И если будет в нас такое душевное настроение, тогда добрые дела изольются из нас, свободно естественно, непосредственно просто, а не вынужденно в порядке принудительных «добрых акций» культивируемых Западом»².

Личность владыки Нафанаила хорошо ощущается в его текстах, всегда живых и прочувствованных. Они несут нам те «глотки свежего воздуха» правды, который удалось сохранить в духовной жизни ученикам и последователям митрополита Антония (Храповицкого): «... по своей правдивости, митрополит Антоний не терпел позы и экзальтации. Как только он замечал признаки атмосферы восторженности, он разрушал её «неприличным словом»³. Среди родственников владыки Нафанаила сохранились воспоминания, что он был очень сердечным и естественным в общении с близкими, любил беседы на самые разные темы, в которых часто становился главным центром внимания поскольку имел дар рассказчика.

В 1981 году владыка Нафанаил был возведён в сан архиепископа. Последние годы он безвыездно жил в обители преподобного Иова Почаевского. Когда он тяжело заболел и нуждался в усиленном уходе, братия не пожелала отдать Владыку в старческий дом и с большим терпением ухаживали за настоятелем. «Лично я встретился с владыкой Нафанаилом перед его смертью, когда он жил в нашем мюнхенском монастыре... все его очень любили»⁴.

¹ Из воспоминаний о преосвященном архиепископе Нафанаиле // Архиепископ Нафанаил (Львов). О Святой Библии. Священное Писание и богослужение. Апологетические беседы. Избранные труды. СПб., 2007. С. 15.

² Цит. по электронному ресурсу: http://synod.com/synod/rocor/ser_archbpnafanailned13.html Дата обращения: 04.04.2017.

³ Архиепископ Нафанаил (Львов). Крупицы воспоминаний о встречах с великим Аввой митрополитом Антонием // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей. 1992. С. 82.

⁴ Из письма монаха Филарета к А.П. Львовой 12 марта 2008 г. (архив семьи Львовых в Москве).

*Нафанаил на берегу Галилейского моря.
Из книги «Святая Земля (Иерусалим и Палестина)»*

*Игумен Нафанаил в лодке на реке Иордан.
Архиепископ Нестор. Харбин. 1935 г.*

Полуслепой и практически лишённый возможности передвигаться, владыка Нафанаил наладил в этой обители значительную по масштабам издательскую деятельность, направленную на выпуск духовных книг и брошюр, тайно переправлявшихся в СССР.

Архиепископ Венский и Австрийский, преосвященнейший Нафанаил мирно скончался 8 ноября 1986 года, в день великомученика Дмитрия Солунского. Тело его предано земле на архиерейском участке русского кладбища в Висбадене.

Перу Владыки Нафанаила принадлежит несколько книг. Многочисленные статьи его печатались в «Харбинском православном голосе», в «Православной Руси», в православных сборниках в Париже, в «Церковном Голосе», и в «Вестнике Православного Дела Западной Германии», неоднократно передавались западными радиостанциями на русском языке. В 1991-1995 годах комитетом Русской православной молодежи за границей в Нью-Йорке все труды владыки были собраны в пятитомное издание под названием «Беседы о Священном Писании и о вере». В предисловии к первому тому епископ Манхэттенский Илларион, председатель комитета Русской православной молодежи за границей, писал: «Беседы...» архиепископа Нафанаила представляют собой уникальное явление в русском богословии. Автор «Бесед...» – личность неординарная и неоднозначная. Он прошёл сложный жизненный путь и впитал в себя духовный опыт различных церковных течений, с которыми его богатая судьба довела его познакомиться. Россия, Маньчжурия, Европа, Америка, Африка, – где бы он ни был, проблемы местной церкви его волновали в одинаковой мере, и везде он оставил память о себе в своей эрудированной и актуальной церковной публицистике. ... Читатель легко заметит одно редкое писательское качество архиепископа Нафанаила: о чём бы он ни писал или говорил – о далёком от нас историческом всемирном потоке или о делах африканских – он совершенно естественно и непринужденно переходит к одной единственной теме, которая является темой и смыслом всей его жизни – Бог, церковь, душа, Спасение и... Россия».

Богатый жизненный опыт архиепископа Нафанаила, его дар непосредственно и живо воспринимать окружающую жизнь во всём многообразии духовных проблем, – открыли ему широкие возможности для публицистической и писательской деятельности.

Его тексты на самые различные темы духовной жизни, церковной истории, по каноническим проблемам меж-епархиальных отношений, по истории русской культуры, – всегда наполнены непосредственным личным знанием и личным переживанием всего, о чём владыка Нафанаил брался писать. Его живой ум и одарённость интеллектуала, свойственные многим представителям семьи Львовых, оживляют его публицистические тексты и наполняют его проповеди тем подлинным чувством человечности, которое так убеждает и привлекает души людей.

Среди работ владыки Нафанаила есть статьи о русском искусстве и русской культуре, которые возникли и как результат трудов над проповедями или в итоге публицистической деятельности. Тем не менее, они и сегодня представляют интерес не только для любителей русского искусства, но и для специалистов – искусствоведов и культурологов. Таковы его работы о Владимирской иконе Божией Матери, о жизни и творчестве Андрея Рублёва, о смысле, духовных аспектах и

*В Монастыре Св. Иова Почаевского в Мюнхене.
1980-е. Личный архив*

историческом значении деятельности императора Петра I¹.

Россия почти всегда явно или откровенно находится в основании всех тем отца Нафанаила. Поэтому и прикосновения его к политическим проблемам, неизбежные и даже необходимые в контексте истории его эпохи и его служения, оказываются глубоко личными, волнующими и убедительными. Глубоко проникая в духовную суть явлений и действий исторических личностей, владыка Нафанаил предсказал прославление Церковью преподобного Андрея Рублёва и Царственных Мучеников. Его восприятие личности и дел Петра I многим приверженцам поисков национальной идентичности пока-

жется неожиданным своими положительными выводами относительно значения императорского устройства Российского государства для «удержания» духовной жизни русского народа от разрушения.

Ещё в молодые годы к отцу Нафанилу пришло понимание необходимости всеобщего покаяния русских людей как единственного пути к выживанию и к спасению разоренной революционерами России. Задолго до прославления Русской зарубежной церковью Царственных мучеников и их убитых большевиками соратников, он осознал и свою личную ответственность за ошибочные убеждения и действия своих близких, и необходимость такого осознания для всех вольно или невольно оказавшихся втянутыми в процесс уничтожения законной императорской власти и российской государственности. В его проповедях на протяжении десятилетий звучали призывы к покаянию, адресованные как непосредственным участникам революционных событий, так и их потомкам и родственникам. Сегодня, в год столетия страшной катастрофы нашей Родины, глубоко прочувствованные, выстраданные и наполненные любовью и мудростью слова владыки Нафанаила могут оказать нам помощь в преодолении духовных и физических последствий тех лет. Приведём несколько цитат, дошедших до нас в опубликованном виде, которые поразительно современны сегодня.

На двадцатипятилетие февральской революции в 1942 году владыка свою великопостную проповедь «За измену Божией Правде» наполняет воспоминаниями о февральских событиях 1917 года: «Не даром именно теперь, четвертьвековая юбилейная дата напоминает нам о нашем грехе, совершенном двадцать пять лет тому назад. Пусть не отказываются от покаяния в этом грехе те молодые поколения, которые на родных ли полях, на чужбине ли выросли в долгий период, протекший с тех пор. [...] Если в нас есть национальное сознание, мы полностью должны принять на себя всю полноту последствий и ответственности за всё, совершенное нашими отцами и отдалёнными предками. Если мы имеем право хвалиться подвигами богатырей, Александра Невского, Минина и Пожарского, Суворова, Кутузова, Скобелева, пользоваться духовными плодами наших русских святых..., то не можем мы отказываться от ответственности за грехи наших предков»².

Продолжал эту мысль владыка Нафанаил и через двадцать лет: «О, если бы хоть в этом проявилось наше покаяние в содеянном, наш ужас перед глубиной нашей вины перед всем миром, если бы хоть сейчас, во единонадесятый час человеческой истории, прекратили бы мы повторение пошлых и плоских бессмысленных формул, вошедших в наш язык тогда, в годы борьбы с Помазанником Божиим! [...] Мало что можем. Но это малое принесём. Принесём нашу молитву о нашем Мученике-Царе, о том, чтобы воистину со святыми упокоил его Господь. Принесём в нашем сердце твёрдый обет никогда не позволять ни устам своим, ни разуму своему

¹ Архиепископ Нафанаил (Львов). Владимирская икона Божией Матери; Преподобный Андрей Рублев; Слово к прославлению блаженной Ксении; О Петре Великом // архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей. 1992. С. 171–211.

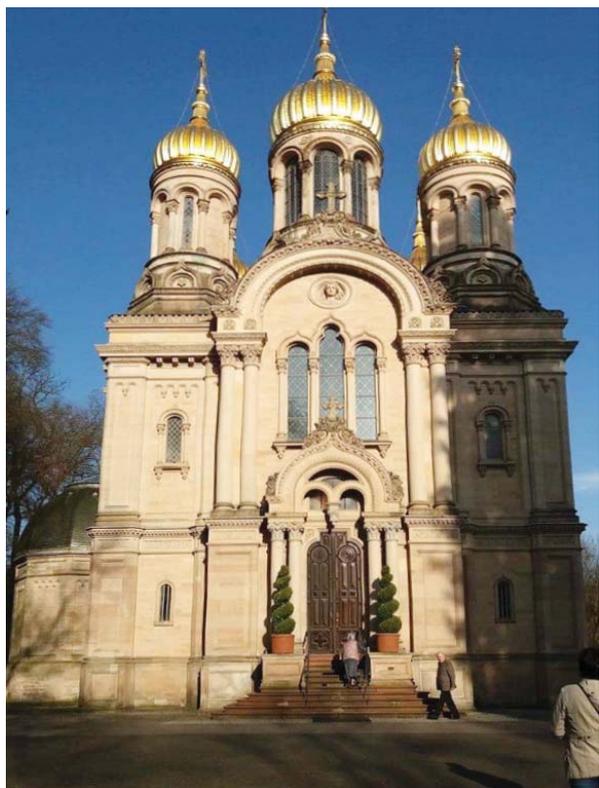
² Архиепископ Нафанаил (Львов). За измену Божией Правде // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о Священном писании и Вере. Том 3. New York: Комитет Русской Православной Молодежи Заграницей, 1992. С. 91–92.

*Монастырь св. Иова Почаевского в Мюнхене.
Декабрь 1973 г.*

*Храм Воскресения Христова
русской Православной Церкви в Тунисе.
Фото ОПЭ «Древо». 2008 г.*

Церковь святой праведной Елизаветы на горе Нероберг. Висбаден. 2017.

*Могила Архиепископа Нафанаила.
Висбаден. 2017. Личный архив М.Ю. Сорокиной*

повторять гнусные неправды, возводимые на нашего Царя и на его дело, на его служение, гнусные неправды и донныне повторяемые во всем мире. А главное, дадим обет нашему Государю, бессмертному духу его, быть может и сейчас присутствующему среди нас, на этой молитве за него и его семью, в том, что, что бы с нами не случилось, мы никогда не примиримся с силами сатанинского зла, убившими нашего Государя и полонившими нашу Родину»¹.

Еще через двадцать лет, в 1981-м, Русская православная церковь Заграницей официально признала императорскую семью царственными мучениками, и снова владыка Нафанаил подтвердил свою духовную позицию: «Император Николай II – многосторонний мученик. Он мученик, как и простой человек христианин, как миллионы других русских мучеников, убитых за то, что они верили в Бога и остались верными своему исповеданию. Поэтому может он быть поставлен во главе многомиллионного множества русских людей, убиенных и замученных богборцами в наше время»².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архивное наследие русской зарубежной церкви в Сербии // Макарьевские чтения: материалы восьмой международной конференции (21–23 ноября 2009 года) / Отв. ред. В.Г. Бабин. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2009. С. 287–293.

Архиепископ Иоанн (Максимович). О почитании святых, просиявших на Западе. Доклад архиепископскому собору (1950 г.) // Русский паломник. №9, 1994. С. 53–58.

Архиепископ Нафанаил. Беседы о священном писании и о вере. Собрание из 5-ти томов. Изданы Комитетом Русской Православной Молодежи Заграницей. 1991–1995.

Вторая русская эмиграция и «дипийская» печать в Италии (1945–1951) // Русские в Италии: культурное наследие русской эмиграции. Международная научная конференция. 18–19 ноября 2004. М., 2006. С. 182.

Искусство и архитектура русского зарубежья. Электронный ресурс: <http://www.artz.ru/menu/1804656749/1804870119.html> дата обращения 04 апреля 2017.

Н.А. Львов. Жизнь и творчество. Новые материалы / сост. и науч. ред. А.Б. Никитина. Вышний Волочёк, 2013. С. 669.

Петербургский Рериховский сборник. Часть VIII. Санкт-Петербург. Рериховский центр СПбГУ. Вышний Волочек. Издательство «Ирида-прос». 2008.

Письмо блаженнейшего митрополита Антония (Храповицкого) к митрополиту Сергию (Страгородскому). 6 мая 1933 г. Электронный ресурс: <http://krotov.info/acts/20/1930/19330506.html> Дата обращения: 09.04.2017.

Русские церковные общины в Тунисе. Статья опубликована на сайте Императорского православного палестинского общества: <http://www.ippo.ru/ipporu/article/russkie-cerkovnye-obschiny-v-tunise-mv-shkarovskiy-201716> Дата обращения: 08 апреля 2017.

Tom Meschery. Nothing We Lost Can Be Replaced. Poems. The Black Rock Press. University of Nevada, Reno. 1999.

---

¹ Архиепископ Нафанаил (Львов). Слово в годовщину убийства Государя Императора Николая II и его царской семьи (на панихиде 4/17 июля 1961 года в церкви Покрова Пресвятой Богородицы в Берлине) // Там же. С. 74, 75.

² Архиепископ Нафанаил (Львов). О прославлении Царя — Мученика // Архиепископ Нафанаил (Львов). Беседы о священном писании и о вере и Церкви. Т. 5. New York, 1995. С. 95.

Берега княжества Лихтенштейн

Неонилла Пасичник

Глубоко скорбим о гибели русского барона княжества Лихтенштейн.

17 ноября на 107 году жизни погиб в пожаре у себя дома в столичном княжеском городке Вадуц выдающийся общественный деятель Эдуард Александрович Фальц-Фейн.

Этот очерк, составленный из разных, ранее опубликованных и совсем свежих материалов, я подготовила к 106 дню рождения в сентябре нашего народного барона, но опубликовать не сложилось... «Вмешалось» сербское кино... У Господа все живы – жив и неутомимый меценат русской культуры из крошечного княжества в заснеженных Альпах.

*Вечная память и Царство Небесное рабу Божию Олегу, дорогому Эдуарду Александровичу!
Со Святыми упокой, Христе, душу раба Твоего!*

Эдуард Александрович Фальц-Фейн: «Пора перевернуть страницу истории и жить дальше!»

Киевский хлеб в Швейцарии

Собираясь 13 лет назад в очередную апрельскую командировку на кинофестиваль документальных фильмов в Швейцарию, как обычно это случается у русских, вместо того, чтобы тихо «в интернете посмотреть», решила о погоде спросить... Через несколько минут у меня дома в Киеве раздался телефонный звонок. Никита Дмитриевич Лобанов-Ростовский из Лондона дал княжеский совет: «В Швейцарии выпал снег. Навестить барона Фальц-Фейна в княжестве Лихтенштейн – Ваш долг!» На вопрос как попасть в это княжество, услышала: «Как если бы Вы ехали в Бурятию в России! Записывайте телефон Барона.»

Прежде чем убедиться, что жизнь в крохотном государстве в швейцарско-австрийских Альпах, управляемом Лихтенштейнским князем, как и полагается, строго регламентирована, просмотрела биографию барона Эдуарда Александровича Фальц-Фейна. Родился в деревне Гавриловка, Таврической губернии Российской империи (ныне Херсонская область, Украина) в 1912 году. Потомок основателя заповедника «Аскания-Нова». Тогда мне предстояла встреча с русским аристократом – чемпионом, и не только геронтологии. В эти первые 40 дней мы скорбим, но понимаем, что Эдуард Александрович уже перевернул главную страницу своей личной истории и сейчас он в пути – предстоит встреча со своим Творцом.

А тогда, бодрым голосом, свидетельствующим о безупречном здоровье и силе духа, барон прозвонил по телефону в 9 часов утра, ответив на мой звонок: «У Вас хорошая рекомендация. Я сумею предупредить князя Лихтенштейна о Вашем ко мне визите. Привезите украинский хлеб». Княжеское покровительство ощущалось на каждом шагу: в то время, как неутомимые швейцарские таможенники, выполняя закон о запрете на ввоз в страну сельскохозяйственных продуктов, извлекали из авосек украинских туристов сало и иные деликатесы – мой хлеб «из Киева» пользовался исключительным правом неприкосновенности по личному распоряжению князя Ханса-Адама Второго, ходатайством барона...

Правитель Лихтенштейна князь Ханс-Адам Второй на праздновании 100-летия Эдуарда Александровича, Вадуц, 14 сентября 2012 года

Памятник основателю заповедника Аскания-Нова Фридриху Фальц-Фейну (автор фото: Мария Титенич, Львов)

Аскания-Нова в Новороссии

В одной из редких книг семейного архива барона об истории заповедника Аскания-Нова есть такие строки: «Йохаин Фейн в лютые крещенские морозы среди первых немецких колонистов прибыл в Россию, в Петербург. В далёкой Германии пастор записал в церковной книге: *Й. Фейн. Родился в 1743. Конфирмация в 1754. Пропал без вести в 1763.* Когда первая партия мериносовых овец отправлялась в Новороссию, в Ангальт-Кетенском княжестве отмечали это событие, как национальный праздник, провожали колонистов с музыкой и цветами. Был 1828 год. Овец гнали погонщики. Два месяца шли к Брест-Литовску, затем ещё два в Херсонские степи. Название новому селению придумали непривычное для русского уха, по имени графов Асканийских, чей титул носили Ангальтские герцоги с 1330 года: Аскания-Нова. А через какое-то время к фамилии Фейн прибавилась половинка Пфальц: Элизабет Фейн вышла замуж за Йоханна Фальца. Двойную фамилию Фальц-Фейн закрепили законом при царе Александре Втором во время Крымской войны...»

Родители Эдуарда Александровича встретились за границей. Русская аристократия зимой съезжалась на Cote d'Azur, где жизнь была дешевле, чем в России. Александр Фальц-Фейн состоял в разводе с женой, жил уже один 5 лет. На Английской набережной в Ницце он встретил двух необыкновенных дам, чрезвычайно похожих друг на друга. Только одна была молода и прекрасна, а другая величественна и строга. К вечеру он уже знал, что это Вера и Вера Карловна, дочь и мать Епанчины. Через две недели после знакомства Александр Эдуардович сделал Верочке предложение. Венчание состоялось в Исидоровской церкви села Дудчино в 1910 году, а через два года 14 сентября родился Эди! «Я родился в «райском саду», в зоопарке в прославленной на весь мир «Аскании-Нова», – с этой фразы барон Эдуард фон Фальц-Фейн обычно начинал рассказывать свою биографию.

Дядя Федя – Фридрих Эдуардович был учёным-зоологом. Он организовал экспедиции в Африку, в пустыню Гоби, в Южную Америку, где доставал уникальных животных, акклиматизировал их и спасал от вымирания. Родная Гавриловка, где был выстроен дворец, официально называлась Фальц-Фейново.

Уезжал из России Эдуард Александрович в пятилетнем возрасте, прежде чем он стал что-нибудь понимать. Из России Фальц-Фейны «выскочили» в одних рубашках, единственные ценности, какие им удалось с собой захватить – это семейные альбомы. Барону повезло, что мама всё хранила, не выбрасывала даже вырезки из газет. Эдуард Александрович считает, что от мамы он получил этот «бзик» по наследству и сам всю жизнь разыскивал повсюду всё, что имеет отношение к его семье и царской России. В папках его архива собрано всё о приезде Николая Второго в Асканию-Нова, и о том, как императору помешала Первая мировая война пожаловать Фальц-Фейнам потомственное дворянство. Ради посещения Аскании царь тогда нарушил протокол. Но грянула Первая мировая война и последовал закон «О ликвидации немецкого засилия», ставший охранной грамотой для разбойников и воров, получавших удовольствие от грабежа самой трудолюбивой части населения.

Переворот 1917 и переход в православие

Переворот 1917 года застал семью Эди, Эдуарда Александровича, в Петербурге. Три общие тетради архива барона – мемуары его мамы. Она, как и все беженцы, долго верила, что их семья вернётся в Россию. Барон передал дневники Веры Епанчиной в архив в Москве. Фальц-Фейны не желали покидать Россию, рвались в свою Гавриловку, но от гибели там, их спасло чудо: мама Эди

заболела корью и они вынуждены были остаться в Петербурге. Захватив старые семейные альбомы, семья Фальц-Фейнов бежала в Финляндию, в Нейшлот, а оттуда в Германию, там они устроились в маленьком пансионе в Берлине, где уже было много русских.

В ноябре 1918 года в Германии разразилась революция, Вильгельм Второй бежал в Голландию. Вскоре Фальц-Фейны в Берлине узнали, что 84-летнюю Софью Богдановну, бабушку Эди, расстреляли из пулемёта в порту Хорлы близ Гавриловки ... Это известие сразило отца Эди, сердце его не выдержало, и он скоропостижно скончался. Похоронен в Берлине.

Мама осталась одна с двумя детьми. Она часто брала Эди вместе с сестрой с собой в церковь. Увидев величественное русское храма в Ницце, на строительство которого отец Эди пожертвовал большую сумму, и, услышав чудное хоровое пение, мальчик испытал потрясение, настолько ему там понравилось. И сказал маме: «Я хочу ходить в твою церковь. В моей – всё так сухо». И они с сестрой крестились в Православии. Эди с именем Олег в память святого благоверного князя Олега Брянского. Мама была счастлива, их это очень сблизило.

Эдуарду Александровичу пришлось со временем «кормить» семью: маму и сестру. В 1932 г. Эдуард Фальц-Фейн выиграл велогонки среди студентов и стал чемпионом Парижа. Ведь в детстве, когда в Ницце у них дома играл Сергей Рахманинов и пел Шаляпин, Эди убегал кататься на велосипеде. Однажды он пришел в редакцию, поместившую его огромное чемпионское фото. С тех пор Эдуард Фальц-Фейн стал генеральным корреспондентом в Германии самой популярной спортивной газеты в Европе...

Плакат к единственному художественному фильму Лихтенштейна «Дети горы», продюсером которого был Эдуард Александрович Фальц-Фейн

Нансенский паспорт русского эмигранта

Русская эмиграция в Париже – это очень печальная страница. Княжна Надежда Щербатова работала моделью у Коко Шанель, генералы становились таксистами, а их жены посудомойками в ресторанах. Бедствовали генералы Деникин, Врангель, писатель Бунин, художники Бенуа, Коровин. Выражение «русский эмигрант» было унижительным, так как оно означало, что у человека ничего нет. Нет родины, нет своего языка. А есть нансенский паспорт, дешёвая квартира, убогое существование в пределах русской колонии, а вместо будущего – старческий дом в Ментоне или где-нибудь ещё. Сотни тысяч эмигрантов поселились во Франции, а их сюда никто не звал. У мамы Эдуарда Александровича до конца дней был нансенский паспорт, она, как и многие русские не могла отказаться от российского гражданства: стыдно будет возвращаться в Россию. Но она же сделала всё возможное, чтобы её сын избавился от статуса русского эмигранта, так как это лишило бы его будущего. Вере Николаевне удалось к моменту учёбы сына в Париже получить от правящего монарха Лихтенштейна Франца I подтверждение, что он готов дать её сыну гражданство в своём княжестве.

А тем временем в 1934 году в Берлин приехал парижский репортёр, с немецкой фамилией, говорящий по-французски без акцента, одетый и причёсанный, как английский денди. Кто мог подумать, что это русский?.. К этому времени нацистская партия победила на выборах в Германии. Интересно, что следом, по числу голосов, шли коммунисты. Эдуард Александрович рассказал, что после пивного путча 1923 года в Мюнхене, Хитлера осудили на пять лет тюрьмы. Вышел он на свободу досрочно, спустя два года. «Немцы несли цветы к карцеру, где сидел Хитлер, забыв, что он был осуждён за то, что вооружённым путём хотел сбросить законную власть. Сегодня Хитлер развенчан. Но чем лучше Наполеон, которому он подражал? Оба пролили море крови. А о нём в музеях рассказывают... Это же свинство! Скажи об этом французу – он тебя убьёт,» – был убеждён

*Эдуард Александрович
с дочерью Людмилой*

Эдуард Александрович. Хитлеру немцы поверили потому, что он в хаосе переворота навёл порядок, прекратил безработицу и сделал стабильной немецкую марку. “Но какой он был дурак, что объявил войну России! Я был тогда в ужасе. Русские и немцы должны были идти вместе,” – считал Эдуард Александрович.

Переход Суворова через Альпы

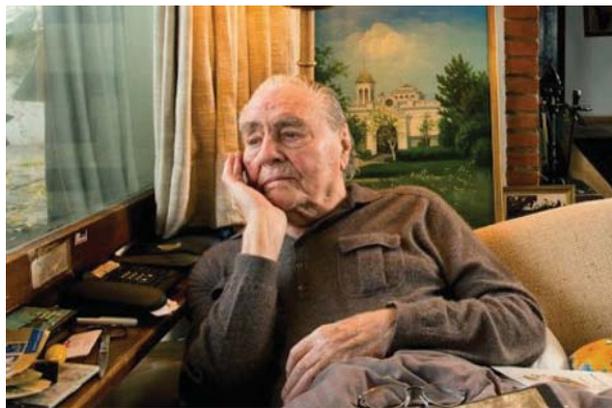
Эдуард Александрович стал подданным княжества Лихтенштейн при следующих обстоятельствах. В самом маленьком городке Европы Руггеле княжества Лихтенштейн 13 декабря 1936 года решался большой вопрос. Совет общины голосовал: принять ли в качестве нового гражданина Эдуарда Фальц-Фейна, бывшего подданного Российской империи? Сто один голос «за», шесть «против». Условие, поставленное перед бывшим русским, было следующее: местные коровы на своём пути к дому с альпийских пастбищ не имеют водопоя, и было бы замечательно устроить для них хорошую поилку. Так сын русской дворянки стал гражданином Лихтенштейна и... получил от правящего князя титул барона.

В России многие дворяне – Епанчины, Нарышкины, Чернышёвы, – не имели титулов. В Лихтенштейне свои правила: дворянин непременно должен носить титул. После войны в княжестве было два аристократа – граф Андраши и барон. А теперь нет ни одного среди 32 тысяч подданных. Если Вы что-то услышите о «короле сувениров» – это о нём... Когда он поселился в Лихтенштейне, безработица была там настоящим бедствием. О бедной крестьянской стране, затерявшейся среди гор, никто даже не слышал.

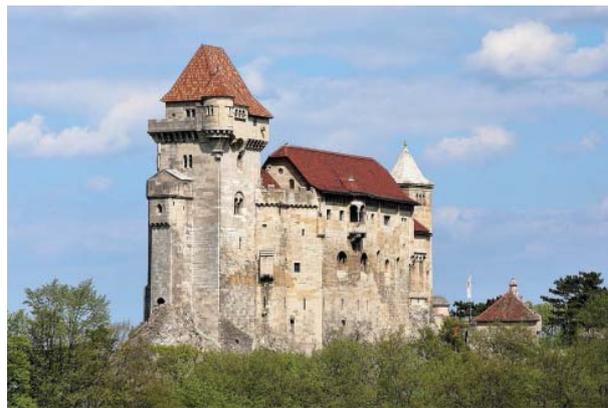
Кто мог подумать, что там появятся туристы из Голливуда, на уик-энд инкогнито с большой свитой приедет король Египта Фарук, а в горах будут кататься на лыжах члены королевской семьи Великобритании. Барон решил: война кончилась, и люди захотят свободно путешествовать. Туризм – вот чем надо заниматься. Он стал всем рассказывать... о знаменитом переходе Суворова через Альпы! Стал заниматься самым сложным делом на свете, один начал свой бизнес на пустом месте на свой страх и риск – «public relations». Разъезжал по разным странам, знакомился с туристическими агентствами и всем рассказывал, какой Лихтенштейн райский уголок. Вадуц, в котором всего 5 тысяч жителей, и его потому нет даже на картах Европы, стал большим туристическим центром мирового класса. И здесь не знают что такое пробки. Лихтенштейн ещё называют налоговым раем. В здешних банках иностранцы прячут свои громадные состояния. Но сами лихтенштейнцы люди законопослушные. Царство благополучия. Никаких войн. Никаких жуликов и преступников. Тюрьма пуста. Летом барон ездил в открытом автомобиле, и не было случая, чтобы у него что-нибудь украли. Что является предметом его гордости? Барон оплачивает все счета в тот же день, как они к нему приходят. Это принцип его жизни. В православии задержка оплаты наёмного труда является грехом. Первым подаёт декларацию о доходах, считает это долгом чести. «Но такие налоги, как в России я бы никогда не платил! У меня что, не все дома? Отдай всё, что заработал. Я мечтал открыть сувенирный магазин на Красной площади и продавать открытки и платки с Василием Блаженным. Но ваши налоги – это абсурд. Зачем тогда работать?» – удивлялся Эдуард Александрович. А ведь он определил стратегию развития княжества на полвека вперед!

Достойный отец и создатель фильма

Удивительно, но барон один воспитал дочь! Людмиле был один день от роду, когда она впервые появилась на страницах английской прессы. В четыре года она стала героиней книги «Людмила» американского писателя Пола Голлико, сочинившего эту сказку на Рождество для Людмилы и увезшего от барона его жену. В книге рассказывается об очень маленькой корове с большими амбициями, которая мечтала стать чемпионкой по надоям молока и идти впереди стада во время церемонии спуска с Альп с самым большим на свете колоколом на шее. У неё не было никаких шансов на успех. Но великий дух гор и вера маленькой девочки, соединившись вместе, сотворили чудо. Потом из этой сказки родился художественный фильм, где барон участвовал как продюсер. Это единствен-

Эдуард Александрович Фальц-Фейн у окна

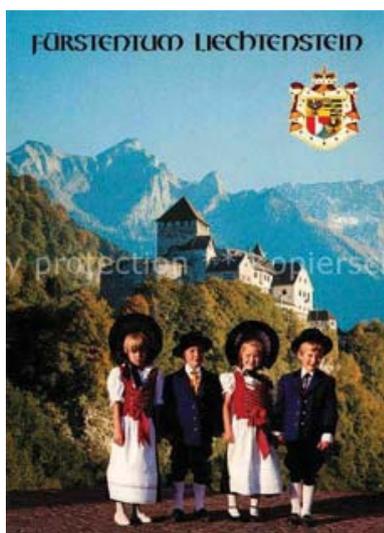
На фото: Замок князя Лихтенштейна

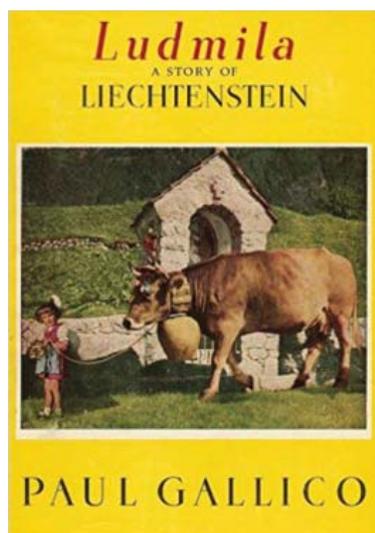
Приём в шатре по случаю 100-летия Эдуарда Александровича. В 1-м ряду (крайний справа) – протоиерей Иоанн, представлявший на юбилее УПЦ, рядом с ним (чуть влево, без скуфьи) – настоятель Воскресенского храма в Цюрихе отец Михаил Земан – посланец от Патриарха Кирилла.

Князь Н.Д. Лобанов-Ростовский, С.В. Михалков и барон Э.А. Фальц-Фейн. Москва. 1995 г., фотограф Юрий Барыкин подарил снимок князю Н.Д. Лобанову-Ростовскому 20 лет спустя в Москве, а князь обнял и привёз в день рождения барону в 2015 г.

Райский уголок – Лихтенштейн

Книга «Людмила» о дружбе коровы и девочки

В заповеднике «Аскания-Нова», Херсонская область, Украина (автор фото: Мария Титенич)

ный художественный фильм Лихтенштейна. Конец фильма очень жалостливый: все плачут, как на индийских фильмах, потому что маленькая корова, добившись всего, чего хотела, погибает. Фильм без «хэппи энда» провалился в США. Барон потерял большие деньги и навсегда распрощался с кинобизнесом. Но со временем в Европе картиной заинтересовались. Совершенно неожиданно фильм о дружбе коровы и девочки получил успех в 90-х годах.

Похоже, Людмилу отъезд мамы не омрачил! Наверное, это был редкий, уникальный случай, когда развод оказался полезным для ребёнка, в том смысле, что она ничего не потеряла, но приобрела ещё одного папу, в лице отчима. Людмила до 16 лет жила вместе с отцом, но на праздники и каникулы ездила к матери с отчимом, который обожал детей. Счастье Людмилы заключалось и в том, что трое взрослых не ревновали друг ко другу, позволяя каждому осыпать ребёнка ласками и заботой к её пользе и радости. Барон не кричал на Людмилу из-за разбитой чашки или порванной одежды. Не припоминает Эдуард Александрович ни одного случая, чтобы он на неё рассердился. А в 16 лет отправил её к матери, так как Людмиле надо было готовиться к взрослой жизни, отец уже ничему не мог её научить. Дочь увлекалась балетом, и в 20 лет стала прима-балериной лондонского театра «Palladium» – выступала под псевдонимом Людмила Нова. Звёздная карьера, а вместе с тем и лондонская жизнь дочери закончилась самым неожиданным образом. Она влюбилась. И так, что бросила театр и все свои честолюбивые мечты... В один прекрасный день она привезла к барону Кииса Веркаде, скульптора голландца. Эдуард Александрович, конечно, был в ужасе, когда узнал, что он был женат и имеет двоих детей. Но такой пары он не встречал, живут, как два голубка. У них дочь Казмира. Главные события жизни Людмилы: у мужа новый заказ или выставка.

“В греческой церкви женились, как кролики”

Вторую жену барон получил вместе с новым домом. Приобрёл кусок земли на горе, рядом с замком князя. Построил дом по своему проекту и назвал виллу именем их зоопарка в Новороссии «Аскания Нова». Но дом был пуст. Тогда архитектор, помогавший ему с домом, познакомил со своей племянницей. «Я её увидел и сразу влюбился. Кристина Шварц, словно сошедшая прямо с обложки модного журнала. Манекенщица. Венчались мы в Мюнхене в русской православной церкви. Обошлось не без анекдота! В Мюнхене русская церковь рядом с греческой, в которой женились, как кролики, через каждые 10 минут. Все наши гости пошли туда. Заранее украсили «чужую» церковь цветами. Мы с Кристиной стояли одни и думали, что никто не приехал на нашу свадьбу. А наши гости, справив три свадьбы, поняли, что-то тут не так. И всей толпой бросились в соседнюю церковь... Архиепископ Александр, венчавший нас, крестил Кристину в Православии», – рассказывал Эдуард Александрович. Но не помнит, с какого момента начались их семейные недоразумения. Пропадал он в своих двух магазинах. Приходил домой к ужину, а ужина нет. Кристина валяется в постели прямо в шикарном платье и в жемчугах. Он её расспрашивал, а она не отвечала на вопрос, а рассказывала какую-то чепуху. Он только тогда понял в чём дело, когда заглянул под кровать и увидел наркотики. Она давно их употребляла, а её дядя-архитектор знал об этом, но не предупредил. Барон всё бросил, нашёл врачей, ему сказали, что надо поместить её в клинику. Но Кристина удрала от врачей, поселилась в квартире, где собирались наркоманы. Однажды ему позвонили из полиции: «Если хотите увидеть жену живой, приезжайте немедленно». Живой он её не увидел. Стал вдовцом в 1980 году. И решил, что больше его никто не поймаёт. Хотя, тогда подумал, что Бог любит троицу. Но разочаровываться барону больше не хотелось...

Лихтенштейнская «Аскания-Нова»

Тогда, 13 лет назад, я летела в Швейцарию «наобум» и знала о старой русской эмиграции только из книги «Право на Прошлое» князя Алексея Павловича Щербатова. Но к тому времени создала уже два документальных фильма о судьбе князя Никиты Дмитриевича Лобанова-Ростовского и его театральной коллекции, показанной на выставке в Японии... Автомобиль радушно ожидал меня рядом с новейшим зданием аэропорта в Цюрихе. Русский водитель – крымчанин из авиалиний – в дороге комментировал: «Это барон, в прошлом чемпион автогонщик, пользуется привилегией разгоняться

до 200 км. Если это сделаю я – завтра в моём почтовом ящике обнаружу квитанцию об уплате штрафа. Камеры, фиксирующие нарушения, расставлены на каждом километре...» Через часок-другой быстрой по-гоголевски езды – «и какой русский не любит быстрой езды» – у дороги трепетали сине-бордовые с княжеской короной флаги. А на живописной скале неподалёку красовался средневековый замок. Мы въехали в столичный град Вадуц с виду напоминающий живописную горную деревушку в 5 тысяч жителей...

Крохотное, словно из другого времени княжество, состоит из 11 общин. А русская община состояла из одного человека... нашего русского «украинца» Эдуарда Александровича Фальц-Фейна. Вилла барона – первая у княжеского замка – носит то самое непривычное для русского уха название «Аскания Нова!» «Цветы – мои любимые нарциссы – высаживаю сам, обрамляя владения», – пояснял мне Эдуард Александрович, сидя у огромного, во всю стену окна.

Лихтенштейнская «Аскания Нова» – это скорее не жилой дом, а русский Центр! Семейные портреты, исторические скульптуры, картины русских художников, библиотека и её жемчужина – изданная бароном о знаменитом переходе Суворова через Альпы книга на трёх языках: русском, немецком и французском – на тумбочке у кровати в гостевой комнате. «Суворов, когда писал свой знаменитый труд «Искусство побеждать» – пел в церковном хоре!» – сообщает, улыбаясь барон, глубоко православный человек, чьи предки-лютеране прибыли служить России при Екатерине Второй.

Барон воссоздал маршрут движения Русской армии под командованием Суворова: «Эта труднопроходимая тропа доступна лишь в летнее время. Каждый русский старался преодолеть её под моим предводительством!» – указывал Эдуард Александрович в окно на покрытые весенним снегом Альпы. «Но сейчас ножки стали подводить меня», – то и дело сетовал барон и тут же прибавлял – «зато память отличная: помню всё до мельчайших подробностей. Всю свою жизнь»!

Вскоре я убедилась в том, что кроме барона в Лихтенштейне русских не было: когда закончился борщ, отменно приготовленный Эдуардом Александровичем, немка, живущая по соседству, принесла суп. «Не могу же я Вам, моей гостье, позволить готовить!» – категорически изрёк барон – «посуду помыть не возбраняется. Все, кто у меня бывает, так поступают». И прибавил, что законы в Швейцарии довольно строгие, а русские туристы и своих законов не знают, потому всегда что-то нарушают. «Полиция всякий раз звонит мне, вот и приходится выручать наших... Впервые я попал в свою родную Гавриловку в возрасте 67 лет. С тех пор пытаюсь помогать животным в асканийском заповеднике. Бывали времена, когда зверей нечем было кормить»...

А ещё Эдуард Александрович отправил меня на прогулку по своему саду, стремительно поднимающемуся в гору: «Там Вы увидите могильную плиту моего дяди Владимира Фальц-Фейна – автора книги об основании Асканийского заповедника, переизданной не так давно в Киеве. Когда закончилась концессия на захоронение, я не стал её продлевать, а перевёз прах с кладбища к себе в надежде, что смогу сопроводить на родину в Таврию...». Тогда я сделала снимок надгробия, но, в силу печальных обстоятельств, он не сохранился.

Прижизненный памятник врагу народа

В Екатерининском дворце в Царском Селе установлен бюст Эдуарда Александровича! «Это чересчур... Русские – сумасшедшие люди. То я был враг народа, а теперь при жизни памятники мне устанавливают в царском дворце. Мне неловко... Я просто помог поставить точку в поисках Янтарной комнаты – во избежание взаимных претензий России и Германии мы создали новую Янтарную комнату. И мне выразили горячее чувство благодарности во всю мощь широкой природы»... – сокрушался барон. Эдуард Александрович помог и делу расследования убийства Царской семьи. Архив следователя Соколова вернулся в Россию взамен на семейный архив князя Лихтенштейна, вывезенный во время войны из Вены.

Одним из первых пожертвований барона в Украину была часть библиотеки Дягилева-Лифаря. Киевлянин Сергей Лифарь был другом Эдуарда Александровича. Одиннадцать писем Пушкина – самое ценное, что имел Лифарь в своём архиве рукописей. Все думают, что он получил это даром от Дягилева. Ничего подобного. Дягилев никакого завещания не оставил, он не собирался умирать.

*Неонилла Пасичник
дома у Александра Эдуардовича, 2005 г.*

И всё его собрание попало в распоряжение правительства Франции. Хочешь что-то иметь – покупай. «Бедный Серёжа! Он непрерывно танцевал, не зная отдыха, и думал о том, как бы не вывихнуть ногу. Тогда всё пропало, так как сроки платежа были очень жёсткими. Он мне говорил, что Дягилевские реликвии спас от распродажи, работая ногами. Сережа ни за что не хотел продавать письма Пушкина, хотя коллекционеры из Америки предлагали ему миллион долларов. А ведь он нуждался. Жить ему было трудно. И хотя его подруга графиня Лиллиан Алефельд была очень богата, Сережа ни в коем случае не хотел жить на её деньги. Но письма Пушкина он не продал. Берёг для России. А чиновники всё испортили. Всё ценное он мечтал подарить России. Начал пробовать что-то возвращать: Пушкинскому дому передал подорожную 1820 года, выданную Пушкину, когда он отправлялся в южную ссылку. Дому-музею Чайковского в Клину – автограф композитора... Но никаких слов признательности не получил. И всё равно он готов был отдать своё уникальное собрание, автографы Пушкина, Лермонтова, а с ним поступали всегда очень грубо, не по-человечески. Не дали осуществить его мечту – поставить балет «Федра» в Большом театре. Даже, когда воспитанная им труппа Гранд Опера танцевала в «Большом» поставленные им балеты, ему, прославленному на весь мир балетмейстеру, было отказано во въездной визе. А он всё терпел. Настоящий христианин. Я считаю, что эти проклятые чиновники, которые не умеют себя вести с такими тонкими людьми, как Лифарь, испортили всё дело»... – сокрушался Эдуард Александрович. Те 11 писем Пушкина в конце 1980-х были приобретены через «Sotheby's» советским правительством за один миллион долларов и теперь хранятся в Пушкинском доме. А на вырученные средства создан Фонд помощи молодым артистам балета.

Чудак или юродивый?

Как и многих русских, европейцы считали барона чудачком. В какой-то степени – это то, что в Православии соответствует подвигу юродства. «Эдуард! У тебя не все дома, – говорили мне знакомые, узнав, что я реставрирую бывшую свою усадьбу «Аскания-Нова». Это же не твоя, а государственная собственность. Разве ты забыл, что всю вашу семью разорили, бабушку убили. Тебя лишили родины... Нет, ты просто «крэйзи». А я не обижаюсь и отвечаю им, что я сумасшедший. Не знаю, сочтут ли это юродством соотечественники. Деньги, которые я пожертвовал на реставрацию нашего дома в Гавриловке, развеяли по степи и ничего не построили... Но я снова и снова помогал Аскании-Нова. Церковь достроил. Нелегко так сразу навести порядок. 80 лет диктатуры – это слишком много. Нужно терпение. Ещё много плохого, но много и хорошего. Нельзя оглядываться назад. Пора перевернуть страницу истории и жить дальше. По-человечески. Я прав!?» – не то задавался вопросом, не то утверждал русский барон в немецком княжестве.

Во время моего визита к Эдуарду Александровичу мы договорились, что он проживет более 100 лет, а я создам из отснятых материалов фильм, где будут развенчаны все мифы о нём и показана без прикрас достойная старость сильного человека – русского аристократа. Своё обещание барон выполнил! Он прожил бы ещё, если бы не этот крутой нрав Рюриковича по материнской линии. Даже в таком чемпионском возрасте, будучи прикованным к постели, он оставался один дома! Медсестра приходила днём всего лишь на 2,5 часа и вечером на 2 часа... Пожар случился в её отсутствие. Что хотел нам сказать Барон? В чём заключается его последнее послание? Напомнить о своей Новороссии, пылающей в огне Донбассе?

Выполнить моё обещание помешали трагические события на Украине, так напоминающие события 100-летней давности, свидетелем и жертвой коих был герой моего рассказа...

Светлая память Эдуарду Александровичу!

Мир без границ

Берега Литвы

Ева Ахтаева

Поэт, публицист. Автор десятков песен и романсов, 2-х сборников стихов. Автор видеопроекта «Ожившая поэзия» (на сайте <http://ahtaeva.lt>). Публиковалась в Литве, Латвии, Эстонии, России, Болгарии. Дипломант конкурса поэзии «Под небом Балтики» (Таллин). Стихи переведены на несколько языков. 5 лет руководила ЛИТО «Логос». Составитель книги «Зов Вильны», редактор сборника «Присутствие непостижимой силы», редактор международного альманаха «Ступени» (МАПП). Награждена грамотами Департамента нацменьшинств при правительстве ЛР, Посольством Российской Федерации в Литве за сохранение русского языка и русской культуры. Секретарь правления РО МАПП.

НЕ ОТЫСКАТЬ РОДНЕЙ

Над русской Вильной стародавней
Родные теплятся кресты...

Ф. И. Тютчев (1870)

Теперь я твой старатель, Вильнюс!
Пронзая пласт былых времён,
Твоим могуществом проникнусь,
Взовьюсь полотнами знамён

Над вечной башней Гедимина,
Видавшей кровь побед и бед,
И «стародавней русской Вильны»
Нетленный православный свет.

Колоколов янтарным звоном
Шкатулки дворики твоих
Наполню, вспомнив время оно,
Когда иной звучал здесь стих,

Иной язык в названьях улиц,
Отелей, парков, площадей...
– Чужой... – вдруг кто-то буркнет, хмурясь.
А мне – не отыскать родней!

МОЯ РОССИЯ

Чисты озёр твоих купели.
Россия, как же ты светла!
Под разговор берёз и елей
Венчают день колокола.

Вечерний звон плывёт и тает.
Нигде забыть не в силах я,
Как роща тихая вплетает
В молитву ночи соловья.

А в дни тревоги и бессилья,
Когда вокруг густеет мгла,
Горят во мне моей России
Спасённым солнцем купола.

В какой бы край, достатка полный,
Не занесло меня судьбой,
Опять коленапреклонённо
Молюсь, Россия, за тебя...
с тобой!

*Песня «Моя Россия»
(композитор Сергей Светлов, Москва)
исполнялась 21 октября 2011 года
в Национальном культурном центре Украины
в Москве (Арбат) на конференции
«Славянское единство наших стран и народов».*

КАЛИНИГРАД–ХАРЬКОВ

Во влажном сумраке эфира
Биенье поезда слышней.
Моя кокетливая лира
От этих звуков всё грустней...

Жизнь в мерном ритме перестука
Неслась за призраком любви.
И поцелуй, дробя разлуку,
Вскипал желанием в крови.

А как по харьковским перронам
Бежала дружная семья
За прибывающим вагоном,
За тем окном, в котором – я...

Страна распалась, поезд сняли,
Припиской был Калининград.
Потом и папу потеряли...
Составы?.. Нет, виски стучат...

БЕЛАЯ ЭЛЕГИЯ

*Елке Няголовой¹
на книгу «Ангел в пещере»*

Стая светлых печалей твоих –
Заблудившимся ангелом, снегом –
Налетела с высот неземных
Отголоском сердечного эха.

И с тех пор в моём замке ночном
Твои сны поселились доверчиво.
В них ты строишь себе белый дом,
Веришь в счастье. Но счастье – изменчиво...

Верой служит лишь белая грусть.
Воеводы не видно. Нет папы...
Но друзья украшают твой путь.
Хочешь, песню споём, чтоб не плакать?

У белёных тобою стволов
Под цветущими кронами вишен
Мы присядем за белым столом,
Наш распев – и над Волгою слышен.

Русских песен пронзительна даль,
В них и боль, и души исцеленье.
Русской мамы узорная шаль
Белокрылым объятjem согреет...

...Ничего я не знала тогда.
Я твоих не читала «скрижалей».
Просто села вязать в холода
Для тебя – полотно белой шали...

МОЛИТВА О МАМЕ

Быть может, я кажусь беспечной,
Но за тебя молить Христа
Готова на коленях вечно,

Хоть строго и не чту поста
И не всегда по воскресеньям
Пред ликом предстаю святым,
Неся Ему свои сомненья.
Ещё не время... молодым.
И тем ценней моей молитвы
Прилежный шёпот в тишине,
Когда за жизнь веду я битву,
Тревожа тайну в вышине.
Но пусть хранящий эту тайну
Не разрешит её прочесть.
Пусть в жизни будет всё случайно.
Мне б знать сегодня,
Что ты – здесь!

ТАК ТОМУ И БЫТЬ

Угасает жизнь.
Так тому и быть.
Так тому и... выть!
Сколько?..

Вспять не запустить
Божии часы.
Не вернуть красоты.
Только ль?..

Бог бы с ней, с красой.
Только та, с косой,
Всё быстрее нож
Точит.

Так заведено –
Ей разрешено
Убивать мои
Ночи...

Господи, прости!
Мне ль тебя учить,
Как прядётся нить
Драмы.

Так тому и быть.
Так тому и... выть!
Угасает жизнь...
Мамы...

* * *

Свернуться в клубок,
Сжимаясь до точки.
Стать эмбрионом

¹ Елка Няголова – организатор международного фестиваля поэзии «Славянское объятие» (Варна)

В чреве твоём.
Вернуться туда,
Где крохотной дочкой
Сплю в колыбели...
И вы – вдвоём.

Уснуть без забот –
такое лишь в детстве...
Самый надёжный –
мамин покров.
Ещё впереди
прибавленье семейства.
Славный ковчег наш
прочен и нов...

Но скинет покров
безжалостно время,
спутает роли
в мире моём.
Теперь – ты дитя,
любимое время...
Пусть беспросветно...
Лишь бы вдвоём!

СЕСТРЕ

Он любил тебя. Я смеялась.
Не модель ты, и он «хорош».
Только умер он. Ты осталась
Одна. Дрожь...

Он любил. И ты вся сияла,
Словно бывшей страны пятак.
Счастье – вспышкой. Глядишь устало
В млечный тракт...

Наглядишься, вернись на землю,
К неумелой моей любви.
Я люблю тебя приемлю.
Только – слышишь?! – всегда живи!

* * *

Облетает небесная крона,
Звёзды падают прямо в ладонь.
Загадай всё, что хочешь: корону,
К ней в придачу известность, любовь...

Только мир мой устроен иначе,
Мне богатство и власть – не к лицу.
Всё отдам, но себя не утрачу.
Власть над миром – к лицу подлецу.

Ну а мне тихой боли побольше,
Горевать за болезную мать.
Ничего для души нету горше –
Что она «отболела» – узнать...

ВИЛЬНЮС, ВИЛЬНО, ВИЛЬНА... РОЖДЕСТВО 1914¹

Златоустой Анне – всея Руси
Искупительному глаголу...

Марина Цветаева

Многоликий, многоимённый,
Многоглавым убранством своим
Возносился над всяким тронем,
Небесами вовек храним.

Лёгкий шаг по брусчатке слышен
«Златоустой всея Руси»,
Слышно даже, как нервно дышит.
Ангел вслед ей шепнул: «Проси!»

Лучезарную, Острой брамы –
За ушедшего воевать
Ни для почести, ни для славы –
Сохрани его, Божья мать!»

Слой за слоем, как снег, столетья.
Чудотворная свет лиёт.
И с надеждою в этом свете
На коленях пред ней народ...

Так ли было в тот день негожий?
Много ль падало слов, как слёз?..
Только мужа посланник Божий
На крылах сквозь войну пронёс.

УПОИТЕЛЬНА МУЗЫКА ТАЙНЫ...

Счастье – это ангел
с печальным лицом.

Амадео Модильяни

Упоительна музыка тайны,
Росчерк звёздный на стане небесном.
В твоих рифмах нет знаков случайных,
И шальные догадки уместны.

Твой король, твой герой и любовник
Был талантливым и сероглазым.
И падений, и взлётов виновник
Обронил неслучайную фразу.

¹ В Рождество 1914 года Анна провожала мужа на войну, из Вильны, и молилась Остробрамской иконе Божией матери.

По воспоминаниям Томаса Венцловы.

Эта фраза о счастье, казался
Счастьем ангел с печальным лицом. И
Наваждением вечным остался
На листах профиль твой невесомый.

Но, храня незапятнанным имя,
Ты любовь утаила в молчаньи.
Ты... Но гений штрихами живыми
Нам открыл тайну давней печали.

К ВЕНЕЦИИ

В синеватом Париж тумане
И, наверно, опять Модильяни
Незаметно бродит за мной...

А. Ахматова

В синеватом Париж тумане...
Ты, Венеция, в золотом...
С нежной грустью расскажешь о том,
Как стихи здесь писала Аня
Про недушный и ласковый зной,
Про подушки, расшитые львами.
Только, жаль, лишь тремя строфами
Обозначила профиль твой.
Ты ни в чём не уступишь Парижу...
Изумрудных очей пожар,
Безысходная царственность чар...
Но Париж был ей чуточку ближе –
Ворожкой Елисейских полей
И старинной шарманки пенем,
Где влюблённый непризнанный гений
Модильяни бродил за ней.

ПРОЖИВАЮ ЖИЗНИ

Проживаю жизни впопыхах.
Оживаю жизнью прошловечной,
Под настольной лампою впотьмах
Поверяя строки бесконечно...

Царскосельской Анны лёгкий шаг,
Шаг тяжёлый Анны предвоенной.
Страх Марины в выцветших глазах,
Страсть Марины – входит внутривенно.

Подарю свой профиль облакам,
Мучавший художника с Монмартра.
Но ни капли муки не отдам,
Ставя жизнь уютную на карту.

Разбужу ленивый Коктебель,
Подарю поэту град мой столичный.
Верность – никому. Хоть ты убей!
Не умею жить я подневольной.

Проживаю – жизни! – за одну.
Там меня терзали, там – любили.
Вместе со своей – их проживу.
Ну, а может, в них – мою прожили?..

НАЗНАЧЬ МЕНЯ... ЛЮБИМОЙ ВЕЧНО!

Твои часы идут к рассвету,
Мои – уже бегут к закату.
Не назначай свиданья дату,
Её в ближайшем веке нету.

И не сули мне роль Принцессы.
Давно играю Королеву
И не твою нагую Еву.
Нам поздно править эту пьесу.

Решил сослать на роль Забытой?
Ах, это слишком уж беспечно.
Назначь меня – Любимой Вечно!
Тобою вечно... не испитой...

Мир без границ

Берега Литвы

Елена Шеремет

Председатель Ассоциации русских писателей Литвы. Автор трёх поэтических сборников. Публиковалась в различных изданиях России, Литвы, Латвии, Венгрии, в периодической печати и коллективных сборниках поэзии в Литве. Редактор газеты «ВИЛЬНЯЛЕ» АРП Литвы и русского литературного альманаха «Литера». Активно занимается издательством книг, в том числе авторских, являясь составителем и редактором многих, к примеру «МАПП. 5 лет в Литве» (2013), «Зов Вильны» (2017). Член Союза писателей России, МАПП, ИСПР.

* * *

Мир поэзии, столь хрупкий,
Эфемерный, словно миф,
Он чувствительный и чуткий,
Весь – из образов и рифм.

Он из слёз и расставаний,
Ран сердечных и обид...
Если из воспоминаний,
То бокал в ночи испит

Ностальгии: детство, юность,
Дорогие имена...
Душу тронут годы-струны,
Чтоб натешилась сполна!

... Чудо: будто ниоткуда
Трепет где-то там, внутри... –
Пробирается подспудно
Строчка-лучик: «На, твори!»

По листу река эмоций
Льётся или наизусть,
Сразу, в сердце остаётся
Навсегда, жаль, чаще – грусть.

ВСЕГО ГЛОТОК

Глаза в глаза, душа к душе,
За чашкой кофе или чая
Мы, никого не замечая,
Близки становимся уже.
Друг друга слышим и себя,
И обо всём, что наболело,
Толкуем откровенно, смело,

Не притворяясь, а любя
Людей, и жизнь, и лик Луны,
Она – не апельсина долька,
Мы – гости в этом мире только
И под луною все равны.
Придём к финалу ровно в срок
Все – короли мы иль бродяги:
Отпущен из Вселенской фляги
Для каждого... всего глоток.

МОЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК

Ты, мой Дальний Восток, —
Незнакомая родина,
Моей жизни исток,
Необъятнейшей Родины
Край – громадной, могучей,
Единой, родной.
Для нас не было лучше,
Всем хватало одной.
Радость, гордость, улыбки,
Если общий успех.
Коль огрехи, ошибки –
То уроки для всех.
Не война ль доказала,
Как народы дружны,
Разве жертв было мало?
Мы друг другу нужны.
Разодрали на части
Нас препоны-таможни,
Только русских на касты
Разделить невозможно!
Не понять близким нашим,
Что остались в России –
Ведь всего не расскажешь,

Мы до боли бессильны.
Разбросала судьбинушка
От востока до запада,
Но поём все «Рябинушку»
За столом одинаково.
Только в голосе слышатся
И тоска, и отчаянье,
И не так теперь дышится –
Не хватает дыхания.
...Край далёкий, прости,
Не приеду, пожалуй, –
Не смогу наскрести
На дорогу «металла».
Вьётся тонкая нить –
Фотоснимки, рассказы.
Буду память хранить,
Не увидев ни разу:
Океанскую гладь,
Сопок дальних макушки,
Моряков здешних стать,
Стройных кедров верхушки.
Не услышу прибоя,
Самолётов взмывающих,
Ни сирен громких воя
У подлодок всплывающих.
И не встречу людей,
Сильных духом и преданных,
Самых верных друзей
На путях неизведанных.
Героизм им сродни.
Я люблю их заочно.
Охраняют они
Край мой Дальневосточный.
Слышу в мыслях мотив:
Волны грусть навевают.
Жаль, Татарский пролив
Обо мне не узнает...

ТЕБЯ ВСЕГДА МНЕ МАЛО

Ты – бескрайне, но тебя всегда мне мало.
Ты – как жизнь порой – девятым валом
Накрываешь с головой и в даль простора
Манишь, отрезвляя шквалом, море...

Я тоску к тебе развеять приезжала,
Если на душе темно бывало,
И под мерный плеск балтийского прибоя
Разрешалось всё само собою –
Как в песок вода, все огорченья:
Каждый день у моря – день рожденья...

ЛЮБЛЮ

Ревность.
Тоска.
Одиночество.
Любовь.
Идолопоклонничество.
Тревога.
Сомнения.
Стыд.
Однообразие.
Быт.
Обида.
Злость.
Раздражение.
Безысходность.
Поражение.
Скучаю.
Надеюсь.
Жду.
Верю.
Стерплю.
Люблю.

СМОГ

Сумрачным плащом накрылся город:
Мокрый снег и ветер, слякоть, смог,
И за воротник прокрался холод –
Он согрелся б, если только смог.

Пешеходы и в авто народец –
Все спешат домой: в уют, в тепло,
И троллейбус, старенький уродец,
Мчит без остановок до депо.

Угол ищет и ничья собака,
И замёрзший плохонький бомжок –
Не хватает всем тепла, однако:
Средь людей повис бездушный смог...

ЖИЗНИ ГРАФИКА

Будь то палочки в тетради первоклашки,
Иль полоски на морпеховской тельняшке,
Штрих-пунктир на чертеже студента,
На бумаге нотной знак мордента,
Плётка чёрно-белого кино,
Свет дарящее в ночи окно,
Негра белозубая усмешка,
Тлеющая в печке головешка,
Домино, иль клавиши рояля,
Бледное лицо из-под вуали,

В марте пашни чёрно-белый гребешок,
У брюнета первый снежный волосок,
Чёрточки заветные берёзы,
Мима чудные метаморфозы,
Траурная лента, белая фата,
На снегу деревьев чёрных нагота,
И театр теней, и шахматное поле –
Жизни графика.
Прочерчены все роли.

* * *

Льдин расколотых на реке вереницы –
В никуда уплывает зима,
Как разорванные в иступление страницы
Неотправленного письма.

Все надежды на лучшее и порывы –
Беспошадно, безумно, в клочья!
Но в пустой и продрогшей душе
терпеливо
Пробивается мно-го-точь-е...

Я С ВАМИ

Нет покоя и сна, и бесплодны надежды –
Вся планета больна,
ей не стать больше прежней:
Брат – на брата, и вмиг изувечены судьбы,
На извечный конфликт обрекли себя люди...

За развал той страны, коей очень гордилась,
Я несущу часть вины, раз такое случилось.
Украина саднит, как глубокая рана, –
Сердце ноет, болит..
День и ночь, непрестанно
Гибнут дети Земли: голод, войны, цунами...
И во всём «москалии» виноваты? Я – с вами:
Не в рядах МЧС, но душою я рядом,
Совесть наперевес и открытость во взгляде.

То Чечня, Абакан, то Алжир и... в Самару,
То Ростов и Афган, Замбия... то в Иране,
Босния и Мали, то в Хорватию срочно,
И от Косово в миг –
в край мой Дальневосточный...

Наводнений кошмар
и терактов бесчинства...

То завал, то пожар...
Но в беде побратимство
Их, бесстрашных, ведёт в эпицентры
крушений,

Под обстрелы и в ад –
пекла землятресений...
И Великой Войны непосильное бремя
Вы, Европы сыны, вместе преодолели
С той страной, что теперь
всем плечо подставляет,
Открывая вам дверь и обиды прощая.

АТЫ, БАТЫ...

«Аты, баты, шли солдаты»,
Гибли, жизни не щадя.
Это страшное когда-то
Надо нам забыть, – твердят
Те, кто продал свою душу
За валюту – не за грош,
Божью заповедь нарушил,
А предательство и ложь
Почитая за основу,
Нам на блюде поднеся
Свастики рисунок новый,
Ад возносят к небесам.
Нет, не выйдет! – Миллионы
День Победы свято чтут,
И бессмертных батальоны
По планете всей идут:
Не смирились, не поникли,
Шли под танки – грудь вперёд!..
Свята каждая могилка,
Память павших чтит народ...
Нарекла теперь Европа
Всех их «жертвами войны»,
Но её, кровавой, тропы
Героически сыны
Родины своей огромной
Одолели – как смогли?!?
Горе многомиллионно,
Безымянных – тьма могил...
Пропахали, прошагали,
Пробежали, проползли!
И не жертвой вовсе пали –
Заслонили пол-Земли
От нашествия фашизма,
От безжалостной чумы.
Победили!!! Правим тризну
По героям и скорбим...
Свято чтим и помним подвиг
Наших дедов и отцов.
Стяг Победы не уроним –
На века ответ таков!

КОТ УЧЁНЫЙ

У Садового кольца –
бело-красное творенье
зодчих, краше нет дворца,
чем Юсуповых владенья!
Эти чудо-терема, будто в сказке,
расписные:
и наличников резьба,
и подзоры непростые,
флюгера – венчанье крыш, шашечка –
их украшеньё...
Здесь сокровища нашлись –
всей Москве на удивленье:
с драгоценностями клад,
в нём диковинок немало...
Роскошь изразцов, палат
восхищала и пленяла –
столь затейливы, хитры
гривы львов, драконьи пасти...
И персидские ковры,
таинства иконостасов...
И подземные ходы
со времён царя Ивана,
и тенистые сады, и скамьи...
А в детстве раннем
Саша Пушкин там гулял
с нянею своей Ариной
И, однажды, увидал
на цепи блестящей длинной
Иноземного кота –
тот выхаживал кругами
Возле дерева, да так,
что кружилась голова, и

Сказки котик говорил,
не по-русски пусть,
невнятно –
Мальчика обворожил
кот-игрушка непонятный...
И с тех давних славных лет
он ступает по страницам,
Гением творца воспет,
и распахнуты ресницы
Удивлённых добрых глаз –
внемлют сказке старой дети,
Продолжает свой рассказ
Кот учёный сквозь столетья...

ПОКРОВА НА НЕРЛИ

Над излуциной рек парящий,
Лёгок, светел, стремится ввысь
Белокаменный храм изящный –
Купола к Небесам вознеслись.
Самый первый – Покрову память,
Боголюбским заложен был,
Чтоб в молитвах народ мог славить
Миг спасенья и праздник чтил.

Покрова на Нерли, в Огниково,
И в Лос-Анджелесе, и в Филях,
Роспись в Суздале и во Псковских,
Новгородских монастырях...
Как и прежде, пленяет взоры,
Станом тянется к Небесам,
И, в молитве рассеяв злобу,
Да пребудет Покровский храм.

Мир без границ

Берега Польши

Болеслав Тейковский

Заместитель Председателя Международного славянского комитета, Председатель Польского славянского комитета

Славянская альтернатива. За лучший социальный строй и мировой порядок

Международное славянское движение, охватывающее Славянские народы и государства, а также мировую славянскую диаспору, может и должно играть значительную роль в построении концепции нового, лучшего социального строя для наших стран и нового, лучшего мирового порядка для всех. Создание таких концепций должно начаться в рамках отдельных Славянских государств, а завершиться совместными предложениями.

А после ознакомления с концепциями Белорусского славянского комитета мы представляем концепцию Польского славянского комитета.

Польше для суверенного существования и развития требуется великая и притягательная идея, объединяющая поляков в совместной деятельности. Идея эта должна быть в сердце и помыслах каждого поляка. Поскольку Польша – это мы, все поляки, составляющие Народ и Государство, и заселённая нами Родная земля, а также латинская цивилизация, составляющая сущность и образ нашей национальной жизни, формирующей наше историческое духовное и материальное наследие. Основой характерной для нас латинской цивилизации являются наша родная славянская цивилизация, греческая и римская цивилизации, а также христианство. Это всё Польша!

А все поляки – это одна семья, национальная семья, способная при необходимости к великим деяниям. Идея для Польши требует таких деяний!

Такой идеей является великое историческое предназначение Польши:

♦ противостоять глобализму, противоречащему Божественным законам Природы, – социальному строю, навязываемому глобалистический мировой порядок,

♦ сформировать солидаризм, соответствующий Божественным законам Природы, – социальный строй, несущий в себе солидаристический мировой порядок.

Как некогда Польша отвергла навязанный коммунизм, а теперь отвергает привезённый контрабандой с Запада левацкий социализм, точно так же она должна отвергнуть капитализм и глобализм, навязанные Западом, и принять солидаризм.

Коммунизм и социализм – это ошибочные и враждебные Народу концепции, где субъектом, имеющим власть, является рабочий класс, класс наёмных работников (заменяемый на практике партийным аппаратом), противопоставленный остальным классам, составляющим единый Народ.

Аналогичным образом капитализм и глобализм являются ошибочными и враждебными Народу концепциями, где субъектом, обладающим властью, является класс крупных собственников, противопоставленный другим классам, составляющим единый Народ.

Солидаризм – это концепция, при которой субъектом является весь многоклассовый Народ как высшая органическая, формирующая культуру общность. Народ этот обладает властью, охватывающей всех его членов – прямо (выборы, референдумы, законодательные инициативы) и косвенно – через своих выборных представителей в парламенте, правительстве и суде, а также собственностью, охватывающей всех его членов – прямо (собственность индивидуальная и кооперативная) и косвенно (общенационально-государственная собственность).

Глобализм можно назвать высшей стадией капитализма, все менее зависимой от суверенных интересов и решений национальных государств и всё более зависимой от интересов и решений США

как главного капиталистическо-глобалистического государства, диктующего миру свои концепции, а также от интересов и решений подчиненных США международных организаций.

Необходимо определить, что такое глобализм и что такое солидаризм на примере современной Польши.

Глобализм – это социальный строй:

- ◆ ограничивающий суверенитет Польского национального государства через США и подчинённые ему международные организации, а также через членство в Европейском Союзе,

- ◆ навязывающий Польше иностранную собственность на землю, природные ресурсы, производственные объекты, предприятия торговли, услуг и связи, банки и средства массовой информации,

- ◆ ограничивающий участие польских граждан во власти, собственности, трудовой деятельности и обороне,

- ◆ предполагающий существование нищеты, безработицы и бездомности,

- ◆ создающий значительное имущественное неравенство польских граждан, вызванное сверхприбылью собственников-работодателей и значительной эксплуатацией работников,

- ◆ не обеспечивающий бесплатного обучения и лечения,

- ◆ разрушающий в Польше естественную национальную, семейную и супружескую общность,

- ◆ навязывающий присутствие в Польше иностранных войск США и НАТО.

Такому строю Польша должна противостоять.

Солидаризм – это социальный строй:

- ◆ обеспечивающий суверенитет Польского национального государства,

- ◆ обеспечивающий польскую государственную, коммунальную, трудовую, институциональную, организационную, кооперативную и частную собственность на землю, природные ресурсы, производственные объекты, предприятия торговли, услуг и связи, банки и средства массовой информации,

- ◆ обеспечивающий участие всех польских граждан во власти, собственности, прежде всего жилищной, трудоустройстве и обороне,

- ◆ ликвидирующий бедность, безработицу и бездомность,

- ◆ обеспечивающий умеренное имущественное неравенство польских граждан в соответствии с заслугами,

- ◆ обеспечивающий бесплатное обучение и лечение,

- ◆ укрепляющий в Польше естественную национальную, семейную и супружескую общность,

- ◆ обеспечивающий присутствие в Польше только сильного, обороноспособного Войска Польского.

Такой строй Польша должна формировать.

Неестественный глобальный мировой порядок навязывает господство одной державы над унифицированным однополярным миром ненациональных государств. Такому мировому порядку Польша должна противостоять.

Естественный солидаристический мировой порядок обеспечивает существование разнообразного многополярного мира суверенных национальных государств, сосуществующих на равных правах. Такой мир Польша должна формировать.

Миссия Польши – исполнить это великое историческое предназначение – вытекает из её славянского характера, из её расположения в центре Европы на стыке Славянского мира и германороманской европейского Запада. Миссия Польши вытекает из её творческой, полной уникального опыта, счастливой и несчастливой истории, отмеченной непоколебимой волей сохранить Народ, польскую национальную идентичность и жертвенной борьбы ради их защиты. Миссия Польши вытекает из формирования в историческом процессе одухотворённого Польского народа и характера поляков, с их склонностью к свободе, с их привязанностью к религии, семье, Народу и суверенному национальному Государству, со стремлением самоотверженно защищать свою свободу, свою общность – религиозную, семейную, национальную, государственную. Миссия Польши вытекает из традиции – предлагать универсалистические идеи для своей Страны и для Мира, для себя и для других, бороться за себя и за других, по примеру наших предков – „За Вашу и Нашу Свободу!”

Польша будет успешно выполнять свою великую историческую миссию вместе со всеми себе подобными Славянскими государствами, и особенно с Россией. Объединяет нас, всех славян, данная нам в совместном цивилизационном развитии огромная духовность, составляющая нашу силу нравственного возрождения и прогресса. Связывает нас, всех славян, и общая Победа над нацистской Германией в 1945 году и последовавшее на ней религиозное и научное предсказание конца военной германской эры в Европе и начала мирной славянской эры.

Исполнение этой миссии требует от Польши примирения и сотрудничества с Россией. В нынешней сложной и конфликтной мировой ситуации Польша несёт великую историческую ответственность за примирение с национальной, славянской, христианской России, а значит с близкой нам Россией. Противодействуют этому всевозможные польские, европейские, мировые силы зла. Натравливание Польши на Россию имеет долгую историю. Это делала с самого начала своей истории Германия – от Священной Римской империи до современной Германии. Но также это делали Англия, Швеция, Турция и Ватикан. Делают это в своих собственных интересах, наряду с Германией, также США с Израилем, Великобритания и необандеровская Украина. Германия в XIX веке сформулировала это в идеологической доктрине и политической директиве, которые актуальны до сих пор и утверждают, что в жизненно важных германских интересах (а в наше время также и в американо-израильских и украинских интересах) необходимо любой ценой и любыми способами не допустить славянского соглашения поляков с русскими и делать всё для усиление конфликта Польши с Россией.

Попытку примирения Польши и России предприняли Русская православная церковь и Польская католическая церковь в общем Послании к Народам Польши и России, провозглашенным в Варшаве 17 августа 2012 года. Послание призывает к примирению Польши и России, Польского народа и Русского народа, поляков и русских. Его самым красноречивым и эмоциональным фрагментом является призыв, чтобы каждый поляк в каждом русском и каждой русской в каждом поляке видел друга и брата. Ведь Польша и Россия – это дочери одной матери Славянкины, имевшие общий трагический опыт навязанного Западом безбожного и убийственного коммунизма и нацизма. Это инициированное религиозными властями громкое примирение поддержали власти России, но не поддержали власти Польши. Поскольку обеспокоенные возможностью польско-российского примирения западные элиты, а особенно американо-израильская и германская, вынудили польские власти выступить против этого примирения и усилить пропагандистскую кампанию против якобы угрожающей нам России, безосновательно обвиняемой в подготовке агрессии против Польши. Это должно исключить польско-российское сближение и сделать из Польши государство-плацдарм США для противостояния с Россией. Именно с этой целью в Польше размещаются войска США и НАТО, чтобы не допустить польско-российского примирения и использовать Польшу в возможной борьбе с Россией. Польша, вопреки своим интересам, стала по воле властей наиболее антироссийским и наиболее проамериканским государством мира. Польско-российское примирение уничтожит эту ловушку зависимости, в которой оказалась Польша. Оно не только даст импульс развитию Польши и обогатит поляков, но и сделает Польшу самостоятельной и обеспечит ей надежную безопасность. Польша без примирения с Россией находится в большой опасности в случае провоцирования США войны с Россией с участием в ней подвластной американцам, антироссийской Польши. Примирение Польши с Россией, в том числе христианское примирение польского католицизма и русского православия, станет эффективным барьером против западной деградации, разрушающей семью и нацию, против западного нигилизма и безбожия, против западной безнравственной атеизации, против угрожающей по вине Запада исламизации. Польско-российское примирение укрепит возможности исполнения Польшей своей миссии.

Ситуация в мире, в том числе и в Польше, носит конфликтный характер, дестабилизирующий международные отношения. Причиной этому является столкновение двух концепций мирового порядка – солидаристического и глобалистического. За мировой порядок в мире ведётся острая политическая и экономическая борьба, приобретающая раз за разом опасную форму войны. Борьба эта идёт с нашим польским участием, так как мы втянуты в неё все, независимо от того, хотим ли мы этого, осознаём ли мы это или нет.

Борьба за мировой порядок, порождающая огромное напряжение и опасность, идёт прежде всего между ведущими цивилизационными пространствами – от Китая и европейско-азиатской России через Центральную и Западную Европу до Северной Америки. Полюсами в борьбы на этих ведущих цивилизационных пространствах являются с одного конца – Россия, а с другого конца – США. Иными словами, борьба за мировой порядок естественным образом ведётся в основном между Россией и США.

Россия является глашатаем солидаристического мирового порядка, основанного на суверенных национальных государствах. Россия является возникшим из объединения славянских племён национальным государством, которое в историческом процессе преобразовалась из одностранного государства в многонациональное государство, сохраняющее все свои Народы. Россия выросла на национальной идее.

США являются глашатаем глобалистического мирового порядка, основанного на гегемонии США и созданных ими наднациональных организаций над несuverенными и ненациональными государствами. США являются ненациональным государством, возникшим из многонациональных групп колонизаторов и висельников, мигрантов и беженцев, а также африканских рабов, после геноцида исконного индейского населения, известного своими моральными качествами и привязанностью к своему многоплеменному пранароду. США выросли на колониальной идее.

У каждого поляка может и должен возникнуть вопрос: формировать ли вместе с США общинный, ненациональный, глобалистический мировой порядок, или же вместе с Россией формировать общинный, национальный, солидаристический мировой порядок. Ответ на этот вопрос становится всё более насущным, поскольку конфликтная и нестабильная ситуация в мире, в том числе в Польше, предвещает появление мировых решений – коренных перемен, которые могут вскоре, по воле Народов, сформировать стабильный, социально справедливый, мирный мировой порядок, то есть солидаристический мировой порядок. В нынешней угрозе ощущается приближение чего-то нового, чего-то доброго. Вопреки негативным событиям, приходит нечто Новое. Приближается Новое, способное изменить к лучшему судьбы мира, принести к качественному скачку, который поднимет многие Народы, может быть, и всё Человечество, на высший духовный, а значит, и материальный уровень. Можно поспособствовать этому ожидаемому эволюционному событию, защищая законы Природы и законы Народа и отменяя всё, что противно Природе и Народу.

На чьей стороне хотят быть поляки? На стороне США или на стороне России? Это вопрос «быть или не быть» для суверенных национальных государств, живущих или не живущих в соответствии с законами Природы, укрепляющих или разрушающих естественные общности – супружескую, семейную, трудовую, религиозную, национальную, государственную.

Критика

Валерий Хатюшин

Хатюшин Валерий Васильевич — поэт, прозаик, критик, публицист. Родился в 1948 году в г. Ногинске (Богородске) Московской обл. Служил в ракетных войсках в Сибири. Работал на строительстве газопровода «Север—Центр», строил КамАЗ. Первая книга стихотворений «Быть человеком на земле» вышла в 1982 году. С 1986 г. член Союза писателей СССР и России. Закончил Высшие литературные курсы при Литературном институте им. Горького. Стихи, рассказы и статьи публиковались в журналах «Молодая гвардия», «Москва», «Наши современники», «Слово», «Аврора», «Дон», «Сибирь», «Аргмак», «Родная Ладога», «Берега», «Новая Немига литературная», в альманахе «Академия поэзии». Автор шеститомного собрания сочинений. Лауреат Международных литературных премий им. М.А. Шолохова и А.П. Платонова. Награждён Почетной грамотой Министерства культуры Российской Федерации.

Более тридцати лет жизни Валерий Хатюшин отдал работе в журнале «Молодая гвардия», из которых последние десять лет является главным редактором этого русского национально-патриотического издания. Секретарь Союза писателей России. Живет в Москве.

Поэты Белой гвардии

К русскому читателю, наконец, возвращаются имена и произведения замечательных поэтов, связавших свою судьбу с Белой армией. Только теперь мы можем сказать, что та, прежняя, Гражданская война закончилась. И если в русской литературе уже давно восстановлены погубленные большевиками Н.Клюев, С.Клычков, П.Васильев, то отчего же так надолго забыли про не менее значимых для нас выразителей русской души, не менее талантливых певцов России? Да, они были белогвардейцами и воевали против новой власти за иначе понимаемую свободу. И очень долгие годы их называли врагами. Но в их груди билось русское сердце, искренне любящее Родину, и в их венах текла родная русская кровь, помнящая подвиги наших великих предков. Их поэтическое слово должно быть также дорого русской литературе, тем более что художественные образы, созданные в своё время этими великолепными поэтами, для нас, нынешних читателей, — это совершенно новое, неожиданное, а для кого-то потрясающее **открытие**.

Наш долг восстановить справедливость и вернуть к духовной жизни замечательных русских поэтов — Арсения Несмелова, Николая Туроверова, Сергея Бехтеева, Ивана Савина, Марианну Колосову и других, исторгнутых из российской словесности на волне классово-вражды. Пора заговорить о них в полный голос. В противном случае Серебряный век русской поэзии теряет свою цельность.

Весь двадцатый век корыстно замалчивались великолепные поэты Белого движения. И всё же они пробились к нам своими изумительными произведениями сквозь железобетонные заслоны космополитической пропаганды. Пришло их время в России, как когда-то (всего-то лет тридцать назад) пришло время Н.Гумилева, М.Булгакова, А.Платонова, М.Цветаевой, Е.Замятина... Правильно сказано: рукописи не горят. В пожаре Гражданской войны не сгорели, сохранились для нас их стихи, как бы ни хотелось кому-то другого.

В 2007 году я посмотрел новую и старую экранизации романа Шолохова «Тихий Дон» и поймал себя на мысли, что нет у меня сочувствия к красным командирам Кошевому и Штокману. Более того, к этой мысли привёл меня сам Шолохов. Читая роман и смотря фильм, невольно чувствуешь, что писатель сердцем своим остаётся на стороне восставших донских казаков в ответ на террор большевистской власти. Конечно, «Тихий Дон» — это произведение советского художника, но трагедия разгрома белоказачества показана им с такой болью, с такой пронзительной остротой и с такой жалостью к своим землякам, что нормальный русский человек просто не может не испытывать этого сочувствия к ним.

Разглядел это в том числе и Фадеев – руководитель советских писателей. Он выступил против издания третьей книги романа Шолохова, настолько правдиво в ней показана страшная участь гибнущего донского казачества. И мы знаем, кто сказал: «Эту книгу издавать будем».

Одним из участников той донской трагедии был Николай Туроверов, входивший в атаманский отряд есаула Чернецова артиллерийской команды Донского корпуса. Наверное, более никто так, как он, не запечатлел поэтически донскую эпопею этого жуткого противостояния одного народа, расколотого на враждебные части. Стихотворная исповедь Николая Туроверова – это донская трагедия, художественно изображенная с другой, противостоящей стороны, до того ярко и волнующе отражены в ней чувства и чаяния тех русских, которые многие десятилетия считались врагами. Однако перед Отчиной и перед Богом они ведь, на самом деле, врагами не были. Но кто с нашей, с красной стороны, сразу после Гражданской войны смог это понять – так, как понял это и сказал об этом Н.Туроверов в стихотворении «Товарищ», в какой-то степени пророческом, обращённом не только к своему прямому противнику, но и к нам, ныне живущим?

Перегорит костёр и перетлеет –
Земле нужна холодная зола.
Уже никто напомнить не посмеет
О страшных днях бессмысленного зла.
...Обоих нас блюла рука Господня,
Когда, почуяв смертную тоску,
Я, весь в крови, ронял свои поводья,
А ты, в крови, склонялся на луку.
Тогда с тобой мы что-то проглядели,
Смотри, чтоб нам опять не проглядеть:
Не для того ль мы оба уцелели,
Чтоб вместе за Отчизну умереть?

Родился Николай Николаевич Туроверов 18 марта (по ст. стилю) 1899 года в станице Старочеркасской. Мать и отец происходили из старинных казачьих фамилий Области Войска Донского (во времена расказачивания и раскулачивания они сгинули в лагерях). После окончания Каменского реального училища он поступил добровольцем в лейб-гвардии Атаманский полк и ушёл на фронт Первой мировой войны. Затем – ускоренный выпуск Новочеркасского военного училища и снова отправка на фронт в чине хорунжего. Был награжден орденами Св. Анны, Св. Станислава и Св. Владимира. После Октября вернулся на Дон.

С Белой армией Н.Туроверов прошел всю Гражданскую войну. Был четырежды ранен, участвовал в знаменитом Ледяном походе (изначально называвшимся Кубанским степным), ставшим для него ещё одним тяжелейшим испытанием:

Не выдаст моя кобылица,
Не лопнет подпруга седла.
Дымится в Задонье, курится
Седая февральская мгла.
Встаёт за могилой могила,
Темнеет калмыцкая твердь,
И где-то правее – Корнилов,
В метелях идущий на смерть.
Запомним, запомним до гроба
Жестокую юность свою,
Дымящийся гребень сугроба,
Победу и гибель в бою,
Тоску безысходного гона,
Тревоги в морозных ночах,
Да блеск тускловатый погона
На хрупких, на детских плечах.
Мы отдали всё, что имели,
Тебе, восемнадцатый год,

Твоей азиатской метели,
 Степной – за Россию – поход.

1-й Кубанский степной или Корниловский поход, названный впоследствии Ледяным, начался 9 (22) февраля 1918 года, когда под напором наступавших красных частей Добровольческая армия вынуждена была оставить Ростов и двинуться на Екатеринодар в надежде на поддержку кубанского казачества. Вместе с плохо вооружённой армией генерала Л.Г. Корнилова, насчитывавшей около четырех тысяч человек и состоявшей в основном из молодых офицеров, ушёл обоз с женщинами, стариками и ранеными. Оставляя Ростов, генерал Алексеев писал в письме родным: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь свеч, чтобы была хотя одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы...»

Весь поход двигались степью, по снегу и грязи, в метель и дождь, пробиваясь вперёд с непрерывными боями. Однажды добровольческие части после дождя, града и внезапно ударившего мороза покрылись коркой льда, отчего поход этот и стал называться Ледяным.

28 марта (10 апреля) корниловцы осадили Екатеринодар и начали его штурм. Но силы оказались неравными. Красноармейцы серьёзно подготовились к защите города, обрушив на осаждавших шквал артиллерийского огня. Во время одной из этих атак, на пятый день ожесточённых боев, прямым попаданием снаряда был убит генерал Л.Г. Корнилов. Командование Добровольческой армией взял на себя генерал А.И. Деникин. С новыми боями, прорвав окружение «красных», 30 апреля (13 мая) его армия вернулась на Дон. За 80 дней похода (более половины из которых – с боями) было пройдено более тысячи вёрст. Убитыми было потеряно около 400 человек и около 1500 человек было вывезено раненых. И всё же Ледяной поход оказался не напрасным. Под Екатеринодаром произошло соединение армии генерала Корнилова с Кубанской Добровольческой армией. Благодаря этому в августе 1918 года в результате 2-го Кубанского похода под командованием генерала Деникина Екатеринодар был взят Добровольческой армией. В память о легендарном 1-м Кубанском походе был учреждён особый Наградной знак – Меч в терновом венце, ставший символом всего Белого движения. Удостоен был этой награды и Николай Туроверов.

В 1919 году, получив чин подьесаула, Н.Туроверов стал командиром пулемётной команды Атаманского полка. В 1920 году во время великого исхода на одном из последних пароходов врангелевской эвакуации вместе с женой, красавицей-казачкой, он покинул Россию. Его стихотворение «Крым», посвященное тем трагическим дням, потом будут цитировать и в эмиграции, и в Советской России, даже не зная, кому оно принадлежит:

Уходили мы из Крыма
 Среди дыма и огня,
 Я с кормы всё время мимо
 В своего стрелял коня.
 А он плыл, изнемогая,
 За высокою кормой,
 Всё не веря, всё не зная,
 Что прощается со мной.
 Сколько раз одной могилы
 Ожидали мы в бою.
 Конь всё плыл, теряя силы,
 Веря в преданность мою.
 Мой денщик стрелял не мимо,
 Покраснела чуть вода...
 Уходящий берег Крыма
 Я запомнил навсегда.

Остальную часть жизни Н.Туроверов провёл в эмиграции: первое время – на контролирувавшемся французами греческом острове Лемнос, потом была Сербия, где у него родилась дочь, и, наконец – переезд в Париж, где он окончательно обосновался и в 1928 году издал первую книгу стихотворений и поэм «Путь». По поводу неё литературный критик А. Краснощёкин писал в парижском «Казачьем журнале» (1929. №6), особо выделяя поэму «Новочеркасск»: «...читал эти

двадцать глав его поэмы и думал: какая поразительная эпоха прошла на наших глазах и какая радость, что свидетелем этой эпохи был Туроверов. Хотелось бы пожелать одного, чтобы нашёлся подлинно казачий, какой-то яркий художник-живописец и дал бы иллюстрации к этой поэме, а издатель не пожалел бы денег на соответствующее издание». В 1937 году вышла вторая книга Туроверова «Стихи». В дальнейшем его поэтические книги под этим же названием выходили в 1939-м, 1942-м и 1965 годах.

Во время Второй мировой войны в составе 1-го кавалерийского полка французского Иностранного легиона Н.Туроверов сражался с немцами в Африке, о чём он потом поведал в поэме «Легион». Затем вновь вернулся в Париж, с которым связал всю свою дальнейшую жизнь, развернув активнейшую деятельность, направленную на сохранение в эмиграции русской культуры, военного искусства и истории казачества. В Париже он организовал объединение казаков-литераторов, возглавил Казачий Союз, воссоздал музей своего родного лейб-гвардии Атаманского полка, был главным хранителем уникальной библиотеки генерала Дмитрия Ознобишина, издавал «Казачий альманах» и журнал «Родимый край», собирал русские военные реликвии, устраивал выставки на военно-исторические темы: «1812 год», «Казачьи», «Суворов», «Лермонтов». По просьбе французского исторического общества «Академия Наполеона» редактировал ежемесячный сборник, посвящённый Наполеону и казакам. Кроме этого, после войны вышли в свет ещё три книги его стихов.

Скончался Н.Н. Туроверов 23 сентября 1972 года. Был похоронен на русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа рядом с могилами однополчан Атаманского полка¹.

В СССР его стихи тайно переписывались от руки, о нём ходили легенды в казачьих станицах и хуторах. Только он из казачьих поэтов его времени с такой силой и пронзительностью выразил боль изгнания соотечественников и тоску порушенной казачьей жизни. Донская Голгофа до конца дней стояла перед его глазами, и большей частью именно ей он посвятил свое поэтическое творчество. Покидая родимый край, он понимал, что при жизни вернуться назад ему уже не суждено:

Помню горечь солёного ветра,
Перегруженный крен корабля;
Полосою синего фетра
Уходила в тумане земля;
Но ни криков, ни стонов, ни жалоб,
Ни протянутых к берегу рук, –
Тишина переполненных палуб
Напряглась, как натянутый лук,
Напряглась и такую осталась
Тетива наших дум навсегда.
Чёрной пропастью мне показалась
За бортом голубая вода.

Но не только в казачьих кругах русского зарубежья, – повсюду, где жили изгнанники из России, любовь к поэзии Туроверова была необыкновенна. На творческих вечерах, когда он читал стихи, люди в зале слушали его, затаив дыхание и не пряча своих слёз. Ему удалось в скупых неброских образах отразить всю глубину чувств, владевших сердцами русских людей, оказавшихся на чужой земле:

И слёз невольно сердце просит,
И я рыдать во сне готов,
Когда услышу в спелом просе
Вечерний крик перепелов...

Другой поэт русского Парижа Владимир Смоленский вспоминал об этом: «...совершенно незнакомые люди, видевшие впервые Туроверова, шли к нему, жали руку, со слезами на глазах целовали его. Крепкая любовь казака к своему родному краю, так легко совмещавшаяся со служением России, не всегда и не всем, неказачья, понятная, казалось, была понята всеми, заразила своей силой, объединила всех».

---

¹ Летом 2007 года гроб с прахом Н.Туроверова был перевезен на родину – в станицу Старочеркасскую.

Казачий быт, степь, станичная вольница, родной курень, храп коней, «казачий престол Покрова», Дикое поле, казачья любовь, казачья песня и, конечно, война – жуткая, братоубийственная, Сиваш, Перекоп, Крым, Бахчисарай, «блеск холодной стали», русская кровь... – всё это с природной страстью и высоким мастерством отражено в стихах донского поэта. В слове его чувствуется энергия и упругость всадника, слившегося с полётом коня.

Нас было мало, слишком мало.
От вражьих толп темнела даль.
Но твёрдым блеском засверкала
Из ножен вынутая сталь.
Последних пламенных порывов
Была исполнена душа,
В железном грохоте разрывов
Вскипали воды Сиваша.
И ждали все, внимая знаку,
И подан был знакомый знак...
Полк шёл в последнюю атаку,
Венчая путь своих атак.

Ни с чем не сравнимая трагедия Гражданской войны и до конца ещё нами не осознанная катастрофа Белого дела явились причиной всех тех несчастий, которые переживает Россия теперь. Невосполнимые потери русского народа в начале XX века – в первую очередь, качественно невозполнимые – аукнулись нам по самому высшему счету. Нет, не случайно мы стали свидетелями моральной деградации нашего населения и крайнего дефицита высокопатриотических личностей в армейской «элите», способных на подвиг или на жертву во имя спасения Родины, не говоря уже о многочисленных партийных лидерах. И лидеры обмельчали, и «элита» выродилась. Не для того ли весь прошлый век сталкивали враги России самых сильных, самых смелых, самых мужественных русских между собой, чтобы пришли мы к нынешнему итогу?

Изгнанные на чужбину белогвардейские офицеры (а оставшиеся были физически уничтожены), несмотря ни на что, в большинстве своём не озлобились и до последних своих дней сохранили в душе любовь к России и сыновнюю верность великой Родине, которая уже имела другое имя. Наиболее ярко это выразил поэт Войска Донского:

Всё иссякнет – и нежность, и злоба,
Всё забудем, что помнить должны,
И останется с нами до гроба
Только имя забытой страны.

По Высшей воле наша страна вернула себе прежнее имя. В наших силах вернуть России забытые имена певцов её судьбы и выразителей её духовного величия.

До чего же понятна и близка по духу поэзия Белого движения нынешнему времени! К 1917 году народ России по Конституции уже был уравнен в правах, а деление людей на «непримиримые классы» было навязано, искусственно внедрено в сознание обывателей социал-демократической пропагандой того времени. И обильно проплаченные враги русских, воспользовавшись войной, которую вела страна, и предательством масонского Временного правительства (как тут не провести аналогию с «перестроечным» временем?) путём обмана рабочих и солдат сумели перехватить власть в «отпавшей» столице.

Моральное состояние лучших людей России после Октябрьского переворота легко себе представить, вспомнив наши душевные переживания в августе 1991-го и в октябре 1993 годов. С той лишь разницей, что они, патриоты начала XX века, с оружием в руках поднялись на борьбу с безбожным, безжалостным, русофобским врагом. Ими так же, как и нами, была потеряна великая тысячелетняя Родина. И разве не те же мысли и чувства, выраженные при обороне Кремля 90 лет назад белым офицером Арсением Несмеловым, владели нами, когда на глазах у всего мира и, главное, на глазах всей сидящей у телевизора России расстреливали защитников Дома Советов?

...Отважной горсти юнкеров
Ты не помог, огромный город,
Из запертых своих домов,
Из-за окон в тяжёлых шторах.
Ты лишь исхода ждал борьбы
И каменел в поту от страха.
И вырвала из рук судьбы
Победу красная папаха.
Всего мгновение, момент
Упущен был – упал со стоном.
И тащится интеллигент
К совдепу с просьбой и поклоном...

Так исторически сложилось, что лучшие (во всех смыслах) люди России большей частью находились тогда среди военных, тем более во время Германской войны. И потому в рядах русских боевых офицеров были Николай Гумилев и Арсений Несмелов. «Золотое сердце России // Мерно бьётся в груди моей», – сказал первый из них, и был расстрелян в 1921 году. «Тебя добудем мы в бою, // Первопрестольная столица!» – выкрикнул второй и вынужден был через всю Сибирь с боями и армией Каппеля отойти к Владивостоку. А смертный приговор, вынесенный ему в 1924 году, был приведён в исполнение с опозданием на 21 год. Но поэзия Н.Гумилева давно уже вернулась к русскому читателю и обрела свое место на литературном Олимпе. В то время как стихов Арсения Несмелова до сих пор у нас почти никто не знает, а имя это так и остаётся малоизвестным – потому что он до конца Гражданской войны противостоял врагам исторической России. Ну, как же, разве можно было допустить к российскому читателю такие строки?

...В этот день страна себя ломала,
Не взглянув на то, что впереди,
В этот день царица прижимала
Руки к холодеющей груди.
В этот день в посольствах шифровали
Первой сводки беглые кроки.
В этот день отменно ликовали
Явные и тайные враги.
В этот день... Довольно, Бога ради!
Знаем, знаем, – надломилась ось:
В этот день в отпавшем Петрограде
Мощного героя не нашлось.
Этот день возник, кроваво вспенен,
Этим днём начался русский гон —
В этот день садился где-то Ленин
В свой запломбированный вагон...

Арсений Иванович Несмелов (Митропольский) родился 8 июня (по ст. стилю) 1889 года в Москве в дворянской семье, прошёл обучение во Втором Московском и Нижегородском Аракчеевском кадетских корпусах. Первый его сборник стихов и прозы «Военные странички» вышел в 1915 году.

В звании поручика А.Несмелов участвовал в боях Первой мировой войны. Получил ранение. За исключительное бесстрашие был награждён четырьмя орденами.

Осенью 1917 года он принимал участие в московском антибольшевистском восстании юнкеров, жестоко подавленном, которое позже описал в поэме «Восстание». Затем воевал в рядах Белой гвардии – в войсках адмирала Колчака и генерала Каппеля. Участвовал в Сибирском Ледяном походе – одном из наиболее трагических и суровых испытаний Гражданской войны (до сих пор малоизвестных большинству наших современников).

В документах Белой гвардии этот поход назван Великим Сибирским (Ледяным) походом. Возглавил его главнокомандующий Восточным фронтом генерал-лейтенант В.О. Каппель, который в ноябре 1919 года, оставив Омск, двинул 30-тысячную пехо-конную армию на Иркутск – на освобождение предательски арестованного чехословацким корпусом Верховного Правителя России адмирала

А.В. Колчака и выданного большевикам. Продвигались с постоянными боями от города к городу: Омск – Ново-Николаевск (Новосибирск) – Барнаул – Красноярск... Однако освободить адмирала не удалось, не успели, он был расстрелян большевиками по прямому приказу Ленина. Тогда каппелевцы двумя колоннами обогнули Иркутск и вышли к Байкалу. В феврале 1920 года армия генерала Каппеля перешла Байкал по льду и вышла к станции Мысовая, где их ждали войска атамана Семёнова и санитарные поезда. Это была самая тяжёлая часть пути Великого Сибирского (Ледяного) похода. Что такое зима в Сибири – никому объяснять не надо. На станции Мысовая раненые и больные каппелевцы были погружены в эшелоны, а остальные продолжили этот беспримерный поход до Читы. Всего было преодолено более тысячи километров¹. По его окончании был учреждён Знак отличия военного ордена «За Великий Сибирский поход», который ставился в один ряд с орденом Святого Георгия.

Находясь в Приморье, в Дальневосточной республике (ДВР), А.Несмелов всецело посвятил себя литературному творчеству. Во Владивостоке им были изданы сборники стихотворений «Стихи» (1921) и «Уступы» (1924), а также поэма «Тихвин» (1922). Здесь он взял себе псевдонимом фамилию погибшего в бою товарища (Несмелов).

После установления советской власти на Дальнем Востоке А.Несмелов почти два года продолжал оставаться во Владивостоке под надзором ОГПУ без права выезда. Но в 1924 году, заблаговременно узнав о готовившихся новой властью расправах над бывшими белогвардейцами, покинул Родину и через глухую тайгу, через советско-китайскую границу и гаоляновые джунгли сумел добраться до Харбина – главного дальневосточного центра русской эмиграции.

В Харбине поэтический талант Несмелова раскрылся во всей своей силе. По признанию эмигрантских литературных кругов, А.Несмелов стал одним из лучших русских дальневосточных поэтов. Особую популярность имела его крайне необычная и оттого захватывающая «Баллада о даурском бароне», которая переписывалась и передавалась из рук в руки, как когда-то лермонтовское «На смерть поэта». И хотя в ней с холодной отстраненностью описаны бередящие душу зверства полусумасшедшего барона Унгерна, всё же художественное своеобразие и поэтически мастерская форма этой баллады заставляют любого читателя запомнить её навсегда.

...Я слышал:
 В монгольских унылых улусах,
 Ребенка качая при дымном огне,
 Раскосая женщина в кольцах и бусах
 Поёт о бароне на чёрном коне...
 И будто бы в дни,
 Когда в яростной злобе
 Шевелится буря в горячем песке, —
 Огромный,
 Он мчит над пустынею Гоби,
 И ворон сидит у него на плече.

Стихи Несмелова публиковались не только в изданиях русской эмиграции в Китае, но и в Европе, и даже (в 1927—1929 годах) в советском журнале «Сибирские огни». В Китае вышли его поэтические книги «Кровавый отблеск» (Харбин, 1929), «Без России» (Харбин, 1931), «Через океан» (Шанхай, 1934), «Только такие!» (Харбин, 1936), «Полустанок» (Харбин, 1938), «Белая Флотилия» (Харбин, 1942), а также сборник новелл «Рассказы о войне» (Шанхай, 1936). В Берне отдельным изданием увидела свет его поэма «Георгий Семена» (1936). Творчество Арсения Несмелова высоко оценивали Борис Пастернак, Марина Цветаева, Николай Асеев, Леонид Мартынов и другие советские поэты.

Однако вынесенный большевистским режимом приговор все же настиг поэта. После вступления советских войск в Харбин в августе 1945 г. Несмелов был арестован и переправлен в Советский Союз. Жизнь его оборвалась в том же году в тюремной камере НКВД.

Если нынешнее русское сопротивление заключено в основном в печатном слове, в песне, в митинге, то сопротивление большевистской диктатуре требовало борьбы подлинной, героической, со-

¹ Генерал В.О. Каппель во время похода обморозил ноги и умер от воспаления легких.

пряженной с личной гибелью. Воины из Белого стана, сопротивляясь насилию, сознательно шли на смерть. И потому их поэты были выразителями подлинного, **героического** патриотизма. В их сердцах жила Родина, великая и прекрасная, их патриотизм был глубоко искренним и национально-волевым.

Пели добровольцы. Пыльные теплушки
Ринулись на запад в стукоде колес.
С бронзовой платформы выглянули пушки.
Натиск и победа! или – под откос.

Трагедия, пережитая ими, была ничуть не меньшей, чем та, какую переживаем ныне мы. И разве не о нашем времени сказаны эти слова? Ведь это к нам, нынешним, сквозь годы забвения обращается героический, пронзительно русский поэт Арсений Несмелов:

Воля к победе.
Воля к жизни.
Чёткое сердце.
Верный глаз.
Только такие нужны Отчизне,
Только таких выкликает час.
Через засеки
И волчьи ямы,
Спешенным строем
Иль на коне.
Прямы, напористы и упрямы –
Только такие нужны стране.

Именно такая, жизнеутверждающая, волевая поэзия даёт мощный толчок современному направлению русского поэтического сопротивления.

Судьба русской литературы беспрецедентно уникальна. Ведь она до сих пор до конца не изучена и даже полностью не познана. Разорванная 1917 годом, она всё ещё таит в себе массу потерянных или вычеркнутых из жизни имён, которые придётся кропотливо и долго заново открывать нынешним и будущим её исследователям. Более того, им, будущим исследователям, неизбежно придётся пересматривать многие утвердившиеся ценности и целые пласты российской литературы XX века.

Давайте посмотрим: кто из советских стихотворцев воспел Гражданскую войну как нечто романтическое и необходимое? Ну, разве что интернациональные «граждане мира», многие из которых в реальности не столько воевали на Гражданской, сколько создавали миф о своём участии в ней. Русские же национальные поэты каким-то шестым чувством ощущали сермяжную истину, что воспевать тут особенно нечего, стараясь держаться подальше от этой братоубийственной бойни и любыми путями сторонясь её и в жизни, и в творчестве. Вот когда началась Отечественная война – тогда наши поэты проявили себя во всём блеске. Один только Твардовский чего стоит, не говоря о десятках других. Но для воинов Белой гвардии та Гражданская была на деле Отечественной. Ведь у них отнимали Родину. Потому-то и дала она столько русских витязей, одинаково владевших оружием и поэтическим словом. Среди них был офицер-кавалергард и проникновенный поэт Сергей Бехтеев.

Повторяю ещё раз, потому что это очень важно: сейчас, в наше жестокое и лицемерное время, стихи белогвардейских офицеров читаются и воспринимаются крайне современно. Как будто и не разделяет нас почти целый век со времени их написания. Достаточно прочитать такие строки стихотворения «Русская Голгофа», написанного Сергеем Бехтеевым в 1920 году:

Ликует Антихрист-Иуда,
Довольный успехом побед:
Свершилось вселенское чудо,
И царства христьянского – нет!

Гремит сатана батогами
 И в пляске над грудой гробов
 Кровавой звездой и рогами
 Своих награждает рабов.
 И воинство с красной звездой,
 Приняв роковую печать,
 К кресту пригвождает с хулою
 Несчастную Родину-Мать!

Всё повторилось в России с какой-то дьявольской закономерностью, лишь только с большей подлостью и с большим коварством.

Вот уже четверть века русская патриотическая пресса пишет о закабалении России «пятой колонной», превратившейся на деле уже в «шестую колонну» бесчисленных предателей и грабителей нашего национального достояния. И все эти годы мы говорим о безразличии населения к бедам страны, все эти годы мы безуспешно призываем русских к объединению перед личиной всемирного, циничного Хама, нагло попирающего наши традиции и нашу культуру. Современный бесстрашный поэт мог бы слово в слово повторить всё то, что в 1921 году Сергей Бехтеев выплеснул из своего сердца в стихотворении «Мать», которое абсолютно актуально и для нынешних дней:

Во имя безумной идеи «свобод»
 В крови задыхается русский народ,
 Бессильный сорвать свои путы,
 Бессильный злодеев из царства изгнать,
 Бессильный за правое дело восстать
 В години невиданной смуты.
 ...О, люди! О, братья! Забудем раздор!
 Ведь тризна злодеев – наш русский позор,
 Глумленье над трупом любимым.
 Пора помириться! Довольно молчать!
 Ведь это же нашу несчастную Мать
 Насилуют в доме родимом!

Теперь, когда атеистический XX век остался у нас за спиной, мы можем спросить самих себя: что было превыше всего для Российской империи как государства в прежние времена? Что являлось гарантом её неколебимой державной стойкости перед любым врагом и любым несчастьем? И ответ может быть только один: Бог и царь. Когда в сердце народа был царь, а в душе – Бог, тогда никакая беда нам была не страшна, и никакой враг не мог нас осилить. Но как только народ наш отрёкся от царя и от Бога, – беды, трагедии и катастрофы обрушились на Россию бесконечным потоком. (Тут необходимо сказать, что отречение царя от власти было невозможно без отречения от него народа. К тому же Николай II не отрекался ни от монархии, ни от Державы, он лишь после отказа от престола брата Михаила передал царство сыну Алексею. Но масонское окружение воспрепятствовало сохранению монархии.)

Без Бога и без царя нет правды, нет высшей Истины и нет справедливости на земле. Поэт и беззаветный патриот Сергей Бехтеев настолько остро чувствовал и понимал это, что, начиная с 1917 года, уже ни о чём другом не мог говорить в своих стихах. Его лира, точно вечевой колокол, изо всех сил пыталась пробудить оглохший в распрях и заблудший народ, заставить очнуться Россию и осознать свое гибельное сиротство. Его так и называли при жизни – «Царский звонарь». Но зов этой набатной лиры уже почти никто не слышал в народной среде:

Гулко несётся заутренний звон,
 Будит упрямо заспавшихся он,
 Но, погружённый в тревоги забот,
 Спит непробудно пленённый народ.
 Спит наша Русь, отгоняя сквозь сон
 В двери стучащийся радостный звон,
 Вновь неспособная сердцем принять
 Мира и веры былой благодать.

Но даже сквозь кровь и муки Гражданской войны и сквозь тягостные годы эмиграции Сергей Бехтеев пронёс веру в воскрешение богоносного народа и Российской империи, веру в неизбежное признание нашей Родины святости царя. Да, удивляет, но не поражает дар предвидения поэта, поскольку подлинный поэт никогда не сомневается в том, что свет Истины и дух справедливости рано или поздно, хоть через века, но побеждают любое зло и всякую ложь. Он знал – русский Царь воскреснет и вместе со своей замученной семьёй обретёт святость. Всё случилось гораздо раньше и в точности с прозрением поэта:

Пройдут века, ночные тени
 Разгонит светлая заря,
 И мы склонимся на колени
 К ногам Державного Царя.
 Забудет Русь свои печали,
 Кровавых распрей времена;
 Но сохранят веков скрижали
 Святых Страдальцев Имена.
 На месте том, где люди злые
 Сжигали Тех, Кто святы нам,
 Поднимет главы золотые
 Победоносный Божий Храм.
 И, Русь с небес благословляя,
 Восстанет Образ неземной
 Царя-Страдальца Николая
 С Его замученной Семейей.

Сергей Сергеевич Бехтеев родился 7 апреля (по ст. стилю) 1879 года в с. Липовка Елецкого уезда Орловской губернии¹ в родовитой дворянской семье, в которой глубоко были заложены основы православного видения мира. Учился и воспитывался в Императорском Александровском (Царско-сельском) лицее, где в своё время учился А.С. Пушкин. Там же он впитал и любовь к поэтическому слову. Три родные сестры С. Бехтеева состояли фрейлинами царского двора, и потому с юности он близко соприкасался с придворной жизнью и её атмосферой. В дальнейшем верность императорской семье и приверженность монархии он сохранит в душе до конца своих дней. По окончании Лицея он поступил на службу в подшефный Её Императорскому Величеству Кавалергардский полк, где получил чин корнета.

Свой первый сборник стихов он издал в 1903 году. Книга эта вышла с посвящением матери Царя Николая II императрице Марии Фёдоровне.

С началом мировой войны С. Бехтеев служит в действующей армии и после ранения попадает в Дворцовый лазарет, где удостоивается посещения государыней Александрой Фёдоровной с великими княжнами. Закончив лечение, вновь отправляется на фронт и снова получает ранение. После пребывания в госпитале едет на родину, где узнаёт, что от него ушла любимая женщина. Горечь измены уже тогда коснулась его стихотворного творчества.

Для продолжения лечения в начале 1917 года он уезжает на Кавказ – в Кисловодск и Пятигорск. Там и застаёт его известие об отречении Николая. В его творчестве происходит резкий перелом – от личной драмы к высокопатриотическому осознанию событий, происходящих в стране. Здесь С. Бехтеев создаёт свой первый цикл гражданской лирики.

В октябре 1917 года поэт возвращается на родину, живёт в Ельце и Орле. Видя хаос беззакония и разгром прежней жизни, он пишет пять стихотворений – «Россия», «Боже, Царя сохрани», «Верноподанным», «Святая ночь» и легендарную «Молитву», ставшую затем широко известной в Советской России. Через графиню А.В. Гендрикову эти стихи удалось передать в Тобольск царской семье, для которой они стали большой моральной поддержкой.

Со стихотворением «Молитва», была связана удивительная мистическая история. Дело в том, что во время расследования комиссией Н.А. Соколова преступления в Екатеринбурге автограф «Молитвы», сделанный рукой великой княжны Ольги, был обнаружен в книге, подаренной ей матерью –

¹ Ныне это Задонский район Липецкой области.

императрицей Александрой Фёдоровной (на книге сохранилась надпись: «В. К. Ольге. 1917. Мама. Тобольск»). По этой причине долгое время авторство «Молитвы» приписывалось царевне Ольге и в советское время «Молитва» даже публиковалась под её именем. Эта история и впрямь выглядела очень правдоподобно: царевны при их кротости перед своей гибелью действительно могли молить Господа о прощении их мучителей.

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.

Дай крепость нам, о Боже правый,
Злодейства ближнего прощать
И крест тяжёлый и кровавый
С Твоею кротостью встречать.

И в дни мятежного волнения,
Когда ограбят нас враги,
Терпеть позор и униженья,
Христос, Спаситель, помоги!

Владыка мира, Бог вселенной!
Благослови молитвой нас
И дай покой душе смиренной
В невыносимый, смертный час.

И у преддверия могилы
Вдохни в уста Твоих рабов
Нечеловеческие силы
Молиться кротко за врагов!

Сознавая свой офицерский долг служить гибнущей Отчизне, Сергей Бехтеев вступает в Добровольческую армию. В ней он воюет с 1918-го по 1920 год.

Свой долг Сергей Бехтеев исполняет до конца, разделив все тяготы и скорби с Белым воинством. В рядах Белой армии поэт отступает в Крым. В ноябре 1920 года он навсегда покидает Россию, со множеством русских изгнанников отплыв из Керчи на пароходе «Самара». Прощаясь с Родиной, он пишет стихотворение «Прости», проникнутое горькой тоской и покаянием:

В глазах раскинулся широко
Простор безбрежного пути,
И шепчем мы с тоской глубокой:
«Отчизна милая, – прости!»

Найдя прибежище в сербской Воеводине неподалеку от г. Нови Сад, С.С. Бехтеев становится активным участником общественной жизни русской диаспоры, пишет статьи, редактирует издававшуюся в Белграде монархическую газету «Русский стяг». Свою гражданскую лирику он объединяет в сборник «Песни русской скорби и слёз», который выходит в свет в Мюнхене в 1923 году. В 1925 году выходит его автобиографический роман «Два письма»; в нём он с болью говорит о причинах поражения Добровольческой армии. Любовная лирика Бехтеева вошла в книгу «Песни сердца», изданную в Белграде в 1927 году. Главный мотив поэзии Бехтеева – это, конечно, трагедия России, измена царю ближнего окружения, предательство интеллигенцией и русским дворянством белой идеи и надежда на воскрешение великой Империи.

В конце 1929 года С.С. Бехтеев переехал во Францию и поселился в Ницце, где и провёл все свои оставшиеся годы. Здесь он тоже вошёл в круг русских единомышленников, так как в Ницце находился один из монархических центров, служит старостой храма во имя Державной иконы Божией Матери. В 1934 году здесь же был издан его сборник стихов «Царский гусляр». В 1949, 1950, 1951

и 1952 гг. вышли в свет четыре его книги, объединённые одним названием «Святая Русь» и ставшие полным собранием стихотворений.

Надо сказать, что идея «За Веру, Царя и Отечество» настолько глубоко проникла в сознание поэта-монархиста Сергея Бехтеева, что никакие другие идеи, захватившие в то время Европу, и никакие другие события, происходившие в мире, уже не волновали его сознание. Даже Вторая мировая война никак не отразилась в его стихах, в которых он продолжал воспевать Россию, запечатлённую его душой до революционной смуты. **Всё творчество Бехтеева – это неустанная, самозабвенная молитва за Святую Русь.**

Довольно насмешек, довольно обид,
Предательской лжи и обмана!
Проснись, всенародный запятнанный стыд!
Пусть Божия правда опять озарит
Потёмки земного тумана!

Крамольная сила, рассейся, уйди!
Смиришь, окаянное племя!
Надежда проснулась в усталой груди,
И очи мои лицезрят впереди
Грядущее, светлое время.

Безумство уляжется, горе пройдет,
Рассеются скорби и муки,
И вновь возрождённый, счастливый народ,
Увидев желанного Солнца восход,
Протянет к Нему свои руки.

Тогда, о, тогда мне не жаль умереть.
Жила бы лишь правда в народе.
На песни мои вам оков не надеть.
Я буду и мёртвый восторженно петь
О Боге, Царе и свободе!..

Скончался С.С. Бехтеев 4 мая 1954 года. Похоронен на русском кладбище в Ницце. На могильной плите сделана надпись: «Сергей Сергеевич Бехтеев. Лицейист 59 выпуска Имп. Александровского лицея. Царский поэт. Офицер Белой Армии».

До сих пор в России мало кому известно творчество и даже имя необыкновенно талантливого автора, обладавшего на редкость проникновенным поэтическим даром – Ивана Савина. Россия, наверное, единственная в мире страна, которая всё ещё не собрала воедино и не удостоила заслуженной памяти своих гениальных певцов, запечатлевших в слове её ни с чем не сравнимую судьбу.

При жизни его называли белым витязем, поэтом белой мечты... К.В. Деникина писала в нью-йоркской газете «Новое русское слово» в 1957 году: «Савин, однолеток Лермонтова, скончался на 28-м году жизни... Его не знают широко. Жестокая судьба послала его в русскую жизнь в самые роковые годы лихолетья, в красную завируху, которая снесла все устои нашей культуры; и надо сказать, что на его долю выпали все муки».

Широко его не знают в России до сих пор.

Поэт Иван Иванович Савин родился 29 августа (по ст. стилю) 1899 года в Одессе. Детство и юность провёл в маленьком уездном городе Зеньково Полтавской губернии. В 19-летнем возрасте ушёл добровольцем в Белую армию, поступив в эскадрон белгородских улан Сводного пока генерала Каледина. А после гибели А.М. Каледина и Л.Г. Корнилова воевал в армии Деникина. В огне Гражданской погибли четыре его брата и две сестры. Перед эвакуацией белых из Крыма он заболел тифом и, не успев эвакуироваться, попал в плен к красным. Пройдя ад пересыльных тюрем ЧК, оказался в Петрограде, где жил его отец Иван Саволайнен, финн по национальности. С помощью отца в 1922 году ему удалось освободиться из тюрьмы и вырваться в Финляндию, в г. Гельсингфорс (нынешний Хельсинки).

Здесь, в Финляндии, раскрылся яркий, самобытный талант поэта, прозаика и публициста Ивана Савина, произведения которого невозможно читать без искреннего сочувствия и душевного волнения. Работая грузчиком в порту и чернорабочим на заводе, он в свободное от работы время писал обжигающие своей правдивой остротой стихи и прозу, основанные на воспоминаниях о дорогой сердцу России и пережитой личной трагедии. Там, в эмиграции, возник потрясающий поэт Белой идеи, которому было всего двадцать с лишним лет.

Кто украл мою молодость, даже
Не оставил следов у дверей.
Я рассказывал Богу о краже,
Я рассказывал людям о ней.

Я на паперти бился о камни.
Правды скоро не выскажет Бог.
А людская неправда дала мне
Перекопский полон и острог.

И хожу я по чёрному снегу,
Никогда не бывав молодым.
Небывалую молодость эту
По следам догоняя чужим.

Стихи, рассказы и статьи Ивана Савина публиковались в русских изданиях Финляндии, Латвии, Эстонии, Берлина и Парижа. Судьбой Ивану Савину было отпущено пять лет творческой жизни. Но за эти годы им были созданы поистине поэтические шедевры, о которых остались восторженные отзывы современников поэта. В 1926 году в Белграде тиражом 200 экземпляров вышел его единственный прижизненный сборник стихов «Ладонка», в предисловии к которому профессор В.Х. Даватс писал об этих стихах: «...в них нет ни патриотического шума, ни сентиментальной слащавости. И главное – в них нет нигде *стихотворной прозы*. Словами, которые падают в душу огненными каплями, выражает он *внеполитическую* природу белых борцов». А через тридцать лет Глеб Струве в работе «Русская литература в изгнании» так отзывался о первом издании «Ладонки»: «Религиозность, любовь к России и вера в неё, и верность «белой мечте», звучавшие как основные мотивы в этой скромной книжечке, стяжали Савину популярность в кругах, всё ещё преданных Белой идее. Но в стихах Савина не было ничего надуманно-тенденциозного, никакой пропаганды. У него был свой, приглушённый, но подлинно-поэтический голос» (Нью-Йорк, 1956 г.).

Летом 1927 года Иван Савин скончался от заражения крови после неудачной операции аппендицита, когда ему ещё не было 28-ми. По свидетельству его жены, перед смертью, после нескольких недель мучений, он записал слабеющей рукой последние строки: «Произведенный смертью в подпоручики // Лейб-гвардии Господнего полка». Похоронен на русском кладбище в Хельсинки.

И.А. Бунин, откликнувшись на смерть Ивана Савина, написал в парижской газете «Возрождение»: «То, что он оставил после себя, навсегда обеспечило ему незабвенную страницу в русской литературе; во-первых, по причине полной своеобразности стихов и их пафоса; во-вторых, по той красоте и силе, которыми звучит их общий тон, некоторые же вещи и строфы – особенно».

Такие строфы присутствуют, по сути, в каждом стихотворении Ивана Савина:

Никакие метели не в силах
Опрокинуть трехцветных лампад,
Что зажег я на дальних могилах,
Совершая прощальный обряд.
Не заставят бичи никакие,
Никакая бездонная мгла
Ни сказать, ни шепнуть, что Россия
В пытках вражьих сгорела дотла.

Поэт Милостью Божьей, Иван Савин – наше культурное достояние. Остается верить, что его творчество, являющее пример высокого таланта и верности России, будет, наконец востребовано мыслящим русским обществом.

«Что имеем – не храним...», – справедливо сказано о российской всевозможной расточительности. Вот и эта русская поэтесса до недавнего времени была совершенно забыта и незнаема в России. Хотя в 20—30 годы прошлого века она считалась самой любимой поэтессой у эмигрантов Харбина. На её могиле, находящейся в Чили, – эпитафия из её же стихов:

Смертны и ты, и я.
Сомкнём усталые веки.
Но Россия жива моя —
И теперь, и потом, и навеки.

Её литературное имя – Марианна Колосова. Вряд ли она сама в конце жизни надеялась вернуться своими стихами на Родину. Однако, как известно, пути Господни неисповедимы. Открытие нами её замечательного творчества – яркий, свершившийся факт.

Главная черта поэзии Марианны Колосовой удивительное своеобразие, непохожесть на всё то, что было в русском (и прежде всего женском) стихотворчестве до неё. Обладая глубокой природной талантливостью и культурой, она сумела соединить в своих стихах страсть, мужество, пронизательный ум и женскую неповторимую нежность. Не случайно эти её строки стали крылатыми у бело-гвардейцев Сибири:

Пристальнее в душу посмотрите-ка:
Отдаёт свою по капле кровь...
Самая мудрейшая политика —
Искренняя к Родине любовь!

Не приняв ложь и безнравственность большевистской власти, пережив в молодости всю жестокость Гражданской войны, Марианна Колосова посвятила свою жизнь борьбе с поработителями России. Вся её поэзия излучает страстную веру в высшую справедливость и надежду на воссоздание погубленной Родины:

Россия? Ты ещё жива?
В цвету черёмуховом ты ли?..
Зимой, наверно, на дрова
Мою черёмуху срубили...

Неправда! Ты не умерла,
Хоть и подрублена под корень,
С душой Двуглавого Орла,
Который грозам непокорен!

Ты – вся в огне и вся в цвету,
И ты ни в чём не виновата.
Лелеешь новую мечту —
И громового ждёшь раската.

Марианна Колосова (Римма Ивановна Виноградова, в замужестве Покровская) родилась 19 мая (по ст. стилю) 1903 года на Алтае. Происходила из древнего и крепкого рода кубанских казаков. Её отцом был священник, убитый воинствующими безбожниками, а её жених, белогвардейский офицер, был расстрелян чуть ли не на её глазах. До Гражданской войны жила в Барнауле.

Весь 1919 год и начало 1920-го Марианна Колосова провела в районе Семиречья – последнем оплоте белых сил на юго-восточном направлении. Эту территорию удерживали остатки 2-го Степного сибирского корпуса под командованием генерал-майора Анненкова. После разгрома белых она навсегда покинула Россию, перебравшись вместе с анненковцами в Китай, сначала в Джунгарию, а затем в Харбин.

Там, в китайском Харбине, её стихи стали публиковаться в русском журнале «Рубеж», а в 1929 году вышел первый её сборник «Армия песен». В дальнейшем в Харбине увидели свет её книги стихов «Господи, спаси Россию!», «Не покорюсь!», «На звон мечей». Творчество Марианны Колосовой высоко ценили русские поэты Харбина – А. Несмелов, А. Ачаир, В. Перелешин и многие другие. Современники называли её «бардом Белой армии» и харбинской Мариной Цветаевой.

После оккупации Харбина японцами она в 1934 г. вместе с мужем, бывшим офицером Белой армии А.Н. Покровским переехала в Шанхай, где её стихи увидели свет в журнале «Парус» и где вышли две её последние книги: «На боевом посту» и «Медный гул». В 1949 году Китай стал коммунистическим, и семья Покровских уехала сначала на Филиппины, затем в Бразилию. В конце 50-х они окончательно осели в Чили. Скончалась Марианна Колосова 6 октября 1964 года. Похоронена в Пуэнт-Альто, пригороде Сантьяго. На табличке, прикрепленной к могильному кресту, имеется надпись: «Русская национальная поэтесса».

Время всё расставляет по своим местам. Шелуха отпадает и превращается в прах. Но живое слово, за которым стоят честь и достоинство, как зелёная ветвь, пробивается сквозь любые нагромождения лжи и клеветы. Поэты Белой гвардии возвращаются на Родину своим блистательным творчеством. Они возвращаются к нам на века и уже никогда не уйдут из наших сердец.

Критика

Лидия Довыденко

Главный редактор художественно-публицистического журнала «Берега», прозаик, публицист, секретарь Союза писателей России, член Союза журналистов России, кандидат философских наук, автор 19 художественных, историко-краеведческих, публицистических книг, ряда телевизионных фильмов. Победитель различных литературных конкурсов и премий

О книге Николая Коняева «Купола над Друтью»

Соборное целое

«Купола над Друтью» – Санкт-Петербург, 2016, – историческое исследование в двух томах, подробный рассказ о Свято-Покровском монастыре в Толочине в контексте культурно-исторических событий в течение тысячелетия на территории нынешней Витебской области: в первом томе – от варягов до нашествия Наполеона, во втором – от Александра Первого до наших дней, – неоспоримое свидетельство неуываемой силы Православия и верности белорусского народа отеческим заветам.

Книга, посвящённая истории Свято-Покровского монастыря, по своему построению напоминает здание храма, где каждая его часть имеет своё предназначение и не мыслима без других, представляет собой единое соборное целое. В фундаменте этого храма «Слово о полку Игореве», поэма Михаила Лермонтова «Боярин Орша», история семьи канцлера Великого княжества Литовского Льва Ивановича Сапеги, основавшего и больницу, и православный храм. Заслуги его признаются в современной Республике Беларусь: в его честь в 2010 году выпустили монету достоинством в 1 рубль. Мы следуем в книге неисповедимыми путями от первой в нынешней Белоруссии церкви святой Богородицы «во граде Друцке», возникшей в 1001 году, дорогами полоцкого князя Всеслава Чародея, Владимира Мономаха в бытность его князем черниговским, возносим молитвы у иконы Божьей Матери Бельничской, погружаемся в период первого раздела Польши, в период преследования Православия и навязывания «латинства», в страшные годы расстрела трёх тысяч священников по постановлению троек НКВД, вчитываемся в услышанные на небесах молитвы о восстановлении храмов в наше время.

Николай Михайлович Коняев (1949-2018) – автор десятков великолепных книг: художественных, исторических, биографических, православных. Но я хочу поделиться своими впечатлениями от книги «Купола над Друтью», которая столь же волнующа для меня, сколь высока её значимость в истории Православия и истории Белоруссии, России и Европы.

Маленькое отступление

Слово Друть я слышала с самого раннего детства, родившись в деревне Хомичи Быховского района Могилевской области. Берег реки Друть в течение лета был местом игр и купания в стремительных водах глубокого притока Днепра, как взрослых жителей деревни, так и детей. Путь из деревни к реке пролегал через огромный цветущий луг, который обычно в конце июня полностью скашивали, а трава и цветы вновь подрастали. Друть быстро бежала по этому лугу, а через некоторое время пробивала себе путь, приближаясь к высокому берегу в трех-четырёх километрах от деревни, и почему-то это место называлось Городок, здесь больше всего деревенские рыбаки ловили щук. Заядлым рыбаком был и мой отец, который ходил на рыбалку рано утром, так что, когда мы, трое детей, просыпались, на столе уже стояла большая сковорода с жареными карасями, речными окунями или щукой.

Мы, дети, часто ходили играть в Городок, где не было никаких построек, а было очень уютно: мягкая трава с белыми ромашками и синими колокольчиками, всегда свежий ярко-зелёный щавель,

рядом берёзовая лесополоса с первой земляникой, а чуть позже – первыми грибами лисичками. Сидя на высоком берегу Друти, смотрели мы, дети, на бесконечный луг с редкими кустами ивы или ольшаника и наслаждались дивной красотой пейзажа. Весной река Друть разливалась, полностью затопляя эти огромные луга, и в ясные солнечные дни вода обретала оттенок яркой синевы и казалась морем, будила самые смелые фантазии и мечты. Вот почему с таким волнением в душе я слышу слово Друть.

Моя мама знала бесчисленное множество сказок и народных притч, мифов, легенд, многие из которых я слышала, когда мы шли с ней по тому живописному лугу, о котором я сказала выше, за щавелем, разнообразившим деревенскую еду. Среди её рассказов один особенно запомнился мне: об озере с топкими берегами среди этого луга, которое называли Бязоднае, то есть без дна, потому что никто никогда не доставал его, а на закате на берегу Бязодного можно было услышать звон церковных колоколов, идущих от того города, который будто бы находился под толщей воды. И мне часто казалось, что стоит только прислушаться, как я услышу звон колоколов над Бязодным, над цветущим необъятным лугом, над бурливой с омутами Друтью. Позже я прочла легенду о граде Китеже, но навсегда в моём сознании эта легенда осталась и живёт в связи с озером Бязодным около моей родной деревни. О детстве на берегу Друти написана, но не издана книга «Колокола над Друтью», и потому ещё и по этой причине я так разволновалась, прочитав название «Купола над Друтью». К этой книге и возвращаюсь.

Друцк в контексте мировых событий

Николай Коняев предметом своих исследований сделал город Друцк, расположенный в современной Витебской области, соседней с моей родной Могилевской. Друть берёт свой исток в Толочинском районе, протекает через Могилёвскую область, а устье её – в Рогачёве Гомельской области.

Поместив Толочинский Свято-Покровский монастырь в контекст истории земли Белорусской, в контекст сменяющихся друга событий мирового масштаба, писатель находит возможность дать нравственную оценку участникам событий. Вот Владимир Мономах, который рассуждает о бедствиях междоусобной войны между русскими князьями: «не осуждайте, дети, меня, ведь не хвалю я себя, своей смелости, но хвалю Бога и прославляю милость Его. ... Столько лет хранил от смертных опасностей и не ленивым меня, дурного, создал на всякие дела человеческие годным».

На фоне льющейся крови, смертей, выжигания земли, целых городов, звучат слова о человечности и отстраивании городов заново, чтобы стать им центрами торговли и всяких ремёсел, или оказаться на периферии истории.

Сквозь затянутые дымом пожарищ дали истории проступают имена. Так, например, «Хроника Быховца», названная по имени помещика Александра Быховца, в имени которого была найдена историческая рукопись, изданная в 19-м веке Теодором Нарбутом, а затем включённая в 17-й том «Полного собрания русских летописей», изданного в 1907 году. Хроника украшена изображением караса и круга, разделённого на четыре части – таинственными символами мистической географии и судеб, как отдельных народов, так и конкретного человека, вселенское требования от него двигаться дальше, перемещаться не только в пространстве, но и в личном развитии.

Толочин

В 15-м веке растворяется в водах истории имя Друцка и выплывает имя Толочин, сквозь который пролегли торговые пути Москва – Смоленск – Могилев – Минск – Варшава.

Межа, лён, кожи, пеньку, воск везли купцы в Западную Европу, ввозя ткани, гвозди, бумагу, пряности...

И выплывает в эти времена имя великого канцлера ВКЛ Льва Ивановича Сапеги, имя которого мне также знакомо со времени моей юности, когда семья наша стала жить в Быхове, где уже другой берег манил нас – берег Днепра: летом для купания, а зимой – лыжами и санками, чтобы скатываться с высокого берега на начинающийся от него луг Днепра, в который впадает бегущая по краю Быхова речка Сапезинка, возможно, давшая имя князьям Сапега, построившим в Быхове замок, остатки

которого так будили наше детское воображение, особенно, кто был не безразличен к истории. Сын Оршанского князя, Лев Сапега, начинавший карьеру с простого писаря, становится великим канцлером, чтобы строить, и возводить, и развивать свой край. Мощный ум его привёл его к власти, чтобы понять, что ему дано творить историю, думать о расширении политических и культурных пределов, мечтая о единении славянских народов в результате объединения Польши, княжества Литовского и Московского царства.

После смерти Стефана Батории Сапега предложил на трон Речи Посполитой московского царя Фёдора Иоанновича. Трудно переоценить составленный им Статус ВКЛ (Великое княжество литовское), главное дело великого канцлера, стража законопослушности, ограничений для монархов, кому «разум не является врагом», стража справедливости и противостояния ополячиванию и окатоличиванию княжества Литовского. Этот благородный Литовский статус действовал до 1840 года, когда сменило его российское имперское законодательство.

Личность Сапеги могла быть отнесена к тем, кто успеваеет иногда остановить ход неотразимых событий, к тем, кто понимает, какое значение может иметь одна личность, и в то же время к тем, кто понимает, что эти события могут показывать, как ничтожны силы одного человека, если на дороге становится то, чему суждено быть.

Икона Божьей Матери Бельничской

Уникальны страницы книги, где Николай Коняев описывает историю одной из самых любимых в Белоруссии икон – Божьей Матери Бельничской. По преданию после разгрома Киева Батыем несколько монахов унесли с собой древнюю икону византийского письма. Дойдя до берега Друти, они остановились на ночлег. Ночью они увидели чудо – от иконы исходил свет, и тогда они поняли, что здесь нужно остаться и построить храм. Местечко получило имя Бельнич, что означает: белые ночи, освящённые светом Богородицы. Образ Одигитрии (Путеводительницы) несказанной красоты. Спис этой иконы оказался в Свято-Покровском монастыре. И вот чудесные слова тропаря: «Радуйся, могилёвская земле, слава бо Господня на тебе возсия; възграйте, холмы бельничские, весельем прослався, бо тамо икона Богоматери, ликуйте, людие, и веселитесь, богатство бо не скудное даровалось нам, исцелений сокровище, гласы, якоже трубы, возшумите, прославляюще чудеса Владычицы преславной, радуйся, Богородице дево, от Бельничския иконы божественный свет и чудеса нам источающей».

Из глубины столетий идёт к нам это молитвенное песнопение, всегда помогавшее выстоять перед невзгодами и драматическими событиями, которые обрушивались на людей, тайно сохраняющих в себе хоть каплю небесного в земных пределах

Болят ли голова от поклона

«Будь тверд!» – призывал в стихах белорусский поэт Якуб Колас, отражая в поэтических строчках историю войн на территории современной Белоруссии, а также народный менталитет, формировавшийся в условиях принадлежности к разным княжествам, царствам: «Не уважай тех, кто говорит, что голова не болит от поклона».

Сын Льва Сапеги Казимир умер в Бресте от чумы в 1656 году, но в отличие от отца не был приверженцем православия и не наполнил жизнь свою историческими делами, склоняя голову в поклоне перед властью предрержавшими: на мраморной плите надпись: «... Князь быховский, сапежинский, вице-канцлер ВКЛ, префект оршанский, волпянский, березский» – это всё лишь свидетельства богатства и близость к королевской особе, но никакими свершениями они не наполнены.

Тягостным, трагическим, глубоко познавательным и поучительным уроком истории является Жебровский иезуитский проект «Об уничтожении греко-российского вероисповедания», представленный в 1768 году государственным чинам. Этот проект был найден Николаем Коняевым в Российском государственном архиве древних актов в фонде «Общества любителей духовного просвещения».

«...Поставить себе в обязанность, чтобы греческое вероисповедание, латинскому противное, всячески выводить то презрением, то преследованием, то притеснениями тех, которые держатся оно...»

«И дела без помех пойдут своим порядком, чем с большею для нас пользой, тем значительнейшим для России вредом». «Чуждаться русского, не заводить с ним дружбы, зажиточных русских довести до нищеты и невежества, чтоб им выставляемы были на вид их суеверия».

Не правда ли, антироссийский проект Збигнева Бжезинского имел предшественника иезуита С. Жебровского, он важен для осмысления тех процессов, которые происходили на территории Речи Посполитой в 18-м веке, а тем более для понимания того, что происходит в польско-украинско-российских отношениях сейчас. А вот наследник Жебровского – Бжезинский: «Тот, кто правит Восточной Европой, владеет Сердцем земли. Тот, кто правит Сердцем земли, владеет Мировым Островом (Евразией). Тот, кто правит Мировым Островом, владеет миром».

«Чистая безделица без благонравия»

Возвратимся к мудрой книге Николая Коняева, к тем страницам, которые посвящены пребыванию в Толочине Дениса Ивановича Фонвизина в 1777 году, когда он ехал в Париж по дипломатическим делам, умнейшего человека, считавшего ум «чистой безделицей» без «благонравия» – ценнейшего качества человека, благодаря которому проявляется сущность по-настоящему мужественных людей. Да, иметь совесть и благонравие – это удел мужественных людей. Эти черты трудно найти среди царственных особ.

Вскоре за Фонвизиним проследовала через Толочин императрица Екатерина Вторая, в Могилёве встретившись с Иосифом Вторым, когда между ними произошла беседа о том, что если бы Россия вернула себе Константинополь, а Франц Иосиф обрёл Рим. И хотя они сошлись на том, что пусть всё останется так, как есть, но уже в 1791 году перед вторым разделом Польши Екатерина ввела понятие осёдлости, произведены были действия, в результате которых территории, исторически населенные русским православным народом, отошли к Австрии или остались в Польше, и православные испытывали там колоссальные гонения, так как Екатерина Вторая согласилась на ограничения их прав.

«Здесьняя история, – писал Коняев, – составленная из случайных встреч, остановок, наполненных толчеёй не связанных между собой событий, не только не рассыпается на разрозненные факты, но и сама выстраивается в единое целое, где невозможно изъять ни одно событие без ущерба для общей конструкции».

Наполеон в Свято-Покровском монастыре

Известно, что Наполеон останавливался в Толочине, где были сожжены знамёна великой армии, и архив, и переписка его сильными мира сего, а бронзовые, позолоченные орлы утоплены в Друти.

Писатель Коняев подробно останавливается на народных мифах и легендах о пребывании французов на территории современной Белоруссии, о сожжённых деревнях и городах, как бежало население в леса, зарыв в землю свои вещи, так как грабили их отступающие французы нещадно. «Паели поганые собак ды катов, усих ворон ды усялякую погань ... Збираюць червяков, жуков, слизняков, каб хоть гэтую пошкуддзю набить сабе лаптух».

Сегодня в помещении, где останавливался Наполеон, находится монастырская канцелярия и архив, собранный игуменьей монастыря матушкой Анфисой.

Сохранились документы, в которых идёт подсчёт всего вывезенного из сожжённого Толочина и Толочинского монастыря, где перечисляются огромные суммы оценки награбленного Наполеоном: зерна, вин, водки, мёда, скота, труб холста, сукна, шуб, посуды, инструмента.

Немало времени понадобилось для восстановления монастыря после опустошительного отхода наполеоновских войск.

Далее писатель останавливается на личности Александра Первого, соглашаясь с А.С.Пушкиным: «властитель слабый и лукавый...». «Величайшие возможности, которые предоставила Александру Первому история, – писал с сожалением Николай Коняев, – он так и не сумел использовать на благо российской империи», не желая менять окружение, отказываясь искать сильных людей, способных проводить реформы, которые дано было воплотить Николаю Первому.

Возвращение Православия

Именно Николай Первый начертал резолюцию о возвращении Православия в Западных областях российской империи, о выходе из униатской церкви, где «отзывались о России с презрением, не зная россиян; не зная их истории, обычаев, языка, литературных произведений, а слово «москаль» было обыкновенным изъявлением презрения». «Нам дано новое бытие, – произнёс тогда викарий Брестской епархии Ф.Тупальский, – соблюдение обрядов нашей веры». В 1839 году Свято-Покровская церковь вновь стала Православной.

Не обходит вниманием писатель и польский вопрос, который А.С. Пушкин в образной форме выразил в 1831 году в стихотворении «Клеветникам России»:

О чём шумите вы, народные витии,
Зачем анафемой грозите вы России?

«Что была Польша, когда Наполеон и французы пришли туда? Песчаная и грязная пустыня», – говорил Николай Первый. И автор книги заметил: «И поэт, и монарх ищут ответ, почему Европа кипит ненавистью к России, отчего она готова по отношению к России на любую несправедливость и неблагодарность?» Ни поэт, ни монарх не могут найти ответа, так как он не заложен в «общеевропейских ценностях».

Белорусское барокко

Подробно останавливается Николай Коняев на описании красоты архитектурного решения Свято-Покровского монастыря – яркого образца позднего белорусского барокко. Главная черта этого стиля – две рвущиеся в небо башни, плавные линии, часто изогнутые и смягчающие контуры фасада, строгая зеркальная симметрия, пилоны, оформленные ордерными пилястрами. Фасад имеет волнистую форму за счёт вогнутостей простенков. Внутреннее оформление храма – это особая утонченность, сложно профилированный ордер, двойные арки, пилястры хоров – свёрнутые свитки, – в общем, монастырь – один из шедевров белорусского барокко. Радует сердца белоснежный храм с золотыми куполами в небесной сини! Восстановление его стало возможным благодаря Вячеславу Адамовичу Заренкову и его помощникам, преобразившим монастырь трудом и талантом народа, перенёсшего столько страданий, наполнив, как написал Николай Михайлович, «небесным звучанием музыки белорусского барокко, воплотившую в себе красоту Православия».

Восстановлен не только Свято-Покровский храм, но и построена вновь в 2001 году церковь Рождества Богородицы. Между храмом и древним городищем планируется посадить Райский сад с деревьями, что в Библии описаны.

Выковав себе подкову в музейном комплексе старинных народных ремёсел, писатель стал размышлять о территории нынешней Белоруссии, которая на протяжении последнего тысячелетия то и дело становилась центральной ареной политических событий и краем Православного света. «Белорусское население неуклонно вытеснялось католиками и евреями, – писал Николай Коняев, – из более цивилизованных и приспособленных к жизни городов в вёски, которые бесконечные болота засасывали в себя».

Сейчас ситуация изменилась. Великолепные дороги и мосты через реки пролегли по республике. Писатель заканчивает своё повествование рассказом о дороге полковника в отставке Анатолия Владимировича Редько, её называют Толиковой дорогой, потому что он её сам на свои средства построил, длиною в три километра, и также мост через реку Бобр, потому что очень это место любит, он здесь родился.

С чувством благодарности писателю заканчиваю я чтение книги Николая Коняева, с ощущением прорастания духовного зерна в живой и свободной моей родной земле, где возрождаются белые храмы с золотыми куполами в небесной сини, где бытийный мир не отделяется от православного устройства, где злые мирские пагубы одолеваются отеческими заветами.

Критика

Марина Маслова

Маслова Марина Ивановна, кандидат филологических наук, преподаватель Курской православной духовной семинарии.

Родилась в крестьянской семье 10 мая 1970 года в с. Покровское Октябрьского района Курской обл. В 1994 году закончила Курский педагогический институт, факультет русского языка и литературы. Работала в гимназии № 44 г. Курска. В 2000 году защитила диссертацию по творчеству Марины Цветаевой. Преподавала русский язык (как иностранный) в КГТУ (ныне ЮЗГУ). С 2004 года до сего дня – преподаватель церковнославянского языка на иконописном и регентском отделениях КурПДС. Сфера филологических интересов: русская литература 19-20 веков, современная проза курских писателей, традиции фольклора в русской литературе, религиозные мотивы в литературе. Автор монографии «Мотив родства в творчестве Марины Цветаевой» (Орел, «Вешние воды», 2001) и более 20 статей (публикации в Москве, Санкт-Петербурге, Орле, Пскове, Липецке, Курске, а также в Горловке (Украина)). Член редколлегии научно-богословского и церковно-общественного альманаха «Микрокосмос» (Миссионерский отдел Курской епархии РПЦ). Постоянный участник проекта «Курский текст в поле национальной культуры» (Курский госуниверситет, кафедра филологии). С 2008 года - автор публичных лекций по церковной гимнографии и русской литературе в Школе Православия (Курская епархия); лекции 2014 года размещены в сети Интернет.

Печатные труды: «О «христианском духе» русской литературы»; «Православное мировоззрение как предмет искусства».

Оберег души живой

К пониманию духовного смысла былички Татьяны Грибановой «НАСТЁНИНЫ “АНТАРКИ”»

Века протекали чередой, красота же моя не вяла.
Т. Грибанова,
«Настёнины “антарки”»

Ах, если бы...
Если бы старел этот портрет,
а я навсегда остался молодым!
О. Уайльд,
«Портрет Дориана Грея»

Раз уж «Настёнины “антарки”» означены автором как быличка, вначале следует сказать несколько слов об этом жанре. Потому как нечасто встречаются в нашей современной литературе произведения подобного свойства.

Традиционно *быличка* – это разновидность мифологического или демонологического рассказа.

Братья Борис и Юрий Соколовы в «Сказках и песнях Белозерского края» указывают, что слово это обычно прилагается к «небольшим рассказам о леших, домовых, чертях и чертовках, полувериях, колдунах – одним словом, о представителях тёмной, нечистой силы».

Сегодня исследователи фольклорных жанров уточняют:

«В быличках языческие представления соединены с христианскими. Сюжеты быличек строятся на стремлении демонического существа причинить человеку вред... Вместе с тем демоны могут быть нейтральными к человеку и даже помогать ему... Демоны появляются неожиданно в “нечистое” пограничное время года или суток – на Святки, в купальскую ночь, в полдень, в полночь, перед рассветом, после заката солнца; в пустынных и опасных местах (пустоши, лесные дебри, болота, перекрёстки безлюдных дорог и др.). Промежуточное положение между демонами и людьми занимают ведьмы и колдуны, умеющие по собственной воле вступать в контакт с нечистой силой. Народные демонологические рассказы нашли отражение в художественной литературе» (Зуева Т.В.).

У Татьяны Грибановой почти все условия бытования жанра былички соблюдены: умерла Настёна в ночь под Ивана Купалу, что гарантирует её переход в «пограничное» состояние между демоном и человеком. При этом уже изначально её причастность к «инобытию» обуславливалась обладанием волшебными серьгами из янтаря («антарками»), дарующими вечную молодость и красоту своей обладательнице. Наконец, и факт этой причастности объясняется биографическим эпизодом *отпадения* от Бога, утраты связи с христианской традицией по причине смертной тоски, невыносимой настолько, что героиня преступает черту смирения и впадает в смертный грех отчаяния, внешне выразившийся в попытке самоубийства. Именно у этой пограничной черты, между жизнью и смертью, на краю глубокого омута и возникает рядом с Настёной некий посланец иного мира, таинственная «баушка».

«Ну, так вот, значит, уж и совсем, было, помрачилась я умом после Прошенькиной смерти... под Успенье, возвратясь от обедни – уж я толковала, толковала в церкви с Боженькой, уж просила-молила понять, простить меня грешницу, – не доходя до избы, повернула на омуток. Уж и камушек верёвочкой сермяжной обвязала, уж и на крут бережок взошла, один-разъединый шажочек осталось ступить, сигану, думаю, и – конец моим мучениям. Но тут, откуда ни возьмись, раздвигаются кусты краснотала, и заступает мне тот крайний шажок старая старушонка. Пригляделась: что за диво? Вовек в нашей округе таковской не видывала. А она – хват за камушек, да меня – в охапку...»

По канонической христианской традиции, в момент готовности к суициду человеку обычно является посланец тёмных сил, зовущий и подталкивающий омрачённую отчаянием душу к краю бездны небытия. Фольклорная традиция эти нюансы смягчает, присваивая запредельным гонцам весьма доброжелательные по отношению к человеку мотивы. Тем более, если импульсом к самоубийству служит какая-нибудь «уважительная» (с культурной – но не духовной – точки зрения) причина.

Настёна оплакивала погибшего возлюбленного и протестовала против нежеланного замужества. В народно-поэтической традиции это всегда благородный мотив.

«А горемышная девица, хоть и знала, что грех неотмолимый, а только невыносимо тошен стал ей белый свет, дак она, горлинка, и в моток сигала, и всякими другими-разными приспособленьями пыталась лишить себя растреклятой своей жистюшки. Но, как говорится: кому утопиться, тот не повесится. Знать, была Настёнка у Господа за любовь свою неизбывную на каком-то особливом счету, не дозволил Он с девицей смертной смертушке приключиться».

Поэтому загадочная «баушка», ниоткуда возникшая и внезапно исчезающая, спасает Настёну не только от самоубийства, но даже и от могущих случиться впредь посягательств на её девичью честь.

Как только вдевает Настёна серьги в уши, уже никто не может прикоснуться к ней без её воли и желания, пока она сама не встретит «суженого», с которым захочет соединить свою жизнь. При этом янтарное украшение гарантировало и вечную молодость, вечный расцвет врождённой, природной Настёниной красоты. Абсолютно очевидна здесь функция оберега. И в православную систему воззрений этот предмет вряд ли вписывается. Так что Настёна, надевая «антарки», оказывается в пограничном состоянии между мирами, не на земле (где все смертны) и не на небе (где чистая духовность). Ношение амулета (оберега) делает её духовно зависимой от неких таинственных незримых сил, природы которых она не знает. Потому христианская вероисповедная традиция здесь существенно редуцируется, что, в общем-то, абсолютно естественно для фольклора. И потому рассматривать образ Настёны в категориях канонического христианства уже не вполне корректно. То есть

нет нужды говорить о «духовной смерти», «продаже души дьяволу» и прочем. Этот художественный образ подчиняется законам того литературного жанра, в котором он создан, и по этим законам его можно «судить», то есть давать моральные оценки её поступкам.

Для чего Настёне нужен был оберег?

Хранить и оберегать её чувство любви от посягательств внешнего мира.

Что дал ей этот оберег?

Опыт долгой земной жизни, который, в свою очередь, даровал ей понимание, что любовь «нешутошная» ей уже была дана, и оказалась она «одной-разъединной», не повторяющейся.

Казалось бы, зачем ей жить на земле, если возлюбленный Прошенька там, за земным пределом? Лучше соединиться с ним, уйдя из земного бытия. Она это и хотела сделать. Добровольно, самочинно, бунтарски. Против воли Давшего ей жизнь.

Кто удерживает её у края омута? Какого свойства эта сила? Кто послал этого сверхъестественного гонца?

Фольклорный жанр даёт здесь смутные, неопределённые ответы, предлагает некие очертания явлений, свидетельствующих о «потусторонности», но не акцентирующих полюс духовности.

И хотя на Ангела-хранителя странная старушка у Татьяны Грибановой не весьма похожа, всё-таки однозначно отнести её к «нечистому» полюсу нельзя. Хотя бы потому, что в христианской агиографии нередко встречается образ странного старичка, помогающего заблудшим и впоследствии узнаваемого на какой-нибудь иконе в облике святого. Да и в современной православной литературе особенно распространены истории о том, как, например, Николай Угодник, неузнанный в образе старца или простоватого ласкового старичка, помогает людям.

А поскольку быличка не обязательно повествует о встрече с демоническим существом, но обязательно о событии сверхъестественном, то это сверхъестественное вполне может быть вписано и в контекст взаимодействия сил высшей и низшей духовности, из коих одни пугают человека, другие помогают ему.

Так что, допустим, Настёна была подвергнута *духовному испытанию* посредством получения неких магических способностей, заключённых в конкретном предмете (серьгах). То есть Бог *попустил* ей это искушение через ту самую «баушку».

На наш взгляд, испытание это она выдержала. Не то чтобы сразу обозначилась её добродетель, нет, соблазн, конечно, был. Но сердечные устремления её оказались в итоге чисты.

Ведь смысл у дарованного ей оберега был не «шкурный», не для земного благополучия он давался Настёне. Иначе бы обещанные «баушкой» земные блага Настёна получила сполна: и суженого встретила бы, и деточек родила, и внучков вынянчила. Но ничего этого не произошло.

Для чего тогда обещалось ей всё это?

Думается, для того, чтобы воспитать её душу.

Она внутренне жаждала всего того, что обещалось ей через волшебство «антарок». Надень – и будешь счастлива!

И она надела.

Это первая часть испытания-попущения, где герой всё-таки соблазнился. Прохождение через подобный соблазн традиционно для русских сказок. Можно, к примеру, «Царевну-лягушку» вспомнить, где Иван получил запрет на обнаружение тайны, но всё равно нарушил его.

Не ешь, не пей, не смотри, не надевай (или: не снимай)! – сколько таких запретов в сказках, и всегда они поначалу нарушаются героем, чтобы сказка могла показать нам путь возмужания души.

Вот и в быличке Татьяны Грибановой волшебство работает, пока серьги в ушах. То есть героиня сама делает окончательный выбор: снять или не снять? Быть или не быть духовно живым человеком?

Вечная земная молодость и красота, сберегаемые «антарками», в конечном смысле оказываются лишь воспитательной мерой для женщины, вовсе не обеспечивая ей счастье и удовлетворение обрётённым.

«Помыкавшись» на «этом свете» без своей «распропащей любви», Настёна осознаёт неизбежность принятия своей судьбы (если угодно, своего креста), неотвратимость Божией данности. Устав «маяться без своей половиночки», она отказывается от оберега, принимая уже смиренно свою обречённость на единственность «настоящей любви». Сколько бы времени ни жила

она на свете, оставаясь молодой и соблазнительной для других, сердце её уже никого не могло впустить в себя, кроме когда-то уже впущенного туда Прошеньки. И ведь она даже сама об этом не сразу догадалась, надеясь на чудодейственные «антарки». Ведь пообещала же таинственная «баушка»:

«Пока антарки будут при тебе, будешь ты хозяйкой своей судьбы и никто и никогда не выдаст тебя за нелюбимого. Несчётные годы будут опадать, как листва по осени, а ты будешь всегда оставаться красивой и молодой. А жить на этом свете будешь до тех пор, покуда не сыщешь для себя человека по сердцу, пока не народишь от него деток, пока не вынычнешь от них внуков...»

Ведь не усомнилась же Настёна в этой гарантированной ей «антарками» позитивнейшей жизненной программе, охотно приняла её:

«Века протекали чередой, красота же моя не вяла...»

Но что-то не «срабатывало» до конца, не открывалось сердце для другой любви, хотя и обещала ей эта любовь и счастье материнства, и ласку внуков. Такая вот странная была духовная «амбивалентность» оберега: хочешь быть счастливой на земле – забудь о том, кто был дан тебе для вечности. Но Настёна забыть не сумела...

«Помыкалась я, помыкалась на этом свете, всё пыталась сыскать своего суженого. Только, знать, один-разъединый разочек даётся человеку настоящая любовь. Остальное всё так, прилюбочки. Я-то ведь после Прошеньки и взглянуть ни на кого другого так и не взглянула... А как разуверилась в своих поисках окончательно, как поняла, что никогда уже не встречу мне свою распрощающую любовь, устала я маяться без своей половиночки, вынула из ушей баушкины «антарки» да за ненадобностью и запрятала их на самое донце сундука.»

Выходит, оберег не счастье ей гарантировал, а «разуверение» в нём, понимание его невозможности, этого земного счастья(или скорее некоторой даже ненужности, избыточности его), если сердце человеческое уже причастно благодати вечной Любви.

Эта Божественная благодать дана была Настёне и Прохору именно в силе и крепости их земной любви. Не телесного притяжения, нет... А в силе преданности, верности, готовности любить до конца. Ведь именно это свойство отличает истинную, евангельскую любовь – «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (1Кор. 13, 8).

Вот, хочется здесь ещё одно произведение современной литературы вспомнить...

Как в рассказе М.Н. Еськова «Наречённая» героиня после одного Мишкиного поцелуя уже навсегда осталась «нетронутой», не имея в сердце призыва искать замену неразделённой первой любви, так и Настёна, чьё сердце однажды ёкнуло при виде пастуха Прохора, уже не могла заставить это сердце ёкнуть во второй раз.

Однако преодолеть первоначальное отчаяние, когда Прохора не стало, героине было непросто. Автору понадобилось тонкое соединение волшебных мотивов былички с едва угадываемой концепцией христианского смирения, вводимой в контекст повествования через такой художественный образ, в котором не сразу различишь намёк на терновый венец. Однако...

Рассказывает Настёна:

«– Это что ж ты, такая-разэдакая, удумала? – бранится бабка, а сама – боком-боком оттирает меня подале от крутояра.»

– Ох, и невозготу мне, баушка, опостылел белый свет, пусти свершить, что уздумала, – Христом Богом прошу я старуху, а сама рвусь-кидаюсь к обрыву.»

«Никак ей, маленькой-горбатенькой, не справиться со мной. Вынула она тогда из своих когда-то жуковых, а теперь уже осыпанных густым инеем волос частый терновый гребень и, не спросясь, воткнула его чуть повыше моего накосника. Тут я, на удивление, вырваться-биться перестала...»

Деревянный или костяной гребень в волшебной сказке мог быть атрибутом ведьмы, злой колдуньи. В языческих заговорах гребень был амулетом, сохраняющим красоту.

Татьяне Грибановой удалось найти такой образ, который, сохраняя всю волшебную атрибутику фольклорного сказа, одновременно создаст новый уровень, незримый метатекст, где героиня будет действовать уже в пространстве духовной реальности, осеняемой Крестом...

«Частый терновый гребень» вместо венца невесты получает Настёна от своей старушки-«спасительницы»!

И этот прообраз тернового венца уже навсегда оградит её девичье «сердечушко» от любых посягательств: «... а как маленько поутихла, всю беду-горе спасительнице своей и выплакала: так, мол, и так, нет мне жисти, родная, теперя без Прошеньки, истерзалось сердечушко от одной мысли, что пойду под венец с разнелюбым».

И не пошла уже никогда...

Подаренные ей затем старушкой серьги-обереги уже ничего не могли изменить в её судьбе. Они могли только сохранить её молодость. Смирившись под терновым венцом, Настёна отныне стала земным воплощением нетленной девичьей красоты, ожидающей «суженого».

И так же, как Мария Пчёлкина в рассказе Михаила Еськова, невольно стала невестой Небесного Жениха, уйдя из жизни безбрачной, Настёна тоже не стерпела нетленной своей молодости на земле, предпочитая вечное девство. Может быть, даже в небе...

* * *

Поскольку быличка – это всё-таки жанр устного народного творчества, следует оговориться, что произведение Татьяны Грибановой скорее стилизовано под быличку, по сути являясь рассказом-притчей. В согласии с пониманием нашим содержания и духовного смысла этого произведения, мы назовём его притчей о вечной любви.

Тем не менее, об основных стилистических и функциональных признаках былички нам здесь следует вспомнить, чтобы продолжить разговор о произведении современного «постфольклора», каким являются «Настёнины “антарктики”».

Исследователь жанра былички Е.Е.Левкиевская пишет: «Быличка, как законченный текст в её “классическом” виде, представляет собой двучленное высказывание, полнота и законченность которого в равной степени создаются и говорящим, и слушающим».

Для нас это означает, что полноту содержания былички Татьяны Грибановой мы тоже в известном смысле создаем сами. То есть наше толкование её текста и есть «создание законченности» классической былички.

Далее тот же учёный пишет: «Двучленность былички заключается, прежде всего, в том, что на говорящем лежит функция рассказывания типологически адекватного повествования, своего рода – «картинки», соответствующей той или иной семантической модели, известной в данной традиции... Однако обязанность “отождествить” представленную “картинку” с возможным именем-идентификатором лежит отнюдь не на рассказчике (как думают многие наши фольклористы), а на слушателе...»

Это замечательные слова! Они позволяют нам смело толковать произведение в жанре былички, потому как современный читатель и есть тот самый «слушатель», на котором буквально-таки лежит обязанность соединить «картинку» с её возможным «в данной традиции» толкованием.

Другой историк фольклора говорит об этом ещё более убедительно: «Историю для того и рассказывают, чтобы собеседник отреагировал на неё и сам объяснил или объявил рассказчику, “что это было”, а в качестве доказательства своего понимания привёл аналогичный пример – ещё один рассказ. Состояние удивления или недоумения, с которым сам потерпевший/рассказчик повествует о произошедшем событии, заставляет его на вопрос “А что это было?” отвечать: “А Бог его знает”... Это позволяет предположить, что в традиционном бытовании былички пояснения подобного типа не входят в функции рассказчика. ...По сути, он, наоборот, ждёт, что слушатель вступит в диалог и сам назовёт имя мифологического персонажа или расскажет свою “встречную” историю, тем самым приведя структуру общения в равновесие...» (Мигунова Е.А.)

Таким образом, мы имеем все основания запросто вступать в «диалог» с автором, дополнять его, пояснять и даже предлагать «свою историю», то есть своё понимание услышанного/прочитанного. При этом главной функцией такого «диалога» является не фактическое уточнение авторского рассказа, а культурное взаимодействие, эмоциональное общение.

Творческий диалог писателя и критика, оказывается, *приводит структуру общения в равновесие!*

И действительно: что может быть важнее для литературы, если не приведение в состояние *гармонии, равновесия* человека и окружающего его мира!

А начинается всё с писателя и внимающего ему читателя...

Вот и о быличке фольклористы говорят, что эмоциональные переживания тут важнее всего: «Совместное переживание эмоций... в процессе общения можно рассматривать как самостоятельную (если не основную) цель рассказывания былички».

А если учесть, что «на поздних этапах существования мифологической системы у былички развивается... функция... эстетическая... художественная» (Виноградова Л.Н.), то нам вполне предоставлено право вклиниться с быличкой Татьяны Грибановой в мировую художественную литературу, чтобы поискать в ней «родственников» Настёны.

* * *

Оскар Уайльд в своём романе воспитания, напоминающем моральную притчу, вкладывает в уста героя размышление о том, что у человека «есть предки не только в роду: они у него есть и в литературе».

Тем более это справедливо для литературного персонажа, то есть для нашей Настёны.

Когда читаешь занимательную и в то же время глубокомысленную быличку Татьяны Грибановой, где описывается чудесный портрет героини, почему-то вспоминаешь в первую очередь именно «Портрет Дориана Грея», хотя методологически, типологически, идейно и ещё как бы то ни было связать эти, на первый взгляд, различные по жанру, произведения кажется почти невозможным. Однако это только на первый взгляд...

Почти случайное, тематическое, созвучие с романом Уайльда, возникающее в тексте Татьяны Грибановой при описании портрета Настёны, начинает неотступно тревожить нашу мысль какой-то неявной, но обещающей раскрыться при внимательном к ней отношении, идеей. Эта идея способна объединить современную быличку и с «Портретом Дориана Грея», и с «Портретом» Н.В. Гоголя, и ещё с множеством литературных произведений, где присутствует мотив «живого портрета».

Диапазон реализации этого мотива в литературе настолько широк, что включение его Татьяной Грибановой в свою быличку кажется даже несколько рискованным. Ведь в большинстве литературных текстов он несёт в себе сложнейшую систему антропологических, онтологических, эстетических и других смыслов. Достаточно вспомнить несколько произведений, чтобы наглядно убедиться в этом.

Это насыщенные антропологической проблематикой роман Ч.Метьюрина «Мельмот Скиталец» и повесть Ю.М. Лермонтова «Штосс». Это, опять же, онтологически мотивированная новелла Э. По «Овальная картина» и новеллы Э.Т.А. Гофмана «Артусова зала» и «Церковь иезуитов». Это претендующая на разрешение многих эстетико-философских проблем уже не раз упомянутая здесь повесть Н.В. Гоголя «Портрет». Это повесть К.С. Аксакова «Вальтер Эйзенберг», это новелла О.Бальзака «Неведомый шедевр», новелла В. Ирвинга «Таинственный портрет»...

И это, конечно же, только часть мирового литературного контекста, отразившего интерес писателей к мотиву *живого портрета*.

Чтобы не посвящать этой теме целое исследование, сразу уточним, что в рассказе-быличке Татьяны Грибановой портрет Настёны хотя и «живой», однако никаких эстетико-философских, религиозно-нравственных и каких бы то ни было других культурных категорий этот мотив, на наш взгляд, не подразумевает. Просто он нужен был автору для создания атмосферы чудесного при стилизации литературного произведения под фольклор. Поверхностное созвучие возникает из-за того, что портреты во многих названных выше произведениях *кажутся* живыми, изображённые на них люди неотступно следят за тем, кто смотрит на холст из земной реальности.

Так же «ведёт себя» и портрет Настёны в её хате.

«Куда бы ни отступились мы от портрета, Настёна вослед нам устремляла свои пылающие глаза, стараясь не упустить нас из виду ни на минуту».

Невозможно не вспомнить тут «пронзительно сверкающие» глаза портрета в повести Лермонтова «Штосс». В романе Уайльда «живым» оказывается не только портрет Дориана Грея, но и портрет его матери, которым любитесь герой:

«Краски лица на портрете потускнели, но глаза сохранили удивительную глубину и яркость. Дориану казалось, что они следуют за ним, куда бы он ни шёл».

Точно так же происходит всё и с героями грибановской былички:

«Хозяйка избы безотрывно следила за нашими перемещениями вдоль избы. Куда бы ни отступились мы от портрета, Настёна вослед нам устремляла свои пылающие глаза, стараясь не упустить нас из виду ни на минуту».

Гоголевский Чартков тоже пугается глаз на портрете, которые, как ему кажется, пристально следят за ним. Настёна у Грибановой вообще разговаривает с портрета со своими незваными гостями, хотя голос, конечно, слышится как бы ниоткуда.

Сходство ощущений и восприятий вполне можно усмотреть даже и в эпизодах, где описывается комната, в которой хранится портрет.

Вот, к примеру, эпизод из романа Уайльда:

«Холлуорд в недоумении оглядывал комнату. Видно было, что здесь уже много лет никто не жил. Вылинявший фламандский гобелен, какая-то занавешенная картина, старый итальянский сундук и почти пустой книжный шкаф, да ещё стол и стул – вот и всё, что в ней находилось. Пока Дориан зажигал огарок свечи на каминной полке, Холлуорд успел заметить, что всё здесь покрыто густой пылью, а ковёр дырявый. За панелью быстро пробежала мышь. В комнате стоял сырой запах плесени».

А вот отрывок из «Настёниных “антарок”» Грибановой:

«Изъеденные временем, густо устланные мхом, крылечные половицы чуть дышали. Распахнули мы сенные двери... Пуки трав, берёзовые и дубовые веники, рядками развешенные вдоль проконопаченных паклей стен, изумрудились от плесени. ...Как только луч света забрызгал по стенам низенькой горницы... местная шустрая нечисть – армады мышей и разномастных козляков – ринулась в панике во все стороны, с истошным писком зашныряла под ногами... (...) мы пообвыклись и с немалым любопытством при тусклом свете лампы принялись осматриваться. ...на полгорницы с чугунами-ухватами печка, напротив – Божья долонь – повидавший виды дубовый стол. Несколько покрытых густым слоем пыли табуреток, да под окнами – такие же чумазые, с порушенными мышами-молью домоткаными полавочниками, скамьи...»

Думается, сама Татьяна Грибанова не то что не мыслила о подобных «странных сближениях», а даже, надо полагать, и попыталась бы категорически уклониться, если б заподозрила таковые, нечаянно вспомнив содержание романа-притчи Уайльда. Ведь Дориан Грей – человек «с осквернённым воображением и бунтующей душой». И даже более страшную характеристику даёт автор своему герою: это «мёртвая душа в живом теле».

Героиня грибановских «...Антарок», напротив, душа живая, удержавшаяся на краю гибели, хотя тело её на время было отдано в плен демонического долголетия.

В самом обобщённом и одновременно сжатом виде связь русской былички с английским романом воспитания можно выразить следующим образом: Дориан наслаждается колдовской своей молодостью и тем продаёт душу дьяволу, Настёна же, получив оберег для сохранения вечной молодости, не пленилась им навсегда, но, не найдя своего «суженого» на земле, отказалась от земного бессмертия и сняла талисман.

Дориан Грей погубил свою душу, Настёна свою спасла.

Адресуясь к высказыванию героя Уайльда о том, что «каждый из нас носит в себе и ад и небо», предположим, что Дориан унаследовал ад, а Настёна – небо.

Может быть, кто-то скажет: не пристало такой лёгкий фольклорный жанр, как быличка, нагружать высокими духовными смыслами. На что хочется возразить: неважно, как всё это было автором названо, гораздо полезнее наблюдать, как в итоге это «сработало».

Как заметил тот же Уайльд, «кто раскрывает символ, идёт на риск»; потому, конечно, рискованными кажутся и подобные сопоставления, основанные всего лишь на таких символических деталях, как портрет (воплощение души героя) и серьги-оберег (гарантия вечной молодости). Однако по факту наличия *смыслового параллелизма* в авторском содержании обоих символов вряд ли можно возражать.

«Он всё сильнее влюблялся в собственную красоту и всё с большим интересом наблюдал разложение своей души»; «С портрета на Дориана Грея смотрела его собственная душа и призывала его к ответу» (О.Уайльд).

В быличке не портрет гарантирует молодость (он только отражает её), а серьги из янтаря («антарки»), но оба предмета тесно связаны, неотделимы друг от друга, как причина и следствие. Поскольку «антарки» являются волшебным талисманом, сохраняющим молодость и красоту, изображённая на портрете женщина с этими волшебными серьгами в ушах – выглядит живой, и портрет этот выступает в произведении также предметом магическим.

«...На довольно большом полотне – пять вершков в ширину, пять в высоту, – что примостилось меж лицевых окон на заплесневелой, с осыпавшейся штукатуркой стене, под расшитым дробнённым крестиком полотенцем неожиданно совершенно явственно просматривалась моложавая женщина незаурядной красоты...

Прозеленилось полотенце, изничтожилась рама, но лицо красавицы... не только не облиняло, не покоробилось временем, наоборот! – из-за её пронзительного взгляда казалось живым. (...) Её пронзительный взгляд манил и притягивал, правда, в то же время какой-то пронизывающе-холодный блеск его заставлял отступиться как можно дальше. И ещё! Что за чертовщина? Хозяйка избы безотрывно следила за нашими перемещениями вдоль избы. Куда бы ни отступились мы от портрета, Настёна вослед нам устремляла свои пылающие глаза, стараясь не упустить нас из виду ни на минуту».

Несмотря на создаваемую автором атмосферу присутствия «чертовщинки» в этом эпизоде, Настёна в дальнейшем повествовании не вызывает мысли о своей причастности к тёмным силам. Волшебный оберег она сняла добровольно, предпочитая стать «простой смертной», умереть по естественному закону земных вещей. Этим она и спасла свою душу, вернув её в лоно причастности Творцу!

Этим она и отличается от Дориана Грея, словно бы давая ответ на его вопрошание: *«Разве человек, хоть немного узнавший жизнь, откажется от возможности остаться вечно молодым, как бы ни была эфемерна эта возможность и какими бы роковыми последствиями она ни грозила?»*

Настёна ответила: да!

* * *

В свете нынешних разглагольствований в прозе и публицистике о том, что современная наука обещает человеку почти вечную молодость вопреки естественным законам природы, что достаточно напечатать на принтере новые органы для стареющего организма, и человек будет жить вечно, быличка про «антарки» звучит уже как-то по-особенному современно...

...На фоне всей этой демонической, богохульной словесной шелухи про компьютерный разум, способный заменить человека, героиня Татьяны Грибановой обретает уже черты актуальности гораздо более отчётливые, нежели могло показаться сначала...

Мёртвая душа Дориана Грея может оказаться пределом стремлений для современного человека, если идеология роботизации подавит живую поросль здоровой мысли.

* * *

Вот и тема *вечно живой* любви по-разному реализуется в английском и русском произведениях.

После одного только поцелуя Дориана Грея Сибила Вэйн страстно влюбляется в него, и кончает жизнь самоубийством, когда он оскорбляет и оставляет её. Тот же выход в смерть, как, скажем, и у Шекспира в «Ромео и Джульетте», объяснимый романтической традицией.

Но ведь именно с этого первого предательства любви начинается и страшное падение Дориана Грея.

Русский фольклорный идеализм Татьяны Грибановой выводит её героиню на уровень принятия данной Богом судьбы и хранения верности первой любви без гарантии земного счастья. При этом уже неважно, что вначале было много сказочного волшебства, чертовщинки, и глаза на портрете дьявольски «пылали», а сама Настёна «чётко-чётко, будто и впрямь стояла напротив», требовала непрошенных гостей не трогать её трёхсотлетние «антарки». А потом ещё и сама порушила свою триста лет «нетленную» избу...

Всё равно Настёна, по нашему пониманию, может наследовать ореол мученичества (и даже, может быть, святости) благодаря сохранённому девству, благодаря верности своей «одной-разъединной» «нешутошной» любви.

Любовь бессмертна – не моё открытие, – говорит Татьяна Грибанова уже в комментарии к своему произведению. – Не может она ни за что ни про что сгинуть даже в такой покинутой деревушке, а потому и летит к людям горлинка, туда, где ещё теплится жизнь, несёт Настёны «антарки» в надежде, что кто-то их същёт. Коли парень – подарит своей ненаглядной, коли девушка – примерит, и «вызреет меж ними любовь нешутливая»!

Вот и автор соглашается, что история вышла немного сказочная...

Так что не зря мы тут вспомнили и классическую быличку, и русскую народную сказку, и ещё всякие жанры литературы...

А чтоб ещё раз оправдаться за столь сложную систему привлечённых к разговору ассоциаций, вспомним пушкинское: *Сказка ложь, да в ней намек! Добрым молодцам урок.*

Может быть, стоит ещё вспомнить тут и такую простую истину христианскую, что жить вечно должна душа человеческая, а не брэнное тело...

* * *

И пусть эти старинные словесные кружева, из коих сплетена замысловато-прекрасная быличка Татьяны Грибановой, *не облияют*, не обветшают со временем, храня, подобно портрету Настёны, свою вечную красоту в нетленной русской литературе!

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnordom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байборodin, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/o-nas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эляна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гондарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздня, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас

Лауреаты журнала «Берега» за 2018 год

Проза:

Александр Чумиков. Кам-са-мол. Повесть. Берега № 2 (26), 3 (27), 4 (28)-2018

Александр Лобанов. Ореховое варенье. Повесть // Берега 3 (27)-2018

Княгиня Вера Дмитриевна Лобанова-Ростовская. О российской трагедии XX века. До и после 1917 года // Берега №№ 2 (26), 3 (27), 4 (28), 5 (29) – 2018

Поэзия:

Геннадий Иванов. Стихи//Берега № 1 (25)-2018

Владимир Скиф. Стихи// Берега № 1 (25)-2018

Валентина Ерофеева-Тверская. «Господом мне даровано...» Стихи, Берега 5 (29)-2018

Публицистика:

Анатолий Байборodin. Слово о русском слове. Очерк о любомудрии и красноречии// Берега № 3 (27)-2018

Валентин Курбатов. Несвоевременный современник. К 150-летию А.М.Горького // Берега 3 (27)-2018

Александр Казинцев. Вдохновенная ошибка. «Пушкинская речь» Ф. М. Достоевского// Берега № 5 (29)-2018

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка Маэстро на счет: **63900220 9003003076**.

Стоимость одного журнала — 500 руб. Подписка на год — 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко: dovidenko_L@mail.ru